

экономические и социальные перемены

№ 1 (185)
январь — февраль 2025

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
руководитель научно-методического департамента ВЦИОМ
Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2025. — № 1 (185). — 301 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

А. В. Андреевкова

Нормативность представлений о возрастных границах основных жизненных этапов 3

Л. А. Беляева, К. В. Ракова

Российское общество в 1990—2023 гг.: опыт эмпирической оценки социальной структуры, качества жизни и социально-психологического климата.....29

Н. А. Хоркина, А. И. Наумкина

Особенности физической активности трудоспособных россиян во время пандемии COVID-19: роль социально-экономического статуса 57

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

И. В. Лисовская, А. С. Андреева, Н. С. Соловьева

«Наша задача — завлечь как можно больше молодежи просто для того, чтобы занять ее время»: модели развития ниш агентности субъектов молодежной политики в регионах Северо-Запада России83

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Р. И. Капелюшников, Д. И. Зинченко

Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость.....107

А. В. Короленко

Развитие сферы занятости по оси «центр — периферия»: взгляд глав городских и сельских поселений 130

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: январь — февраль 2025 155

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

А. Г. Санина, А. М. Семенова, Е. М. Стырин, А. Г. Атаева

Цифровое доверие как основа датацентричного управления: результаты опросного эксперимента 168

А. В. Ларионов, О. С. Минченко, Д. В. Щеголев, Э. Р. Титкова, Д. Д. Ребриков
Реестры исполнителей услуг в социальной сфере
как инструменты конкурентного отбора поставщиков 195

В. Ю. Егоров, И. Б. Филиппов, А. С. Ахременко
Войти через Госуслуги? Факторы отношения к сервисам
электронного правительства в социальных медиа 214

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЯ

О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова
Почему российские отцы не платят алименты? Дискурсы разведенных отцов
о матерях, алиментных обязательствах и семейной политике 240

Н. А. Любинарская
Как режим самоизоляции влияет на семейные отношения:
анализ интервью с молодыми супругами 262

МИГРАЦИЯ

П. П. Лисицын, Р. Р. Гибазов
Кибермиграция в объективе миграционных исследований 284

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2685](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685)

А. В. Андрееenkova

НОРМАТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЗРАСТНЫХ ГРАНИЦАХ ОСНОВНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ЭТАПОВ

Правильная ссылка на статью:

Андрееenkova А. В. Нормативность представлений о возрастных границах основных жизненных этапов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>.

For citation:

Andreenkova A. V. (2025) Normative Age Perceptions of Major Life Phases. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3–28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>. (In Russ.)

Получено: 12.09.2024. Принято к публикации: 21.01.2025.

НОРМАТИВНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЗРАСТНЫХ ГРАНИЦАХ ОСНОВНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ЭТАПОВ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия

*E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>*

Аннотация. Представления о возрастных границах и возрастные нормы играют важную роль в формировании календаря жизни людей, их демографического поведения и жизненных стратегий. Анализ представлений о времени наступления трех жизненных этапов — взрослости, зрелости и старости — проведен на основе данных всероссийского опроса населения «Российское социальное исследование (РСИ), Европейского социального исследования, по программе которого проводилось РСИ, и глубинных когнитивных интервью с россиянами из трех поколений. Представления о возрастных границах в России характеризуются средними для Европы медианными значениями возраста достижения взрослости, довольно ранним возрастом наступления зрелости и старости, но при этом широкими интервалами, в пределах которых россияне определяют границы этапов, и низкой консолидированностью мнений. Такая структура обнаружена в большинстве стран Восточной Европы и в Германии.

Как показали глубинные интервью, понимание и интерпретация периодов взрослости, зрелости и старости довольно сходны в трех поколениях россиян и близки теоретическим. При определении границ этапов чаще используется интервальный, нежели дискретный метод, а различия в когнитивном процессе преобразования интервала

NORMATIVE AGE PERCEPTIONS OF MAJOR LIFE PHASES

*Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.),
Leading Researcher
E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>*

¹ Institute for Comparative Social Research (CESSI),
Moscow, Russia

Abstract. Subjective perceptions age boundaries and age norms play an important role in shaping the calendar of people's lives, their demographic behavior and life strategies. The author of this article analyses age perceptions of three life stages — transition to adulthood, middle-age, and old age — in Russia. The analysis is based on the data of a national survey of general population RSS (Russian Social Survey) comparable to the European Social Survey (ESS), and on in-depth cognitive interviews with respondents from three generations of Russians. Age perceptions are characterized by median age of the transition to adulthood close to European average, relatively low median age for transition to middle-age and elder age, but also broad age normative intervals and relatively low consolidation of opinions. The similar opinion structure was found in most East European countries and in Germany.

In-depth interviews confirmed that the understanding and interpretation of the periods of adulthood, maturity and old age are quite similar in three generations of Russians and are close to theoretical ones. When defining the boundaries of life stages, the informants often use intervals rather than discrete numbers, and the differences in the cognitive process of converting an interval into an exact value are quite significant. However, methodological limitations cannot serve as the main reason for the differences in the age-related ideas

в точное значение довольно существенны. Но методические ограничения не могут служить значимой причиной различий в возрастных представлениях россиян, более важны содержательные причины. Структура возрастных представлений о наступлении взрослости, зрелости и старости показывает высокую стабильность при сравнении данных 2006 и 2018 гг. Изменения происходят за счет движения поколений, в результате скорость изменений низкая, а общая система взглядов устойчивая.

Возрастная нормативность, возникающая при высокой и стабильной согласованности мнений в отношении наступления жизненных этапов, в России проявляется слабо. Хотя стереотипы, касающиеся маркеров и характеристик жизненных этапов, могут быть сильны, время наступления жизненных этапов не определяется однозначным образом, что позволяет отодвигать или раздвигать границы жизненных этапов, делает их менее предопределенными. В молодых поколениях нормативность представлений о границах основных жизненных этапов ниже, чем среди старших поколений. В современной российской социокультурной среде возрастные представления о границах жизненных этапов выполняют преимущественно направляющие и ориентирующие функции и лишь в небольшой степени предписывающие, оставляя довольно большой простор для реализации индивидуальных жизненных траекторий.

Ключевые слова: возрастные социальные нормы, представления о возрастных границах, календарь жизни, периодизация жизненного пути, жизненные этапы, взросление, зрелость, старение, межстрановые сравнения

Благодарность. Работа выполнена в рамках гранта РФФ 23-18-00635 «Жизненный

of Russians; substantive reasons are more important. The structure of age norm perceptions in Russia was stable between the surveys of 2006 and 2018. The changes in normative climate are driven by the transition of generations rather than by intragenerational changes, and the general system of views is stable.

Age normativity, which arises with a high and stable agreement of opinions regarding the onset of life stages, is weakly manifested in Russia. Although the stereotypes regarding markers and characteristics of life stages can be strong, the time of onset of life stages is not determined unambiguously, which allows pushing back or expanding the boundaries of life stages, making them less predetermined. In younger generations, the perceived age boundaries of the main life stages are more flexible than in older generations. In the modern Russian socio-cultural environment, age perceptions of major life stages perform mainly guiding and orienting functions and only to a small extent prescriptive, opening the space for the variety of individual life trajectories.

Keywords: age norms, age perceptions, timing of life, periodization of life course, life phases, transition to adulthood, middle-age, older age, cross-national comparisons

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the Russian Sci-

путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е, — лонгитюдное исследование через 30 лет».

ence Foundation, project No. 23-18-00635 “Life course, values, expectations of the generation entering the adult life in 1990x, — longitudinal survey after 30 years”.

Введение

Общественные представления о возрасте, периодизации жизни, маркерах перехода от одного жизненного этапа к другому складываются в процессе социального взаимодействия в рамках конкретных исторических и социокультурных условий. Они помогают ориентироваться в жизни, выстраивать представления о себе, планировать и оценивать свою жизнь — выполняют направляющую функцию. Подкрепленные социальными санкциями и поощрениями, такие представления могут приобретать регулирующие функции и выступать в качестве социальных норм. Возрастные нормы диктуют, что делать и не делать, какую одежду носить, куда ходить, что любить и чего избегать в разных возрастах, а также как оценивать и даже судить других людей. В социальном плане наличие возрастных норм делает жизнь более упорядоченной и предсказуемой, облегчает принятие и внедрение управленческих решений, увеличивает управляемость общества. На индивидуальном уровне такие нормы помогают выстраивать жизненный путь, формировать жизненные планы. Аккумулируя опыт поколений, они становятся основой для суждений о том, что такое «вовремя» и какова будет расплата за «невовремя», чего ожидать и к чему готовиться человеку на разных этапах жизни. Сильная нормативность в распределении жизненного времени увеличивает стандартизованность жизни: громкость «социальных часов» может стать столь оглушающей, что за ней не слышно индивидуальных желаний, планов и выборов, внешние нормативные суждения начинают превалировать над внутренними оценками и чувствами, появляются поводы для возрастной дискриминации.

Эмпирические доказательства существования возрастных норм как высокого консенсуса в представлениях о возрастных границах отдельных жизненных событий на примере отдельных стран были получены еще в 1960-х годах в США [Neugarten, Moore, Lowe, 1965]. Однако регулирующая и санкционная составляющая представлений о возрастных границах пока имеет лишь косвенные эмпирические подтверждения, индивидуальный календарь жизни оказался очень гибким [Settersten, 2003]. Поэтому возрастная нормативность требует более детального изучения и определения.

Социологический подход к изучению представлений и норм о временных границах основных этапов жизненного пути

В научной литературе представления о возрастных границах долгое время обсуждались как психологическая проблема. Несоответствие объективного и субъективного возраста, социальное давление возрастных норм — боязнь «не успеть», кризисы возрастных переходов — ключевые вопросы в этом направлении исследований. Социологическое изучение представлений о возрастных границах стало развиваться лишь в последние годы и открыло совершенно новые перспективы:

жизненно-событийный подход, исследования социальных изменений на индивидуальном и групповом уровне [Андрееenkova, 2024].

Несмотря на то, что возрастные представления базируются на знаниях о физиологических процессах в теле человека, имеют универсальную составляющую, они не одинаковы в разных странах, культурах, исторических периодах, и даже среди разных социальных групп в рамках одного общества [Newman, 2008; Scherger, 2009]. Влияние таких представлений на разные группы тоже неодинаково. Например, давление возрастных норм на женщин сильнее, чем на мужчин [Billari et al., 2011]. Представления о возрастных границах обусловлены самыми разными факторами, в том числе фактическим и субъективным возрастом [Montepare, 2009; Лисенкова, Шпагонова, 2021].

Источниками представлений о возрастных границах могут также выступать юридические нормы. Однако существует и обратная связь — преобразование социальных норм в юридические [Kohli, 1985]. Юридические нормы в отношении возраста меняются медленно. Например, возраст совершеннолетия в Европе закреплён на уровне 18 лет со времен Великой Французской революции, большинство стран, в том числе и Россия, последовали этому примеру, хотя общественные представления не всегда соответствовали таким нормам. Законы о минимальном возрасте вступления в брак были приняты в России в 1920-х годах и с тех пор не менялись [Леканова, 2020]. Возрастные нормы выхода на пенсию были закреплены в законе СССР в 1932 г. и были несколько изменены только во втором десятилетии XXI века [Урюпина, 2018]. Межстрановые сравнения общественных представлений о возрасте дают основания сомневаться в том, что юридические возрастные нормы оказывает определяющее влияние на социальные нормы. Например, несмотря на сходство юридических возрастных норм в странах Европы, а также в России, возрастной климат в разных странах неодинаков [Aassve, Arpino, Billari, 2013].

В последние годы в России стали предметом широкой дискуссии социальные последствия возрастных норм: возрастная дискриминация в старших возрастах в отношении работы [Субботина, Асатрян, 2022] и медицинского обслуживания [Горелик, Колпина, 2014], нормативное давление в отношении возраста вступления в брак и рождения первого и последнего ребенка, возрастные представления о здоровье. Активно обсуждается вопрос, когда наступает старость, изучаются возрастные образы и стереотипы [Зайцева, 2008; Нестерова, Соколова, 2023; Ляликова, Назарова, Карпова, 2023], жизненные этапы определяются через набор реализуемых на каждом этапе событий [Чернов, Змиевская, 2015]. Исследования событийной структуры жизненного пути россиян показывают повышение возраста ключевых жизненных событий, особенно в брачно-семейной сфере [Захаров, 2009; Митрофанова, 2020], тренд на дестандартизацию распределения жизненного времени [Змиевская, Курышева, 2015]. Пока мало изучен вопрос о том, как изменения в реальном поведении и в жизненных выборах согласуются с изменениями в нормативной структуре, предшествуют или следуют за такими изменениями.

В последние годы в России был проведен ряд эмпирических исследований, посвященных изучению возрастных норм в отношении отдельных жизненных собы-

тий и жизненных этапов, заложены основы изучения этого направления. Работа Е. В. Селезневой показала, что субъективными границами молодости в России является интервал 19—28 лет, общая продолжительность молодости составляет 9,45 года, связь представлений о возрастных границах и реального возраста обнаружена не была [Селезнева, 2022]. В опросе ВЦИОМ 2023 г. «возрастной рубеж старости» оценивается в 63 года, с 2017 г. эта граница сдвинулась вперед на один год, связь с личным возрастом сильная: люди старше 60 лет оценивают возраст старости в 68 лет, молодежь до 25 лет — в 58 лет¹. В исследовании группы А. И. Антонова по результатам онлайн-опроса нормативная граница старости определена в 70,7 года, сделан вывод об отсутствии гендерной дифференциации границы старости, среди влияющих факторов — возраст респондентов, их пол и состояние здоровья [Антонов и др., 2023]. В последние годы ученые фокусируются в первую очередь на границах перехода от юности к зрелости и от зрелости к старости, реже предметом исследований становятся границы среднего возраста и взаимосвязь возрастных представлений обо всех жизненных этапах. В работах по оценке стандартизованности жизненного пути и тенденций к дестандартизации были выдвинуты гипотезы о влиянии возрастного климата на скорость и межгрупповые особенности изменений [Андрееenkova, Медведева, 2024]. Но чтобы оценить такое влияние, необходимо определить главные характеристики представлений о возрастных границах, что является задачей этого исследования.

Теоретико-методологические основания изучения представлений о возрастных границах

Представления о возрастных границах и возрастные нормы изучаются в рамках разных социальных наук и научных школ, что ведет к разнообразию и неопределенности в используемых терминах и понятиях. В рамках данного исследования мы используем следующую систему понятий в их взаимосвязи.

Возрастная среда понимается как совокупность демографических, социально-экономических, институциональных, юридических и ценностно-мировоззренческих факторов в отношении возраста разных событий и жизненных этапов, а также поведенческих моделей и жизненных стратегий. Возрастная среда имеет «объективный» поведенческий аспект (статистическое время наступления разных событий, стандартные модели поведения) и субъективный ценностно-нормативный аспект — *возрастной климат*. *Возрастной климат* составляют общественные представления и установки о возрасте — времени наступления разных событий и этапов, событийного содержания жизненных этапов, последовательности событий, соотношения объективного и субъективного возраста, возрастных стереотипов и социальных возрастных норм. *Возрастной климат* характеризуется качественно как благоприятный или неблагоприятный для разных практик и моделей поведения, может быть строгим или мягким в использовании нормативных санкций, включать узкие или широкие определения возрастных границ для разных поведенческих практик.

¹ Жизнь долго, жить хорошо! // ВЦИОМ, 2023. 19 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-dolgo-zhit-khorosho> (дата обращения: 20.08.2024).

В литературе и научных дискуссиях понятия возрастных норм и представлений о возрастных границах часто используются как синонимы. Иногда нормы разделяются на мнения о должном, правильном и знания о реально практикуемом. Мы предлагаем называть *представлениями о возрастных границах* знания, мнения и ожидания о возрастных границах жизненных событий и этапов, установки в отношении идеального возраста для событий, образы и стереотипы в отношении возрастов и жизненных этапов. Представления о возрастных границах выполняют ориентирующую функцию в жизни людей. Если представления о возрастных границах становятся высококонсолированными и приобретают регулирующие функции, они выступают в качестве социальных возрастных норм. Нормативность представлений о возрастных границах при таком определении становится исследовательским вопросом, а не априори заданной характеристикой.

Ключевые элементы возрастного климата — представления о возрастных границах жизненных событий (набор таких событий в разных странах и исторических условиях разный) и жизненных этапов, идеальном возрасте наступления событий, дистанции между субъективным и объективным возрастом, ожидания в отношении продолжительности жизни — жизненным времени. *Жизненный этап* понимается как часть периодизации жизненного пути — фаза процесса физического, психологического и социального развития человека. В исследованиях представления о возрастных границах жизненных событий и жизненных этапов часто рассматриваются вместе, однако источники формирования таких представлений могут различаться, как и связанные с ними факторы. Если в отношении жизненных событий прослеживается сильное влияние личного опыта, подтверждение и отражение субъективных представлений лежит в реальной жизненно-событийной матрице, то представления о границах жизненных этапов субъективны и не могут быть верифицированы извне.

Методология исследования представлений и норм в отношении возрастных границ основных жизненных этапов

В данном исследовании мы ограничимся анализом общественных представлений и норм в отношении основных жизненных этапов — взрослости, зрелости и старости. Характеристиками таких представлений выступают возрастные границы наступления и окончания этапа, перехода на следующий (иногда в литературе также используются термины «порог наступления этапа», «возрастные рубежи»). Характеристиками представлений о возрастных границах жизненных этапов мы предлагаем считать консолидированность мнений на общестрановом уровне, широту представлений о возрастных границах, социальное давление (мягкое или строгое, ориентирующее или санкционное влияние). В рамках данного исследования используется стратегия комплиментарности методов — анализ данных опроса по общероссийской случайной выборке населения и глубинных когнитивных интервью.

Глубинные когнитивные интервью «Жизненное время в восприятии российских поколений». Глубинные интервью были проведены в рамках проекта «Жизненный путь поколения, взрослеющего в 1990-х», с представителями трех поколений россиян: старшего (1949 г. и старше), среднего (1960—1979 гг.) и молодого (1980—

2005 гг.). Всего было проведено 103 интервью длительностью около 45 минут по телефону. В состав участников вошли половина мужчин и половина женщин, половина людей с высшим образованием и половина без него, респонденты из разных регионов страны и населенных пунктов разного размера (см. Приложение 1). Выборка строилась методом случайного отбора телефонных номеров по стране из случайной вероятностной панели. Методика глубинных когнитивных интервью (ТИ — *telephone in-depth interviews*) включает открытые вопросы о возрасте наступления разных жизненных этапов: «На какие отрезки Вы разделили бы жизнь людей? Какие этапы Вы бы выделили? В каких возрастных границах находится каждый из этих этапов? Чем отличается каждый из этих этапов? В чем его особенности? Чем отличается от других (предыдущего, последующего)?», «Примерно в каком возрасте, на Ваш взгляд, люди становятся взрослыми?». Затем следовали когнитивные вопросы о том, как формировались ответы: «О чем Вы подумали в первую очередь, когда услышали этот вопрос?», «Какова была Ваша цепочка рассуждений, когда Вы решали, как ответить?», «Какие варианты ответа Вы рассматривали, из чего выбирали?».

Проведение глубинных интервью по телефону имеет свои особенности, ограничения и достоинства, включая сильную когнитивную нагрузку на респондента и высокие требования, предъявляемые к интервьюеру [Wills, 2009]. Вместе с тем проведение глубинных интервью по телефону позволило уменьшить вариативность результата из-за влияния «стиля интервьюера», так как все интервью были взяты двумя профессиональными модераторами, обеспечить географическое многообразие выборки, уменьшить влияние самоотбора, характерного для интервью с предварительным рекрутированием.

Количественные оценки. Статистические оценки проведены на данных Российского социального исследования (РСИ) — трендового опроса, который проводится каждые два года. Для временных сравнений использованы данные волны 3 (2006) и волны 9 (2018), включающие модуль «Календарь жизнь». Международные сравнения проведены с данными Европейского социального исследования (ESS), по программе которого построено РСИ, что обеспечивает высокую сравнимость данных: 24 страны в волне 3 и 29 стран в волне 9 помимо России. Во всех странах опросы проводились по национальным случайным вероятностным выборкам населения 15 лет и старше методом личных интервью по месту жительства респондентов, размер выборки — 800—2500 интервью в каждой стране². В России опрос проводился Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕСИ) осенью 2006 г. (волна 3), размер выборки — 2427 респондентов, и в конце 2018 — начале 2019 г. (волна 9), размер выборки — 2416 респондентов³.

В модуль «Календарь жизни» были включены вопросы о возрастных границах основных жизненных этапов — взрослости, зрелости и старости. Вопросы были сформулированы гендерно-направленно в *split-ballot* дизайне: половина респондентов, отобранных случайным образом (как мужчины, так и женщины), отвечали на вопросы о возрасте мужчин, половина — о возрасте женщин:

² Европейское социальное исследование: официальный сайт проекта. URL: <http://www.europeansocialsurvey.com> (дата обращения: 20.08.2024).

³ Российское социальное исследование: официальный сайт проекта. URL: <http://www.russiansocialsurvey.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

D15. Примерно в каком возрасте, на Ваш взгляд, _____ (ГРУППА 1: девочки, девушки или женщины; ГРУППА 2: мальчики, юноши и мужчины) становятся взрослыми?

D16. Примерно к какому возрасту, на Ваш взгляд, _____ (ГРУППА 1: женщины; ГРУППА 2: мужчины) достигают «среднего возраста»?

D17. Примерно к какому возрасту, на Ваш взгляд, _____ (ГРУППА 1: женщины; ГРУППА 2: мужчины) достигают старости?

Общественные представления о возрастных границах жизненных этапов: сформированность, консолидированность, широта возрастных интервалов

В качестве статистических характеристик возрастных представлений россиян были построены следующие показатели:

- возрастная медиана;
- стандартное отклонение от среднего значения;
- сформированность представлений — доля (%) тех, кто не смог назвать определенный возраст — границу жизненного этапа;
- широта возрастного интервала — между первой категорией возраста, которую назвали 5% респондентов или больше, и последней такой категорией;
- уровень консолидированности мнений (согласованности) — доля респондентов, которые назвали три самые часто упоминаемые возрастные категории (*modes*).

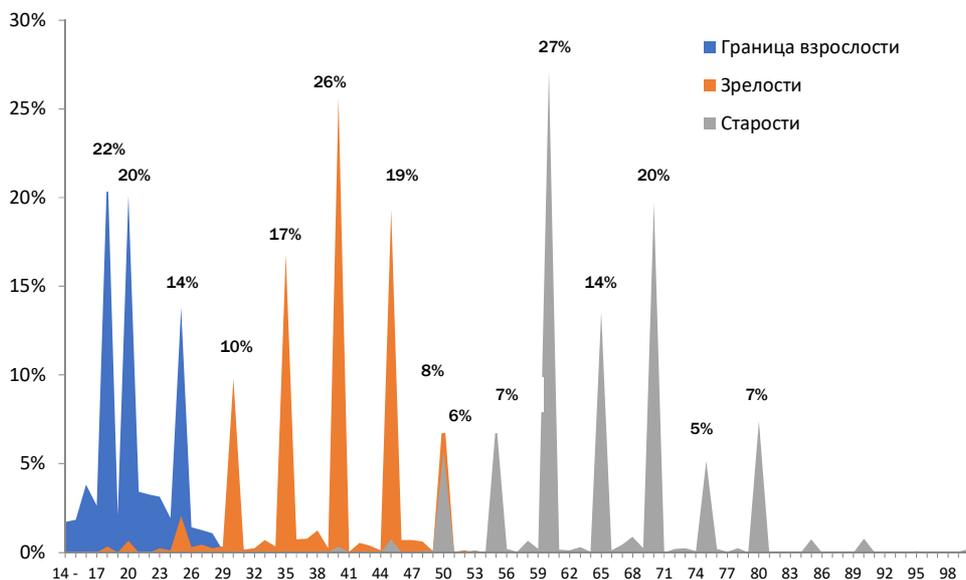
Сформированность представлений о границах основных жизненных этапов в России. Подавляющее большинство респондентов (более 90%) назвали возрастные границы перехода от одного жизненного этапа к другому при ответе на прямой вопрос. Границу перехода к взрослости не смогли определить 9% опрошенных, к «среднему возрасту» и к «старости» — по 6% (см. табл. 1). Такие результаты подтверждают, что представления о возрастных границах жизненных этапов в России в целом сформированы.

Содержание представлений о возрастных границах жизненных этапов. Общая протяженность периода от начала взрослой жизни до старости, вычисленная как разница между медианными значениями начала взрослости и перехода к старости, составила 45 лет. Медианный возраст перехода от детства и юности к взрослости — 20 лет, к возрасту зрелости, или «среднему возрасту», — 40 лет, медианная граница старости — 65 лет (см. рис. 1). Средние арифметические значения (μ) очень близки к медианным показателям: 21 год как начало взрослости (стандартное отклонение $\sigma = 4,5$ года), 38 лет для перехода к зрелости ($\sigma = 9,3$ года) и 65 лет — переход к старости ($\sigma = 8,8$ лет)

На рисунке 1 показано частотное распределение ответов на вопросы о возрасте наступления трех жизненных этапов. Разброс мнений о возрастной границе взрослости находится в интервале от 14 до 35 лет, диапазон наступления «среднего возраста» шире — от 20 до 55 лет, в старости еще больше — от 45 до 90 лет. Распределение имеет пикообразную форму: некоторые возраста называются чаще других в отношении каждого из трех этапов. Вариативность возрастных представлений россиян и широта возрастных границ различны (см. табл. 1). Наименьшая вариативность мнений обнаружена при оценке границы взрослости: стандарт-

ное отклонение наименьшее, общая широта называемого интервала — 12 лет, 90 % опрошенных назвали возрастной интервал между 17 и 29 годами. Мнения консолидированы на двух пиках — 18 и 20 лет (22 % и 20 % соответственно), третий пик приходится на 25 лет (14 %). Ни один из «юридических» возрастов не назывался значительной долей респондентов, граница зрелости в 18 лет составила лишь одну из трех пиков в распределении. Юридический возраст, связанный с потребительскими маркерами взросления (21 год), не выделяется как значимый при субъективной оценке границы зрелости.

Рис. 1. Распределение ответов на вопросы о границах трех жизненных этапов (% респондентов, назвавших соответствующий возраст)⁴ в России

Представления о возрастных границах «среднего возраста» и старости еще более широки: 19 лет в отношении перехода к зрелости (90 % респондентов назвали возраст от 30 до 49 лет) и 28 лет — в отношении старости (от 51 до 79 лет для 90 % опрошенных). Мнения о возрастной границе зрелости консолидированы на отметке в 40 лет (26 %), два меньших пика приходятся на ранний возраст в 35 лет (17 % опрошенных) и поздний в 45 лет (19 %). Мнения в отношении границы возраста старости консолидированы на уровне 60 лет (27 %), другие пики приходятся на более позднее время — 65 лет (14 %) и 70 лет (20 %). Юридические пенсионные нормы в 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, которые существовали с 1930-х годов до недавнего времени, не показывают сильного влияния на восприятие границ старости: пик в 55 лет совсем небольшой, в 60 лет — чуть более четверти респондентов, что далеко от большинства.

⁴ Данные РСИ 9, применен дизайн-вес dweight, приводятся данные в отношении возраста мужчин и женщин вместе.

Связанность представлений о возрастных границах жизненных этапов

Теоретически все три жизненных этапа — взрослость, зрелость и старость — последовательно связаны между собой. Если граница взрослости относится к более раннему возрасту, то и граница старости могла бы быть более ранней, и наоборот. Анализ эмпирических данных показывает, что такая связь хотя и существует, но далека от абсолютной. Связь сильнее между смежными этапами — взрослостью и зрелостью (коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,211) и зрелостью и старостью (0,330), но меньше в отношении отдаленных этапов взрослости и старости (0,076). Все коэффициенты значимы на уровне на уровне 0,001.

Более двух третей респондентов назвали границы возрастных этапов непоследовательно: более ранний переход к взрослости не означал более ранний переход к зрелости или тем более к старости, и наоборот. В целом эти данные соответствуют результатам, полученным на неслучайной онлайн-выборке в США, в которых также была обнаружена такая непоследовательность [Chopik et al., 2018].

Результаты глубинных интервью подтверждают, что представления о границах жизненных этапов формируются независимо друг от друга. Респонденты называли разные основания для суждений о наступлении взрослости, зрелости и старости, редко связывая представления об этих этапах между собой. На определение границ жизненных этапов оказывают влияние представления о жизненном времени в целом. Для некоторых респондентов жизнь представляется «короче», события концентрируются на более ограниченном интервале времени, чем для тех, у кого она «длиннее» и события распределены по всей жизненной шкале.

Так как представления о границах жизненных этапов формируются независимо друг от друга, изменения в представлениях об одном этапе не ведут с необходимостью к изменениям в представлениях о других этапах. Если в обществе изменятся представления о времени наступления старости, это еще не значит, что изменятся представления о времени наступления взрослости или «среднего возраста». Относительная независимость возрастных представлений позволяет проводить целенаправленную политику на изменение восприятия возрастных границ отдельных этапов, не затрагивая при этом другие.

Теоретическая и субъективная периодизация жизни — в поисках причин низкой консолидированности представлений о возрастных границах

Распределение мнений о возрастных границах жизненных этапов в количественном национальном опросе низко консолидировано, интервал возрастных границ для каждого этапа очень широк. Такое разнообразие мнений можно объяснить несовпадением теоретической периодизации жизни, использованной в вопросах для количественной оценки, и субъективной периодизации, которую используют сами люди.

В ходе глубинных интервью участников исследования просили самостоятельно выделить жизненные этапы, на которые делится жизнь человека, описать отличительные особенности этих этапов и порассуждать о том, как они пришли к своему мнению, на чем оно основано. Количество жизненных этапов, которые назывались респондентами, варьировалось от двух до двенадцати. Периодизацию на четыре этапа (детство, молодость, зрелость и старость) использовали 40 % ре-

спондентов. Более половины респондентов предлагали более дробную периодизацию. Наиболее дробно воспринимается ранний этап жизни между детством и молодостью, респонденты выделяли отрочество, подростковый возраст, юность, школьные годы. Для зрелого возраста предлагались такие деления, как «ранняя зрелость» и «поздняя зрелость», «зрелый и совсем зрелый», «опытный и очень опытный». В отношении старшего периода жизни около трети респондентов выделили два этапа — пожилой возраст и старость, иногда называли «период подготовки к пенсии и пенсия», «предпенсионный и пенсионный возраст», «старший возраст и закат».

Общее терминологическое поле в описании жизненных этапов довольно разнообразно и включает около 30 независимых слов и еще около 15 слов с определениями (раннее, позднее). Часть жизненных этапов имели определенные названия (детство, молодость, старость). Помимо названий этапов респонденты использовали для определения отнесение к институтам (дошкольник, детсадовец, школьник, студент, работающий, пенсионер), этапы развития личности («становление сознания — знакомство с миром», «познание себя — реализация, нашел то, что искал», «набор ума — расцвет — доживание»). Некоторые респонденты определяли этапы по жизненным целям и функциям (образование — работа — семья — пенсия), некоторые — по состоянию человека (здоровый, полный сил — ухудшение здоровья, больной).

Другим объяснением разнообразия мнений о возрастных границах жизненных этапов может служить разница в способе измерения этих границ — конкретное число (возраст), которое респондентов просили назвать в опросе, или возрастной интервал. В последнем случае причиной низкой консолидированности мнений могла стать разница в способах усреднения временного интервала, которые потребовались, чтобы назвать точное число в опросе. В глубинных интервью более половины участников, говоря о времени наступления жизненного этапа, использовали возрастной интервал, а не конкретный возраст. Через интервалы чаще определялись границы зрелости — узкий «25—30 лет» или широкий «25—40 лет». В отношении границы старости респонденты чаще называли конкретный возраст. Респонденты смотрят на переход от одного возрастного периода к другому не как на дискретное событие, а как на постепенный переход, и увеличивают интервал, чтобы учесть индивидуальное разнообразие («у всех происходит по-разному»). Когнитивный процесс превращения интервала в конкретное число (возраст перехода) может быть разным — среднее значение интервала или крайние значения.

Респонденты далеко не всегда были последовательны в определении возрастных границ разных жизненных этапов: верхняя граница одного этапа часто не совпадала с началом следующего. Например, молодость заканчивается в 30 лет, но зрелость начинается в 40 или зрелость кончается в 60 лет, а старость наступает в 70. Помимо простого нарушения логики, такой разрыв может свидетельствовать о существовании дополнительных жизненных этапов между 30 и 40 годами и 60 и 70 годами, которые интуитивно ощущаются респондентами, хотя и не имеют названия.

Результаты когнитивных интервью показали, что периодизация на три жизненных этапа — зрелость, зрелость и старость — слишком широка, мало дробна, по-

этому создает трудности в определении возрастных границ, приводит к логической непоследовательности в их определении. Разнообразие в вычислениях также может увеличить разнообразие в результатах. Однако даже в случае такого методического влияния содержательный вывод остается неизменным. Широта и высокая вариативность общественных представлений о возрастных границах жизненных этапов говорит о том, что признаки нормативности в этих представлениях слабые.

Представления о возрастных границах и возрастные нормы разных поколений россиян

Возрастной климат общества может быть охарактеризован не только общей структурой возрастных представлений, но и их согласованностью между поколениями. При высокой согласованности нормативное влияние таких представлений высокое, а скорость изменений медленная. Низкая согласованность говорит о том, что нормативность низкая или противоречивая и может служить индикатором того, что происходит трансформация.

Сравнение шести поколений россиян (см. табл. 1) показывает общее сходство их представлений о возрастных границах жизненных этапов. Медианный возраст границы взрослости одинаков во всех поколениях (20 лет) при широте интервала в 14 лет (более узкий интервал только у самого старшего поколения 1949 г. и старше). Консолидированность мнений выше в самом старшем поколении (72%), ниже в поколениях 1950—1979 гг. (64%) и еще ниже в самых младших поколениях. В отношении возраста зрелости медиана одинакова во всех поколениях кроме самого младшего, широта возрастного интервала одинакова (20 лет) в поколениях до 1979 г., но выше в более молодых поколениях (22 и 25 лет соответственно). Консолидированность мнений ниже в каждом новом поколении.

Таблица 1. Представления о возрастных границах основных жизненных этапов среди разных поколений россиян в 2006 и 2018 гг.

Возрастные Когорты	Возрастная граница взрослости			Возрастная граница зрелости			Возрастная граница старости		
	Медианный возраст	Широта нормы	Консолидированность (%)	Медианный возраст	Широта нормы	Консолидированность (%)	Медианный возраст	Широта нормы	Консолидированность (%)
2018									
Вся выборка	20	12	61	40	21	65	65	30	64
1990 и младше	20	14	56	37	25	60	60	30	61
1980—1989	20	14	57	40	22	63	60	30	68
1970—1979	20	14	63	40	20	67	65	30	65
1960—1969	20	14	65	40	20	70	65	27	64
1950—1959	20	14	64	40	20	71	65	25	66
1949 и старше	20	11	72	40	20	73	69	25	73

Возрастные Когорты	Возрастная граница взрослости			Возрастная граница зрелости			Возрастная граница старости		
	Медианный возраст	Ширина нормы	Консолиди- рованность (%)	Медианный возраст	Ширина нормы	Консолиди- рованность (%)	Медианный возраст	Ширина нормы	Консолиди- рованность (%)
2006									
Вся выборка	20	14	61	40	22	69	65	30	70
1980—1989	20	9	61	40	25	66	60	31	72
1970—1979	20	14	60	40	20	69	60	30	71
1960—1969	20	15	59	40	20	69	65	25	71
1950—1959	20	13	63	40	25	71	65	30	67
1949 и старше	20	15	66	40	25	70	65	25	71

Примечание. Данные РСИ волна 3 и волна 9, применен дизайн-вес dweight, возрастные границы показаны для мужчин и женщин вместе.

В отношении возрастной границы старости различия между поколениями наиболее велики: медианный возраст старости составляет 60 лет по мнению более молодых поколений (60 лет) и 69 лет по мнению самого старшего поколения. Возрастной интервал, в рамках которого определяются границы наступления старости, в группе старшего возраста составляет 25 лет, в молодых группах (1970 г. и младше) он шире — 30 лет. Консолидированность мнений наиболее высока в самом старшем поколении и ниже во всех последующих поколениях.

Результаты в отношении представлений о возрастных границах старости согласуются с выводами предыдущих исследований, показывающих, что границы старости с возрастом отодвигаются [Антонов и др., 2023]. Возраст границы старости начинает увеличиваться уже со среднего возраста (40 лет и старше). В остальных представлениях о возрастных границах россиян разных поколений различаются не столько абсолютными границами, сколько шириной возрастных интервалов и консолидированностью мнений. В младших поколениях ширина интервалов больше, а консолидированность мнений ниже, чем в старших, что может определять более низкую нормативность возрастных взглядов в младших поколениях.

Общее и уникальное в возрастном климате России и Европы

Уникальны ли представления россиян о возрастных границах жизненных этапов или такие характеристики возрастного климата отвечают общей модели, сложившейся во многих странах, можно определить на основе сравнения данных России и других европейских стран. Результаты показывают, что представления о границах жизненных этапов в европейских странах хотя и не одинаковы, но имеют много общего (см. Приложение 2). Среднеевропейская модель в отношении границы взрослости характеризуется медианой в 20 лет, значительной шириной этой границы в интервале 10—14 лет и консолидированности мнений на уров-

не 60—65 %. Возрастные представления о границах взрослости в России соответствуют этой модели.

В отношении возрастных границ зрелости и старости общественные представления в разных странах различаются значительно больше. Медианный возраст границы зрелости в разных странах варьируется от 35 до 45 лет, границы старости — в интервале от 65 до 70 лет. Ширина границ наступления зрелости в большинстве стран находится в интервале 20—30 лет, границ старости — 20—35 лет. Консолидированность мнений о возрастных границах «среднего возраста» варьируется от двух третей до трех четвертей опрошенных в разных странах, по поводу границы старости консолидированность мнений ниже: в 15 странах она составляет около 60 %, а больше 70 % — лишь в трех странах.

Можно было бы предположить, что возрастные представления о жизненных этапах следуют единой логике — смещены в сторону либо нижней границы (наступают раньше), либо верхней. Но такое предположение подтверждается лишь в нескольких странах, где медианный возраст границ зрелости и старости либо последовательно высок по сравнению с общеевропейской средней (в Исландии, Дании, Норвегии, Италии и Кипре), либо последовательно низок (в Хорватии, Чехии, Германии, Словакии, Эстонии, России и Словении). В остальных 18 странах представления о трех жизненных этапах выстроены непоследовательно по отношению к общеевропейским средним значениям — в отношении одних жизненных этапов они выше среднего, а в отношении других — ниже. Такая конфигурация подтверждает вывод, сделанный выше, что общественные представления о возрастных границах жизненных этапов формируются независимо друг от друга.

Наиболее схожая с Россией модель общественных представлений о возрастных границах жизненных этапов сложилась в странах Восточной Европы (наиболее близки модели России Хорватия, Чехия, Словакия, Эстония и Словения, в целом отвечают этой модели Болгария, Венгрия, Сербия, Черногория и Польша) и в Германии. Наименее схожая с Россией модель — в странах Скандинавии и Северной Европы и некоторых странах Южной Европы. Возможными причинами такой группировки являются различия в средней продолжительности жизни и времени наступления жизненных событий. В странах, схожих по возрастному климату с Россией, продолжительность жизни ниже средней по Европе, средний возраст наступления таких событий, как первый брак и рождение первого ребенка, смещен в сторону нижнего порога. В странах, наиболее далеких от России по возрастному климату, средняя продолжительность жизни выше общеевропейской средней, возраст наступления брачно-репродуктивных событий смещен в сторону верхнего порога. Но есть и исключения (Германия, Литва и Латвия).

Важным аргументом в решении вопроса о том, определяются ли различия между странами в возрастном климате социально-культурными факторами или стадией демографического и социального экономического различия, может служить временная динамика представлений о возрастных границах жизненных этапов. Если верно предположение об определяющем влиянии социально-культурных факторов, то система таких возрастных представлений должна оставаться относительно стабильной, по крайней мере на среднесрочных интервалах времени. Если верно второе предположение, то можно ожидать движения стран в общем

направлении, определяемом демографическими трендами, сближения с моделью североευропейских стран.

Динамика представлений о возрастных границах жизненных этапов во времени и факторы изменений

Для проверки гипотез об изменениях в системе представлений о возрастных границах проведено сравнение данных РСИ волны 2006 г. и волны 2018 г., которые охватывают период в 12 лет. За этот период возрастные представления в России показывают высокую временную стабильность. Медианные значения начала всех трех жизненных этапов за этот период практически не изменились (см. табл. 1). Вариативность мнений и широта возрастного интервала в отношении возраста наступления взрослости значительно увеличились. В отношении возраста наступления зрелости и старости изменения коснулись лишь степени консолидированности мнений в сторону ее уменьшения. Таким образом, наметилась тенденция к размыванию представлений о возрастных границах жизненных этапов, снижению консолидированности мнений, что может служить индикатором ослабления нормативной силы таких представлений.

Возрастные представления могут меняться за счет общесоциальных факторов, затрагивающих все поколения, а также перемен в отдельных возрастных группах или движения поколений — прихода молодых с другими взглядами. Для сравнения выделены одни и те же поколения в опросе 2006 и 2018 гг. (см. табл. 1). Данные показывают, что общая структура возрастных представлений с 2006 по 2018 г. остается неизменной. Изменения произошли в некоторых возрастных группах, но они разнонаправлены. В самом старшем поколении увеличился средний возраст границы старости с 65 до 69 лет, уменьшилась широта возрастных границ зрелости и взрослости. В поколении 1950-х широта возрастных границ зрелости сократилась с 25 до 20 лет, а старости — с 30 до 25 лет. В поколении 1960-х увеличилась консолидированность мнений о возрастной границе взрослости (с 59 до 65 %) и уменьшилась в отношении границы старости (с 71 до 64 %). В поколении 1970-х изменения коснулись только возрастных границ старости: средний возраст увеличился с 60 до 65 лет, консолидированность мнений сократилась с 71 % до 65 %. В поколении 1980-х изменилась широта возрастного интервала перехода к взрослости (с 9 до 14) и зрелости (с 25 до 22).

Наиболее существенные изменения произошли в результате движения поколений — прихода новых молодых групп. Сравнение самого молодого поколения в выборке 2006 г. и в выборке 2018 г. показало, что, хотя средние значения возрастных границ взрослости и старости в этих двух группах одинаковы, средний возраст границы зрелости в новом молодом поколении ниже (37 лет по сравнению с 40). Представления о возрастных границах самых молодых взрослых россиян характеризуются более широким интервалом границы взрослости и более низкой консолидированностью мнений в отношении границ зрелости (60 % по сравнению с 66 %;) и старости (61 % по сравнению с 72 %).

Последовательных изменений в общественных возрастных представлениях в сторону модели североευропейских стран пока зафиксировано не было. Полученные данные служат подтверждением гипотезы об относительной стабильности

возрастного климата в стране и определяющем влиянии социально-культурных факторов, по крайней мере в среднесрочной перспективе. Однако наметившийся тренд на постепенную диверсификацию мнений — уменьшение консолидированности мнений и размывание возрастных границ основных жизненных этапов, особенно зрелости и старости, — постепенно ведет к трансформации системы представлений о возрастных границах и снижению ее нормативности. Изменения происходят преимущественно за счет движения поколений — замещения старших поколений более молодыми, поэтому скорость процессов низкая.

Источники возрастных представлений и норм — маркеры, признаки, основания

Вопрос об изменениях возрастных представлений и норм в обществе напрямую связан с вопросом об источнике таких представлений. Как люди определяют, в каком возрасте наступает новый жизненный этап, используют ли они определенные маркеры, признаки, рациональные объяснения, судят ли на основе личного или социального опыта, относят ли к безусловным и непреложным «законам»? Ответы на эти вопросы мы постарались получить на основе анализа глубинных интервью.

Обсуждая переход от юности к молодости, респонденты назвали довольно разнообразными маркеры взросления и события, разные взгляды на основы периодизации жизни. Около половины респондентов связывали наступление взрослости с конкретными событиями — вступлением в брак, началом трудовой жизни, отделением от семьи, службой в армии, рождением ребенка, профессиональным самоопределением, окончанием обучения. Часть респондентов соотносили взросление с развитием личности: сформированностью планов, целей и желаний, переходом от эгоистического отношения к миру, переносом фокуса со своего «я» и своих желаний на принятие ответственности за себя и близких (*«Я рано вышла замуж, родила, но взрослой стала только к 25 годам — к этому времени я чего-то поняла о себе и жизни и чего-то захотела»*, женщина старшего поколения с высшим образованием, большой город в Сибирском ФО). Еще один признак, по которому определялось начало взрослости, — автономность и независимость: отделение от родительской семьи, самостоятельность в принятии решений, материальная независимость. Некоторые респонденты определяли границу взрослости через характеристики образа жизни и его плановости, стабильности (*«В 20 лет мы в селе уже знали день свой — работа, дом, скотина»*, мужчина среднего поколения без высшего образования, село в Южном ФО). Респонденты редко называли источником своих представлений о возрасте наступления взрослости юридические нормы («по закону»), традиции («так было всегда») или безусловное знание о должном («должно быть так» или «так принято»).

Определение границ зрелости, «среднего возраста» респонденты связывали с положением относительно других возрастных групп (*«С этого возраста я уже не молоденькой себя считала, появились моложе люди на работе»*, женщина старшего поколения без высшего образования, город среднего размера в Приволжском ФО). Еще одним признаком назывались достижения, профессиональные и другие, а также социальный опыт. Переход от молодости к зрелости видится ре-

спондентам как переход от подготовительного этапа (получение образования, поиск работы, поиск себя, пробы и ошибки) к этапу реализации своего потенциала. Третья группа признаков — выбор конкретной жизненной траектории из множества возможностей, осознание собственных целей и «места в мире», «своего пути». Для некоторых респондентов «средний возраст» — это статистическая средняя, которую они высчитали математически как середину от средней продолжительности жизни либо в 75, либо в 80 лет. Несколько респондентов упомянули аспекты нормативности («У нас принято считать, что после 40 наступает зрелость», женщина старшего поколения без высшего образования, город среднего размера в Центральном ФО), но таких высказываний было немного.

Наступление старости респонденты чаще всего связывали с оценкой здоровья, внешним видом, состоянием тела — изменениями во внешности (морщины, походка, сутулость, дряблость) и появлением болезней. Наступление старости относилось к окончанию жизненного плана, исчерпанию желаний. Некоторые респонденты соотносили границы старости с возрастом ухода из жизни людей вокруг. Переход к старости респонденты связывали с потерей автономности, зависимости от других людей (в уходе за собой), материальной зависимости (от родных, от государства). Юридический пенсионный возраст играет роль в определении границ старости, но далеко не ведущую.

Обсуждая основания для своих суждений о возрастных границах жизненных этапов, респонденты чаще всего обращались к реальной практике, распространенным типам поведения («чаще всего к этому возрасту люди...»). Часть респондентов в качестве аргумента выдвигали личный опыт («я к этому времени...»). Некоторые для обоснования своих суждений использовали прямое отнесение к нормам («к этому возрасту люди должны...»), но в целом рациональные аргументы преобладали над нормативными.

Таким образом, при определении возрастных границ жизненных этапов возраст хотя и играет немаловажную роль, но чаще эта связь не прямая, а опосредована жизненными событиями. Событийная структура, сдвинутая на более ранний возраст, в частности браки и первые рождения, выход на рынок труда и получение образования, а также уход с рынка труда, ведет к установлению более ранних нормативных границ взрослости. Ранние возраста перехода к старости называются респондентами, наблюдавшими ухудшение здоровья и физического состояния людей своего круга в более ранних возрастах. Если такие изменения менее заметны или происходят позже, то и восприятие границ жизненных этапов может сдвинуться к более поздним возрастам. С другой стороны, нельзя исключить, что маркеры жизненных этапов могут меняться, например, наиболее важными признаками взросления становятся не брачно-семейные события, а образовательные и экономические. Не только возрастные представления и нормы служат ориентиром для построения жизненного пути, но и сами эти представления хотя бы отчасти основываются на общих практиках.

Представления о возрастных границах или возрастные нормы?

Исследование показало, что возрастная среда в России структурирована сложнее, чем может показаться в рамках дискуссии о возрастных стереотипах и стан-

дартизированности жизненных событий. Подтвердилось существование устойчивых субъективных представлений о периодизации жизни. С каждым из этапов респонденты связывали реализацию определенных ожиданий, эмоциональные характеристики и оценки, часть из которых может быть отнесена к возрастным стереотипам. Полученные результаты схожи с выводами из исследований на основе качественных [Чернов, 2015].

В отношении возрастных границ жизненных этапов дисперсность мнений была высокой, как и ширина называемых интервалов для возрастных границ разных этапов, что ставит под сомнение возможность называть такие представления возрастными нормами. Вопрос о нормативности представлений о возрастных границах жизненных этапов представляется нам выходящим далеко за рамки терминологических споров. Общественные представления преобразуются в социальные нормы при реализации нескольких условий: достижении широкого общественного согласия — высокой консолидированности мнений, аксиоматическом принятии мнения (источники и причины не ставятся под вопрос, а воспринимаются как данность), стабильности во времени, а также наличию потенциальных санкций за нарушение или непринятие таких норм. Характеризуя возрастную климат в конкретном обществе, можно говорить не о наличии или отсутствии социальной нормы при определении возрастных границ жизненных этапов, а о степени нормативности таких представлений, рассматривать нормативность как свойство социальных представлений или установок. В разных обществах в разное историческое время представления о возрастных границах могут выступать в качестве сильных возрастных норм, а могут оставаться лишь направляющими суждениями, иметь как общекультурный или страновой масштаб, так и лишь внутригрупповой (разные возрастные нормы для разных социальных групп). При полном отсутствии социального давления возрастные представления несут информационную или направляющую функцию ориентации в жизненном времени, при сильном же давлении они приобретают функции социальной нормы — регулирующей и предписывающей.

Представления о возрастных границах в России в последние годы характеризуются невысокой нормативностью. Интервалы возрастных границ очень широки, консолидированность мнений невысокая, представления строятся на рациональных аргументах, выводятся из личного и социального опыта. Предыдущие работы показали существование значимых стереотипов и даже стигматизации определенных жизненных этапов, в частности старости [Ляликова и др., 2023]. Данное исследование зафиксировало, что даже если жизненный этап наполнен стереотипами и социальными нормами и ожиданиями, то в отношении возраста наступления жизненного этапа такие нормы довольно слабые. Жизненный этап в большей степени определяется его маркерами и признаками, но не обязательно соотносится с конкретным возрастом. Например, старость может определяться по признакам плохого здоровья и внешнего вида, отсутствия целей и перспектив, консерватизму в освоении новых навыков и знаний, но не обязательно приписываться конкретному возрасту. Для этапов взросления возрастные границы более определены, особенно в верхней части, и в меньшей связаны с конкретными маркерами и событиями. Наиболее сложным является возраст наступления зрелости

или «среднего возраста» — для определения этого этапа используются и возрастные, и событийные, и социально-психологические характеристики.

Гибкость представлений о границах возрастных этапов позволяет передвигать сроки жизненных событий, связываемых с разными возрастами, как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровне. Например, несмотря на высокую степень социальной напряженности и остроту дискуссий вокруг увеличения пенсионного возраста в российском обществе, больших разногласий в отношении конкретных возрастных границ было немного. Новые границы пенсионного возраста в пределах 65 лет вполне укладываются в когнитивную карту представлений о возрастных границах старости. Тренд на дестандартизацию жизни [Андрееenkova, Медведева, 2024], увеличение общей продолжительности жизни, трудовой и профессиональной карьеры, репродуктивного времени [Носкова, Кузьмина 2024] ведет к постепенному расширению возрастных границ разных жизненных этапов. Социальные представления и нормы, с одной стороны, влияют на реальные практики, с другой стороны, сами изменяются под их влиянием. Исследование показало, что возрастные представления и нормы изменяются медленно и являются преимущественно результатом движения поколений, обеспечивая стабильность и преемственность социальной системы. Отсутствие строгой нормативности во времени наступления жизненных этапов позволяет отодвигать или раздвигать границы жизненных этапов, делает их менее предопределенными в индивидуальной жизни.

Список литературы (References)

1. Андрееenkova А. В. Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6—24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>. Andreenkova A. V. (2024) Life Course Studies — Conceptual and Methodological Approaches and Solution (2024) *Sociologicheskaja Nauka i Socialnaja Praktika*. Vol. 12. No. 1. P. 6—24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>. (In Russ.)
2. Андрееenkova А. В., Медведева А. А. Динамика событийной структуры жизненного пути в России // Вестник Института социологии. 2024. Т. 16. № 3. (в печати). Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. (2024) Dynamic of the Life Course Structure in Russia. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. Vol. 16. No. 3. (In Russ.)
3. Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 131—143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>. Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. (2023) Transition to Elderly: Objective Traits and Subjective Perception. *Population*. Vol. 26. No. 3. P. 131—143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>. (In Russ.)
4. Горелик С. Г., Колпина Л. В. Проблемы дискриминации населения старших возрастных групп в сферах медицинского обслуживания и социальной защиты:

- эмпирический анализ // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 38. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/597/30/lang.ru/> (дата обращения: 28.01.2025).
- Gorelik S. G., Kolpina L. V. (2014) Discrimination of the Older Age Groups of Population in Terms of Medical Care and Social Security: Empirical Analysis. *Social Aspects of Population Health*. No. 38. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/597/30/lang.ru/> (дата обращения: 28.01.2025). (In Russ.)
5. Зайцева Ю. Б. Стереотипные представления массового сознания о «старых людях» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 13—28. Zaitseva Y. B. (2008) Stereotypic Images of “Older People” in the Mass Consciousness. *Theoretical and Experimental Psychology*. No. 1. P. 13—28. (In Russ.)
6. Захаров С. В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой // Россия в Европе / под ред. А. В. Андреевковой, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 347—380. Zakharov S. V. (2009) Value-Normative Timing of Human Life: Perceptions of Residents of Different Countries about How Girl Become Adult. In: Andreenkova A. V., Belyaeva L. A. (eds.) *Russia in Europe*. Moscow: Academia. P. 347—380. (in Russ.)
7. Змиевская А. А., Курышева О. В. Временные аспекты дестандартизации жизненного пути личности в семейной сфере // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. № 4. С. 81—85. Zmievskaya A. A., Kuryshcheva O. V. (2015) Time Aspects of Destandardization of Life Course of Personality in Family Domain. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Pedagogika. Psichologija. Sociokinetika*. No. 4. С. 81—85. (In Russ.)
8. Леканова Е. Е. Правовая регламентация минимального брачного возраста: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 84—95. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.084-095>. Lekanova E. E. (2020) Legal Regulation of Minimum Marriage Age: The Past and Present. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 15. No. 8. P. 84—95. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.084-095>. (In Russ.)
9. Лисенкова В. П., Шпагонова Н. Г. Индивидуальные и возрастные особенности восприятия времени взрослыми людьми // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 4—16. <https://doi.org/10.31857/S020595920016017-4>. Lisenkova V. P., Shpagonova N. G. (2021) Individual and Age-Specific Perceptions of Time by Adults. *Psikhologicheskii Zhurnal*. Vol. 42. No. 5. P. 4—16. <https://doi.org/10.31857/S020595920016017-4>. (in Russ.)
10. Ляликова С. В. Назарова И. Б., Карпова В. М., Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 106—117.

- Lyalikova S. V., Nazarova I. B., Karpova V. M. (2023) Features of Elderly People Perception in Russian Society. *Sociological Studies*. No. 10. P. 106—117. (In Russ.)
11. Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>. Mitrofanova E. S. (2020) (No) Time to Grow Up: Changing Ages of Debut Biographical Events in Russia. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 4. P. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>. (In Russ.)
 12. Нестерова А. А., Соколова И. В. Эйджизм и стигматизация пожилых людей представителями разных поколений: сравнительный анализ // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 144—158. Nesterova A. A., Sokolov I. V. (2023) Ageism and Stigmatization of Elderly People by Representatives of Different Generations: A Comparative Analysis. *Russian Socio-Humanitarian Journal*. No. 4. P. 144—158. (In Russ.)
 13. Носкова А. В., Кузьмина Е. И. Изменения в ресурсном потенциале россиян старших поколений (по материалам лонгитюдных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 2. С. 78—101. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.4>. Noskova A. V., Kuzmina E. I. (2024) Changes in Resource Potential of Russians of Older Generations (by Materials of Longitudinal Studies). *Sociologicheskaja Nauka i Socialnaja Praktika*. Vol. 12. No. 2. P. 78—101. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.4>. (In Russ.)
 14. Селезнева Е. В. Возрастные и культурные особенности представлений о возрастных границах молодости // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 203—225. Selezneva E. V. (2022) Age and Cultural Characteristics of Age Limits of Youth. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universitita*. No. 1. P. 203—225. (In Russ.)
 15. Субботина Т. Н., Асатрян Н. Л. Анализ эйджизма на рынке труда: возрастная дискриминация // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 12—2. С. 169—174. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-2-169-174>. Subbotina T. N., Asatryan N. L. (2022) Analysis of Ageism in Labor Market: Age Discrimination. *Economy and Business: Theory and Practice*. No. 12—2. P. 169—174. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-2-169-174>. (In Russ.)
 16. Чернов А. Ю., Змиевская А. А. Выявление социально-возрастных норм с помощью анализа качественных данных // Известия Саратовского университета. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 1. С. 34—38. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-1-34-38>. Chernov A. Y., Zmievskaya A. A. (2015) Social Age Norms Detection by Means of Qualitative Data Analysis. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. Vol. 4. No. 1. P. 34—38. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-1-34-38>. (In Russ.)

17. Урюпина А. А. Пенсионные реформы в истории России // Горизонты экономики. 2018. № 5. С. 27—34.
Uryupina A. A. (2018) Pension Reforms in the History of Russia. *Horizons of Economy*. No. 5. P. 27—34. (In Russ.)
18. Aassve A., Arpino B., Billari F. C. (2013) Age Norms on Leaving Home: Multilevel Evidence from the European Social Survey. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 45. No. 2. P. 383—401. <https://doi.org/10.1068/a4563>.
19. Billari F. C., Goisis A., Liefbroer A. C., Settersten R. A., Aassve A., Hagestad G., Spéder Z. (2011) Social Age Deadlines for the Childbearing of Women and Men. *Human Reproduction*. Vol. 26. No. 3. P. 616—622. <https://doi.org/10.1093/humrep/deq360>.
20. Chopik W. J., Bremner R. H., Johnson D. J., Giasson H. L. (2018) Age Differences in Age Perceptions and Developmental Transitions. *Frontiers of Psychology*. No. 9. Art. 67. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00067>.
21. Kohli M. (1985) Die Institutionalisierung des Lebenslaufs. Historische Befunde und Theoretische Argumente. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Wiesbaden: Vol. 69. P. 495—524. <https://doi.org/10.1007/s11577-017-0417-6>.
22. Montepare J. M. (2009) Subjective Age: Toward a Guiding Lifespan Framework. *International Journal of Behavior Development*. No. 33. P. 42—46. <https://doi.org/10.1177/0165025408095551>.
23. Neugarten B. L., Moore J. W., Lowe J. C. 1965. Age Norms, Age Constraints, and Adult Socialization. *American Journal of Sociology*. No. 70. P. 710—717.
24. Newman K. S. (2008) Ties That Bind: Cultural Interpretations of Delayed Adulthood in Western Europe and Japan. *Sociological Forum*. Vol. 23. No. 4. P. 645—669. <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2008.00089.x>.
25. Scherger S. (2009) Cultural Practices, Age and the life course. *Cultural Trends*. No. 18. P. 23—45. <https://doi.org/10.1080/09548960802651203>.
26. Settersten R. A. (2003) Age Structuring and the Rhythm of the Life Course. In: Mortimer J. T., Shanahan M. J. (eds) *Handbook of the Life Course. Handbooks of Sociology and Social Research*. Boston, MA: Springer. https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_4.
27. Willis G. B. (2005) *Cognitive interviewing*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. <https://doi.org/10.4135/9781412983655>.

Приложение 1Социально-демографический состав респондентов
участников глубинных когнитивных интервью

Социально-демографические характеристики	Количество интервью
<i>Пол</i>	
Мужчины	52
Женщины	51
<i>Поколения</i>	
Поколение 1949 г. и старше	30
Поколение 1960—1979 гг.	41
Поколение 1980—2005 гг.	32
<i>Образование</i>	
Высшее образование	50
Без высшего	53
<i>Регион</i>	
Центральный, включая Москву	27
Северо-Западный	12
Южный и Северокавказский	14
Приволжский	13
Уральский	9
Сибирский	16
Дальневосточный	12
<i>Урбанизация</i>	
Мегаполисы (1 млн +)	25
Большие города (250—999 тыс.)	28
Средние города (20—249 тыс.)	27
Малые города и сельские поселения	23

Приложение 2

Представления о возрастных границах жизненных этапов в разных странах, PСИ волна 9 и ESS волна 9 (2018 г.)

Страна	Представления о возрастных границах жизненных этапов (данные опросов)						Другие характеристики возрастной среды в странах		
	Взрослость		Зрелость		Старость		Средняя продолжительность жизни*	Возраст первого брака**	Возраст рождения первого ребенка**
	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Лет	Медиана	Медиана
Хорватия	23	57	40	66	60	68	78	24	25
Чехия	18	49	40	66	65	61	79	23	25
Германия	20	51	40	64	65	62	81	25	27
Россия	20	61	40	65	65	64	73	22	24
Словакия	20	67	40	65	65	56	77	23	24
Эстония	20	61	40	71	65	69	78	23	24
Словения	22	54	40	63	65	65	81	24	25
Болгария	25	60	42	66	65	66	75	22	23
Венгрия	20	61	45	56	65	60	76	23	25
Сербия	21	60	45	72	65	69	76	23	25
Черногория	25	52	45	67	65	67	77	25	26
Польша	20	58	45	71	66	68	78	24	25
Испания	20	51	30	40	68	73	83	26	28
Франция	20	63	35	57	70	61	83	25	27
Бельгия	20	61	40	48	70	60	82	24	27
Швейцария	20	62	40	59	70	59	84	27	29

Страна	Представления о возрастных границах жизненных этапов (данные опросов)						Другие характеристики возрастной среды в странах		
	Взрослость		Зрелость		Старость		Средняя продолжительность жизни*	Возраст первого брака**	Возраст рождения первого ребенка**
	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Медианный возраст (лет)	Консолидированность (%)	Лет	Медиана	Медиана
Австрия	20	60	40	69	70	65	82	25	26
Ирландия	18	60	45	70	70	66	82	27	28
Великобритания	18	66	45	75	70	61	81	25	28
Португалия	19	61	45	71	70	67	81	24	26
Нидерланды	20	66	45	65	70	71	82	26	28
Швеция	20	75	45	75	70	61	83	28	27
Финляндия	20	67	45	75	70	63	82	25	27
Латвия	20	56	45	75	70	65	75	23	24
Литва	21	61	45	73	70	63	76	23	24
Кипр	20	57	48	72	70	63	81	25	26
Дания	20	62	50	67	70	61	81	27	27
Норвегия	20	65	50	73	70	63	83	26	27
Исландия	20	69	50	77	70	65	83	26	24
Италия	24	58	50	73	70	75	83	26	28

Примечание. Возрастные границы взрослости, зрелости и старости — данные ESS и PCI, волна 9 с применением dweight.

* Данные Всемирного Банка, 2018. URL: <https://genderdata.worldbank.org/en/indicator/sp-dyn-le00-in?year=2018&gender=total#data-table-section>

** Расчеты по данным ESS и PCI волна 9, средние посчитаны от базы респондентов 25 лет и старше, которые испытали каждое из этих событий.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2658](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658)

Л. А. Беляева, К. В. Ракова

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1990—2023 ГГ.:
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ,
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА**

Правильная ссылка на статью:

Беляева Л. А., Ракова К. В. Российское общество в 1990—2023 гг.: опыт эмпирической оценки социальной структуры, качества жизни и социально-психологического климата // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 29—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658>.

For citation:

Belyaeva L. A., Rakova K. V. (2025) Russian Society in 1990—2023: An Empirical Assessment of Social Structure, Life Quality, and Socio-Psychological Climate. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 29—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658>. (In Russ.)

Получено: 19.07.2024. Принято к публикации: 10.12.2024.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1990—2023 ГГ.: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ, КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, и. о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН, Москва, Россия
E-MAIL: bela46@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0538-7331>

РАКОВА Кристина Викторовна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН, Москва, Россия
E-MAIL: kvrakova@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8842-1920>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые итоги тридцатилетнего развития постсоветской России, отраженные в результатах массовых опросов населения. Авторы акцентируют внимание на изменениях структуры общества, качества жизни и социально-психологического климата под влиянием политических, социальных и экономических процессов. Эмпирическую базу исследования составил всероссийский мониторинг, реализуемый Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН в 1990—2023 гг. Восемь волн мониторинга проведены по выборкам, репрезентативным для населения старше 18 лет по признакам: пол, возраст, образование, тип населенного пункта. Структура российского общества рассмотрена в двух аспектах — материальной дифференциации населения и формирования среднего класса. Качество жизни представлено по комплексу показателей: оценка материальных и социальных компонентов, со-

RUSSIAN SOCIETY IN 1990—2023: AN EMPIRICAL ASSESSMENT OF SOCIAL STRUCTURE, LIFE QUALITY, AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE

Lyudmila A. BELYAEVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Leading Researcher; Acting Head of the Centre for the Study of Social and Cultural Changes
E-MAIL: bela46@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0538-7331>

Kristina V. RAKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Researcher, Centre for the Study of Social and Cultural Changes
E-MAIL: kvrakova@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8842-1920>

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article examines some of the results of thirty years of development of post-Soviet Russia, reflected in the results of mass population surveys. The authors focus on changes in the society's structure, the quality of life, and the social and psychological climate under the influence of political, social, and economic processes. Empirically, the study bases on the All-Russian monitoring carried out by the Center for the Study of Social and Cultural Changes of the RAS Institute of Philosophy in 1990—2023. Eight rounds were conducted based on the samples representing citizens aged over 18 years old by gender, age, education, and type of settlement. The social structure of Russian society is considered in two aspects — the material differentiation of the population and the formation of the middle class. The quality of life is represented according to a set of indicators, namely, assessment of material and social components, the state of the immediate social environment, ecology, and social well-being as a resulting indicator

стояние ближайшей социальной среды, экология и социальное самочувствие как результирующий индикатор качества жизни. Рассмотрены особенности и изменения социально-психологического климата, взаимоотношения на разных уровнях общественной иерархии, ценностные ориентации в динамической перспективе.

Исследование выявило существенные изменения в материальной дифференциации: сокращение численности самых бедных, рост обеспеченных слоев, составляющих половину отпрошенных, и небольшой рост двух верхних слоев — зажиточных и богатых. Положительным итогом 33-летнего периода стало формирование довольно большого среднего класса — 30% населения, который наряду с обеспеченными слоями играет стабилизирующую роль в обществе. Анализ показал укрепление материальной составляющей качества жизни у значительной части населения. Самые большие претензии были высказаны к получению хорошей медицинской помощи и доступности образования. Настораживает отмеченный респондентами высокий уровень незащищенности от бедности, несмотря на довольно хорошие показатели уровня жизни.

Выявлены противоречивые модусы ценностного сознания разных демографических групп населения. В частности, у молодежи сокращается значимость ценностей нравственности и жертвенности. Для российской молодежи 18—24 лет наиболее значимыми остаются ценности свободы и независимости. При некотором снижении их поддержки по сравнению с 2010 г. (83% и 79% соответственно) в 2015 и 2023 гг. их значимость для молодежи стабилизировалась на уровне 62% (свобода) и 61% (независимость).

of the quality of life. The authors consider the features and changes of the social and psychological climate, relationships at different levels of the social hierarchy, and value orientations in a dynamic perspective.

The study reveals significant changes in material differentiation: a reduction in the number of the poorest, a significant increase in the affluent strata, which make up half of the respondents, and a slight increase in the top two strata — the wealthy and the rich. A positive result of the 33-year period was the formation of a fairly large middle class (30% of the population), which, along with the wealthy strata, plays a stabilizing role in society. The analysis shows a strengthening of the material component of the quality of life among a significant part of the population. The biggest complaints were expressed about receiving good medical care and having access to education. In addition, the authors point out high level of vulnerability to poverty noted by respondents, despite fairly good indicators of the standard of living.

The study reveals contradictory modes of value consciousness across different demographic groups. In particular, the importance of the values of morality and sacrifice is decreasing among young people. For Russian youth aged 18–24, the values of freedom and independence remain the most significant. With a slight decrease in their support compared to 2010 (83% and 79%, respectively), in 2015 and 2023 their importance for young people stabilized at the level of 62% (freedom) and 61% (independence).

Ключевые слова: массовое сознание, материальная дифференциация, средний класс, качество жизни, социальное самочувствие, социальный климат

Keywords: mass consciousness, financial differentiation, middle class, quality of life, social well-being, social climate

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна все-российского мониторинга)», <https://rscf.ru/project/23-28-00539/>.

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Science Foundation, project No: 23-28-00539 “Values and Interests of the Russian Population in the Context of Civilizational Challenges (the Eighth Wave of the All-Russian Monitoring)”.

Введение¹

В постсоветский период России вмещается много событий, политических изменений, экономических кризисов и подъемов, которые, скорее всего, не будут рассматриваться в будущем как отдельные судьбоносные явления в экономике, политике, идеологии, социальной жизни. По всей видимости, они займут место в истории как единый период турбулентности и перехода к новому социокультурному состоянию общества. Но люди, жившие в эти десятилетия в России, непосредственно зависели от происходивших катаклизмов, прежде всего экономических потрясений. Либерализация цен, открытие экономики внешнему миру, разорение многих предприятий, приватизация государственного и муниципального имущества, массовая безработица, денежная реформа, либерализация валютного рынка, мировые и внутренние экономические кризисы, другие события оказали воздействие на жизнь простого человека, побудив его адаптироваться, в силу своих возможностей, к новым общественным условиям. В массовом сознании сохраняются многие эпизоды этого периода и дается их современная оценка. Тем интереснее обратиться к мнениям, которые люди высказывали непосредственно в то время, вспомнить, как реагировало общество на изменения жизненных обстоятельств.

Практика проведения массовых опросов только зарождалась в начале 1990-х годов, один из таких опросов, переросших в последующем в мониторинг, был проведен в 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством член-корр. РАН Н. И. Лапина. Сегодня мы имеем в своем распоряжении материалы восьми волн мониторинга (1990, 1994, 1998, 2002, 2006, 2010, 2015 и 2023 гг.) и рассматриваем в этой статье динамику массового сознания населения за весь период наблюдения. *Базовая исследовательская гипотеза* заключается в предположении, что пассивная адаптация населения к транзиту из плановой экономики в рыночную в начале постсоветского периода переросла во второй половине периода — примерно к 2010 г. — в активную фазу использования возможностей, предоставленных развитием рыночных от-

¹ Вклад авторов: раздел «Социально-психологический климат в российском обществе: доверие, одиночество, семейные и дружеские отношения» написан К. В. Раковой, остальные разделы — Л. А. Беляевой.

ношений для улучшения и стабилизации жизни большинства высоко- и средне-сурсных слоев, составляющих более половины населения страны. Эту тенденцию также обнаруживает М. К. Горшков, когда пишет о смене «двуполярной системы самооценок [своей жизни] на однополярную с отчетливым доминированием знака „плюс“» [Четверть века после СССР: люди, общество, реформы, 2015: 173].

Эмпирические данные

Исследование выполнено на материалах всероссийского мониторинга — одного из немногих эмпирических исследований, которое началось еще в советской России (в границах РСФСР, 1990 г.) и продолжается поныне, в значительной части по той же программе. Оно проводится каждые четыре-пять лет по сопоставимой методике. Опросы 1990—2015 гг. были проведены под руководством Н. И. Лапина. Последнее исследование проведено в 2023 г. под руководством Л. А. Беляевой — через семь лет вынужденного перерыва после предыдущего.

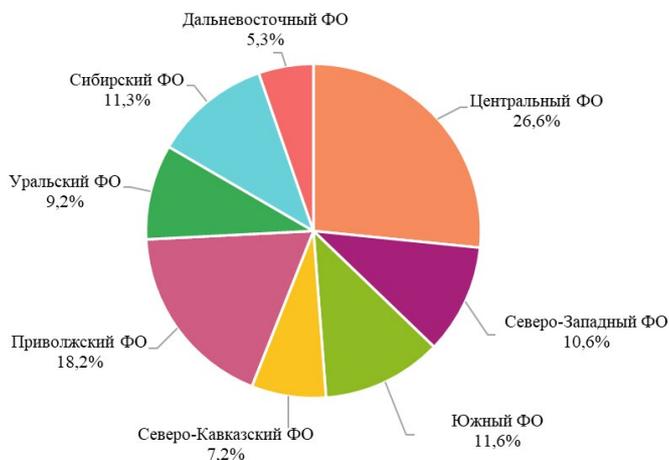
Исследование является комплексным. Оно охватывает социально-политический и экономический контекст жизни; базовые ценности и нормы поведения населения; его труд, доходы, повседневные интересы, оценки своего настоящего и ближайшего будущего. Исследователи избегают задавать вопросы, касающиеся острых, сиюминутных событий в жизни страны, предпочитая концентрироваться в относительно спокойные периоды на вопросах повседневной важности для респондентов. Объем одного интервью в разные годы составлял от 70 до 150 вопросов. Первоначальный вариант анкеты разрабатывался под руководством Н. И. Лапина с участием Г. М. Денисовского, А. Г. Здравомыслова, П. М. Козыревой, Н. Ф. Наумовой, В. А. Ядова. Для последующих волн анкета модифицировалась Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой, в 2023 г. в ее формировании участвовала К. В. Ракова. Мониторинговый характер исследования задавал определенную рамку для инструментария: большинство вопросов повторялись во всех волнах, но за прошедшие 33 года возникали идеи включить новые переменные, а некоторые используемые ранее исключались из инструментария. Поэтому по некоторым проблемам нет возможности провести анализ за все годы мониторинга, и мы вынуждены ограничиваться для сравнения более короткими периодами или даже одним годом, как было, например, с новыми данными в 2023 г. Все опросы, кроме 2023 г., проводились в личном контакте на дому респондента, в 2023 г. был реализован онлайн-опрос на панели компании «Институт общественного мнения Анкетолог»². Все волны мониторинга выполнены по всероссийским выборкам с репрезентативностью населения России старше 18 лет по полу, возрасту, образованию, типу поселения. В каждой волне опрошено от 1000 до 1400 человек. Ошибка выборки во всех опросах не превышала 3,5%. В 2023 г. были дополнительно опрошены респонденты в СЗФО (225 человек) и вместе — ЮФО и СКФО (220 человек) респондентов и был сформирован

² Опросы были проведены: в 1990 г. — сотрудниками МГУ им. Ломоносова под руководством С. В. Туманова и Б. Г. Григорьева; в 1994 и 1998 гг. — Центром социального прогнозирования и маркетинга (директор Ф. Э. Шереги); в 2002, 2006, 2010, 2015 гг. — Институтом сравнительных социальных исследований (директор В. Г. Андреенков); в 2023 г. — на онлайн-панели компании «Институт общественного мнения Анкетолог». Финансовую поддержку полевым исследованиям оказывали Российский гуманитарный научный фонд (1994—2002 гг.), Российский фонд фундаментальных исследований (2006—2015 гг.), Российский научный фонд (2023 г.).

второй массив для корректного сравнения географически, этнографически, конфессионально различных округов.

В опросе 2023 г. по всей России представлены все федеральные округа (см. рис. 1) и большинство регионов.

Рис. 1. Число респондентов, опрошенных в федеральных округах 2023 (%)

Цель исследования — проанализировать массовое сознание населения России за весь постсоветский период по ряду ключевых проблем: в отношении своего материального положения, изменения качества жизни и социального климата, а также ценностных ориентаций. В работе решалась задача на основе эмпирических данных составить представление о том, каково было массовое сознание населения перед существенными трансформациями в государственной политике и идеологии и на первых этапах специальной военной операции на Украине.

Как все начиналось: мнение населения о реформах

После перестройки в обществе обсуждались вопросы об экономических реформах, переходе к рыночной экономике, приватизации государственной собственности и земли, другие аспекты жизни при внедрении новой, неплановой экономики. Естественно было спросить людей, надо ли было начинать реформы. Этот вопрос повторялся в шести волнах мониторинга (1990—2010 гг.) (см. табл. 1).

Таблица 1. **Надо ли было начинать экономические реформы или не надо?** (%)

Варианты ответов	1990	1994	1998	2002	2006	2010
Убежден, что это было необходимо	15	17	18	20	19	19
Думаю, что надо	32	50	37	45	31	30
Думаю, что не надо	12	21	18	12	15	16
Убежден, что не надо	6	5	11	8	11	11
Не знаю, отказ от ответа	35	7	17	15	24	24

При довольно большом числе неопределившихся в 1990 г. почти половина респондентов считали, что реформы нужны. При этом 84% респондентов говорили, что их беспокоит или очень беспокоит недостаток продуктов питания. Далее доля сторонников реформ, несмотря на тяготы переходного периода, почти не сокращалась, а доля противников реформ не превышала одной трети. Общество в своем большинстве поддерживало реформы, даже не получив от них вначале ощутимой выгоды. Выиграли от реформ, по их собственному мнению, в несколько раз меньше респондентов, чем проиграли. От 28 до 42% остались «при своих» — не выиграли и не проиграли, очевидно, это были поддерживающие реформы и адаптировавшиеся к ним, но без весомых материальных выгод (см. табл. 2).

Таблица 2. **Вы лично выиграли или проиграли от реформ в России? (%)**

Варианты ответов	1998	2002	2006	2010
Скорее выиграли	10	13	11	7
Не выиграли и не проиграли	28	29	30	42
Скорее проиграли	54	46	40	33
Затруднились ответить, отказ от ответа	8	12	18	18

Несмотря на довольно низкие оценки результатов реформ, у населения постепенно нарастал оптимизм относительно своего ближайшего будущего, особенно в начале XXI века. Если в 1990 г. только 13% считали, что в ближайшем году будут жить лучше, то в последующие годы эта доля возросла, составив в 2006 и 2010 гг. около трети населения, на стабильность рассчитывали уже около 40%. Только 1998 г., год дефолта и огромной инфляции, показал снижение позитивных оценок до уровня 1990 г. (см. табл. 3).

Таблица 3. **Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже? (%)**

Варианты ответов	1990	1994	1998	2002	2006	2010
Будем жить лучше	13	16	12	23	30	30
Ничего не изменится	23	37	31	37	43	41
Будем жить хуже	34	36	32	17	5	12
Не знаю, отказ от ответа	30	11	25	24	21	17

Удивительно, но улучшение своего материального положения респонденты не связывали с реформами — фиксируя проигрыш от реформ, они тем не менее довольно оптимистично оценивали следующий год, говоря о росте своего материального благополучия, особенно в 2010 г. Можно предположить, что это не только «спутанность» сознания, но и следствие хаотичности самих реформ, которая проявлялась в отсутствии разъяснения их целей и этапов, анализа и выводов из тех преобразований, которые получали стихийное воплощение.

Материальная дифференциация в самооценках населения

Начиная с 1994 г. при опросе населения респондентам предлагалось дать самоопределение своего материального положения с использованием качественной шкалы. Авторы методики с самого начала отказались от фиксирования в опросе номинальных доходов. Замечено, что респонденты склонны скрывать свои доходы или занижать их в условиях нестабильного уровня зарплат, наличия нелегальных доходов и случайных приработков. Заметим, что с 1990-х годов положение изменилось не сильно. Поэтому мы продолжаем определять уровень материального положения на основе самооценок индивидом своего места на шестиуровневой шкале, на которой даны качественные характеристики уровня жизни — от условно «нищих» до «богатых». Качественная шкала позволяет точнее определить, как сам человек оценивает свой доход, а сравнение данных более чем за три десятилетия показало надежность такого измерения (см. табл. 4).

Таблица 4. Какое высказывание характеризует Ваше материальное положение? (%)

Самооценка материального положения	1994	1998	2002	2006	2010	2015	2023	Условные слои
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	13	11	8	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	18	18	10	«Бедные»
На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28	21	30	21	21	22	13	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	31	33	50	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	11	9	16	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	1	1	1	2	3	2	3	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	4	1	—	6	3	5	—	
Всего	100	100	100	100	100	100	100	

В начале 1990-х годов около 70 % населения оказались в материальных стразах «нищих», «бедных» и «необеспеченных», к трем верхним материальным слоям относились только 30 % населения. В течение десятилетия наблюдались значительные перепады в численности отдельных материальных слоев, особенно слоя самых бедных и тех, кто был более-менее материально обеспечен перед кризисом 1998 г. Первый слой в составе всего населения вырос в результате кризиса 1998 г. более чем в три раза, слой «обеспеченных» сократился в 1,6 раза. Начало 2000-х отметилось заметным изменением трендов развития материального расслоения. К этому времени сократилась численность «нищих» и «бедных», которые, тем не менее, к 2015 г. составили почти 30 % населения страны, 22 % находились на уровне необеспеченности и 44 % жили благополучно («обеспеченные»,

«зажиточные» и «богатые») ³. Показательно, что данные опроса 2015 г. подтверждают тенденцию, отмеченную и государственной статистикой: за годы постсоветского развития, несмотря на трудности роста рыночной экономики, постепенно сформировались слои населения, представленные средне- и высокодоходными группами, подавляющая часть которых занята в негосударственном секторе [Беляева, 2016]. В 1998—2015 гг. слои «зажиточных» и «богатых» в сумме стабилизировались на уровне 11 %, но в последующем этот показатель рос по 1 п. п. в год и к 2023 г. составил 19 % взрослого населения страны.

Спустя восемь лет после опроса 2015 г. зафиксированы заметные изменения в распределении по материальным слоям. Только 31 % (в 2015 г. 51 %) в 2023 г. относятся к трем слоям с низкими доходами, в том числе самый бедный слой сократился до 8 %. Заметно вырос слой «обеспеченных», который составляет теперь 50 % населения, немного подросла численность двух верхних слоев — «зажиточных» и «богатых». Основное достижение 33-летнего периода, если говорить об уровне жизни, — неуклонный рост численности «обеспеченных». Он начался после 1998 г. и сейчас составляет половину населения. Доли «зажиточных» и «богатых» после 1998 г. постепенно увеличивались в диапазоне от 11 до 19 %, а с учетом труднодоступности этих слоев для опросов их можно оценить в 20—22 %. Вместе с «обеспеченными» они составляют группу, имеющую устойчивые доходы и оптимистично оценивающими свое ближайшее и отдаленное будущее, надеющуюся преимущественно на себя в улучшении своей жизни.

Такое изменение материальной дифференциации населения можно оценить как следствие восстановления в последние годы промышленного и сельскохозяйственного производства, развития среднего и малого бизнеса, индивидуальной трудовой деятельности и усилий государства по материальной поддержке нуждающихся социальных групп. Правительственные меры по поддержке бедного населения имеют несомненный успех, они сократили бедность и по статистическим показателям, и по самооценкам. Удивительно, как совпала численность бедных по опросу населения и по официальной статистике. Граница бедности, введенная в 2021 г., сопоставимая с применявшейся ранее величиной прожиточного минимума, по официальным статистическим данным была в III квартале 2024 г. 15 679 руб. ⁴ Численность населения с доходами ниже границы бедности составила 8 % жителей страны, совпав с численностью самых бедных по самооценке в этом же году. Уровень бедности снизился под влиянием ряда факторов, среди которых главный — внедрение единого пособия для малообеспеченных семей с детьми и беременным женщинам. Кроме того, повлиял рост доходов за счет увеличения заработных плат (минимальная заработная плата по закону должна быть не менее чем на 3 п. п. выше, чем граница бедности), свою роль сыграла и оплата труда работников оборонно-промышленного

³ От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений // ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия. 2024. URL: https://intelros.ru/subject/ross_rasput/print:page.1,9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analicheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html (дата обращения: 18.05.2024).

⁴ Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в I квартале 2024 года // Росстат. 2024. 7 июня. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/238606> (дата обращения: 17.02.2025).

комплекса, а также денежные довольствия военным и компенсационные выплаты семьям погибших и раненых,

Соотношение шести материальных страт изменилось в лучшую сторону за восемь лет. Если объединить три нижние страты («нищие», «бедные», «необеспеченные»), выделить страту «обеспеченных» и объединить две верхние страты («зажиточных» и «богатых»), то соотношение можно представить как 31: 50: 19, то есть за 33 года общество пришло к довольно устойчивой конструкции. Материальное расслоение общества с таким устойчивым центром — следствие позитивных сдвигов в экономике и успешной адаптации населения к социетальным преобразованиям за весь постсоветский период. Можно оценить такое положение как стабилизацию материального уровня жизни населения: процесс адаптации закончился, большинство групп, особенно молодые когорты, имеют перспективы трудоустройства на хорошо оплачиваемые рабочие места, в том числе использующих IT-технологии, освоение которых в учебных заведениях всех уровней идет ускоренными темпами и обещает стабилизацию общества с меньшим числом бедного и необеспеченного населения.

Средний класс России: 30 лет постсоветского периода

В мониторинге была предусмотрена единая методика выделения среднего класса по трем признакам: самоидентификация со средним слоем, уровень образования не ниже среднего специального и материальное положение, достаточное для жизни, которое включало три позиции: «обеспеченных», «зажиточных» и «богатых». Использование комплекса показателей для выделения среднего класса позволило уйти от одностороннего подхода к его идентификации. Определение среднего класса только на основе дохода или самоотнесения к средним слоям или среднему классу, до сих пор встречающееся в научной литературе и публицистических работах, сложно признать продуктивным. В обоих случаях не учитывается такой важный признак среднего класса, как его человеческий капитал, который формируется благодаря профессиональной подготовке и позволяет играть активную роль в экономической системе. Оценка среднего класса по доходу опирается на низкую базу для его выделения — минимальный размер зарплаты или средний, или медианный доход всего населения, которые в России находятся на низком уровне и поэтому несопоставимы со средним классом многих европейских стран⁵. Выделение среднего класса на основе самоидентификации, так называемого субъективного среднего класса, неоправданно увеличивает его состав за счет самовключения лиц, не обладающих какими-то значимыми ресурсами: неквалифицированных рабочих, пенсионеров, учащихся.

Применение одной и той же методики в разные годы мониторинга показывает, что численность среднего класса коррелирует с трендами изменения объемов материальных слоев и отражает коллизии, которые происходили в обществе, — подъемы и кризисы экономического развития. Самый низкий уровень благосостояния для среднего класса определялся суждением: «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг». В современных услови-

⁵ О среднем классе и доходах населения (интервью ТАСС) // Администрация Президента России. 2020. 18 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63007> (дата обращения: 29.05.2024).

ях это те, кто может взять кредит в банке на дорогие покупки. Такие люди имеют стабильные и достаточные для этого официальные доходы, ресурсы для обеспеченной жизни и пользования современными услугами в соответствии с российскими стандартами.

Образование для среднего класса устанавливалось в методике не ниже среднего специального. При всех различиях высшего и среднего специального образования было решено оба этих уровня признать достаточными, чтобы считать обладающих ими респондентов профессионалами, прошедшими современную социализацию. Важным признаком среднего класса является самоидентификация со средним слоем общества. Он свидетельствует о самоощущении человека как занимающего определенное место в обществе по отношению к другим социальным слоям — между бедными и богатыми, его желаниии прочно расположиться в нем или продвинуться вверх. Самоидентификация со средним классом — сложное социально-психологическое переживание. Как пишет немецкий антрополог Х. Вайс, оно подразумевает, что каждый потенциально способен подняться на этот уровень благодаря усилиям, инициативе и жертвам, так же как каждый может выпасть из него из-за легкомыслия, лени и отсутствия амбиций. Средние чувствуют себя хозяевами своей судьбы. Они знают, что нужны постоянные усилия для поддержания собственного статуса, и даже когда они терпят материальные трудности, они продолжают считать себя средним классом [Вайс, 2021]. Эта характеристика среднего класса вступает в противоречие с мнением этого же автора о том, что средний класс — это размытая общность, не имеющая четких критериев, используемая медиаперсонами, маркетологами и политиками для своих целей, которые претендуют на то, чтобы выражать интересы среднего класса в своих решениях. Автор настаивает, что это идеология [там же: 14].

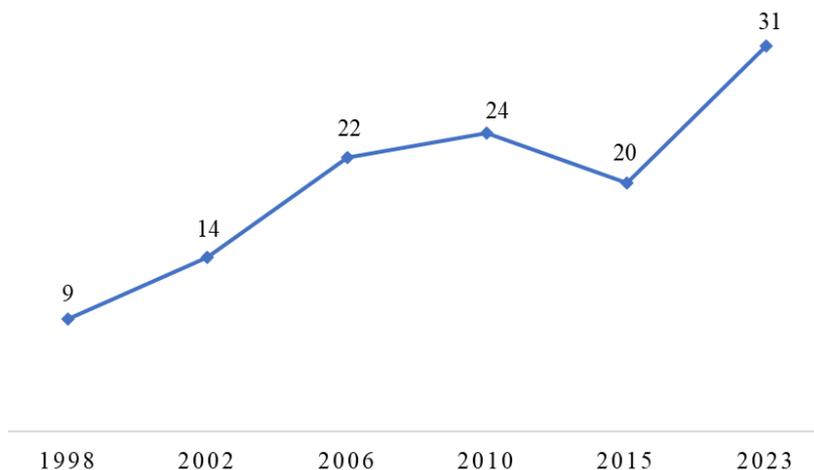
В качестве альтернативы этой позиции многие исследователи рассматривают средний класс как социальное образование со сложной внутренней структурой, составляющее в странах, прошедших модернизацию, значительную, причем активную часть общества, смягчающую конфликт между бедными и богатыми, обеспечивающую устойчивость и развитие общества в силу своего профессионализма и мотивации к успеху.

На рисунке 2 представлена динамика изменения численности среднего класса по данным мониторинга за 25 лет: 1998—2023 гг. За это время его численность выросла в 3,4 раза. За последние восемь лет — с 2015 по 2023 г. рост составил 11 п. п., или 1,6 раза, а численность среднего класса достигла 31 % взрослого населения страны. Такие темпы говорят о росте благосостояния профессиональных групп в обществе.

Распределение среднего класса по территориям и типам населенных пунктов неравномерное, фиксируется концентрация в двух столицах и в региональных центрах. Состав среднего класса социально неоднороден. Прежде всего выделяются различия по обладанию властными, управленческими функциями или наличию бизнеса: 13 % представителей среднего класса владеют бизнесом, работают на себя, не по найму или в семейном деле; 37 % имеют в своем подчинении работников. Для большинства опрошенных иметь свой бизнес, работать на себя — приоритет среди других видов занятости, 72 % хотели бы работать на предприятии,

находящемся в личной собственности, в своем большинстве так ориентирован и средний класс. Основную массу среднего класса составляют специалисты (30 %), руководителей — 7 %, в бюджетных организациях работают 21 %, 29 % — на предприятиях государственной, акционерной и смешанной форм собственности. Не подтвердилось высказанное в литературе предположение, что в составе среднего класса основную долю составляют управленцы⁶. Сегодня в России укрепляются позиции «средних» — предпринимателей, экспертов, специалистов, которые, несмотря на экономическую турбулентность, продолжают сохранять оптимизм, особенно имея в виду более отдаленные перспективы. На 2023 г. 69 % среднего класса удовлетворены своей жизнью, 61 % уверены в своем будущем, 89 % считают, что улучшение их жизни зависит преимущественно от них самих. Для остальных респондентов перспективы их жизни менее радужны: только 43 % удовлетворены своей жизнью, 39 % уверены в своем будущем, но при этом большинство трезво оценивают свои перспективы — 74 % видят улучшение своей жизни как производное от собственных усилий. В оценках следующего года и у среднего класса, и у остальных опрошенных нет такого позитивного настроения. Только 41 % «средних» считает, что они будут жить лучше в следующем году, такого же мнения придерживаются 34 % остальных респондентов. Такая разница в оценках отдаленного и близкого будущего характерна для российского населения, проявляется она и у среднего класса. Большинство критически оценивает текущую ситуацию и опасается ее ухудшения в краткосрочной перспективе — в следующем году.

Рис. 2. Численность среднего класса по самооценкам материального уровня, образования и самоидентификации в России в период с 1998 по 2023 г. (%)

По данным мониторинга, средний класс чаще выбирает активные стратегии улучшения своего материального положения, старается как можно лучше рабо-

⁶ Чепуренко А. Ю. Средний класс в России — это миф // Президентский Центр Б. Н. Ельцина. 2019. 21 февраля. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/98555/> (дата обращения: 12.05.2024).

тать на своем рабочем месте и чаще имеет дополнительную работу, чем остальные респонденты. Но в оценке многих аспектов жизни средний класс близок с остальной частью общества: в претензиях к государству как гаранту личной безопасности, оценках доверия между людьми, доверия к государственным институтам, политическим партиям. В этом средний класс мало отличается от остального населения — его беспокоит все то же, что беспокоит общество. Но его потенциал и опыт, накопленные за годы постсоветского развития, позволяют оптимистичнее смотреть в будущее.

Качество жизни населения: динамика 30 постсоветских лет

Не существует общего определения понятий «уровень жизни» и «качество жизни». Почти каждый исследователь проводит свою операционализацию этих понятий через выбранную им систему показателей. Часто эти понятия используются как взаимозаменяемые, а показатели, которые их описывают, во многом совпадают. Но разница все же есть. Уровень жизни — более узкая категория по сравнению с качеством жизни, ее характеризуют преимущественно материальные условия и удовлетворение основных социальных потребностей. К ним относятся доходы, потребление, жилищные условия, доступность образования, качество здравоохранения и т. д.

Качество жизни представляет собой более широкий комплекс условий жизнедеятельности человека и включает в себя уровень жизни, а также экологическое благополучие среды обитания, благоприятное социальное окружение, политический климат, психологический комфорт и другие экзистенциальные характеристики. Это комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и существующих в обществе социальных стандартов [Беляева, 2009: 34].

Мониторинг позволил проследить, как менялись оценки жителями России отдельных характеристик качества жизни, которые складываются в динамичную комплексную картину. В таблицах 5—8 представлены *положительные оценки* по показателям качества жизни, что дает возможность рассмотреть динамику качества жизни по отдельным характеристикам. Этот прием отличается от стандартного анализа дихотомических данных, но его использование позволило отделить позитивные процессы и сдвиги в обществе, увидеть в более позитивном ракурсе его развитие, не затушевывая в то же время его проблемы.

Более подробный анализ качества жизни в России в сравнении с другими европейскими странами содержится в монографии [Беляева, 2021], где помимо используемых в данной статье показателей приводятся сравнения по экзистенциальным характеристикам качества жизни.

Представляем субъективные показатели качества жизни, сведенные в четыре группы: 1) уровень жизни (благополучие); 2) качество ближайшей социальной среды; 3) качество экологии; 4) социальное самочувствие. Из анализа были исключены такие показатели, как политическая стабильность и демократия, кото-

рые не воспринимаются самим населением как лично значимые: оно не видит прямой связи деятельности политических институтов и своих интересов и, как следствие, их влияния на качество жизни социальных групп.

Уровень жизни (благополучие) включает материальный уровень жизни, доступность качественных потребительских товаров, удовлетворенность жилищными условиями, доступность хорошей медицинской помощи и образования, защищенность от бедности. Динамика этих показателей представлена в таблице 5.

За время фиксирования показателей материального положения респондентов (1994—2023 гг.) наблюдается непрерывное возрастание численности жителей России, относящих себя к обеспеченным и более высоким слоям по своим доходам. Ежегодный прирост этого слоя составлял 4—4,5 п. п., достигнув в 2023 г. 70% населения, то есть увеличившись с 1994 г. в 2,4 раза. Этот результат не кажется правдоподобным на фоне острых обсуждений проблем бедности в стране, но в пользу его достоверности говорят наличие в семьях автомобилей, в том числе дорогих зарубежных марок, и дорогостоящих предметов быта, размах ипотечного кредитования и покупки жилья, практики ежегодного отдыха на отечественных и зарубежных курортах, обладание вторым жильем, в том числе дачным, загородными домами и прочими атрибутами небедной жизни.

Таблица 5. Положительные оценки показателей уровня жизни (%)

Показатели уровня жизни	1990	1994	1998	2002	2006	2010	2015	2023
Хорошее материальное положение (обеспеченные и выше по доходу)	—	30	25	34	40	45	43	70
Удовлетворены доступностью качественных потребительских товаров	—	—	—	47	59	59	50	66
Удовлетворены качеством обслуживания в сфере быта	—	—	—	31	49	48	48	60
Удовлетворены качеством жилья	57	—	—	58	60	66	65	68
Удовлетворены доступностью хорошей медицинской помощи	—	—	—	19	28	31	31	29
Удовлетворены доступностью образования	—	—	—	—	—	41	46	49
Защищены от бедности			14	—	15	21	21	21

Примечание. Прочерк означает, что вопрос в данный год не задавался.

Доступность качественных потребительских товаров, обслуживание в сфере быта, качество жилья удовлетворяют большинство респондентов (60—68%). Можно сказать, что за постсоветские годы было достигнуто впечатляющее укрепление материальной стороны жизни значительной части населения. Это не должно ослаблять внимания к удовлетворению основных материальных потребностей менее обеспеченных слоев, но и замалчивать положительные сдвиги в уровне жизни незлитной части общества было бы ошибочно.

По другим показателям уровня жизни, относимым к нематериальным критериям, картина менее успешная. Так, отмечалась неудовлетворенность доступностью

стью качественной медицинской помощи, хотя в 2010—2023 гг. число удовлетворенных состоянием медицинской помощи выросло до 29%. Основные претензии к медицине высказывались в 2023 г. по трем позициям: «трудно попасть к врачу из-за больших очередей» (отметили 59% всех опрошенных), «недостаточная квалификация врачей» (отметили 38%), слишком ограниченное количество услуг в поликлиниках, нельзя получить необходимую помощь (32%). Оценка доступности образования для самих респондентов и для членов их семей изменилась незначительно, достигнув в 2023 г. 49%.

Наконец отметим вопиюще высокий уровень незащищенности от бедности, о котором говорят респонденты, несмотря на довольно высокие показатели уровня жизни. Только 21% в 2010, 2015 и 2023 гг. считали, что они защищены от этой опасности. Среди них преобладают предприниматели и самозанятые, а также руководители с высшим образованием. Можно сделать вывод о неустойчивости оценок своего достатка в сознании основной части материально благополучного населения, его опасения за возможное снижение уровня жизни, что отражается на социальном самочувствии. Заметим, что в 1998 г. считали себя защищенными от бедности только 14%.

Качество ближайшей социальной среды, того ареала, в котором постоянно проживает человек, рассмотрено по следующим показателям: доверие людям; наличие друга, подруги, на которых можно рассчитывать в трудную минуту; защищенность от одиночества и заброшенности; защищенность от разного рода опасностей: притеснения из-за религиозных убеждений; ущемления из-за национальности; преследований из-за политических убеждений; безработицы; преступности, от произвола чиновников, произвола правоохранительных органов (см. табл. 6).

Таблица 6. Положительные оценки качества ближайшей социальной среды (балл, % от числа опрошенных)

Показатели качества ближней социальной среды	2002	2006	2010	2015	2023
Большинству людей можно доверять (средний балл по 10-балльной шкале)*	—	—	—	4,8	5,9
Есть друг, подруга	72	—	73	72	74
<i>Чувствуют себя защищенными от:</i>					
притеснения из-за религиозных убеждений	65	66	67	62	68
ущемления из-за национальности	64	69	68	64	66
преследований из-за политических убеждений	—	44	46	45	38
одиночества и заброшенности	34	32	36	39	35
преступности	7	9	17	40	30
произвола чиновников	10	16	22	22	18
произвола правоохранительных органов	14	17	28	31	28

Примечание. Прочерк означает, что вопрос в данный год не задавался.

* Респондентам задавался вопрос: «Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает? Для ответа Вы можете выбрать любую цифру от 0 до 10, которая наилучшим образом отражает Ваше мнение». На основе ответов определялся средний балл по 10-балльной шкале.

Лучшие показатели качества социальной среды связаны с межличностными отношениями, наличием друга/подруги, с которыми можно разделить трудные обстоятельства жизни. О существовании таких личных привязанностей высказывались более 70 % респондентов во все годы опросов. С этим благополучным фоном контрастирует уверенность всего лишь трети респондентов в защищенности от одиночества и заброшенности. Очевидно, это связано с недостаточно эффективной системой социальной защиты населения, поскольку не все проблемы можно решить личным и дружеским участием, особенно в отношении лиц преклонного возраста. Общее доверие к людям выросло по сравнению с 2015 г. (с 4,8 балла в 2015 г. до 5,9 балла в 2023 г.), но по международным сравнениям показатель ниже, чем в большинстве европейских стран [Социологические подходы..., 2021: 323]. Стабильно высоки показатели защищенности от притеснений из-за религиозных убеждений и ущемления по признаку национальности — более 60 % за 2002—2023 гг. наблюдений. В 2023 г. снизилась оценка защищенности от преследований из-за политических убеждений: в 2023 г. только 38 % сказали, что защищены, против 45 % в 2015 г. Признание защищенности от преступности постепенно росло до 2015 г., но снизилось в 2023 г. на 10 п. п. до 30 %. Еще ниже защищенность от произвола правоохранительных органов (28 %) и чиновников (18 %). Традиционно низкие оценки деятельности институтов правопорядка и управления не меняются в оценках населения в течение десятилетий, что создает тревожный фон существования человека в своей социальной среде. Можно сделать вывод, что ближайшую социальную среду респонденты оценивают как обладающую определенной стабильностью, в ней сочетается позитивное межличностное общение, довольно хорошие межрелигиозные и межнациональные отношения, но существуют проблемы защиты уязвимых слоев населения и непреодоленное отчуждение чиновничества и правоохранительных органов от населения.

Качество экологии как компонент качества жизни измерялось по двум показателям: чистоте воздуха и воды, которую употребляют респонденты (см. табл. 7). В 2023 г. 45 % опрошенных признали чистым воздух в местах их проживания, а более 50 % сказали, что употребляют чистую воду. Улучшение оценок по чистоте воды с 2010 по 2023 г. составило 16 п. п.

Таблица 7. Положительные оценки качества экологии (%)

Показатели качества экологии	2002	2006	2008	2010	2015	2023
Воздух достаточно чистый	—	—	—	43	45	45
Вода достаточно чистая	—			36	42	52

Примечание. Прочерк означает, что вопрос в данный год не задавался.

В качестве индикаторов *социального самочувствия*, в определенном смысле результирующих оценки качества жизни, были использованы характеристики, представленные в таблице 8.

Таблица 8. Положительные оценки социального самочувствия (%)

Показатели социального самочувствия	1990	1994	1998	2002	2006	2010	2015	2023
Удовлетворен жизнью в целом	—	—	—	39	29	59	59	51
Стали жить лучше по сравнению с прошлым годом	14	21	15	26	31	19	—	—
В ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше	13	16	12	22	30	30	25	36
Уверены в своем будущем	21	11	14	22	42	50	54	46
Улучшение жизни зависит от самого респондента	—	—	—	77	79	84	77	79
Не готовы принять участие в акциях протеста против снижения уровня или качества жизни	—	—	—	—	—	31	30	37

Примечание. Прочерк означает, что вопрос в данный год не задавался.

Половина россиян удовлетворена своей жизнью, причем рост удовлетворенности по сравнению с началом века — 2002 и 2006 гг. — значительный: 22 и 32 п. п. соответственно. Можно предположить, что адаптационный период к 2020-м годам закончился, половина наиболее активных и имеющих личностные ресурсы россиян устроила свою жизнь достаточно успешно, сбалансировала доходы и свои потребности в современных комфортных, по российским меркам, стандартам. Уверенность в своем будущем демонстрирует около половины населения (46% в 2023 г.), что несопоставимо с 1990-ми годами, когда только разворачивались рыночные преобразования и большинство населения сомневалось в своем будущем (21% уверенных в своем будущем в 1990 г.). Традиционно менее оптимистично население оценивает следующий год своей жизни по сравнению с отдаленным будущим. Но положительные оценки начала 2020-х годов в два-три раза превышают оценки 1990-х годов, что свидетельствует о большей уверенности в стабильности жизни, возможности планировать и оценивать близкую перспективу. Для одной трети населения неприемлемо участвовать в акциях протеста против снижения уровня жизни, почти 80% опрошенных в деле улучшения своей жизни надеются на себя. С одной стороны, это говорит о сокращении патерналистских ожиданий в обществе, с другой — обобщает опыт существования в экономических и социальных реалиях постсоветских лет, когда требовалось проявить настойчивость и целеустремленность, чтобы адаптироваться к новым общественным условиям.

Социально-психологический климат в российском обществе: доверие, одиночество, семейные и дружеские отношения

Социально-психологический климат в обществе позволяет оценить качество и стабильность общественного развития. Под социально-психологическим климатом мы понимаем атмосферу, которой характеризуются взаимоотношения индивидов внутри общества. Социально-психологический климат включает такие элементы, как доверие окружающим, играющее значимую роль при установлении и поддержании взаимоотношений и социальных связей в обществе; доверие средствам массовой информации; уровень взаимопонимания между индивида-

ми и чувство близости между различными социальными группами внутри одного общества; чувство защищенности от одиночества и заброшенности. Рассмотрим далее эти категории в динамике и в последний год мониторинга — 2023.

Доверие

Уровень доверия между людьми в России находится на невысоком уровне. С 2015 по 2023 г. уровень межличностного доверия среди россиян остался практически без изменений (см. табл. 9).

Таблица 9. Динамика межличностного доверия в российском обществе с 2015 по 2023 г. (%)

Доверие большинству людей	2015	2023
Можно доверять (7—10 баллов)	31	34
Трудно сказать однозначно (4—6 баллов)	37	34
Нужно быть осторожным (0—3 балла)*	32	29

* Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?», выбрав ответ по шкале от 0 до 10, где «0» означает «даже излишняя осторожность не помешает», а «10» — «большинству людей можно доверять».

Важную роль в создании в обществе климата доверия/недоверия играют средства массовой информации. За последние 13 лет доля россиян, которые доверяют СМИ, сократилась вдвое — с 34% до 17% (см. табл. 10). Значительная часть россиян переместилась в когорту не доверяющих СМИ — их доля с 2010 г. увеличилась на 16 п. п. и составила более половины всех опрошенных.

Таблица 10. Динамика уровня доверия СМИ в российском обществе в период с 2010 по 2023 г. (%)

Доверие СМИ (ТВ, радио, печать)	2010	2015	2023
Доверяю	34	31	17
Трудно сказать точно	24	31	23
Не доверяю	40	37	56

Возможно, наблюдаемая тенденция связана с появлением и стремительным распространением интернет-источников информации — как государственных, так и региональных, — и частных новостных каналов, а также воздействием зарубежных СМИ.

Доля россиян, доверяющих интернет-источникам информации, в 2023 г. идентична доле россиян, которые доверяют традиционным СМИ, — 17% при большей доле не доверяющих интернету (см. табл. 10—11).

Таблица 11. Доверие россиян интернет-источникам информации (%)

Доверие интернет-источникам	2023
Доверяю	17
Трудно сказать точно	31
Не доверяю	48

В результате формирования мозаичного информационного пространства у разных групп населения складываются разные, зачастую противоположные представления и мнения о происходящих в стране и мире событиях. Однако в целом уровень доверия населения в информационном поле достаточно низкий, что имеет негативное влияние на социальный климат общества.

Отношения с близкими людьми

Для консолидации общества доверие имеет первостепенное значение, как и хорошие семейные и дружеские отношения между людьми, которые составляют близкий круг общения (см. табл. 12).

Таблица 12. **Отношения в близком круге общения в период с 2010 по 2023 г. (%)**

Высказывания	2010	2015	2023
Стремятся к установлению хороших семейных и дружеских взаимоотношений	91	79	69
Чувствуют себя защищенными от одиночества и заброшенности	36	39	35
Есть надежный друг или подруга	74	74	73

Стремление россиян к установлению хороших семейных и дружеских взаимоотношений снизилось за 13 лет на 22 п. п. Ценность дружеского и даже семейного общения стремительно теряет свою значимость в массовом сознании российского общества. Немаловажную роль играет растущая популярность ценностей либерального индивидуализма. Например, в последние годы наблюдается тенденция к увеличению доли респондентов, разделяющих ценности *независимости* и *свободы*⁷ (см. табл. 13). Это ослабляет ценностную установку индивидов на создание и поддержание крепких социальных связей и переносит значимость дружеских и семейных уз на второй план.

Однако число россиян, имеющих друга или подругу, на помощь которого они могут положиться в трудную минуту, остается практически без изменений — их более 70% опрошенных. Но одновременно в период с 2010 по 2015 г. доля россиян, которые чувствуют себя защищенными от одиночества и заброшенности, сначала незначительно увеличилась, а затем к 2023 г. сократилась на 5 п. п. Это может быть связано с изоляцией в период пандемии Covid-19 2020 года, когда количество социальных контактов резко сократилось, что отразилось на психологическом здоровье многих людей. Как отмечают социологи, «продолжительный опыт социального дистанцирования увеличивает чувство одиночества» [Ростовская и др., 2022: 21].

⁷ Респондентам предлагалось оценить степень значимости 14 ценностных суждений по шкале от 1 до 11, где «1» означает «совершенно не важно», а «11» — «чрезвычайно важно». При обработке данных ответы респондентов были перекодированы следующим образом: оценки от 1 до 3 баллов вошли в категорию «не согласен»; оценки от 4 до 7 баллов соотносились с категорией «отношусь нейтрально»; оценки по уровню согласия от 8 до 11 баллов образовали категорию «согласен».

Таблица 13. **Динамика уровня согласия россиян с ценностными установками в период с 2010 по 2023 гг. (%)**

Ценностная установка	2010	2015	2023
Нравственность	66	46	35
Благополучие	86	68	59
Своевольность	25	22	17
Свобода	79	63	66
Работа	74	57	51
Порядок	91	80	77
Общительность	91	79	69
Семья	92	79	69
Независимость	81	64	66
Властность	29	22	10
Жертвенность	67	52	39
Инициативность	66	49	40
Жизнь человека	93	81	77
Традиция	78	61	55

Данные 2023 г. показали, что стремление к установлению хороших семейных и дружеских взаимоотношений (ценность *общительности*) в большей степени свойственно женщинам, нежели мужчинам, россиянам в возрасте от 55 до 64 лет, проживающим в сельской местности и тем, кто имеет полное высшее образование и более высокий уровень образования. Кроме того, ценность общительности для себя лично подчеркивают россияне с большими доходами, которые принадлежат к категории богатых. Чувствуют себя незащищенными от одиночества и заброшенности те, кто не работает по разным причинам: находятся в декретном отпуске, отпуске по уходу за ребенком, являются пенсионерами или временно не работают по другим причинам.

Доля мужчин, имеющих друга или подругу, на помощь которого можно рассчитывать в трудную минуту, больше (75%), чем доля женщин (73%). Также наличие друга более свойственно россиянам в возрасте от 18 до 24 лет (89%); тем, кто проживает в сельской местности (81%); имеет неполное высшее образование (82%) и входит в категорию «зажиточные» (79%), а также учащимся в дневных учебных заведениях (83%).

При анализе ответов респондентов на вопрос о взаимопонимании среди родственников, друзей, соседей и коллег была зафиксирована корреляционная связь между материальным положением и уровнем взаимопонимания с окружающими. Так, среди наиболее богатых, кто практически ни в чем себе не отказывает, наблюдается наибольшая доля россиян с высоким уровнем взаимопонимания в отношениях с родственниками (85%), друзьями (69%), коллегами (31%) и соседями (15%). Наибольшая доля россиян, находящих взаимопонимание в кругу семьи, зафиксирована среди людей в возрасте 65 и старше (80%). В то время как в кругу друзей находит понимание молодежь в возрасте 18—24 лет (69%); среди

соседей — россияне в возрасте от 35 до 44 лет (10%); среди коллег — молодые люди, принадлежащие к когорте 25—34 лет (29%). В то же время наибольшая доля респондентов, находящих взаимопонимание с окружающими, наблюдается среди россиян со средним специальным/профессиональным или неполным высшим образованием — в кругу семьи (77%), друзей (59%), соседей (12%) и коллег (27%). Уровень взаимопонимания варьируется по возрастным когортам с отличающимися жизненными циклами, для которых свойственна различная доминирующая ориентация — на семью, работу или дружбу.

Согласно данным мониторинга за 2010—2023 гг., уровень взаимопонимания с друзьями и коллегами остался без статистически значимых изменений (см. табл. 14). Однако доля россиян, испытывающих наибольшее взаимопонимание в кругу семьи, значительно сократилась за последние 13 лет.

Таблица 14. **Динамика уровня взаимопонимания в российском обществе в период с 2010 по 2023 г. (%)**

Среди каких людей Вы обычно встречаете наибольшее взаимопонимание?	2010	2015	2023
В семье	43	45	38
Среди друзей	28	27	27
На работе	13	12	11

По данным мониторинга, в период с 2010 по 2023 г. наибольшее падение уровня значимости наблюдается относительно ценностей *нравственности* и *жертвенности* (см. табл. 13).

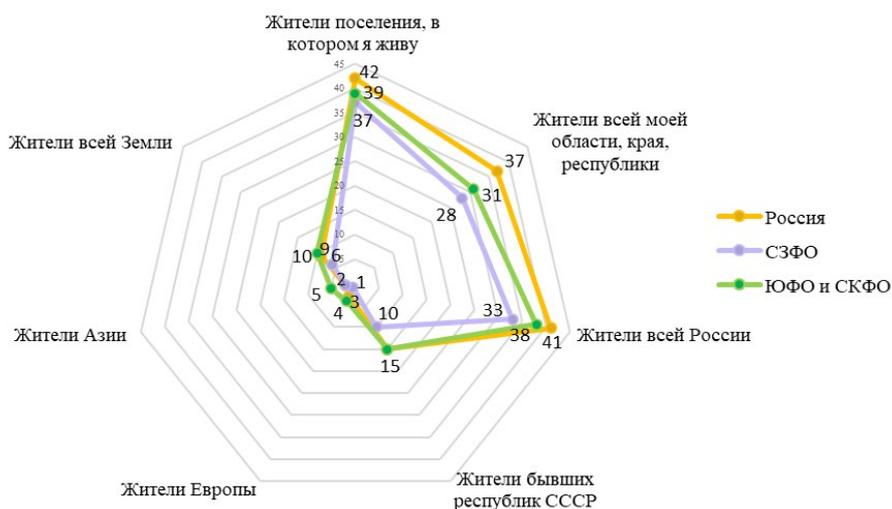
Доля россиян, для которых значима (категория «согласных») ценностная установка на нравственность, сократилась с 66% до 35%, доля разделяющих важность ценности жертвенности — с 67% до 39%. В период с 2010 по 2023 г. значимость ценности нравственности особенно упала у молодежи 18—24 лет: в 2010 г. их доля составляла 74%, в 2015 — уже 46% и к 2023 г. показатель упал до 27%. В эти же годы зафиксировано сокращение доли россиян 18—24 лет, разделяющих ценность жертвенности: в 2010 г. она составила 58%, к 2015 г. сократилась до 49% и к 2023 г. достигла отметки 27%. Ценности нравственности и жертвенности сохраняют свою важность для возрастной группы 45—54 лет, в которой доля тех, для кого важна ценность нравственности, хотя и уменьшилась за 13 лет, но по-прежнему является самой многочисленной по сравнению с другими возрастными когортами как в 2010 г. (66%), так и в 2023 г. (45%).

Для современной российской молодежи 18—24 лет наиболее значимы ценности свободы и независимости. В 2010 г. в данной возрастной группе зафиксированы наибольшие доли россиян, разделяющих ценности свободы (83%) и независимости (79%). К 2015 г. они сократились до 64% и 62% соответственно. В 2023 г. значимость этих ценностей у молодежи осталась практически без изменений (62% и 61% соответственно). В период с 2015 по 2023 г. это *единственные две ценности*, по которым доля их разделяющих россиян увеличилась (см. табл. 13).

Социальная идентичность россиян: чувство близости с окружающими

Под социальной идентичностью россиян мы понимаем чувство близости и единства с другими социальными группами. В исследование были включены следующие социальные группы⁸ в соответствии с выделяемыми нами уровнями и компонентами социальной идентичности российского общества [Ракова, 2024]: «жители поселения, в котором я живу» и «жители всей моей области, края, республики» (групповой уровень, региональная компонента), «жители всей России» (государственный уровень, территориальная компонента), «жители бывших республик СССР», «жители Европы», «жители Азии» и «жители всей Земли» (глобальный уровень; постсоветская, европейская, азиатская и космополитическая компоненты) (см. рис. 3).

Рис. 3. Чувство близости россиян с различными социальными общностями в 2023 г. (%)

В наибольшей степени чувство близости у жителей России проявляется на трех уровнях — с жителями своего поселения, жителями области или края и с жителями всей России. Аналогичная ситуация отмечена и в трех округах — СЗФО, ЮФО и СКФО. При сравнении чувства близости с жителями бывших республик СССР видим, что в СЗФО наименьшая доля испытывающих это чувство — 10 %, тогда как по России в целом и в южных округах этот показатель немного больше — 15 %.

В наименьшей степени у россиян проявляется чувство близости с жителями Европы: статистически значимые отличия отсутствуют при сравнении данных по России в целом (3 %) и трем федеральным округам (1—4 %). Предпосылки отчужденности россиян по отношению к жителям Европы могут быть объяснены осложнением отношений с западными странами, переориентацией внешней политики нашей страны на Восток. Как в России в целом, так и в трех округах, так-

⁸ Респондентам предлагался вопрос «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность („свое“ — „чужое“) с такими людьми?..» по шкале Лайкерта («свое», «близкое, но не свое», «безразлично», «далекое, но не чужое», «чужое»). При анализе были отобраны респонденты, выбравшие вариант «свое».

же крайне малочисленны группы россиян, которые испытывают чувство близости с жителями Азии (2—5%). Это связано с разностью доминирующей культуры России и азиатских стран, а также с последствиями миграции в Россию. Основной миграционный поток в Россию — из стран Центральной Азии. «Отношение принимающего сообщества к внешним мигрантам формируется на основе культурно-оценочных характеристик обеих сторон. Культурная обусловленность этих взаимоотношений связана с тем, что на локальном уровне, как правило, выявляется разница культур, а не общая их родовая близость» [Бритвина, Могильчак, 2022: 128]. В 2023 г. доля «космополитически настроенных» россиян также было невелика — от 6% до 10% в России, СЗФО, ЮФО и СКФО.

Можно предположить, что консолидирующий потенциал сравнительно выше у населения южных регионов, чем у жителей СЗФО. Среди респондентов СЗФО был отмечен самый низкий уровень чувства общности на всех уровнях социальной идентичности (от локального до мирового).

Социальный климат современной России характеризуется неоднозначной социально-психологической атмосферой. С одной стороны, в последние годы почти на одном уровне сохраняется количество россиян, имеющих надежных друзей и чувствующих себя защищенными от одиночества. С другой стороны, стремление к установлению и поддержанию крепких взаимоотношений и социальных связей постепенно снижается. Особенно среди молодежи, городских жителей, малообеспеченных слоев общества, малообразованных когорт и среди тех, кто имеет полное высшее образование. Уровень и специфика взаимопонимания между людьми во многом обусловлены материальной обеспеченностью и возрастом. Российская молодежь находит понимание среди друзей и коллег, люди среднего возраста находят единомышленников среди соседей, россияне старше 65 лет — в кругу родных. Богатым легче всего найти взаимопонимание с окружающими независимо от того, к какой социальной группе те принадлежат — будь то друзья, коллеги, соседи или родственники. Молодые люди также не рассматривают угрозу одиночества или чувства заброшенности как актуальную для них. Уязвимы для одиночества россияне в возрасте от 55 и старше; проживающие в городе, имеющие среднее специальное или законченное высшее образование, относящиеся к малообеспеченным слоям населения и не имеющие постоянной работы. Вместе с тем, динамика уровня межличностного доверия среди россиян остается практически без изменений. В 2023 году почти каждый второй россиянин не доверяет СМИ, как традиционным, так и цифровым источникам информации, что также оказывает дисфункциональное влияние на социальный климат общества.

Период социально-экономической трансформации России после 1990-х годов сказался на семейных ценностях молодого поколения. Ценности свободы и независимости вытесняют ценности нравственности и жертвенности — все это трансформировало брачно-семейные установки российской молодежи. В кругу семьи все меньше и меньше россиян, особенно молодых, находят взаимопонимание. Стремление к установлению хороших семейных и дружеских взаимоотношений постепенно снижается. Количество «гражданских браков» (практика сожительства) и молодых семей, в которых супруги являются сторонниками движения «чайлдфри» (сознательный выбор в пользу семейной жизни без детей) увеличивается. Как

показывают результаты исследования, влиянию стремительного падения уровня значимости ценности *нравственности* на фоне роста значимости ценностей *свободы* и *независимости* в большей степени подвержены молодые поколения и малообеспеченные слои населения. Однако несмотря на рост значимости ценностей *свободы* и *независимости*, значительная часть россиян испытывает чувство близости не только со своим ближайшим окружением, но и с жителями своего края или республики, а также с жителями всей России. Наблюдаемые вызовы свидетельствуют о противоречивости социально-психологического климата и обосновывают необходимость дальнейшего, более глубокого изучения социально-психологического климата современной России.

Заключение

В результате анализа постсоветского периода развития российского общества можно заключить, что произошли радикальные изменения.

Во-первых, в начале анализируемого периода произошла материальная дифференциация, ввергнув большинство населения бедность, которая стала постепенно отступать благодаря адаптивным способностям к новым институциональным обстоятельствам и разворачиванию своеобразных рыночных отношений. Для лиц, имеющих ресурсы благодаря своему человеческому и социальному капиталу, открылись возможности перемещения в средние и верхние имущественные страты, не просто адаптироваться к новым условиям жизни, возникшим в постсоветский период, но и стабилизировать свое материальное положение, смотреть в будущее с большей уверенностью и полагаться прежде всего на себя. К 2023 г. две трети населения обрели материальную устойчивость, что дает основания говорить о стабилизации общества и позволяет перейти к более эффективной поддержке необеспеченных социальных групп, принять соответствующие государственные программы.

Во-вторых, в стране постепенно формируется средний класс — слой с достаточно устойчивым материальным положением, профессионально состоятельный и идентифицирующий себя со средним положением в обществе — между богатыми и бедными. Материальное благополучие, уверенность в будущем, вера в свои силы, трудовое поведение и мотивации выделяют этот слой среди других социальных слоев. Перспективы, которые открываются для среднего класса при реализации новой стратегии развития России, способны ускорить рост его численности, сформировать уверенность в отдаленном и близком будущем, улучшить социальное самочувствие, усилить его позиции как стабилизатора социальных отношений в стране и в реализации стратегий модернизации российского общества.

В-третьих, качество жизни в стране изменялось сообразно изменениям в экономике. Благодаря высокой адаптированности населения к экономическим изменениям к концу анализируемого периода значительно укрепилась материальная составляющая качества жизни: выросли доходы, улучшились оценки качества жилья, доступности качественных товаров и услуг. Все это пришло в жизнь россиян с развитием рыночных принципов в экономике, ориентированной на удовлетворение потребительского спроса. Другие составляющие качества жизни улучшились незначительно, по-прежнему высока неудовлетворенность качеством

государственной медицинской помощи и чрезвычайно высоки оценки угрозы бедности во всех социальных слоях, за исключением предпринимателей, самозанятых и руководителей с высшим образованием. Угрозу бедности ощущают во все годы анализируемого периода до 80 % населения. Осознание нестабильности уровня жизни отрицательно сказывается на социальном самочувствии и оценках ближайшей социальной среды. Это тот ареал социальных связей и обстоятельств, с которыми респондент сталкивается или может столкнуться в своей повседневной жизни. Лучшее, что отличает эту среду, по мнению опрошенных, — наличие друга/подруги, на кого можно опереться в трудных обстоятельствах. Но при этом заброшенность и одиночество, которые беспокоят большинство респондентов, не преодолеваются только этими отношениями, необходимо подключение институтов социальной помощи и защиты.

В обществе достигнут высокий уровень защищенности от преследований за религиозные убеждения и от притеснений по национальному признаку. Но очень медленно растет позитивная оценка деятельности правоохранительных органов, защиты от преступности, от действий/бездействия чиновников. Эти настроения демонстрируют опасное отчуждение власти и государственных институтов от населения.

В-четвертых, результирующие оценки качества жизни выразились в состоянии социального самочувствия. Более чем половина населения оценивает его позитивно, выросли положительные оценки жизни в ближайшем году и в более отдаленном будущем, укрепилась уверенность в своих силах. Для трети населения неприемлемо принимать участие в акциях протеста против снижения уровня жизни, в улучшении своей жизни они надеются преимущественно на себя.

В-пятых, социально-психологический климат в российском обществе также оказался под воздействием политических и экономических трансформаций и вызовов последних десятилетий. Россиянам нелегко довериться окружающим людям, не входящим в их близкий круг общения. Осторожность, скептицизм, недоверие и тревожность характеризуют не только межличностное взаимодействие, но и медиапространство. Традиционные СМИ постепенно теряют доверие аудитории, все больше россиян с недоверием относятся не только к ТВ-, радио- и печатным источникам информации, но и к интернет-СМИ. Несмотря на высокую долю опрошенных, имеющих надежного друга или подругу, самооценку установления хороших семейных и дружеских взаимоотношений стремительно упала в массовом сознании. Невиданную ранее популярность обретают ценности свободы и независимости, которые вытесняют в массовом сознании ценности нравственности и жертвенности на дальний план ценностных ориентаций, особенно у современной молодежи. За последние годы наблюдается снижение взаимопонимания в семье.

Вместе с тем укрепляется идентичность россиян на общероссийском уровне, при этом характерно приближение общероссийской идентичности к локальной, тогда как последняя обычно более выражена в массовом сознании.

В целом по истечении тридцати трех лет постсоветского развития можно говорить об определенной социально-экономической стабилизации, более половины населения выстраивают собственные стратегии жизни в новых экономических и общественных обстоятельствах. Материальные параметры жизни большинства

стали более устойчивыми, что не освобождает общество от поддержки необеспеченных социальных групп. Стабилизация социально-экономического положения содействует сплочиванию общества, укрепляет механизмы его самозащиты. Это и позволило сменить вектор развития под давлением внешних угроз и тяжелых санкций.

Список литературы (References)

1. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33—42.
Belyaeva L. A. (2009) The Standard and Quality of Life. Problems of Measurement and Interpretation. *Sociological Studies*. No. 1. P. 33—42. (In Russ.)
2. Беляева Л. А. Уровень жизни в России: траектория процессов структуризации постсоветского общества // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 38—52.
Belyaeva L. A. (2016) Standard of Living in Russia: The Trajectory of the Processes of Structuring post-Soviet Society. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 38—52. (In Russ.)
3. Беляева Л. А. Субъективное благополучие населения в России и Европе: сравнение материальных, социальных и экзистенциальных характеристик // Социологические подходы к изучению социального благополучия / отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 316—328.
Belyaeva L. A. (2021) Subjective Well-Being of the Population in Russia and Europe: Comparison of Material, Social and Existential Characteristics. In: Chernysh M. F., Epikhina Y. B. (eds.) *Sociological Approaches to the Study of Social Well-Being*. Moscow: FCTAS RAS. P. 316—328. (In Russ.)
4. Бритвина И. Б., Могильчак Е. Л. Разъединяющие и объединяющие элементы культуры в отношениях мигрантов из стран Центральной Азии и россиян как основа латентной конфликтности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 127—138.
Britvina I. B., Mogilchak E. L. (2022) Alienating and Unitive Elements of Culture in Relations Between Migrants from Central Asia and Russian Citizens as the Basis of Latent Conflict. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 66. P. 127—138. (In Russ.)
5. Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение / пер. с англ. Н. Проценко под науч. ред. А. Смирнова. М.: ИД ВШЭ, 2021.
Weiss H. (2019) *We Have Never Been Middle Class*. London: Verso.
6. Вишневский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 125—141. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>.

- Vishnevsky Yu. R., Yachmeneva M. V. (2018) The Attitude of Student Youth to Family Values (Case Study of The Sverdlovsk Region). *The Education and Science Journal*. Vol. 20. No. 5. P. 125—141. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>. (In Russ.)
7. Козлова М. А., Симонова О. А., Воронина Н. Д. Социальная сплоченность села: переживание настоящего и восприятие будущего // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 103—111. <https://doi.org/10.7868/S0132162518040116>.
Kozlova M. A. Simonova O. A., Voronina N. D. (2018) Social Cohesion in the Villages: The Emotional Experience of Transformations and Perception of Future. *Sociological Studies*. No. 4. P. 103—111. <https://doi.org/10.7868/S0132162518040116>. (In Russ.)
8. Ракова К. В. Уровни и компоненты социальной идентичности современного российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 510—522. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-510-522>.
Rakova K. V. (2024) Levels and Components of the Social Identity of the Contemporary Russian Society. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 24. No. 2. P. 510—522. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-510-522>. (In Russ.)
9. Ростовская Т. К., Калачикова О. Н. Ценность первого зарегистрированного брака как детерминанта благополучной молодой семьи: социологический анализ // Logos et Praxis. 2022. Т. 21. № 1. С. 54—65. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6>.
Rostovskaya T. K., Kalachikova O. N. (2022) The Value of the First Registered Marriage as a Determinant of a Successful Young Family: A Sociological Analysis. *Logos et Praxis*. Vol. 21. No. 1. P. 54—65. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6>. (In Russ.)
10. Ростовская Т. К., Сулейманлы А. Д., Гневашева В. А., Толмачев Д. П. Одиночество в условиях пандемии: страновой обзор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 17—22. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-17-22>.
Rostovskaya T. K., Suleimanly A. D., Gnevasheva V. A., Tolmachev D. P. (2022) Loneliness in the Pandemic: Country Overview. *Proceedings of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 22. No. 1. P. 17—22. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-17-22>. (In Russ.)
11. Социологические подходы к изучению социального благополучия / под ред. М. Ф. Черныша, Ю. Б. Епихиной. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
Chernysh M. F., Epikhina Y. B. (eds.) (2021) Sociological Approaches to the Study of Social Well-Being. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
12. Устинова О. В. Сожительство как альтернатива зарегистрированным бракам в современной России: тенденции и факторы // Социология. 2020. № 5. С. 222—231.

Ustinova O. V. (2020) Cohabitation as an Alternative to Registered Marriages in Modern Russia: Trends and Factors. *Sociology*. No. 5. P. 222—231. (In Russ.)

13. Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / сост. П. Дуткевич, Р. Саква, В. И. Куликов; под ред. Е. Б. Шестопал, А. Ю. Шутова, В. И. Якунина. М.: Издательство Московского университета, 2015.

Shestopal Ye. B., Shutov A. Yu., Yakunin V. I. (2015) A Quarter of a Century After the USSR: People, Society, Reforms. Moscow: Moscow State University Press. (In Russ.)

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2618](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2618)

Н. А. Хоркина, А. И. Наумкина

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДОСПОСОБНЫХ РОССИЯН ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА

Правильная ссылка на статью:

Хоркина Н. А., Наумкина А. И. Особенности физической активности трудоспособных россиян во время пандемии COVID-19: роль социально-экономического статуса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 57—82. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2618>.

For citation:

Khorkina N. A., Naumkina A. I. (2025) Peculiarities of Physical Activity among Working-age Russians during the COVID-19 Pandemic: the Role of Socio-Economic Status. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 57–82. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2618>. (In Russ.)

Получено: 22.04.2024. Принято к публикации: 11.11.2024.

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДОСПОСОБНЫХ РОССИЯН ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА

ХОРКИНА Наталья Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: khorkina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9838-8554>

НАУМКИНА Алена Игоревна — студентка магистратуры факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ainaumkina@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8562-3857>

Аннотация. В статье представлены результаты анализа связи социально-экономического статуса россиян трудоспособного возраста с показателями физической активности до начала и в период пандемии COVID-19. Эмпирическую основу работы составили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Анализируемая выборка включала женщин в возрасте от 16 до 55 лет и мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. Исследовалась зависимость факта и интенсивности спортивных занятий в 2019 г. и 2020 г. от таких индикаторов социально-экономического статуса человека, как уровень образования, статус занятости и доход. Эконометрическое моделирование осуществлялось с использованием двухшаговой процедуры Хекмана.

В результате регрессионного анализа установлено, что вероятность занятий физическими упражнениями респондентов, имеющих высшее образование, больше, чем вероятность занятий физической активностью

PECULIARITIES OF PHYSICAL ACTIVITY AMONG WORKING-AGE RUSSIANS DURING THE COVID-19 PANDEMIC: THE ROLE OF SOCIO-ECONOMIC STATUS

Natalia A. KHORKINA¹ — Cand. Sci. (Education), Associate Professor
E-MAIL: khorkina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9838-8554>

Alena I. NAUMKINA¹ — Graduate Student, Faculty of Economic Sciences
E-MAIL: ainaumkina@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8562-3857>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of an empirical assessment of the relationship between the socio-economic status of working-age Russians and indicators of physical activity before and during COVID-19. The empirical analysis is based on the data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics. The analyzed sample included women aged 16 to 55 and men aged 16 to 60. The dependence of the probability and intensity of physical activity in 2019 and 2020 on characteristics of a person's socio-economic status as the level of education, employment status, and income was studied. Econometric modeling was carried out using the two-step Heckman procedure. As a result of the regression analysis, it was found that the probability of physical activity of respondents with higher education is more than that of persons without a secondary education certificate: the excess was 41 % in 2019 and 34 % in 2020. At the same time, it was revealed that having a job is a factor that reduces the probability of physical activity by 17 % in 2019 and by 8 % in 2020. A positive

стью индивидов без аттестата о среднем образовании: превышение составило 41 % в 2019 г. и 34 % в 2020 г. Одновременно было выявлено, что наличие работы снижало вероятность занятий физкультурой и спортом на 17 % в 2019 г. и на 8 % 2020 г. Также была установлена положительная корреляция между вероятностью занятий физическими упражнениями и уровнем дохода респондента как до начала, так и в период пандемии COVID-19: повышение дохода на 1 % увеличивало вероятность занятий физической активностью на 17 % в 2019 г. и на 19 % в 2020 г. При этом обнаружена значимая отрицательная связь интенсивности занятий физической активностью с наличием высшего образования и положительная — с наличием работы, но только в 2019 г.

Ключевые слова: вероятность занятий физической активностью, интенсивность физической активности, трудоспособное население, социально-экономический статус

Благодарность. Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Введение

Достаточный уровень физической активности (ФА) эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) относят к группе важных факторов, способных существенно повлиять как на здоровье людей, так и на качество человеческого капитала в целом, уровень развития которого определяет возможности для экономического роста в стране [WHO, 2022]. В то же время данные об образе жизни жителей России свидетельствуют, что в 2023 г. около половины россиян (43 %) не уделяли внимание регулярным занятиям физкультурой и спортом¹. Между тем малоподвижный образ жизни связан не только с риском развития ряда заболеваний и преждевременной смертности населения, но также вызывает ощутимые экономические потери для общества [WHO, 2022].

correlation was also established between the probability of physical activity and the respondent's income level both before and during the COVID-19 pandemic: a 1% increase in income increased the probability of physical activity by 17% in 2019 and by 19% in 2020. At the same time, a significant negative relationship was found between the intensity of physical activity and having higher education and a positive correlation with having a job, but only in 2019.

Keywords: probability of physical activity, intensity of physical activity, employable population, socio-economic status

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

¹ Статистическая информация. Министерство спорта Российской Федерации. 2023. URL: <https://www.minsport.gov.ru/activity/statisticheskaya-informacziya/> (дата обращения: 20.09.2024).

Начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19 и введенные во многих странах ограничительные меры не только оказали влияние на уровень заболеваемости и смертности, но и стали причиной социального кризиса, в результате которого в этих странах наблюдались существенные изменения социально-экономической ситуации (рост безработицы, спад производства, сокращение доходов и пр.), затронувшие различные аспекты жизнедеятельности человека [OECD, 2020] и изменившие в том числе привычные условия и возможности для занятий спортом и физическими упражнениями [Nindenshuti, Caire-Juvera, 2023; Stockwell et al., 2021; Wunsch et al., 2022].

В связи с этим важно понимать, какие группы населения в наибольшей степени подвержены риску снижения физической активности в такие периоды социально-экономических изменений в стране, последствия которых для общества могут быть в определенной мере схожи с последствиями социального кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Важно выяснить, различаются ли в этих условиях риски малоподвижного образа жизни в зависимости от социально-экономического статуса человека (СЭС).

Цель статьи — представить результаты эмпирической оценки взаимосвязи между социально-экономическим статусом и показателями физической активности трудоспособных россиян до начала и в период пандемии коронавируса.

Авторы предыдущих работ, выполненных на российских данных, анализируя особенности ФА в условиях пандемии COVID-19, как правило, уделяли повышенное внимание молодому поколению, оставляя без внимания более взрослое население [Криворотов, 2020; Мазуренко, Левченко, Еременко, 2021], либо не учитывали возможную связь ФА с показателями СЭС [Шарыпова, Корнилицына, 2023]. В то же время ученые отмечают, что факторы, определяющие склонность людей к занятиям физкультурой и спортом в период коронавируса, могут различаться как среди разных возрастных групп населения [Park et al., 2022; Wunsch et al., 2022], так и среди лиц с разным СЭС [de Boer et al., 2021; Granström et al., 2024; Paudel et al., 2023].

Полученные в исследовании результаты могут быть использованы управленческими структурами при реализации мер государственной политики, активизирующих образ жизни тех категорий трудоспособных россиян, социально-экономический статус которых связан с риском пониженной физической активности.

Социально-экономический статус как специфический фактор физической активности: обзор исследований

Большинство авторов эмпирических исследований определяют *социально-экономический статус* через экономическое и социальное положение человека по отношению к другим людям в зависимости от таких индивидуальных характеристик, как *уровень образования, статус занятости и доход* [Franco et al., 2024; Paudel et al., 2023; Wang, Geng, 2019]. При этом ученые обращают внимание на связь составляющих социально-экономического статуса с отдельными факторами образа жизни людей, одновременно выделяя показатели СЭС в качестве важной группы детерминант физической активности жителей разных стран [Franco et al., 2024; Granström et al., 2024; Kolosnitsyna, Khorkina, Lopatina, 2020; Paudel et al., 2023].

В работах, анализирующих связь физической активности и такой составляющей СЭС, как *образование*, как правило, сообщается о большей распространенно-

сти занятий физкультурой и спортом среди лиц, имеющих более высокий уровень образования. Так, ученые проанализировали 30 научных статей, авторы которых оценивали факторы физической активности населения разных стран: во всех рассмотренных исследованиях была обнаружена положительная взаимосвязь между полученным образованием и показателями, характеризующими склонность человека к занятиям физкультурой и спортом [Bauman et al., 2012]. К подобному выводу пришли и авторы более поздних работ, посвященных анализу особенностей физической активности жителей зарубежных стран [Chang, 2021; Franco et al., 2024; Kari et al., 2020]. Схожий результат был получен также российскими исследователями при изучении детерминант физической активности работающих россиян по данным за 2017 г.: наличие у работника высшего образования повышает вероятность занятий физкультурой и спортом [Хоркина, Лопатина, 2019].

Ряд ученых выделяют также полученное образование в качестве одного из факторов, определяющих различия в уровнях физической активности в условиях пандемии COVID-19, и обнаруживают у малообразованных людей более низкую вероятность занятий физическими упражнениями и снижение их интенсивности в период действия ограничительных мер [Constandt et al., 2020; Herbec et al., 2022].

Статус занятости — еще один индикатор СЭС, который исследователи относят к числу важных факторов, способных оказать влияние на ФА человека, в том числе в период пандемии. При этом результаты исследований демонстрируют разнонаправленную связь статуса занятости с физической активностью. Отдельные ученые выявляют незначительное превышение уровня ФА неработающих жителей разных стран по сравнению с занятыми на рынке труда и объясняют выявленную закономерность наличием у неработающих людей большего объема свободного времени, которое можно направить на занятия физическими упражнениями [Danaei et al., 2017]. Другие исследователи отмечают обратную связь и сообщают о большей распространенности занятий физическими упражнениями среди лиц, имеющих работу, по сравнению с неработающими людьми [Ishizuka-Inoue et al., 2023; Yang et al., 2018].

Рассматривая особенности занятий физкультурой и спортом трудоспособных жителей разных стран в условиях пандемии COVID-19, авторы обращают внимание на неоднозначные изменения в уровне ФА людей. С одной стороны, исследователи указывают на снижение ФА трудоспособных жителей разных стран независимо от наличия работы и объясняют выявленную закономерность, как правило, тем, что во время пандемии как занятые на рынке труда, так и неработающие люди были вынуждены вести малоподвижный образ жизни вследствие введения социальных ограничений (закрытие спортивных учреждений, ограничение передвижения и запрет на выход из дома, вплоть до полной самоизоляции, отсутствие возможности заниматься спортом в парках и на уличных площадках и пр.) [Granström et al., 2024; Mehraeen et al., 2023; Park et al., 2022]. С другой стороны, ученые указывают на специфические факторы, характеризующие условия труда в период коронавируса, способные оказать как сдерживающее, так и стимулирующее влияние на показатели ФА работающего населения. В частности, отмечается, что такие перемены в условиях занятости, как неполный рабочий день и удаленный формат работы, могли привести к росту двигательной активности части работающих людей в связи с экономией времени, которое в отсутствие коронавирусных ограни-

чений тратилось на дорогу до работы и обратно, а также в связи со способностью работников интегрировать занятия физическими упражнениями в свой распорядок дня в изменившихся условиях труда [Maugeri et al., 2020; Mutz, Gerke, 2021]. Внеочередной отпуск с сохранением зарплаты — еще один фактор, способный повысить уровень ФА ряда работников в условиях пандемии по причине увеличения количества свободного времени в отпускной период, которое можно использовать для занятий спортивными упражнениями [Maugeri et al., 2020]. В то же время другие исследователи выявляют снижение ФА ряда работников, переведенных на дистанционный режим работы, в связи с ненормированным рабочим днем и необходимостью работать сверхурочно [Fukushima et al., 2021; Mutz, Gerke, 2021].

Доход — другая характеристика СЭС, о взаимосвязи которой с ФА трудоспособного населения свидетельствуют исследования. В большинстве работ сообщается о положительной связи уровня дохода со склонностью человека к занятиям физкультурой и спортом [Paudel et al., 2023; Scholes, Mindell, 2020]. На схожую тенденцию указывают и российские авторы. Так, в исследовании Л. Засимовой и Д. Локтева выявлена положительная связь между доходами взрослых жителей России и вероятностью занятий спортом [Засимова, Локтев, 2016]. В другой работе сообщается о положительной зависимости вероятности занятий ФА от среднедушевого дохода работающих россиян [Хоркина, Лопатина, 2019]. Авторы, анализирующие изменение образа жизни людей в условиях пандемии COVID-19, также выделяют низкое материальное обеспечение домохозяйства в качестве фактора риска пониженной физической активности жителей разных стран [Brattlöf, Gustafsson, San Sebastián, 2023; de Boer et al., 2021].

Таким образом, результаты многочисленных исследований свидетельствуют о возможной связи уровня физической активности человека и показателей, определяющих его СЭС, в том числе в период пандемии COVID-19.

Данные и описательный анализ

Основу эмпирического анализа составили опросные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)². В работе использовались индивидуальные данные двух волн: 28-й волны, собранные в период с октября 2019 г. по январь 2020 г., и 29-й волны, собранные с октября 2020 г. по январь 2021 г. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2020 г. были нами выбраны для анализа, поскольку именно в этот период проявления пандемии коронавируса, затронувшие как физическую активность, так и другие стороны жизнедеятельности человека, могли быть наиболее ощутимыми: весной 2020 г. начали вводиться первые и наиболее строгие ограничительные меры³ (самоизоляция, запреты на проведение массовых мероприятий, закрытие спортивных клубов и фитнес-центров и пр.), которые летом постепенно были смягче-

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ — серия регулярных общенациональных репрезентативных опросов, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов. URL: <https://www.hse.ru/rims/> (дата обращения: 10.12.2023).

³ Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003250021> (дата обращения: 15.12.2023); Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025> (дата обращения: 15.12.2023) и др.

ны⁴ и вновь усилены в отдельных регионах осенью⁵. В то же время в предыдущем «допандемийном» 2019 г. подобные ограничения отсутствовали. Использование индивидуальных опросных данных за 2019 г. и 2020 г. дает возможность оценить и сравнить степень воздействия факторов, определяющих СЭС респондентов, на уровень их физической активности за два периода: в год, предшествующий распространению COVID-19 (2019 г.), и в условиях пандемии коронавируса и связанных с ней ограничительных мер (2020 г.). Объект исследования — трудоспособное население России (женщины в возрасте от 16 до 55 лет и мужчины в возрасте от 16 до 60 лет), данные о численности респондентов за соответствующие годы представлены в таблице 1 Приложения.

Информация о физической активности участников опроса была получена на основе анализа их ответов на соответствующий вопрос анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ: «Сейчас я перечислю разные виды физической активности, а Вы скажите мне, пожалуйста, какими из них Вы занимались в течение последних 12 месяцев по меньшей мере 12 раз? Если занимались, то сколько месяцев в году, сколько раз в месяц, сколько минут продолжалось каждое занятие?»⁶. В случае, когда индивид выбирал хотя бы один из предлагаемых видов физической активности (бег трусцой; катание на коньках, лыжах; упражнения на тренажерах; прогулочная ходьба; спортивная ходьба; езда на велосипеде; плавание; футбол, хоккей и пр.), считалось, что он занимается ФА.

Результаты анализа показали незначительное изменение доли физически активных респондентов обоих полов в период пандемии 2020 г. по сравнению с 2019 г.: снижение значения показателя с 26,5% до 26,1% для мужчин и несущественный рост с 25,5% до 25,8% для женщин.

В таблице 1 представлена информация о предпочтениях физически активных респондентов обеих гендерных групп в отношении различных видов ФА в 2019 г. и 2020 г.⁷

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что на протяжении указанного периода самым популярным видом ФА у мужчин были занятия на тренажерах, в то время как женщины больше всего предпочитали пешие прогулки. При этом, что доля респондентов обоих полов, уделявших внимание упражнениям на тренажерах и прогулочной ходьбе, во время пандемии коронавируса в 2020 г. немного увеличилась по сравнению с 2019 г. Действительно, данные виды ФА можно отнести к числу одних из наиболее доступных для населения в условиях коронавирусных ограничений (карантина, закрытия спортивных залов и оздоровительных центров): часть населения, имеющая дома спортивные тренажеры, имела возможность активнее на них заниматься в условиях самоизоляции, а совершать пешие

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июня 2020 года № 1511-р «О внесении изменений в распоряжения Правительства РФ от 16 марта 2020 г. № 635-р и от 27 марта 2020 г. № 763-р». URL: <http://government.ru/docs/39842/> (дата обращения: 15.12.2023) и др.

⁵ Указ Мэра Москвы от 10 ноября 2020 г. № 107-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 8 июня 2020 г. № 68-УМ». URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/docs/107-UM-bnm78.pdf> (дата обращения: 15.12.2023) и др.

⁶ Следует отметить, что такая формулировка вопроса накладывает определенные ограничения на интерпретацию информации в отношении ФА респондентов за 2020 г.: при ответе на данный вопрос участники 29-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ могли сообщить информацию о занятиях ФА, относящуюся не только к периоду пандемии COVID-19 (март 2020 г. — декабрь 2020 г.), но и к «допандемийному» периоду (ноябрь 2019 г. — февраль 2020 г.).

⁷ При ответе на вопрос анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ о предпочитаемых видах физической активности респондент мог выбрать несколько вариантов.

прогулки можно было в ближайшем к дому парке или сквере. О росте популярности спортивного инвентаря, позволяющего заниматься ФА в домашних условиях в 2020 г., свидетельствуют также данные торговой статистики: согласно исследованию, проведенному экспертами онлайн-платформы «Озон», за десять месяцев 2020 г. продажи населению беговых дорожек выросли более чем в пять раз, а продажи тренажеров, имитирующих шаги по лестнице, — более чем в три раза⁸.

Таблица 1. Распределение респондентов мужского и женского пола, занимающихся физической активностью, в зависимости от предпочитаемых ими видов физической активности, % от общей численности мужчин и женщин, занимающихся ФА, 2019 г., 2020 г.⁹

Вид физической активности	Мужчины		Женщины	
	2019	2020	2019	2020
Бег трусцой, катание на коньках, лыжах	19	19	15	16
Упражнения на тренажерах	37	41	22	23
Прогулочная ходьба	27	28	43	47
Спортивная ходьба	2	2	2	3
Езда на велосипеде	17	19	13	15
Плавание	16	14	21	16
Танцы, аэробика, шейпинг, йога	1	1	19	16
Баскетбол, волейбол, футбол, хоккей	23	23	7	5
Бадминтон, теннис — большой или настольный	3	2	1	1
Борьба, бокс, карате	8	6	1	1
Другой вид физической активности	9	9	10	12

Проанализируем далее информацию о регулярности и продолжительности занятий спортивными упражнениями в 2019 г. и 2020 г. (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение респондентов мужского и женского пола, занимающихся физической активностью, в зависимости от регулярности и продолжительности занятий физической активностью, % от общей численности мужчин и женщин, занимающихся ФА, 2019 г., 2020 г.¹⁰

Регулярность и продолжительность занятий физической активностью	Мужчины		Женщины	
	2019	2020	2019	2020
Легкие физкультурные упражнения (менее трех раз в неделю)	28	34	44	46
Физкультурные упражнения средней или высокой тяжести (менее трех раз в неделю)	30	27	21	19
Физкультурные упражнения высокой тяжести по крайней мере три раза в неделю, 15 минут и более	11	12	7	5
Ежедневные занятия физкультурой по меньшей мере 30 минут в день	13	13	11	12
Ежедневные занятия физкультурой менее 30 минут в день	18	14	17	18

⁸ Продажи спорттоваров в России в 2020 году выросли почти в три раза // ТАСС. 2020. 5 ноября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9918447> (дата обращения: 15.12.2023).

⁹ Источник: рассчитано авторами по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

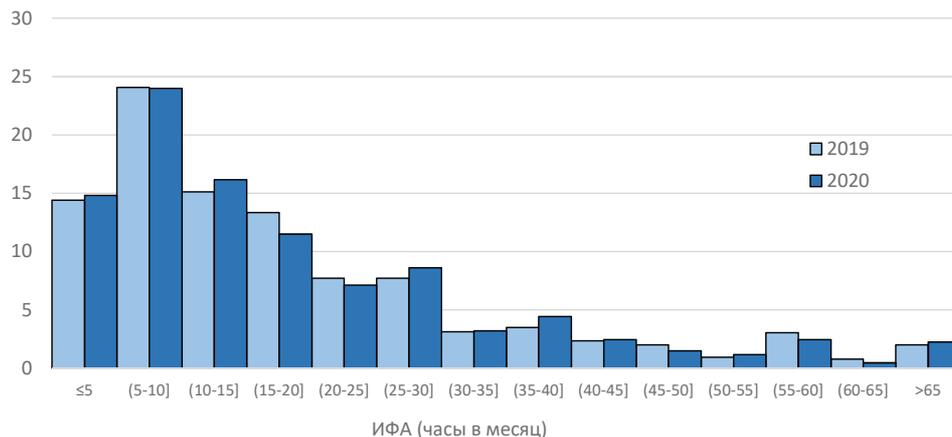
¹⁰ Источник: рассчитано авторами по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Анализ опросных данных (см. табл. 2) показал, что чаще всего как в 2019 г., так и в 2020 г. большинство респондентов мужского пола (около 60% ежегодно) занимались легкими спортивными упражнениями либо упражнениями средней или высокой степени тяжести менее трех раз в неделю. Женщины (около половины опрошенных) отдавали предпочтения занятиям ФА с легкой физической нагрузкой, которыми, как и мужчины, занимались менее трех раз в неделю.

На основе данных о различных видах занятий ФА и времени, которое респондент им уделял, в целях нашего анализа был рассчитан показатель *интенсивности физической активности (ИФА)*: суммарное число часов в месяц, затраченное индивидом на различные виды занятий ФА¹¹.

Информация о распределении респондентов, занимавшихся ФА в 2019 г. и в 2020 г., в зависимости от интенсивности этих занятий представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение респондентов, занимающихся физической активностью, в зависимости от интенсивности занятий физической активностью, % от общей численности занимающихся ФА, 2019 г., 2020 г.¹²

Данные рисунка 1 демонстрируют в целом схожие тенденции в оба рассматриваемых периода и подтверждают, что пандемия COVID-19 не оказала значительного влияния на интенсивность занятий ФА трудоспособных россиян. В частности, можно заметить, что в каждый из указанных периодов наиболее часто индивиды (почти 25% от общего числа респондентов, занимающихся ФА) занимались физическими упражнениями невысокой интенсивности: от пяти до десяти часов ежемесячно. При этом в оба рассматриваемых периода ИФА у 82% респондентов, занимающихся спортивными упражнениями, не превышала 30 часов в месяц. Отметим также, что физической активностью наименьшей интенсивности (до пяти часов ежемесячно) занимались около 15% респондентов ежегодно. Лишь небольшая доля опрошенных занимались занятиями ФА повышенной интенсив-

¹¹ Информация о продолжительности занятий ФА анализировалась только для респондентов, занимающихся ФА.

¹² Источник: рассчитано авторами по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

ности. При этом большинство людей, предпочитающих более интенсивные физические упражнения (около 3% ежегодно), уделяли им, как правило, от 55 до 60 часов ежемесячно. Наши оценки также показали, что средняя интенсивность спортивных занятий в каждый из указанных периодов составила 21 ч. в месяц.

Эконометрический анализ

Для того чтобы определить, есть ли связь между показателями ФА и характеристиками социально-экономического статуса респондента до и в период пандемии COVID-19, был проведен регрессионный анализ.

Результаты предыдущих исследований по смежной проблематике позволили предположить, что такие индикаторы СЭС россиян трудоспособного возраста, как наличие высшего образования и более высокий уровень дохода, положительно связаны с вероятностью и интенсивностью занятий физкультурой и спортом, а наличие работы отрицательно коррелирует с названными характеристиками ФА как до, так и во время пандемии COVID-19 (при прочих равных условиях).

В качестве зависимых переменных в исследовании были выбраны две переменные, характеризующие склонность индивида к занятиям физкультурой и спортом (см. табл. 3).

Таблица 3. Характеристика зависимых переменных, включенных в эконометрический анализ

Переменная	Описание
Занятия ФА (бинарная переменная)	1 — не занимается ФА; 2 — занимается ФА
Интенсивность физической активности (ИФА) (непрерывная переменная) ¹³	Общее количество часов в месяц, потраченное респондентом на занятия ФА

В целях нашего исследования в качестве основных объясняющих факторов выступали три переменные, характеризующие СЭС респондента (см. табл. 4).

Таблица 4. Характеристика индикаторов социально-экономического статуса, включенных в эконометрический анализ

Переменная	Описание
Уровень образования (категориальная переменная)	1 — нет аттестата о среднем образовании; 2 — среднее общее (полное); 3 — среднее специальное; 4 — высшее (в том числе научная степень)
Статус занятости (бинарная переменная)	1 — не работает; 2 — работает
Доход	Логарифм средней величины дохода в расчете на одного члена домохозяйства за один месяц (руб.)

Анализ данных описательной статистики, а также публикаций по смежной тематике [Шарыпова, Корнилицына, 2023; Ammar et al., 2020; Constandt et al., 2020; Granström et al., 2024; Maugeri et al., 2020; Meyer et al., 2020; Mutz, Gerke, 2021; Stockwell et al., 2021; Wunsch et al., 2022] предопределил выбор дополнительных

¹³ Информация о продолжительности занятий ФА анализировалась только для физически активных респондентов.

факторов, способных оказать влияние на ФА трудоспособного населения, помимо собственно трех показателей СЭС (см. табл. 5).

Таблица 5. Характеристика контрольных переменных, включенных в эконометрический анализ

Переменная	Описание
Пол (бинарная переменная)	1 — мужской, 2 — женский
Возраст	Количество полных лет
Возраст в квадрате ¹⁴	Количество полных лет в квадрате
Тип населенного пункта (категориальная переменная)	1 — Москва и Санкт-Петербург, 2 — областной центр (кроме Москвы и Санкт-Петербурга), 3 — город (кроме областных центров), 4 — село или поселок городского типа
Самооценка здоровья (категориальная переменная)	1 — плохое и очень плохое, 2 — среднее, 3 — хорошее и очень хорошее
Индекс массы тела (ИМТ ¹⁵) (категориальная переменная)	1 — недостаточный вес, 2 — нормальный вес, 3 — избыточный вес, 4 — ожирение
Курение (бинарная переменная)	1 — не курит, 2 — курит
Употребление алкоголя (бинарная переменная)	1 — не употребляет алкоголь, 2 — употребляет алкоголь хотя бы иногда
Семейный статус (категориальная переменная)	1 — в браке не состоит; 2 — живут вместе, но не зарегистрированы; 3 — состоит в зарегистрированном браке
Наличие детей (бинарная переменная)	1 — нет детей; 2 — есть дети

Описательные статистики переменных, включенных в эконометрический анализ, представлены в таблицах 2 и 3 Приложения.

Поскольку мы наблюдаем две разные группы респондентов (физически активных и тех, кто не занимается спортом), мы сталкиваемся с процессом самоотбора. Для коррекции возможной погрешности, связанной с отбором, эконометрическое моделирование осуществлялось на основе двухшаговой модели Хекмана [Hekman, 1979]. Согласно данной методологии на первом этапе оценивались предельные эффекты показателей социально-экономического статуса, способных оказать влияние на вероятность занятий ФА («уравнение участия»). Оценка предельных эффектов позволила получить информацию не только о направлении возможной связи между зависимыми и независимыми переменными модели, но и величине корреляции между ними. На втором этапе с помощью метода наименьших квадратов оценивалась связь между характеристиками СЭС и интенсивностью занятий ФА для тех респондентов, которые занимаются ФА («уравнение интенсивности»). Коэффициенты, показывающие предпочтительность проведения оценок с помощью модели Хекмана вместо оценивания двух отдельных моделей, оказались значимы ($p < 0,01$). Таким образом, использование модели

¹⁴ Использование переменной «возраст в квадрате» обусловлено наличием возможной нелинейной зависимости между возрастом человека и склонностью к занятиям ФА, выявляемой в предыдущих исследованиях авторами, анализирующими данную связь как в период пандемии [Granström et al., 2024], так и вне ее [Westerterp, 2018].

¹⁵ Респондент относился к определенной категории в зависимости от величины ИМТ на основе классификации Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/42330> (дата обращения: 20.12.2023).

Хекмана в регрессионном анализе позволило нам учесть два взаимосвязанных процесса: (1) выбор человека в отношении занятий физическими упражнениями и (2) принятие решения о продолжительности этих занятий. Моделирование осуществлялось последовательно на выборках для 2019 г. и для 2020 г.

Результаты моделирования

Результаты регрессионного анализа по данным за 2019 г. и 2020 г. представлены в таблице 6.

Таблица 6. *Результаты оценивания модели Хекмана за 2019 г. и 2020 г.*

Переменная	2019		2020	
	Вероятность занятий ФА (предельные эффекты)	ИФА (ln)	Вероятность занятий ФА (предельные эффекты)	ИФА (ln)
<i>Уровень образования:</i> без аттестата о среднем образовании — базовая категория				
Среднее общее (полное)	-0,089	-0,093	-0,120**	0,137
	(0,058)	(0,081)	(0,058)	(0,084)
Среднее специальное	0,129**	-0,138*	-0,016	0,090
	(0,057)	(0,074)	(0,057)	(0,077)
Высшее (в том числе научная степень)	0,413***	-0,297***	0,341***	-0,121
	(0,060)	(0,089)	(0,059)	(0,085)
<i>Статус занятости:</i> работает	-0,166***	0,120*	-0,082*	-0,067
	(0,045)	(0,065)	(0,045)	(0,060)
Доход (ln)	0,170***	-0,005	0,192***	-0,042
	(0,026)	(0,043)	(0,028)	(0,045)
Пол: женский	-0,174***	0,092*	-0,153***	0,056
	(0,034)	(0,052)	(0,034)	(0,051)
Возраст	-0,112***	0,010***	-0,081***	0,010***
	(0,011)	(0,003)	(0,012)	(0,003)
Возраст в квадрате	0,001***		0,001***	
	(0,0001)		(0,0001)	
<i>Тип населенного пункта:</i> Москва и Санкт-Петербург — базовая категория				
Областной центр (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	-0,105**	-0,027	-0,089*	0,163**
	(0,052)	(0,066)	(0,052)	(0,070)
Город (кроме областных центров)	-0,280***	0,044	-0,112**	0,150**
	(0,054)	(0,076)	(0,055)	(0,073)

Переменная	2019		2020	
	Вероятность занятий ФА (предельные эффекты)	ИФА (ln)	Вероятность занятий ФА (предельные эффекты)	ИФА (ln)
Село или поселок городского типа	-0,602***	0,088	-0,524***	0,161*
	(0,057)	(0,106)	(0,057)	(0,093)
<i>Самооценка здоровья:</i> плохое и очень плохое — базовая категория				
Среднее (не хорошее, но и не плохое)	0,095	-0,135	0,082	-0,102
	(0,095)	(0,136)	(0,103)	(0,140)
Хорошее и очень хорошее	0,163*	-0,026	0,126	-0,054
	(0,096)	(0,138)	(0,104)	(0,140)
<i>ИМТ:</i> недостаточный вес — базовая категория				
Нормальный вес	0,225***	0,014	-0,015	0,279***
	(0,077)	(0,092)	(0,078)	(0,099)
Избыточный вес	0,175**	0,074	-0,072	0,278**
	(0,082)	(0,103)	(0,083)	(0,110)
Ожирение	0,108	0,072	-0,137	0,457***
	(0,087)	(0,115)	(0,089)	(0,121)
<i>Курение:</i> курит	-0,368***	0,120	-0,361***	0,170**
	(0,039)	(0,080)	(0,039)	(0,068)
<i>Алкоголь:</i> употребляет	0,159***	-0,113**	0,091**	-0,064
	(0,037)	(0,053)	(0,037)	(0,051)
<i>Семейный статус:</i> в браке не состоит — базовая категория				
Живут вместе, но не зарегистрированы	-0,273***	0,149	-0,219***	0,026
	(0,055)	(0,092)	(0,057)	(0,089)
Состоит в зарегистрированном браке	-0,237***	0,090	-0,154***	0,079
	(0,044)	(0,072)	(0,045)	(0,065)
<i>Наличие детей:</i> дети есть	0,039	-0,096	-0,033	0,057
	(0,051)	(0,068)	(0,051)	(0,069)
Константа	0,141	3,203***	-0,368	3,234***
	(0,327)	(0,489)	(0,340)	(0,487)
Количество наблюдений	8561		8250	
Статистика Вальда (Wald chi2)	12,58***		29,82***	

Примечание. Значимость коэффициентов: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. В скобках приведены стандартные ошибки.

Эконометрический анализ (см. табл. 6) позволил выявить следующие закономерности в отношении связи индикаторов СЭС и показателей ФА по данным за 2019 г. и 2020 г.

Как и предполагалось, люди, имеющие высшее образование, чаще занимались ФА по сравнению с наименее образованными как в 2019 г., так и в 2020 г.: вероятность занятий физическими упражнениями респондентами с высшим образованием превысила значение аналогичного показателя для лиц без аттестата о среднем образовании на 41 % в 2019 г. и на 34 % в 2020 г. При этом в 2019 г. наличие высшего образования — значимый фактор снижающейся ИФА, в то время как в 2020 г. соответствующий коэффициент стал незначимым.

Результаты моделирования свидетельствуют, что наличие работы — показатель СЭС, сокращающий вероятность занятий ФА в оба периода: снижение вероятности занятий ФА для работающих индивидов по сравнению с теми, кто не занят на рынке труда, составило 17 % в 2019 г. и 8 % в 2020 г. Одновременно был установлен рост ИФА у лиц, имеющих работу, но только в 2019 г.

В ходе регрессионного анализа была обнаружена положительная корреляция уровня дохода и вероятности занятий спортивными упражнениями как до, так и во время пандемии: с ростом дохода на 1 % вероятность занятий ФА увеличивалась на 17 % в 2019 г. и на 19 % в 2020 г. В то же время взаимосвязь ИФА с уровнем дохода респондента не обнаружена: соответствующие коэффициенты оказались незначимы в моделях для обоих периодов.

Кроме того, в ходе эконометрического моделирования выявлены закономерности в отношении контролируемых факторов. В частности, вероятность занятий ФА трудоспособных россиян как в 2019 г., так и в 2020 г. снижали: принадлежность к женскому полу, а также к возрастной группе до 50 лет, проживание в местах, менее населенных, чем Москва и Санкт-Петербург, наличие семьи, курение. При этом установлена положительная корреляция вероятности занятий ФА с такими показателями, как принадлежность индивида к группе респондентов старше 50 лет, потребление алкоголя (в оба периода), самооценка здоровья и индекс массы тела (в 2019 г.). Одновременно выявлена отрицательная связь интенсивности занятий ФА с потреблением алкоголя (в 2019 г.) и положительная связь с такими индивидуальными характеристиками опрошенных, как проживание в городе (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) или в селе, ИМТ респондента и курение (в 2020 г.), принадлежность к женскому полу (в 2019 г.), возраст респондента (в оба периода).

Обсуждение результатов и выводы

На базе опросных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ был проведен эмпирический анализ взаимосвязи характеристик социально-экономического статуса респондента с вероятностью и интенсивностью занятий ФА по данным за 2019 г. и 2020 г., то есть до и во время пандемии COVID-19.

В оба рассмотренных периода установлена более высокая вероятность занятий ФА у россиян с высшим образованием. Полученный нами вывод согласуется с результатами отечественных и зарубежных авторов, анализирующих данную взаимосвязь как до распространения заболеваемости COVID-19 [Засимова, Макшанчиков, 2022; Хоркина, Лопатина, 2019; Chang, 2021; Kari et al., 2020; Kolosnitsyna,

Khorkina, Lopatina, 2020], так и в условиях пандемии коронавируса [Brattlöf et al., 2023; Constandt et al., 2020]. Данный результат может быть обусловлен большей осведомленностью образованных людей об отрицательных последствиях малоподвижного образа жизни для здоровья [Constandt et al., 2020] и о пониженном риске возникновения заболевания COVID-19 у более физически активных людей [Halabchi et al., 2023]. Также следует отметить, что значимое снижение интенсивности занятий ФА у лиц с высшим образованием было выявлено только в 2019 г., в то время как в 2020 г. данная связь стала незначимой. Возможно, дефицит свободного времени, препятствующий более продолжительным занятиям ФА в 2019 г., не играл такой важной роли в условиях самоизоляции и других ограничений, связанных с COVID-19 и действующих в 2020 г.

Выявленная в нашем исследовании и в 2019 г., и в 2020 г. отрицательная связь наличия работы и вероятности занятий ФА обнаруживается также у взрослых жителей зарубежных стран [Danaei et al., 2017; Fukushima et al., 2021; Mutz, Gerke, 2021]. В качестве основного барьера, препятствующего работающим людям заниматься ФА, ученые, как правило, указывают нехватку свободного времени [Хоркина, Лопатина, 2019; Danaei et al., 2017]. К числу дополнительных факторов, способных снизить ФА в условиях дистанционной занятости, отдельные исследователи относят отсутствие профессиональной двигательной активности, а также физической активности, связанной с необходимостью ежедневных поездок на работу [Yang et al., 2018]. При этом менее значительное снижение вероятности занятий физическими упражнениями, выявленное нами в 2020 г. по сравнению с «доковидным» периодом, может быть связано с тем обстоятельством, что ряд работников смогли встроить занятия ФА в свой распорядок дня в условиях действующих ограничений, в том числе работая удаленно. Нами также было установлено, что имеющие работу россияне интенсивнее занимались ФА по сравнению с неработающими, но только в 2019 г. Возможно, этому способствовала соответствующая спортивная инфраструктура по месту занятости ряда работников, обеспечивающая им возможности для занятий ФА как во время обеденного перерыва, так и по завершении рабочего дня, снижая тем самым временные издержки, связанные с необходимостью тратить дополнительное время на дорогу до спортивных центров и клубов, и позволяя больше времени уделять непосредственно занятиям ФА в 2019 г. Действительно, предыдущие оценки, выполненные на российских данных, свидетельствуют, что доступность спортивной инфраструктуры на предприятии — важный фактор, стимулирующий работающее население активнее заниматься физкультурой и спортом [Засимова, Макшанчиков, 2022]. В то же время в 2020 г. возможность людей заниматься ФА в спортзалах по месту работы отсутствовала из-за пандемии и связанных с ней ограничительных мер, возможно, поэтому статус занятости не оказывал такого влияния на ИФА трудоспособных россиян, как в предыдущий период.

Обнаруженная нами и в 2019 г., и в 2020 г. положительная корреляция между уровнем дохода трудоспособных жителей России и вероятностью занятий ФА отмечается также в предыдущих работах, авторы которых анализировали аналогичную взаимосвязь как до начала распространения заболеваемости коронавирусной инфекцией [Засимова, Локтев, 2016; Хоркина, Лопатина, 2019; Kolosnitsyna,

Khorkina, Lopatina, 2020; Paudel et al., 2023; Scholes, Mindell, 2020], так и во время пандемии COVID-19 [Brattlöf et al., 2023; de Boer et al., 2021]. Данный результат, как правило, объясняется возможностью лиц с более высоким доходом выбирать для проживания места с хорошо развитой спортивной инфраструктурой, а также наличием у материально обеспеченных индивидов средств, необходимых для покупки спортивного инвентаря и посещения платных спортивных занятий [Хоркина, Лопатина, 2019; Schole, Mindell, 2020]. Выявленный нами в 2020 г. по сравнению с 2019 г. более значительный рост вероятности ФА с увеличением дохода может объясняться, в частности, тем обстоятельством, что более высокий уровень благосостояния людей делает для них более доступной покупку спортивного инвентаря, необходимого для домашних занятий ФА в период пандемии, и в итоге способствует поддержанию спортивной формы в условиях действия ограничительных мер и запретов.

Установленный в работе характер влияния контрольных переменных на показатели ФА россиян трудоспособного возраста как до пандемии, так и в период пандемии во многом согласуется с результатами исследований других авторов.

О более низком уровне физической активности у женщин по сравнению с лицами мужского пола сообщается также учеными, анализирующими ФА жителей разных стран [Мазуренко, Левченко, Еременко, 2021; Kolosnitsyna, Khorkina, Lopatina, 2020; Maugeri, et al., 2020]. Данный результат в определенной степени может быть связан с тем обстоятельством, что женщинам, как правило, по сравнению с мужчинами приходится больше внимания уделять домашним делам и занятиям с детьми. В итоге у них остается меньше свободного времени, которое они могли бы потратить на занятия спортивными упражнениями. При этом желание женщин выглядеть стройнее может стать фактором, мотивирующим физически активных женщин заниматься ФА более интенсивно, чем мужчины. Действительно, результаты нашего моделирования по данным за 2019 г. демонстрируют более высокую ИФА у женщин, занимающихся спортом, по сравнению с мужчинами.

Обнаруженная в исследовании U-образная зависимость вероятности занятий ФА от возраста респондента (с пиком около 50 лет), а также положительная корреляция интенсивности этих занятий с возрастом, выявляются и другими авторами [Хоркина, Лопатина, 2019; Granström et al., 2024; Westerterp, 2018]. Такой результат может объясняться, в частности, тем обстоятельством, что при приближении к пенсионному возрасту у людей могут появляться проблемы со здоровьем, из-за чего они стараются больше времени уделять занятиям ФА в целях укрепления здоровья и профилактики заболеваний, связанных с недостаточной двигательной активностью.

В ходе эмпирического анализа также установлено, что для жителей населенных пунктов, отличных от Москвы и Санкт-Петербурга, характерна более низкая вероятность занятий физкультурой и спортом, но более высокая интенсивность этих занятий (только в 2020 г.), чем у респондентов, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге. Большая вовлеченность жителей крупных городов России в занятия ФА выявляется также другими российскими авторами [Хоркина, Лопатина, 2019; Kolosnitsyna, Khorkina, Lopatina, 2020] и может объясняться наличием более развитой спортивной инфраструктуры в этих городах по сравнению с менее населен-

ными пунктами. Выявленный нами в 2020 г. более высокий уровень ИФА у россиян из малых населенных пунктов по сравнению с проживающими в крупных городах обнаруживается также в работах зарубежных ученых [Ammar et al., 2020; Stockwell et al., 2021]. Авторы справедливо указывают на связь показателей ФА со строгостью коронавирусных ограничений в той местности, в которой проживает человек [Ammar et al., 2020; Stockwell et al., 2021]. Так, отмечается, что в силу более строгого надзора за соблюдением ограничительных мер в крупных городах во время карантина их жители были вынуждены адаптировать свой тренировочный процесс к домашним условиям, что зачастую приводило к снижению интенсивности занятий физическими упражнениями [Ammar et al., 2020; Stockwell et al., 2021].

Мы обнаружили, что как в 2019 г., так и в 2020 г. курящие индивиды менее вероятно занимались спортивными упражнениями по сравнению с теми респондентами, которые не курят. Данный результат обнаруживается также другими авторами [Kolosnitsyna, Khorkina, Lopatina, 2020; Tie et al., 2023] и может быть связан как с отсутствием у курильщиков мотивации к здоровому образу жизни в целом, в том числе к занятиям ФА, так и наличием проблем со здоровьем, снижающих их выносимость к занятиям спортом [Jeon et al., 2021; Nikolakaras et al., 2017]. В то же время осведомленность о более высоком риске тяжелого течения заболевания коронавирусной инфекцией у курильщиков, о котором сообщили эксперты ВОЗ¹⁶ и Роспотребнадзора¹⁷, могла стимулировать курящих россиян уделять повышенное внимание состоянию своего здоровья и активнее заниматься ФА в период пандемии COVID-19 в 2020 г.

Как показало исследование, употребление алкоголя положительно коррелирует с вероятностью занятий ФА в оба рассматриваемых периода, что согласуется с выводами других авторов [Akwa et al., 2023; Graupensperger 2020; Kolosnitsyna, Khorkina, Lopatina, 2020]. Такая взаимосвязь в определенной степени может быть вызвана стремлением потребителей спиртного компенсировать высокую калорийность алкогольных напитков через занятия спортивными упражнениями [Booker et al., 2022]. Более низкая ИФА у потребляющих алкоголь, выявленная в нашем эмпирическом анализе, вероятно, объясняется отрицательным влиянием спиртного на организм человека: усталость, нарушение координации, возможные проблемы со здоровьем, спровоцированные потреблением алкогольных напитков, — все эти факторы, согласно исследованиям, могут ограничивать двигательную активность людей и снижать продолжительность и качество спортивных занятий [Dodge, Clarke 2018].

Выявленные в исследовании характеристики СЭС трудоспособных россиян, связанные с риском пониженной ФА (отсутствие высшего образования, низкий доход и наличие работы), а также установленные закономерности в отношении контролируемых факторов следует принимать во внимание при реализации мер государственной политики по активизации образа жизни жителей нашей страны.

¹⁶ Заявление ВОЗ: Табакокурение и COVID-19 // ВОЗ. 2020. 11 мая. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/11-05-2020-who-statement-tobacco-use-and-covid-19> (дата обращения: 06.11.2024).

¹⁷ Об употреблении табака в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Роспотребнадзор. 2020. 19 ноября. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=16037 (дата обращения: 06.11.2024).

Согласно полученным результатам, важным предиктором физической активности как до, так и во время пандемии является такой индикатор СЭС, как образование: лица с низким уровнем образования имеют более высокую вероятность попасть в категорию малоактивных граждан. Это означает, что навыки к активному образу жизни необходимо прививать учащимся средней школы уже на начальном этапе обучения. Включение уроков здорового образа жизни в школьную программу может стать одной из мер, мотивирующих детей и подростков заниматься физкультурой и спортом. К числу наиболее результативных уроков ученые относят занятия для школьников в возрасте от 7 до 11 лет [Пиаже, 1994]. В случае перехода на дистанционный формат обучения стимулировать молодых людей к занятиям ФА могли бы обязательные видеотренировки учащихся средних и высших учебных заведений.

Более низкая вероятность занятий ФА работающих россиян означает необходимость реализации специальных мер, направленных на стимулирование их двигательной активности. К числу таких мер, в частности, можно отнести консультации медицинских работников (например, в ходе диспансеризации или профосмотра), разъясняющих пользу активного образа жизни для здоровья человека, особенно в условиях действия различных ограничительных мер, снижающих уровень ФА. Активизации образа жизни лиц, переведенных на удаленный режим труда, также может способствовать введение обязательной спортивной разминки в течение рабочего дня под контролем тренера по видеосвязи.

Наши оценки показали, что в категорию трудоспособного населения с повышенным риском снижения ФА попадают люди с низким доходом. Введенная в 2023 г. компенсация части затрат на платные занятия спортом¹⁸ может стать эффективным механизмом, стимулирующим низкодходные группы населения к занятиям спортивными упражнениями. Ввиду малого периода реализации оценить результативность данной меры в нашей стране пока не представляется возможным. В то же время мировой опыт свидетельствует о позитивном влиянии финансовых стимулов на физическую активность взрослых жителей развитых стран [Luong et al., 2018].

Отмеченные закономерности в отношении связи демографических характеристик респондентов и показателей ФА указывают на то, что при реализации программ по активизации образа жизни жителей нашей страны необходимо учитывать возрастные и гендерные различия в физической активности трудоспособных россиян.

Эмпирический анализ не выявил однозначной связи между вредными привычками и показателями ФА трудоспособных россиян. Данный результат свидетельствует о целесообразности реализации как специализированных программ, направленных на формирование конкретных составляющих здорового поведения, так и комплексных программ, стимулирующих население к занятиям спортом и отказу от вредных привычек одновременно.

Более низкая вероятность занятий спортивными упражнениями, установленная для жителей населенных пунктов, отличных от Москвы и Санкт-Петербурга,

¹⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации (статья 219). URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/2c2d4c47652499da777b2c19de85035c/> (дата обращения: 15.02.2024).

означает, что развитие спортивной инфраструктуры в российских регионах может стать еще одной мерой, мотивирующих жителей нашей страны к активному образу жизни.

Следует отметить, что проведенный нами эмпирический анализ имеет ограничения. Во-первых, разные виды занятий ФА могут различаться не только объемом затраченного на них времени, но и степенью тяжести анаэробной нагрузки. Отсутствие необходимой информации в базе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ не позволило учесть данное обстоятельство при оценке ИФА в нашем исследовании. Во-вторых, вопрос о занятиях ФА относился к поведению респондентов за последние 12 месяцев, предшествующие опросу, поэтому при ответе на него участники 29-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ, включенные нами в выборку за 2020 г., могли указать информацию, касающуюся занятий ФА не только в период пандемии коронавируса, но также в последние месяцы 2019 г. и первые месяцы 2020 г., то есть до начала пандемии. Это ограничивает возможность интерпретировать особенности физической активности россиян в 2020 г., выявленные в нашем исследовании, в контексте пандемии COVID-19. Кроме того, при проведении эмпирических оценок по причине отсутствия необходимых данных в базе РМЭЗ НИУ ВШЭ мы оставили без внимания такие виды деятельности респондента, как работа по дому, в саду, подвижные игры с детьми и пр., которые также могли обеспечить человеку определенный уровень ФА, в том числе в условиях пандемии. Будущие исследования могут быть расширены за счет учета других форм двигательной активности трудоспособных жителей нашей страны, помимо занятий физическими упражнениями и спортом.

Список литературы (References)

1. Засимова Л. С., Локтев Д. А. Занятия спортом — удел богатых? (Эмпирический анализ занятий спортом в России) // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 20. № 3. С. 471—499.
Zasimova L. S., Loktev D. A. (2016) Sports for the Rich? (Empirical Investigation of Participation in Sport in Russia). *HSE Economic Journal*. Vol. 20. No. 3. P. 471—499. (In Russ.)
2. Засимова Л. С., Макшанчиков К. Н. Стимулирование занятий спортом работников предприятий: статистико-социологическое исследование // Вопросы статистики. 2022. Т. 29. № 2. С. 77—93. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-2-77-93>.
Zasimova L. S., Makshanchikov K. N. (2022) Supporting Employees' Participation in Sports: Statistical and Sociological Study. *Voprosy statistiki*. Vol. 29. No. 2. P. 77—93. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-2-77-93>.
3. Криворотов С. К. Влияние дистанционного обучения на физическую активность студентов в период пандемии 2020 года // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4. С. 173—177.
Krivorotov S. K. (2020) Impact of Distance Learning on Student Physical Activity during the 2020 Pandemic. *Kazan Pedagogical Journal*. No. 4. P. 173—177. (In Russ.)

4. Мазуренко Е. А., Левченко А. А., Еременко В. Н. Влияние самоизоляции в период пандемии на физическую активность студентов вуза // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2021. № 5. С. 215—219.
Mazurenko E. A., Levchenko A. A., Eremenko V. N. (2021) Influence of Self-isolation During Pandemic Period on the Physical Activity of University Students. *Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University* No. 5. P. 215—219. (In Russ.)
5. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
Piaget J. (1994) *The Language and Thought of the Child*. Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ.)
6. Хоркина Н. А., Лопатина М. В. Особенности физической активности работающих россиян: эмпирический анализ // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 11. С. 45—56. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-11-45-56>.
Khorkina N. A., Lopatina M. V. (2019) Peculiarities of Physical Activity of Russian Workers: Empirical Analyses. *Voprosy Statistiki*. Vol. 26. No. 11. P. 45—56. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-11-45-56>.
7. Шарыпова С. Ю., Корнилицына М. Д. Влияние пандемии COVID-19 на физическую активность россиян трудоспособного возраста // Здоровье населения и среда обитания — ЗНисО. 2023. Т. 31. № 8. С. 29—37. <https://doi.org/2219-5238/2023-31-8-29-37>.
Sharypova S. Yu., Kornilitsyna M. D. (2023) Impact of the COVID-19 Pandemic on Physical Activity of Working-age Russians. *Public Health and Life Environment — PH&LE*. Vol. 31. No. 8. P. 29—37. (In Russ.) <https://doi.org/2219-5238/2023-31-8-29-37>.
8. Akwa L., Smith L., Twiddy M., Abt G., Garnett C., Oldham M., Shahab L., Herbec A. (2023) Associations between Physical Activity, Sedentary Behaviour, and Alcohol Consumption among UK Adults: Findings from the Health Behaviours during the COVID-19 pandemic (HEBECO) Study. *PLoS One*. Vol. 18. No. 10. Art. e0287199. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0287199>.
9. Ammar A., Brach M., Trabelsi K., Chtourou H., Boukhris O., Masmoudi L., Bouaziz B., Bentley E., How D., Ahmed M. et al. (2020) Effects of COVID-19 Home Confinement on Eating Behaviour and Physical Activity: Results of the ECLB-COVID 19 International Online Survey. *Nutrients*. Vol. 12. No. 6. Art. 1583. <https://doi.org/10.3390/nu12061583>.
10. Bauman A., Reis R., Sallis J., Wells J., Loos R., Martin B. (2012) Correlates of Physical Activity: Why are Some People Physically Active and Others Not? *Lancet*. Vol. 380. No. 9838. P. 258—271. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(12\)60735-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(12)60735-1).
11. Booker R., Galloway R., Novik M., Jones R., Holmes M. (2022) Differences between Preemptive and Non-preemptive Physical Activity among 'Drunkorexia'-Positive College Students. *Journal of American College Health*. Vol. 1. No. 5. <https://doi.org/10.1080/07448481.2022.2136973>.
12. Brattlöf F., Gustafsson P., San Sebastián M. (2023) Prevalence and Change in Social Inequalities in Physical Activity Before and During the COVID-19 Pandemic in

- Sweden. *International Journal for Equity in Health*. Vol. 22. Art. 21. <https://doi.org/10.1186/s12939-023-01835-4>.
13. Chang B. (2021) Differences in Self-Rated Health and Physical Activity Due to Education Level among Koreans: Understanding Implications of Physical Education. *Iranian Journal of Public Health*. Vol. 50. No. 10. P. 1983—1992. <https://doi.org/10.18502/ijph.v50i10.7498>.
 14. Constandt B., Thibaut E., De Bosscher V., Scheerder J., Ricour M., Willem A. (2020) Exercising in Times of Lockdown: An Analysis of the Impact of COVID-19 on Levels and Patterns of Exercise among Adults in Belgium. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 11. Art. 4144. <https://doi.org/10.3390/ijerph17114144>.
 15. Danaei M., Palenik C., Abdollahifard G., Askarian M. (2017) Social Determinants of Health and Attempt to Change Unhealthy Lifestyle: A Population-based Study. *International Journal of Preventive Medicine*. Vol. 8. Art. 88. https://doi.org/10.4103/ijpvm.IJPVM_106_17.
 16. de Boer W., Mierau J., Schoemaker J., Viluma L., Koning, R. (2021) The Impact of the Covid-19 Crisis on Socioeconomic Differences in Physical Activity Behavior: Evidence from the Lifelines COVID-19 Cohort Study. *Preventive Medicine*. Vol. 153. Art. 106823. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2021.106823>.
 17. Franco M., Facchini L., Sacerdote C., Masala G., Manfredi L., Dansero L., Bendinelli B., Assedi M., Vitale V., Pala V., Caini S., Ricceri F. (2024) Physical Activity Modification over Time According to Socioeconomic Position: Results from the EPIC—Italy Cohort Study. *BMJ Open Sport & Exercise Medicine*. Vol. 10. No. 3. Art. e001957. <https://doi.org/10.1136/bmjsem-2024-001957>.
 18. Dodge T., Clarke P. (2018) Testing Weight Motives and Guilt/Shame as Mediators of the Relationship between Alcohol Use and Physical Activity. *Addictive Behaviors*. Vol. 77. P. 131—136. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.09.018>.
 19. Fukushima N., Machida M., Kikuchi H., Amagasa Sh., Hayashi T., Odagiri Y., Takamiya T., Inoue Sh. (2021) Associations of Working from Home with Occupational Physical Activity and Sedentary Behavior Under the COVID-19 Pandemic. *Journal of Occupational Health*. Vol. 63. No. 1. Art. e12212. <https://doi.org/10.1002/1348-9585.12212>.
 20. Granström F., Wenemark M., Festin K., Good E., Frielingsdorf H., Lowén M., Rystedt I. (2024) Impact of the Pandemic on Leisure Physical Activity and Alcohol Consumption. *BMC Public Health*. Vol. 24. No. 1. Art. 1589. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-19100-w>.
 21. Graupensperger S., Wilson O., Bopp M., Blair Evans M. (2018) Longitudinal Association between Alcohol Use and Physical Activity in US College Students: Evidence for Directionality. *Journal of American College Health*. Vol. 68. No. 2. P. 155—162. <https://doi.org/10.1080/07448481.2018.1536058>.

22. Jeon H., Kim G., Jeong H., So W.-Y. (2021) Association between Cigarette Smoking and Physical Fitness Level of Korean Adults and the Elderly. *Healthcare*. Vol. 9. No. 2. Art. 185. <https://doi.org/10.3390/healthcare9020185>.
23. Halabchi F., Mahdavian B., Tazesh B., Shab-Bidar S., Selk-Ghaffari M. (2023) Association between Physical Activity and Risk of COVID-19 Infection or Clinical Outcomes of the Patients with COVID-19: A Systematic Review and Meta-analysis. *Journal of Preventive Medicine and Hygiene*. Vol. 64. No. 2. P. E123—E136. <https://doi.org/10.15167/2421-4248/jpmh2023.64.2.2625>.
24. Heckman J. (1979) Sample Selection Bias as a Specification Error. *Econometrica*. Vol. 47. No. 1. P. 153—161. <https://doi.org/10.2307/1912352>.
25. Herbec A., Schneider V., Fisher A., Kale D., Shahab L., Lally P. (2022) Correlates of and Changes in Aerobic Physical Activity and Strength Training Before and After the Onset of COVID-19 Pandemic in the UK: Findings from the HEBECO Study. *BMJ Open*. Vol. 12. No. 6. Art. e054029. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2021-054029>.
26. Ishizuka-Inoue M, Kawaguchi A, Kashima S, Nagai-Tanima M, Aoyama T. (2023) Differences in Physical Activity and Mental Function According to the Employment Status of Elderly Japanese. *Journal of Occupational Health*. Vol. 65. No. 1. Art. e12411. <https://doi.org/10.1002/1348-9585.12411>.
27. Kari J., Viinikainen J., Böckerman P., Tammelin T., Pitkänen N., Lehtimäki T., Pahkala K., Hirvensalo M., Raitakari O., Pehkonen J. (2020) Education Leads to a more Physically Active Lifestyle: Evidence Based on Mendelian Randomization. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sport*. Vol. 30. No. 7. P. 1194—1204. <https://doi.org/10.1111/sms.13653>.
28. Kolosnitsyna M. G., Khorkina N. A., Lopatina M. V. (2020) Factors Affecting Youth Physical Activities: Evidence from Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 578—601. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1578>.
29. Luong M., Bennell K., Hall M, Harris A., Hinman R. (2018) The Impact of Financial Incentives on Physical Activity in Adults: a Systematic Review Protocol. *Systematic Reviews*. Vol. 7. Art. 21. <https://doi.org/10.1186/s13643-018-0687-8>.
30. Maugeri G., Castrogiovanni P., Battaglia G., Pippi R., D'Agata V., Palma A., Di Rosa M., Musumeci G. (2020) The Impact of Physical Activity on Psychological Health during Covid-19 Pandemic in Italy. *Heliyon*. Vol. 6. Art. e04315. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04315>.
31. Mehraeen E. Karimi A., Mirghaderi P., Mirzapour P., Pashaei Z., Qaderi K., Afsahi A., Barzegary A., Mohammadi P. et al. (2023) The Impact of COVID-19 Pandemic on the Levels of Physical Activity: A Systematic Review. *Infectious Disorders — Drug Targets*. Vol. 23. No. 4. Art. e200123212975. <https://doi.org/10.2174/1871526523666230120143118>.

32. Meyer J., McDowell C., Lansing J., Brower C., Smith L., Tully M., Herring M. (2020) Changes in Physical Activity and Sedentary Behavior in Response to COVID-19 and Their Associations with Mental Health in 3052 US Adults. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No. 18. Art. 6469. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186469>.
33. Mutz M., Gerke M. (2021) Sport and Exercise in Times of Self-quarantine: How Germans Changed their Behaviour at the Beginning of the COVID-19 Pandemic. *International Review for the Sociology of Sport*. Vol. 56. No. 3. P. 305—316. <https://doi.org/10.1177/1012690220934335>.
34. Nikolakaros G., Vahlberg T., Auranen K., Sillanmäki L., Venetoklis T., Sourander A. (2017) Obesity, Underweight, and Smoking are Associated with Worse Cardiorespiratory Fitness in Finnish Healthy Young Men: A Population-based Study. *Frontiers Public Health*. Vol. 5. Art. 206. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2017.00206>.
35. Nindenshuti P., Caire-Juvera G. (2023) Changes in Diet, Physical Activity, Alcohol Consumption, and Tobacco Use in Adults During the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review. *INQUIRY: The Journal of Health Care Organization, Provision, and Financing*. Art. 60. <https://doi.org/10.1177/00469580231175780>.
36. OECD (2020) Flattening the COVID-19 Peak: Containment and Mitigation Policies. URL: https://www.oecd.org/en/publications/flattening-the-covid-19-peak-containment-and-mitigation-policies_e96a4226-en.html (accessed: 10.02.2024).
37. Park A., Zhong S., Yang H., Jeong J., Lee C. (2022) Impact of COVID-19 on Physical Activity: A Rapid review. *Journal of Global Health*. Vol. 30. No. 12. Art. 05003. <https://doi.org/10.7189/jogh.12.05003>.
38. Paudel S., Ahmadi M., Phongsavan P., Hamer M., Stamatakis E. (2023) Do Associations of Physical Activity and Sedentary Behaviour with Cardiovascular Disease and Mortality Differ Across Socioeconomic Groups? A Prospective Analysis of Device-measured and Self-reported UK Biobank Data. *British Journal of Sports Medicine*. Vol. 57. No. 14. P. 921—929. <https://doi.org/10.1136/bjsports-2022-105435>.
39. Scholes S., Mindell J. (2020) Inequalities in Participation and Time Spent in Moderate-to-vigorous Physical Activity: A Pooled Analysis of the Cross-sectional Health Surveys for England 2008, 2012, and 2016. *BMC Public Health*. Vol. 20. No. 1. Art. 361. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-08479-x>.
40. Stockwell S., Trott M., Tully M., Shin J., Barnett Y., Butler L., McDermott D., Schuch F. (2021) Changes in Physical Activity and Sedentary Behaviours from before to during the COVID-19 Pandemic Lockdown: a Systematic Review. *BMJ Open Sport & Exercise Medicine*. Vol. 7. No. 1. Art. e000960. <https://doi.org/10.1136/bmjsem-2020-000960>.
41. Tie Y., Tian W., Chen Y., Wang R., Shi P., Feng X. (2023) The Relationship between Physical Exercise and Smoking Behavior among Chinese Residents Aged 16 Years and Older. *Scientific Reports*. Vol. 13. Art. 4557. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-31511-0>.

42. Wang J., Geng L. (2019) Effects of Socioeconomic Status on Physical and Psychological Health: Lifestyle as a Mediator. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16. No. 2. Art. 281. <https://doi.org/10.3390/ijerph16020281>.
43. Westerterp K. (2018) Changes in Physical Activity over the Lifespan: Impact on Body Composition and Sarcopenic Obesity. *Obesity Reviews*. Vol. 19. P. 8—13. <https://doi.org/10.1111/obr.12781>.
44. WHO (2022) Global Status Report on Physical Activity. Geneva: World Health Organization. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/363607/9789240059153-eng.pdf?sequence=1> (accessed: 1.03.2024).
45. Wunsch K., Kienberger K., Niessner C. (2022) Changes in Physical Activity Patterns Due to the Covid-19 Pandemic: A Systematic Review and Meta-Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 4. Art. 2250. <https://doi.org/10.3390/ijerph19042250>.
46. Yang L., Hu L., Hipp J., Imm K., Schutte R., Stubbs B., Colditz G., Smith L. (2018) Cross-Sectional Associations of Active Transport, Employment Status and Objectively Measured Physical Activity: Analyses from the National Health and Nutrition Examination Survey. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 72. No. 9. P. 764—769. <https://doi.org/10.1136/jech-2017-210265>.

Приложение

Таблица 1. Число наблюдений в репрезентативной выборке РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2019 г. и 2020 г.

	2019	2020
Мужчины	4132	3959
Женщины	4429	4291
Итого	8561	8250

Таблица 2. Описательные статистики для категориальных переменных из модели Хекмана за 2019 г. и 2020 г. (число наблюдений, в %)

Переменная	2019		2020	
	Число наблюдений	Доля от общего числа наблюдений (%)	Число наблюдений	Доля от общего числа наблюдений (%)
Всего	8561	100	8250	100
ФА:				
не занимается физическими упражнениями	6335	74	6105	74
занимается	2226	26	2145	26

Переменная	2019		2020	
	Число наблюдений	Доля от общего числа наблюдений (%)	Число наблюдений	Доля от общего числа наблюдений (%)
<i>Уровень образования:</i>				
без аттестата о среднем образовании	1173	14	1123	14
среднее общее (полное)	2541	30	2410	29
среднее специальное	2207	26	2130	26
высшее (в том числе научная степень)	2640	30	2587	31
<i>Статус занятости:</i>				
не работает	2038	24	2043	25
работает	6533	76	6207	75
<i>Пол:</i>				
мужчины	4132	48	3959	48
женщины	4429	52	4291	52
<i>Тип населенного пункта:</i>				
Москва и Санкт-Петербург	937	11	913	11
областной центр (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	2766	32	2696	33
город (кроме областных центров)	2338	27	2208	27
село или поселок городского типа	2520	30	2433	29
<i>Самооценка здоровья:</i>				
плохое и очень плохое	285	3	243	3
среднее (не хорошее, но и не плохое)	3816	45	3568	43
хорошее и очень хорошее	4460	52	4439	54
<i>ИМТ:</i>				
недостаточный вес	367	4	321	4
нормальный вес	4175	49	4007	49
избыточный вес	2579	30	2587	31
ожирение	1440	17	1335	16
<i>Курение:</i>				
не курит	5810	68	5677	69
курит	2751	32	2573	31
<i>Алкоголь:</i>				
не употребляет	2773	32	2819	34
употребляет	5780	68	5431	66

Переменная	2019		2020	
	Число наблюдений	Доля от общего числа наблюдений (%)	Число наблюдений	Доля от общего числа наблюдений (%)
<i>Семейный статус:</i>				
в браке не состоит	2755	32	2704	33
живут вместе, но не зарегистрированы	1115	13	1040	13
состоит в зарегистрированном браке	4691	55	4506	54
<i>Наличие детей:</i>				
детей нет	2560	30	2534	31
дети есть	6001	70	5716	69

Таблица 3. *Описательные статистики для непрерывных переменных из модели Хекмана за 2019 г. и 2020 г.*

Переменная	2019		2020	
	Число наблюдений	Среднее значение	Число наблюдений	Среднее значение
ИФА	2226	21	2141	21
Логарифм дохода	8561	10	8250	10
Возраст	8561	37	8250	38

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2532](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532)**И. В. Лисовская, А. С. Андреева, Н. С. Соловьева****«НАША ЗАДАЧА — ЗАВЛЕЧЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ МОЛОДЕЖИ
ПРОСТО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ЕЕ ВРЕМЯ»:
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ НИШ АГЕНТНОСТИ СУБЪЕКТОВ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ****Правильная ссылка на статью:**

Лисовская И. В., Андреева А. С., Соловьева Н. С. «Наша задача — завлечь как можно больше молодежи просто для того, чтобы занять ее время»: модели развития ниш агентности субъектов молодежной политики в регионах Северо-Запада России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 83—106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532>.

For citation:

Lisovskaya I. V., Andreeva A. S., Soloveva N. S. (2025) "Our Task is to Engage as Many Young People as Possible Just to Occupy their Time": Youth Policy Subjects' Models of Developing Niches of Agency in the Russian North. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 83–106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532>. (In Russ.)

Получено: 05.12.2023. Принято к публикации: 31.10.2024.

«НАША ЗАДАЧА — ЗАВЛЕЧЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ МОЛОДЕЖИ ПРОСТО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ЕЕ ВРЕМЯ»: МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ НИШ АГЕНТНОСТИ СУБЪЕКТОВ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

ЛИСОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ilisovskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

АНДРЕЕВА Анастасия Сергеевна — аспирант, стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: as.andreeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0222-2112>

СОЛОВЬЕВА Наталья Сергеевна — аспирант, младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: chernyshyova.natalia@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1689-3838>

Аннотация. В фокусе статьи — модели формирования ниш агентности, применяемые субъектами молодежной политики для решения вопросов благополучия молодежи в регионах Северо-Запада России. Рассматривая дебаты о благополучии молодежи в целом и конкретно в арктических регионах, авторы используют подход ниши агентности, согласно которому властные структуры северных регионов могут расширять поле своей агентности, когда взгляды центральных и местных субъектов политики на региональное развитие расходятся.

“OUR TASK IS TO ENGAGE AS MANY YOUNG PEOPLE AS POSSIBLE JUST TO OCCUPY THEIR TIME”: YOUTH POLICY SUBJECTS’ MODELS OF DEVELOPING NICHES OF AGENCY IN THE RUSSIAN NORTH

Irina V. LISOVSKAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow at the Center for Youth Research
E-MAIL: ilisovskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

Anastasiia S. ANDREEVA¹ — PhD student; Trainee Researcher at the Center for Youth Research
E-MAIL: as.andreeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0222-2112>

Natalia S. SOLOVEVA¹ — PhD student; Junior Researcher at the Center for Youth Research
E-MAIL: chernyshyova.natalia@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1689-3838>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article focuses on models for the development of the niches of agency used by subjects of youth policy to address issues of youth well-being in the regions of North-West Russia. Considering the debate about youth well-being in general and specifically in the Arctic regions, the authors use the niche of agency approach, according to which power structures of the Northern regions can widen their share of agency when the view of the subject from the inside diverges from the center’s concept of regional development. The empirical material is presented by 65 interviews with ex-

Эмпирический материал представлен 65 интервью с экспертами из шести городов Северо-Западного федерального округа (Калининграда, Пскова, Архангельска, Петрозаводска, Мурманска, Сыктывкара), представляющих властные структуры региональных правительств, сферы образования и бизнеса, а также региональных работодателей и молодежные движения. Авторы выделяют три модели формирования ниши агентности, применяемые вовлеченными субъектами молодежной политики с целью поддержания и развития благополучия молодежи: активистскую, родительскую и кадровую. Специфика каждой модели обусловлена расположением суждений агентов МП вдоль векторов напряжения, отражающих представления агентов о молодежи и процессе реализации молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежное благополучие, онтологическая безопасность, ниша агентности, молодежная политика, субъекты молодежной политики, Северо-Запад России

Благодарность. Проект «Выбор жизненных стратегий талантливой молодежи и ее роль в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответ на глобальные вызовы „утечки мозгов“», исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 21-18-00122.

Благодарим руководителя проекта Елену Омельченко, а также коллег, участвовавших в сборе полевых данных: Дмитрия Омельченко, Святослава Полякова, Евгению Кузинер, Дарью Петрунину. Также благодарим всех проводников и информантов, принявших участие в исследовании.

perts from six cities of the Northwestern Federal District (Kaliningrad, Pskov, Arkhangelsk, Petrozavodsk, Murmansk, Syktyvkar): representatives of the power structures of regional governments, education system, tourism, business, regional employers, and youth movements. The authors identify 3 models for developing niches of agency deployed by subjects of youth policy to maintain and develop youth well-being. The specificity of the activist, staff, and parent model is determined by the location of the judgments of youth policy agents along the tension vectors reflecting the agents' ideas about youth and the process of implementing youth policy.

Keywords: youth, youth well-being, ontological security, niche of agency, youth policy, subjects of youth policy, North-West of Russia

Acknowledgments. The research “The choice of life strategies by talented young people and their role in enhancing the competitiveness of Russian regions as a response to global challenges of the ‘brain drain’” was supported by the Russian Science Foundation, № 21-18-00122.

We thank the project leader Elena Omelchenko, as well as colleagues who participated in collecting field data: Dmitry Omelchenko, Svyatoslav Polyakov, Evgeniya Kuziner, Daria Petrunina. We also thank all the guides and informants who took part in the study.

Дебаты о благополучии молодежи на Севере

Поскольку на молодежь возлагается ответственность за будущее страны, вовлеченные в работу с ней властные субъекты заинтересованы в ее благополучии [Омельченко, Лисовская, 2022]. На Севере мы видим больше вызовов благополучию молодежи по сравнению с другими регионами [Недосека, Шарова, 2020; Сулейманова, 2020; Гугова и др., 2022], что связано с повышенным риском для ментального здоровья из-за особых климатических условий, а также с особенностями этнокультурного развития региона [Etter et al., 2019, Бочаров и др., 2015]. Так, Н. Б. Семенова полагает одной из причин высокого уровня самоубийств среди коренной молодежи Севера «этнические особенности эмоциональной сферы» [Семенова, 2011: 12].

«Молодежное благополучие» — широко применяемое понятие, но его до сих пор сложно концептуализировать в академической дискуссии. Часто параметры «молодежного благополучия» предлагаются без участия молодежи и без учета ее мнения — на уровне разработки теоретических концепций и на уровне государственной политики [Wyn et al., 2015; Stammler, Toivanen, 2022]. Количественные оценки благополучия становятся аргументами в неолиберальной риторике: молодым людям предписывается непрерывное личностное развитие и сохранение конвенционального ментального здоровья для устойчивости вызовам среды [Ryan, Deci, 2001; McLeod, 2017]. Исследователи критикуют использование концепции благополучия в социологии молодежи в качестве панацеи, способной сделать молодежь сильнее, инициативнее, выносливее без кардинальных трансформаций структурных характеристик среды взросления [McLeod, Wright, 2016; Coffey, 2022].

Устоявшееся понимание благополучия как отсутствие вреда и лишений представляется слишком узким и неспособным отразить социальную реальность [Ortner, 2016]. В такой трактовке «благополучие» сближается с «негативной» безопасностью, призванной предотвратить прямые угрозы для населения с вовлечением военизированных структур, в противовес «позитивной» безопасности, основанной на создании чувства доверия и комфорта в социуме [Gjørvi, 2012]. Дискуссия о безопасности является важной частью в определении молодежного благополучия, особенно в контексте исследований Севера [Hoogensen, 2009; Stammler, Toivanen, 2022], при этом само определение безопасности требует пересмотра.

Хотя Север часто представляется как фронтир, где важна прежде всего физическая безопасность (ввиду климатических особенностей и геополитического положения), для молодежи Севера первоочередное значение имеет онтологическая безопасность, подразумевающая ощущение себя цельной личностью и чувство уверенности в своей идентичности и стабильности связей с другими людьми [Dankertsen, Pettersen, Otterlei, 2021; Stammler, Hodgson, Ivanova, 2020]. Вслед за Э. Гидденсом, который подчеркивает важность стабильности в когнитивной среде и отношениях с другими [Giddens, 1991], А. Данкерстен и соавторы пишут о значимости поддержания государством онтологической безопасности ради стабильного общества, гарантирующего прочные социальные связи и идентификацию с местом, основанную на чувстве значимости для региона [Dankertsen, Pettersen, Otterlei, 2021]. Концепция онтологической безопасности, близкая к «позитивной» безопасности, стремится к комплексному пониманию молодежного благополу-

чия: в обоих отдаётся приоритет ценностям равенства, справедливости и доверия [Jiménez, 2008]. При этом в российские исследователи фиксируют в государственной политике снижение приоритета онтологической безопасности и рост значимости милитаристской повестки [Sergunin, 2019; Gavrilov, 2019; Karaganov, 2021]. Как российские, так и зарубежные программы позитивного развития молодежи исходят из концепции негативной безопасности: их проект обеспечения молодежного благополучия основывается на устранении рисков [Roth, Brooks-Gunn, 2015; Coleman, 2021]. Этот подход упускает значимость благополучия для самой молодежи и не учитывает условия времени и контекста.

Кроме того, российские субъекты региональной молодежной политики (МП) проблематизируют гедонистические потребности молодых людей. Изучая российские и финские малые северные города, исследователи обнаружили, что субъекты МП пытаются переориентировать молодых людей на возвышенные идеалы и ценности, критикуя их «бесцельный досуг» (например, встречи в торговых центрах) [Adams, Allemann, Tynkkynen, 2022]. Стремясь контролировать свободное время молодых людей, субъекты МП создают специальные рекреации — молодежные клубы и пространства при центрах, аффилированных с органами местной власти. Что показательно, в региональных мониторингах фиксируется низкая популярность подобных проектов, а молодежные досуговые выборы вызывают тревогу и у практиков, и у теоретиков МП [Силин, Койшина, 2016].

Ниши агентности и молодежный вопрос на Российском Севере

Ввиду сохраняющейся проблемы «утечки мозгов» в северных регионах есть острая потребность в производстве и восполнении кадров [Степуть, Симакова, 2018; Маркин, Силин, Воронов, 2019], для чего необходимо эффективно привлекать и сохранять молодежь в регионе [Pitukhina, Tolstoguzov, Ilyin, 2021; Ljovkin et al., 2020; Омельченко, Омельченко, 2022]. Крупные корпорации становятся вовлеченными агентами МП, поскольку их интересует возвращение будущих кадров, удержание «мозгов» в регионе. Они берут на себя функции по созданию досуговой инфраструктуры, сетей дополнительного образования, доступного профилированного обучения с ранним приглашением на региональные производства. Таким образом, не только молодежные сервисы, но и крупные корпорации определяют благополучие «за молодежь», становясь значимым агентом МП [Ivanova, Oglezneva, Stammli, 2022; Adams, Allemann, Tynkkynen, 2022]. В системе молодежной политики на Севере с ее сетями по воспитанию, контролю и заботе о благополучии молодежи мы видим черты «ниши агентности» (niche of agency).

Концепция ниш агентности продвигается как российскими, так и зарубежными исследователями Севера и Арктики [Ivanova, Oglezneva, Stammli, 2022] в контексте, предложенном Г. Фондаль и коллегами: властные структуры северных регионов могут расширять долю своей агентности, когда взгляды центральных и местных субъектов политики на региональное развитие расходятся [Fondahl et al., 2019]. Мы берем за основу концепцию Г. Фондаль и коллег, но считаем, что ниша агентности проявляется не только в противостоянии позиции региона центру, но и в расширении сферы влияния в регионе на направления деятельности МП.

Парадигма ниш агентности встраивается в социологическую традицию интерпретации «агентности» как атрибута не только (и не столько) индивида, но социальной среды [Сорокин, 2023; Emirbayer, Mische, 1998]. «Агентность» в «нише агентности» сближается с трактовками Л. Удена — способность создавать новые структуры и проактивно воздействовать на существующие [Udehn, 2002], а также С. Кравченко и В. Фетисова — действие, способное менять социальную среду через трансформации, выходящие за пределы объективных трендов саморазвития структур [Кравченко, 2022; Фетисов, 2022].

Оптика ниши агентности помогает изучать регионы с особыми климатическими условиями и то, как в этих условиях создаются коллаборации между бизнесом, властью и населением для решения специфических региональных вопросов. Чаще всего исследования ниш агентности в российских регионах имеют юридический характер, например, когда речь идет о трансформации российского законодательства в отношении коренных народов Севера [Kryazhkov, 2013] или о проблемах применения государственной повестки в отношении Дальнего Востока [Kuhrt, 2014]. Кроме того, подобная оптика используется для исследования уникальных кейсов: например, коллаборации этнических сообществ и крупных корпораций для решения важных социальных и промышленных вопросов в Республике Саха [Stammler, Ivanova, 2016] или стратегий и моделей получения этническими сообществами Арктики выгод от добычи нефти и разработок благодаря «лазейкам» в законодательстве и корпоративной политике [Tysiachniouk et al., 2018]. Однако в этих исследованиях особый акцент делается именно на крупные корпоративные субъекты, а другие влиятельные агенты остаются упущенными из виду.

В данной статье концепция ниш агентности будет рассматриваться в контексте молодежной политики в продолжение дискуссии, развернутой в статье А. Ивановой, Т. Оглезневой и Ф. Штаммлер [Ivanova, Oglezneva, Stammler, 2022]. По мнению исследователей, региональные власти, органы МП, работодатели и иные субъекты при работе с молодежью ориентируются на федеральное законодательство в сфере МП¹, но принимают во внимание специфику и потребности региона. В нашем понимании ниши агентности в северных регионах — это устойчивые коллаборации заинтересованных региональных органов, структур или агентов МП, вовлеченных в решение «молодежного вопроса» в регионе, продвигающие тот или иной актуальный для территории вектор (или находящиеся в оппозиции государственному видению молодежи благополучия). Своими действиями они меняют устойчивые структуры и среды (ими могут быть как региональные органы власти, так и молодежные экосистемы города, например, креативные пространства). Такие коллаборации не обязательно привязаны к решению вопросов местных промышленных комплексов и связанных с ними социальных гарантий. Отношения с корпорациями, безусловно, важны для северных регионов, но молодежь — проект будущего в глазах государства; оставшись в регионе, она может стать решающей силой в его развитии, а покинув регион — стать косвенной причиной его упадка. Поэтому в решение задачи обеспечения молодежного благополучия вовлекается большое количество агентов: не только корпорации, но и разные социальные

¹ К примеру, Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

сервисы (НКО, региональные органы молодежной политики, система образования, общественность). Все вместе они формируют нишу агентности.

Важно понимать, каким образом вовлеченные агенты выстраивают диалог с молодежью в разных регионах Северо-Запада России, развивают собственные векторы в рамках молодежной политики с ориентацией на благополучие молодежи и в целом региона с его особыми потребностями. Мы полагаем, что концепция ниш агентности с ее акцентом на коллаборации между бизнесом, властью и населением в лиминальном пространстве Севера представляет собой актуальную теоретическую рамку, позволяющую рассмотреть молодежное благополучие не «от противного» (как исключение угроз), а в позитивном смысле. Поэтому в данной статье мы сосредотачиваемся на анализе моделей формирования ниш агентности в рамках поддержания молодежного благополучия субъектами МП СЗФО.

Методология исследования

Статья обобщает данные экспертных интервью, полученных в рамках исследования «Выбор жизненных стратегий талантливой молодежью и ее роль в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответ на глобальные вызовы „утечки мозгов“». Проект посвящен исследованию оттока квалифицированных специалистов из регионов Северо-Запада, механизмов их мотивации остаться. Одна из задач этого проекта заключалась в обобщении способов интеграции выпускников в региональные социально-экономические системы в городах СЗФО.

География исследования включала Калининград, Псков, Архангельск, Петрозаводск, Мурманск, Сыктывкар. Эти города расположены вблизи миграционно привлекательного крупного населенного пункта — Санкт-Петербурга, большая часть — в непосредственной близости к границам стран Европы. Они являются центрами областей и республик и выступают точками притяжения для региональной молодежи. При этом между исследуемыми территориями, несмотря на их сопоставимость, существуют различия на уровне географии, истории и материального благосостояния населения, что позволяет уловить региональную специфику ниш агентности и выявить их общие структурные элементы.

Экспертные интервью проводились в шести городах исследования с представителями четырех сфер работы с молодежью: бизнеса — потенциальными работодателями, HR-специалистами и руководителями наиболее значимых для города компаний; с работниками государственных структур, ответственных за интеграцию местной молодежи, — специалистами по молодежной политике, депутатами молодежных партий, правительством региона; с организаторами образовательного процесса в опорных вузах городов исследования — проректорами, заведующими кафедрами; с научными работниками регионов, изучающими молодежные вопросы, — представителями местных РАН, заведующими научных лабораторий.

Кроме названных групп информантов-экспертов (бизнес, госструктура, наука, образование) в выборке исследования была выделена свободная квота для рекрутинга представителей наиболее значимых и развивающихся сфер в конкретном городе. Эмпирическую базу статьи составили 65 интервью с экспертами. Распределение по регионам представлено следующим образом: Петрозаводск (11), Сыктывкар (10), Мурманск (11), Архангельск (12), Калининград (10), Псков (11).

При отборе информантов не учитывался их пол или возраст; значение имели опыт работы эксперта (не менее года) и позиция в структуре организации (должность, предполагающая руководство, в том числе молодежью). Данные о каждом информанте, чьи цитаты используются в статье, представлены в Приложении.

Данные собраны в промежутке с 2021 по 2022 г., дословно транскрибированы, анонимизированы. Несмотря на то, что беседы с информантами велись по большей части в отношении их поля экспертизы, всем участникам исследования было предложено обсудить и другие сферы жизни молодежи и возможности, предоставляемые городом. Гайд интервью с экспертами включал в себя общую характеристику молодежи и работы с ней, обсуждение условий образования, рынка труда и досуга в городе, возможностей для молодежного предпринимательства, жилищных условий, а также специфики молодежной миграции в городе и регионе. Все интервью прошли процедуру выборочного кодирования для определения основных подходов к реализации МП, которые на втором этапе анализа были упорядочены в качестве элементов моделей формирования ниш агентности в регионах.

Результаты имеют свои ограничения. Во-первых, суждения экспертов могли быть ограничены спецификой их дискурсивных практик, воспроизводящих принятые в России суждения о молодежи [Омельченко, Лисовская, 2022]. Во-вторых, отношение к разным моделям может быть продиктовано самой нишей экспертизы информантов и объясняться структурным неравенством в реализации различных направлений работы с молодежью. В-третьих, различия между городами исследования могут накладывать ограничения на доступ к реализации той или иной модели. В-четвертых, специфика времени, в ходе которого была реализована полевая работа, также могла оказать влияние на полученные результаты. Сбор данных в Калининграде и Пскове сопровождался мерами контроля распространения коронавируса, экспедиции в Петрозаводск и Сыктывкар совпали во времени с началом СВО, в Мурманск и Архангельск — с объявлением частичной мобилизации. Эти события повлияли на реализацию других методов исследования (массовых опросов в вузах, интервью с молодежью), однако исказили данные не столь значительно, как этого можно было бы ожидать [Омельченко, 2023]. Поскольку эксперты описывали опыт интеграции молодежи чаще в прошедшем времени и акцентировали внимание на повторяющихся проблемах, их нарративы не были подчинены логике турбулентности конкретного момента.

Выделенные модели представляют собой идеальные типы, в чистом виде не встречающиеся в практике отдельных экспертов, но демонстрирующие направления для проявления агентности региональных структур молодежной политики.

Векторы напряжения в суждениях агентов молодежной политики о формировании ниши агентности

Разделяя идею о необходимости формирования и расширения ниши агентности, агенты МП СЗФО по-разному видят способы, итоги и барьеры на пути реализации этой идеи. Проанализировав их нарративы, мы выделили три модели формирования ниши агентности: активистскую, родительскую и кадровую. Каждая модель встречается во всех шести городах исследования, вне зависимости от сферы, в которой агенты МП взаимодействуют с молодежью. Хотя данные ука-

зывают на различия в предпочтениях агентов МП той или иной модели формирования ниши агентности в зависимости от города их проживания, фиксировать эти различия в качестве самостоятельных эмпирических выводов кажется слишком сильным заявлением. Вместо того чтобы демонстрировать региональные различия, плохо считываемые на основании 10—12 интервью в каждом из шести городов, мы выводим общие теоретические модели, которые могут быть соотнесены с деятельностью агентов МП из любой сферы и из любого города СЗФО.

Первая группа векторов отражает суждения о молодежи агентов МП. Во-первых, это вектор напряжения «глобальность — локальность»: на одном полюсе — представление о местной молодежи как о неспецифичной; на другом — как об уникальной и нуждающейся в особом подходе, отражающем региональную специфику. Во-вторых, это вектор «широкая прослойка — узкая прослойка»: на одном полюсе — готовность агентов МП работать с широкой прослойкой молодежи, на другом — концентрация усилий на узкой (элитарной) группе. В-третьих, это вектор «самореализация — приспособление»: на одном полюсе — нацеленность на самореализацию молодежи как итог МП, на другом — на приспособление талантов и навыков молодежи под нужды региона.

Вторая группа векторов отражает представления агентов о процессе реализации МП. Вектор «горизонтальная — вертикальная организация» демонстрирует представления агентов МП об их роли: рядом с молодежью или над ней. Вектор «здесь и сейчас — в будущем» показывает суждения о темпоральном характере МП: направлена ли она на достижение молодежного благополучия в настоящем или будущем. Наконец, вектор «старые — новые профессии» демонстрирует суждения о лучших сферах для применения талантов и навыков молодежи: быстро развивающиеся цифровые и креативные профессии или профессии, традиционные для региона (как правило, связанные с промышленностью).

Активистская модель формирования ниши агентности

Первая из выделенных моделей формирования ниши агентности, названная нами активистской, опирается на представление о молодежи как о встроенной в глобальные процессы инициативной прослойке населения, чье благополучие обеспечивается удовлетворением потребностей, главным образом — потребности в самореализации. На векторе «глобальность — локальность» активистская модель смещена к полюсу глобальности: местная молодежь понимается как неспецифичная группа, состояние которой описывается в терминах неопределенности, поиска себя и своего места в жизни. При этом высоко оценивается инновационный потенциал инициативной молодежи — и именно на эту узкую прослойку направлены усилия агентов МП.

...Такие центры, фонды, которые собирают все возможные меры поддержки и, допустим, начинающий свое личное дело даже молодой человек может прийти к ним за помощью. И он получит всю полную информацию, как правильно и где получить ему субсидию, которую он может вложить в свое собственное дело и в перспективе не отдавать эти деньги. У нас такие же меры поддержки есть: развитие сельского хозяйства — начинающие фермеры, которые тоже могут получить беспроцентные субсидии на поддержку и развитие начинания. (Калининград, Илья, эксперт из сферы госуправления)

Старания агентов МП, придерживающихся активистской модели, направлены на самореализацию молодежи: в рамках этой парадигмы молодежь понимается как богатая инициативами группа, чье стремление к самовыражению и саморазвитию нужно лишь направить в выгодное для региона русло. Так, информантка из Сыктывкара высоко оценивает инициативность, поэтому считает поддержку молодежных проектов важной для развития всего региона:

Вот с молодежью-то пойдет все быстрее. Потому что они генерируют, они подключают к себе предпринимателей, предприниматели загораются. И, может быть, это все вот так вот в темпе большом увеличится, но благодаря молодежи. (Сыктывкар, Мария, эксперт из сферы госуправления)

Что касается представления агентов об их роли в процессе реализации МП, они позиционируют себя как находящиеся в более или менее равном положении с молодежью консультанты, которые предоставляют ресурсы для самореализации молодежи в перспективных направлениях. В рамках активистской модели агенты МП предпочитают горизонтальную организацию вертикальной, они выбирают играть роль «советчика», основная задача которого — наблюдать за выбором молодежи и направлять ее по наиболее эффективному пути. При этом агенты МП не несут ответственности за результаты: их задача — предоставить ресурсы и возможности, а овладение инструментами МП — забота молодежи.

На векторе темпоральности активистская модель находится на полюсе «здесь и сейчас»: она ориентирована на проектную деятельность по повышению благополучия молодежи, не имеющую долгосрочных перспектив. Представление о поддержке молодежной деятельности как о вызванной необходимостью «занять молодежь чем-то полезным» здесь и сейчас приводит к тому, что инструментом реализации активистской модели формирования ниши агентности становятся точечные акции поддержки без планирования общей картины, направленные на развитие «soft skills», а не на интеграцию в крупные социальные структуры.

У нас есть Карельский ресурсный центр развития добровольничества, и там все, то есть любое добровольничество, школьное, и есть возможности, когда сами ребята молодые становятся и преподавателями, и ведут отряды, клубы, скаутское движение. То есть для развития инициативы сохранена инфраструктура молодежных организаций. (Петрозаводск, Камилла, эксперт из сферы волонтерства)

Такой формат, по мнению агентов МП, лучше всего соответствует духу времени, для которого свойственно повсеместное распространение ценностей постиндустриального общества при высокой значимости индивидуальных потребностей человека. Кроме того, на векторе «старые — новые профессии» активистская модель находится на втором полюсе: агенты МП проблематизируют недостаток представителей «профессий будущего» в регионе, а низкую дифференцированность локального рынка труда называют причиной высокого уровня молодежной безработицы. Агенты МП предполагают, что для улучшения благополучия молодежи необходимо предоставлять ей разнообразные

пути для реализации собственных инициатив, которые могут сформировать в регионе новые ниши.

Уже не то время, когда всех массово из-под палки выгонять на улицы, давать в руки флажки, прочие вещи, делать это, делать это, делать это. Это уже кануло в Лету, и первое, на что надо ставить акцент, — это вовлеченность и личная заинтересованность каждого молодого человека, да, либо девушки. Который принимает участие где-то, в чем-то. Поэтому широкий спектр возможных мероприятий либо реализация проектов, чтобы каждый человек мог получить ответ на вопрос, как его идеи можно воплотить в жизнь либо где он может применить и найти себя. (Калининград, Илья, эксперт из сферы госуправления)

Итак, оптимальным методом реализации потенциала молодежи сторонники активистской модели среди агентов МП полагают поддержку молодежных инициатив. Такие проекты полезны для развития всего региона, так как молодежь лучше осведомлена об актуальных тенденциях, чем старшее поколение, компетентна, а также вовлекает в свои инициативы других, в том числе стейкхолдеров региона (например, предпринимателей, которые начинают вкладываться в молодежные стартапы). Барьером для реализации этой модели выступает несоответствие целей регионального руководства и целевой аудитории МП (молодежи).

Родительская модель формирования ниши агентности

В представлениях сторонников родительской модели формирования ниши агентности местная молодежь — это специфическая группа, которая должна использовать свои таланты на благо региона, а точнее — на благо градо- и регионообразующих предприятий. Родительская модель расположена на полюсе локальности на векторе «глобальность — локальность»: с точки зрения агентов МП, местная молодежь обладает особым набором свойств, характерных для уроженцев региона, а потому наделяется почетной обязанностью продолжить трудовые традиции региона. Что касается приезжей молодежи, предполагается, что она будет обучаться в местных опорных вузах, получать актуальные для региона профессии, включаться в местное производство — также встраиваться в традиционные сферы труда.

Агенты МП, придерживающиеся родительской модели, готовы работать с широкой прослойкой молодежи: они не выделяют группы молодежи, достойные поддержки («талантливая молодежь», «инициативная молодежь», «молодые предприниматели»), — их взгляды эгалитарны. Главное требование к широким слоям молодежи, на которые ориентирована эта модель, — лояльность. Наиболее эффективно такая модель работает с сельской, малообеспеченной, приехавшей из других регионов молодежью — теми, для кого социальные гарантии, предлагаемые в рамках родительской модели, наиболее привлекательны.

И для работодателя взрослый кандидат интереснее в плане вложений. А молодежь, она ни к чему не привязана. Поэтому если мы найдем способ, как ее сюда привязать... То есть, например, ты пошел работать учителем, мы тебе там дали какую-нибудь льгот-

ную ипотеку, и в течение десяти лет ты ее должен выплатить, иначе ты там ее лишаешься. И десять лет человек точно будет работать. А за десять лет он женится, родит себе детей и привяжется к региону. (Псков, Тамара, эксперт из сферы волонтерства)

Родительская модель ориентирована не на самореализацию молодежи, а на ее включение в решение проблем региона. Эксперты отмечают высокие требования молодежи к рабочему месту, которые выражаются как в финансовом, так и в нематериальном аспекте («Поколение выросло на том, что есть я, для него крайне важно развести, что есть работа, что есть личная жизнь, вы меня не трогайте, вы создайте мне условия для того, чтобы я был счастлив в вашей компании» (Петрозаводск, Жанна, эксперт из сферы бизнеса)). Эту тенденцию большинство агентов МП считает тревожащей: это и предпосылка к оттоку квалифицированных специалистов из региона (потенциально — и из страны), и симптом упадка трудовой этики молодежи. Требовательность молодежи представлена как однонаправленная: она требовательна к другим, но не к себе.

Способность молодежи к быстрой смене места работы, сферы занятости, географической локации конструируется как дефект: экспертов тревожит, что молодежь куда менее лояльна к работодателям, чем предыдущее поколение, легко с ними расстается и не переживает, на что будет жить завтра.

А сейчас ребята хотят искать комфорт для своего, и своей жизни, и в том числе своей работы. Если не понравился там начальник, не понравился кабинет, не понравилась дорога, он говорит: «Все, меня здесь ничего не держит». И это проблема — для работодателей больше, чем для самих ребят. Они уверены, что они найдут себя и в другом направлении. (Калининград, Василий, эксперт из сферы госуправления)

Свою роль в рамках этой модели агенты МП позиционируют как роль родителей, которые передают молодежи основополагающие ценности и сопровождают их на пути становления достойными членами местного сообщества. В родительской модели предусмотрена вертикальная организация: агенты МП выступают как управленцы и воспитатели в одном лице, которым нужен высокий уровень контроля, чтобы обеспечить молодежи благополучие. Эксперты — приверженцы данной модели воспроизводят нарратив, согласно которому молодежь не может руководить сама собой, не может быть эффективна сама по себе, ей всегда нужен взрослый, причем взрослого от молодого отличает не столько более высокая ступень в иерархии, сколько морально-нравственное превосходство.

Ну, с молодежью, конечно, совершенно другой подход. Где-то ты как воспитатель, где-то как постоянный наставник, куратор. Это все равно очень сложно — выстроить отношения «взрослый — взрослый», потому что сегодня они все-таки, ну, очень нуждаются в сопровождении их работы на всех этапах. (Архангельск, Алена, эксперт из сферы госуправления)

Родительская модель нацелена на достижение благополучия молодежи в будущем, что, во-первых, предполагает наставление молодежи в рамках деонти-

ческой этики, во-вторых — ориентацию на структурные изменения, а не точечные действия. Благополучие молодежи в рамках этой модели должно опираться на те же моральные догмы, на которых были воспитаны предыдущие поколения. Благополучие имеет нравственную оценку: благополучные молодые люди — это семьянины, труженики и добропорядочные граждане.

Для достижения этого благополучия предполагается обращаться к старым проверенным методам — и «старым» профессиям. Градо- и регионообразующие промышленные предприятия, породившие трудовые династии, представляют гарантом надежности. Приверженцы родительской модели среди агентов МП не только полагают цифровые и креативные профессии «ненастоящими», «ненадежными» и недостойными высокого звания дела жизни, но и считают популярность этих профессий и распространение удаленной работы причиной упадка трудовой этики молодежи.

Не хотят работать, я говорю, ручками, что называется, хотят, понимаешь, у молодежи же из-за того, что сейчас опять-таки соцсети, да, у нас интернет, доступность всего этого. И вот эти картинки, как я называю, иллюзорные. (Псков, Екатерина, эксперт из сферы госуправления)

Инструменты для достижения благополучия молодежи, которые сторонники родительской модели считают оптимальными, во многом взяты из прошлого. Высказываются предложения вернуть систему распределения на рабочие места после учебы, наладить единую систему профориентации, предоставлять жилье за работу на предприятии. Барьером для реализации данной модели выступает невозможность конкурировать на уровне профессий с быстро развивающимися креативным и цифровым секторами. Так, эксперт из Пскова видит причину низкой востребованности предприятий промышленности у молодежи в непопулярности рабочих профессий по сравнению с профессиями умственного труда.

Умирующие специальности, сейчас молодежь, к сожалению, ну, не готова, да, ну, не хочет она идти на завод к станку. Все хотят идти в интернет либо кто-то, ну, в продажи. И вот такой вот поток именно рабочего класса у нас очень-очень маленький. (Псков, Наталья, эксперт из области поддержки и сопровождения бизнеса)

Кадровая модель формирования ниши агентности

Для сторонников кадровой модели формирования ниши агентности местная молодежь представляется частным случаем глобального молодого поколения, соответственно, и развивать таланты местных юношей и девушек необходимо в направлениях, востребованных на мировой арене. Кадровая модель ориентирована на узкую прослойку молодежи, обладающей знаниями, умениями и навыками, которые, согласно прогнозам, будут наиболее востребованы в будущем (упомянутся студенты, желающие самообразовываться, юные таланты, которые могут принести региону славу, молодые предприниматели). В нарративах экспертов особо подчеркивается важность молодежного предпринимательства. Его развитие служит трем целям: повышению инновационного потенциала региона, в ко-

тором молодые предприниматели с их свежим взглядом будут реализовывать новаторские проекты в новых нишах, противостоянию оттоку молодых специалистов из региона и удовлетворению потребности молодежи в самореализации.

Если мы говорим про реализацию молодежи сегодня в нашем регионе, то собственный, ну, бизнес, там, — это громкое слово. Самозанятость, свое дело — для некоторых это единственный выход как-то себя реализовать. (Псков, Карина, эксперт из области поддержки и сопровождения бизнеса)

При том, что многократно утверждается высокая значимость молодежного предпринимательства для региона, у агентов МП нет четкого понимания, как вовлечь молодежь в предпринимательство. Согласно одной позиции, в регионе благоприятная ситуация с трудоустройством (под этим не подразумевается, что каждый может найти себе работу по душе с достойной оплатой, скорее, что каждый может найти хоть какую-нибудь работу — как правило, это прекарная и низкооплачиваемая занятость), поэтому у молодежи нет инициативы идти в предпринимательство, число предпринимателей падает. Согласно другой позиции, в регионе неблагоприятная ситуация в вопросе зарплат, поэтому число людей, уходящих в предпринимательство, будет неуклонно расти.

На векторе «самореализация — приспособление» кадровая модель находится примерно посередине. С одной стороны, агенты МП подчеркивают, что самореализация молодежи в рамках инновационных, креативных, предпринимательских проектов — это благо; с другой стороны, деятельность агентов МП согласно этой модели направлена на приспособление молодежи к внешним условиям. Логика понимания благополучия молодежи исходит не из предпочтений и потребностей самой молодежи, а из тех правил, которые диктует современность. Под современностью, как правило, понимаются неолиберальные реалии, а адаптировать молодежь предполагается к жестким условиям рынка. По мнению ряда агентов МП, молодежь нужно «адаптировать к современному обществу»: будто бы молодежь находится за пределами общества, войти же в него она может только с помощью компетентных взрослых. Под обществом на самом деле понимается рынок труда, именно в приспособлении молодежи к нему видят свою миссию агенты МП.

Занимаюсь как раз-таки развитием молодежи, созданием инфраструктуры, которая позволяет развивать ее, мягко адаптировать в современное общество, и та среда, в которой они сегодня постепенно переходит в современный рынок труда. (Сыктывкар, Мария, эксперт из области госуправления)

Кадровая модель предполагает вертикальную организацию: агенты МП отводят себе роль «наставников», которые обладают знаниями об образе будущего, о необходимых молодежи компетенциях и требующихся для этого ресурсах, и передают эти знания молодым людям. Анализируя неолиберальные требования современной действительности, агенты МП отмечают необходимость подготовить к ним молодых людей и берут на себя задачи по созданию условий для наращивания их капиталов. При этом агенты МП не несут ответственности за итоги сво-

ей наставнической деятельности. Модель не предполагает социальных гарантий или длительной поддержки и требует от молодежи принятия полной ответственности за свое будущее и мобилизации всех мыслимых ресурсов для достижения успеха в условиях неолиберальной системы.

Ну, я считаю, не надо бояться завышать планку. Старайся, работай, напрягайся, не спи, плачь, нервничай, добивайся, борись. Иначе бесформенной медузой ты ничего не достигнешь в этой жизни. Если тебе не повезет в казино или в ТикТок там где-нибудь. (Калининград, Дмитрий, эксперт из области трудоустройства)

Картина благополучия молодежи в рамках данной модели принадлежит миру не настоящего, но будущего. Нарращивание компетенций молодежи совместными усилиями агентов МП и молодых людей воспринимается как долговременная инвестиция, которая окупится в некоем неопределенном будущем. В вопросе о будущем сторонники кадровой модели уверены, что наиболее выгодное положение в нем займут обладатели «новых профессий», которые на данный момент недостаточно развиты в регионе. Ряд экспертов эксплицитно проблематизируют недостаток представителей «новых профессий» — залога будущего процветания региона.

У нас очень мало IT-специалистов, которые действительно могут вывести какой-то отечественный продукт очень хороший, этих специалистов тоже очень мало в регионе. Когда мы говорим про искусственный интеллект, когда мы говорим о возможностях перехода на цифровую площадку каких-то организаций, мало специалистов по IT. (Сыктывкар, Мария, эксперт из области госуправления)

Оптимальным инструментом реализации кадровой модели полагаются мероприятия по наращиванию знаний, умений и навыков под руководством опытных специалистов: бизнес-инкубаторы, образовательные курсы, тренинги и так далее. Это, по замыслу агентов МП, предоставит молодежи достаточные ресурсы для эффективного противостояния вызовам времени.

В качестве барьера реализации кадровой модели можно выделить, во-первых, недостаточную информированность молодежи о существовании инструментов МП: имея стремление развиваться, молодые люди предполагают, что не найдут в регионе необходимых ресурсов, и уезжают. Другим серьезным барьером является навязанная агентам региональной МП роль «кузницы кадров» для крупных федеральных стейкхолдеров. Регион не может предложить молодым высококвалифицированным специалистам условия (в первую очередь финансовые), сравнимые с теми, которые предлагают крупные федеральные компании, в результате чего происходит отток специалистов из региона, причем, как правило, работников умственного труда, представителей быстро развивающихся цифровых профессий.

Мы задолбались быть кузницей кадров, потому что те молодые специалисты, которые приходят, они у нас, допустим, получают, там, ну, сходу там полтинник где-то, да, потом дорастают до восьмидесяти, кто-то до сотни, а им приходит предложение X2, ну, услов-

ного Яндексa, да. <...> И мы ничего не можем противопоставить, никто из петрозаводских компаний, которые работают на внутренний рынок, ничего не может противопоставить Яндексу, Сберу, Альфе, там, ну, вот крупняку, да, всякому там Х5, который идет. Они высасывают абсолютно все. (Петрозаводск, Валерий, эксперт в сфере бизнеса по направлению IT)

По мнению ряда агентов МП, в оттоке квалифицированных специалистов из региона нет ничего страшного, так как они все равно работают на развитие страны. Согласно же другой точке зрения, логическое продолжение этой модели — отток специалистов за рубеж, как только российские компании будут не в состоянии обеспечивать сравнимые доходы. Чтобы прервать эту цепочку, нужно предлагать молодым специалистам немонетарные источники мотивации, в числе которых называются личная заинтересованность местной компании в профессиональном росте и развитии сотрудника и формирование локального сообщества с благоприятным психологическим климатом.

Все три модели можно критиковать за отсутствие внимания к онтологической безопасности молодежи. Также всех их объединяет упущение внимания вовлеченных агентов к развитию инфраструктуры городов и мест, привлекательных молодежи. В нарративах экспертов крайне редко можно встретить внимание к городу, его инфраструктуре и предоставляемым ресурсам для качественного досуга молодежи. Крайне показательна цитата эксперта из госструктур Архангельской области: «Здесь очень много появляется прикольных, красивых, классных, удобных для жизни пространств разного вида: и больниц, и кафешек, и всего на свете» (Архангельск, Алена, эксперт из области госуправления). Обеспечение физического здоровья и утоления голода приравнивается к созданию комфортной городской среды, о «пространствах для жизни», заявленных в начале фразы, речи вовсе не идет. В нарративах агентов МП, проблематизирующих отсутствие ориентированности города на молодежь, мы встречаем осуждение повсеместной коммерциализации молодежных пространств, которая изолирует значительную часть молодежи и снижает ее шансы на получение качественного досуга, а ведь его отсутствие — одна из причин оттока молодежи из регионов.

Ну, [не хватает] каких-то пространств бесплатных, ну, прям вот бесплатных пространств. Потому что, вот, все, все настолько повязано на каких-то финансах, что, задумываясь о каком-то хобби, ты уже начинаешь копить, мысленно копить. Когда есть возможность попробовать и оценить — это как бы совсем другое, когда у тебя есть бесплатная возможность куда-то сходить. (Сыктывкар, Ольга, эксперт из сферы волонтерства)

Заключение

Ниша агентности МП представляет собой устойчивые коллаборации заинтересованных региональных органов, структур или агентов МП, вовлеченных в решение конкретного «молодежного вопроса» в регионе, продвигающих тот или иной вектор, актуальный для региона (или находящихся в оппозиции государственному видению молодежи благополучия). Своими действиями они меняют устойчивые структуры и среды.

В рамках исследования сложно дать ответ на вопрос, кто такие «агенты» ниш: конкретные управленцы региона или целая заинтересованная сфера, например, бизнес или креативный кластер. Мы считаем, что понимание «агентов» в нишах будет варьироваться от случая к случаю. Руководствуясь трактовкой агентности в контексте действия, способного менять социальную среду посредством трансформаций, выходящих за пределы объективных трендов саморазвития структур [Кравченко, 2022; Фетисов, 2022], мы не фокусировались на лицах, меняющих структуры МП в регионах Севера России, а анализировали качественные характеристики создаваемых коллабораций в нишах агентности городов исследования.

В данной статье мы встраиваемся в дебаты о нише агентности, начатые исследователями [Fondahl et al., 2019; Ivanova, Oglezneva, Stammer, 2022], которые видят потенциал расширения ниши агентности региональными акторами под эгидой центра (а не в противостоянии ему). В рамках тех или иных ниш могут создаваться совершенно новые векторы МП, причем не расходящиеся с федеральным законодательством в сфере МП: например, попытки развивать молодежные пространства, креативные кластеры и профессии будущего инновационными методами либо, напротив, «консервировать» методы решения молодежного вопроса, не приемля никаких инноваций и строго следуя молодежному законодательству как инструкции.

Мы выделяем три модели формирования ниш агентности: активистскую, родительскую и кадровую, — различающиеся характером суждений о молодежи региона, о процессе реализации МП и достижении молодежного благополучия. В каждом регионе или городе может реализовываться несколько моделей и формироваться несколько ниш — существующих параллельно друг другу или пересекающихся по некоторым параметрам. Эти ниши имеют ряд отличительных черт. Во-первых, каждой нише агентности в сфере МП присуще собственное прочтение молодежного благополучия. Наше исследование показало, что в регионах Северо-Запада России прогосударственными коллаборациями молодежное благополучие понимается как возможность для юношей и девушек проявлять активность и инициативность, например, через успешное трудоустройство молодых людей на производственные предприятия региона или их вовлеченность в «сферы будущего». Соответственно, на основании разных пониманий благополучия создаются партнерства, в которые вовлекаются игроки, разделяющие такое видение или заинтересованные в молодых как ресурсе (например, кадровом). Ключевые игроки выстраивают сети партнерств и определяют свои механизмы и инструменты в решении вопроса молодежного благополучия. Во-первых, создаются условные партнерства между органами МП, вузами и работодателями, выстраиваются линии совместных программ привлечения молодых на предприятия, распределяются роли игроков. Во-вторых, создаются специфические инструменты работы с молодежью: они могут быть разными, но дополняют друг друга или создают основу для успешного сотрудничества. В-третьих, субъекты в области МП, входящие в коллаборацию, могут расставлять приоритеты и развивать конкретный(е) вектор(ы), частично или в целом ассоциированный(е) с федеральным законодательством в сфере МП.

Однако здесь мы видим один нюанс: чем больше значимость какого-либо игрока (например, бизнес как ключевой интересант), тем больше он вовлекается,

лоббируя приоритеты и интересы всей коллаборации, выпуская из внимания другие стороны вопроса, на что также указывают исследователи [Ivanova, Oglezneva, Stammier, 2022]. В родительской модели роль ключевого игрока берут на себя заинтересованные в молодых специалистах предприятия либо университеты. В кадровой модели основные игроки — властные структуры, продвигающие приоритеты «сфер будущего» над всеми остальными, в то время как фактически регион не имеет таких конкурентных компаний, которые могли бы вовлечь молодежь в эти сферы, поэтому партнерства устанавливаются прежде всего с бизнес-инкубаторами и органами МП. В активистской модели чаще всего ключевым игроком выступают органы МП, развивающие, к примеру, волонтерство.

Предложенные нами модели отнюдь не исчерпывающи и не отображают все модели, применяемые в регионах России. Тем не менее они показывают, насколько разнообразно могут быть устроены ниши агентности и как МП может проявлять себя на местах, решая важные для региона вопросы, иногда только косвенно относящиеся к молодежной политике. На основе предложенных моделей в дальнейших исследованиях можно развивать концепцию ниш агентности, применяя ее не только к Северу, Арктике и Дальнему Востоку, но и другим регионам со специфическими климатическими условиями и миграционными дилеммами.

Список литературы (References)

1. Бочаров М. И., Кривошеков С. Г., Ануфриев Г. Н. Гендерные особенности нейротизма и вегетативной регуляции у молодых людей севера России // Экология человека. 2015. № 4. С. 3—13.
Bocharov M. I., Krivoschekov S. G., Anufriev G. N. (2015) Gender Features of Neurotism and Vegetative Regulation in Young People of Russian North. *Human Ecology*. No. 4. P. 3—13. (In Russ.)
2. Гутова С. Г., Данилова С. В., Самохина Н. Н., Брянский И. Н. Молодежь в условиях севера: социокультурные тенденции, миграция и качество жизни // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 36—43. <https://doi.org/10.23672/q9122-1378-5854-b>
Gutova S., Danilova S., Samokhina N., Bryansky I. (2022) Youth in the North: Sociocultural Trends, Migration and Quality of Life. *Humanities, Social-Economic and Social Science*. No. 10. P. 36—43. <https://doi.org/10.23672/q9122-1378-5854-b>. (In Russ.)
3. Кравченко С. А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250020181-2>
Kravchenko S. (2022) The Ambivalences of Digitalization: The Demand of its National-Cultural Model for Sustainable Development. *Sociological Studies*. No. 9. P. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250020181-2>. (In Russ.)
4. Маркин В. В., Силин А. Н., Воронов В. В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный

- дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 141—154. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.9>. Markin V. V., Silin A. N., Voronov V. V. (2019) Educational Opportunities for Young People of Indigenous Minorities of the North: Social and Spatial Discourse. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 12. No. 5. P. 141—154. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.9>. (In Russ.)
5. Недосека Е. В., Шарова Е. Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>. Nedoseka E. V., Sharova E. N. (2020) Features of Youth's Life Strategies in the Arctic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>. (In Russ.)
 6. Омельченко Е. Л. Воображаемые горизонты будущего. Жизненные ориентиры и миграционные планы молодежи Северо-Западного региона России // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 121—135. Omelchenko E. L. (2023) Imaginary Horizons of the Future. Life Orientations and Migration Plans of the Youth of the North-West Region of Russia. *Sociological Studies*. No. 12. P. 121—135. (In Russ.)
 7. Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>. Omelchenko D. A., Omelchenko E. L. (2022) In Search of Home. The Regional Identity of Young Kaliningraders: Life Strategies and Migration Intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 309—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>. (In Russ.)
 8. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>. Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. (2022) Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Contemporary Russia as Viewed by Youth Policy Experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 66—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>. (In Russ.)
 9. Семенова Н. Б. Особенности эмоциональной сферы коренной молодежи Севера как фактор риска суицидального поведения // Суицидология. 2011. Т. 3. № 2. С. 11—13. Semyonova N. B. (2011) Features of Emotional of Native Youth of the North as a Risk Factor for Suicide. *Suicidology*. Vol. 3. No. 2. P. 11—13. (In Russ.)
 10. Силин А. Н., Койшина Е. А. Свободное время городской молодежи на крайнем севере // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 1. С. 70—74.

- Silin A. N., Koyshina E. A. (2016) The Urban Youth Leisure Time in the Far North. *News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. No. 1. P. 70—74.
11. Сорокин П. С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103—114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>.
Sorokin P. (2023) The Problem of «Agency» Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives. *Sociological Studies*. No. 3. P. 103—114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>. (In Russ.)
12. Степусь И. С., Симакова А. В. Миграционные потоки выпускников вузов для работы в Арктической зоне России: количественный и качественный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 10. С. 1872—1887. <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872>.
Stepus' I.S., Simakova A. V. (2018) Migration Flows of Higher-Ed Graduates to Work in the Arctic Zone of Russia: Quantitative and Qualitative Aspects. *Regional Economics: Theory and Practice*. Vol. 16. No. 10. P. 1872—1887. <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872>. (In Russ.)
13. Сулейманова О. А. «На Севере — жить?»: опыт переезда и миграционные установки молодежи Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. № 19. С. 179—189. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2020.6.19.014>.
Suleymanova O. A. (2020) «In the North — to Live?»: Experience of Moving and Migration Attitudes of Young People of the Murmansk Region. *Transactions of the Kola Science Centre*. No. 19. P. 179—189. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2020.6.19.014>. (In Russ.)
14. Фетисов В. Я. Контуры диагноза для социологии // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 14—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250022304-7>.
Fetisov V. Ya. (2022) Contours and Strokes to a Portrait of Sociology. *Sociological Studies*. No. 9. P. 14—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250022304-7>. (In Russ.)
15. Adams R.-M., Allemann L., Tynkkynen V.-P. (2021) Youth Well-Being in «Atomic Towns»: The Cases of Polyarnye Zori and Pyhäjoki. In: Stammmer F., Toivanen R. (eds.) *Young People, Wellbeing and Placemaking in the Arctic*. London: Routledge. P. 222—240.
16. Coffey J. (2022) Assembling Wellbeing: Bodies, Affects and the 'Conditions of Possibility' for Wellbeing. *Journal of Youth Studies*. Vol. 25. No. 1. P. 67—83. <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1844171>.
17. Coleman B. R. (2021) Managing the Disconnect: A Critical Case Study of Neoliberalism in Youth Development Practice. *Journal of Community Psychology*. Vol. 49. No. 4. P. 907—926. <https://doi.org/10.1002/jcop.22350>.
18. Dankertsen A., Pettersen E., Otterlei J. B. (2021) 'If We Want to Have a Good Future, We Need to Do Something About It': Youth, Security and Imagined Horizons in the Intercultural Arctic Norway. *Acta Borealia*. Vol. 38. No. 2. P. 150—169.

19. Emirbayer M., Misch A. (1998) What is Agency? *American Journal of Sociology*. Vol. 103. No. 4. P. 962—1023.
20. Etter M., Goose A., Nossal M., Chishom-Nelson J., Heck C., Joobor R., Boksa P., Lal S., Shah J. L., Andersson N., Iyer S. N., Malla A. (2019) Improving Youth Mental Wellness Services in an Indigenous Context in Ulukhaktok, Northwest Territories: ACCESS Open Minds Project. *Early Intervention Psychiatry*. Vol. 13. P. 35—41. <https://doi.org/10.1111/eip.12816>.
21. Fondahl G., Filippova V., Savvinova A., Ivanova A., Stammler F., Gjørv G. H. (2019) Niches of Agency: Managing State-Region Relations Through Law in Russia. *Space and Polity*. Vol. 23. No. 1. P. 49—66. <https://doi.org/10.1080/13562576.2019.1594752>.
22. Gavrillov V. (2019) Russian Arctic Policy. In: Lackenbauer P.W., Lalonde S. (eds.) *Breaking the Ice Curtain? Russia, Canada, and Arctic Security in a Changing Circumpolar World*. Canadian Global Affairs Institute. P. 1—13.
23. Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press.
24. Gjørv G. H. (2012) Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach. *Review of International Studies*. Vol. 38. No. 4. P. 835—859. <https://doi.org/10.1017/S0260210511000751>.
25. Hoogensen G. G., Bazely D., Christensen J. (2009) 'Human Security in the Arctic-Yes, It Is Relevant!', *Journal of Human Security*. Vol. 5. No. 2. P. 1—10. <https://doi.org/10.3316/JHS0502001>.
26. Ivanova A., Oglezneva T., Stammler F. (2022) Youth Law, Policies and Their Implementation in the Russian Arctic. In: Stammler F., Toivanen R. (eds.) *Young People, Wellbeing and Placemaking in the Arctic*. London: Routledge. P. 222—240. <https://doi.org/10.4324/9781003110019-11>.
27. Jiménez A. C. (2008) Introduction: Wellbeing's Re-Proportioning of Social Thought. In: Jiménez A. C. (ed.) *Culture and Well-Being: Anthropological Approaches to Freedom and Political Ethics*. London: Pluto Press. P. 1—32. <https://doi.org/10.2307/j.ctt18fs330.4>.
28. Karaganov S. A. (ed.) (2021) *Russian Policy in the Arctic: International Aspects*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
29. Kryazhkov V. A. (2013) Development of Russian Legislation on Northern Indigenous Peoples. *Arctic Review on Law and Politics*. Vol. 4. No. 2. P. 140—155. <https://www.jstor.org/stable/48710180>.
30. Kuhrt N. (2014) The Russian Far East in Russia's Asia policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No. 3. P. 471—493. <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.661926>.
31. Ljovkin V. E., Dettler G. F., Tukkel J. L., Gladun E., Ljovkina A. O. (2020) Can Digital Transformation Solve the Problem of Arctic Youth Migration Outflow? *Sustainability*. Vol. 12. No. 24. P. 1—12. <https://doi.org/10.3390/su122410685>.

32. McLeod J., Wright K. (2016) What Does Wellbeing Do? An Approach to Defamiliarize Keywords in Youth Studies. *Journal of Youth Studies*. Vol. 19. No. 6. P. 776—792.
33. McLeod J. (2017) *Wellbeing Machine: How Health Emerges from the Assemblages of Everyday Life*. Durham: Carolina Academic Press.
34. Ortner S. B. (2016) Dark Anthropology and Its Others: Theory Since the Eighties. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 6. No. 1. P. 47—73. <https://doi.org/10.14318/hau6.1.004>.
35. Pitukhina M., Tolstoguzov O., Ilyin A. (2021) Live, Work or Leave? Arctic Youth Survey Results. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 678. No. 1. P. 12—20.
36. Roth J. L., Brooks-Gunn J. (2015) Evaluating Youth Development Programs: Progress and Promise. *Applied Developmental Science*. Vol. 20. No. 3. P. 188—202.
37. Ryan R. M., Deci E. L. (2001). On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaemonic Well-Being. *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. P. 141—166.
38. Sergunin A. (2019) Arctic Security Perspectives from Russia. In: Lackenbauer P.W., Lalonde S. (eds.) *Breaking the Ice Curtain? Russia, Canada, and Arctic Security in a Changing Circumpolar World*. Calgary: Canadian Global Affairs Institute. P. 43—61.
39. Stammler F., Ivanova A. (2016) Resources, Rights and Communities: Extractive Mega-Projects and Local People in the Russian Arctic. *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. No. 7. P. 1220—1244.
40. Stammler F., Hodgson K., Ivanova A. (2020) Human Security, Extractive Industries, and Indigenous Communities in the Russian North. In: Gjørsv H. G., Lanteigne M. Horatio S.-A. (eds.) *Routledge handbook of Arctic security*. London: Routledge. P. 377—391.
41. Stammler F., Toivanen R. (2022) The Quest for a Good Life: Contributions from the Arctic Towards a Theory of Wellbeing. In: Stammler F., Toivanen R. (eds.) *Young People, Wellbeing and Placemaking in the Arctic*. London: Routledge. P. 1—13.
42. Tysiachniouk M., Henry L. A., Lamers M., van Tatenhove J. P.M. (2018) Oil Extraction and Benefit Sharing in an Illiberal Context: The Nenets and Komi-Izhemtsi Indigenous Peoples in the Russian Arctic. *Society & Natural Resources*. Vol. 31. No. 5. P. 556—579. <https://doi.org/10.1080/08941920.2017.1403666>.
43. Udehn L. (2002) The Changing Face of Methodological Individualism. *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. No. 1. P. 479—507. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.140938>.
44. Wyn J., Cuervo H., Landstedt E. (2014). The limits of Wellbeing. In: Wright K., McLeod J. (eds.) *Re-thinking Youth Wellbeing: Critical Perspectives*. Singapore: Springer. P. 55—70.

Приложение. Таблица информантов

Город	Область экспертизы	Пол	Псевдоним
Архангельск	госуправление	Ж	Алена
Архангельск	госуправление	М	Дмитрий
Архангельск	бизнес	Ж	Ксения
Архангельск	бизнес	М	Евгений
Архангельск	бизнес	Ж	Кристина
Архангельск	образование	Ж	Евгения Игоревна
Архангельск	образование	Ж	Маргарита
Архангельск	образование	М	Роман Иванович
Архангельск	наука	Ж	Любовь
Архангельск	наука	М	Борис
Архангельск	карьера и трудоустройство	Ж	Дарья Петровна
Архангельск	волонтерство	Ж	Валентина
Калининград	госуправление	М	Илья
Калининград	госуправление	М	Василий
Калининград	госуправление	Ж	Регина
Калининград	бизнес	М	Дмитрий
Калининград	бизнес	Ж	Диана
Калининград	бизнес	Ж	Наталья
Калининград	образование	Ж	Лидия Петровна
Калининград	наука	М	Алексей
Калининград	наука	Ж	Алла
Калининград	культурный центр	М	Даниэль
Мурманск	госуправление	М	Валентин
Мурманск	госуправление	Ж	Анастасия
Мурманск	бизнес	Ж	Елизавета
Мурманск	бизнес	Ж	Эльмира
Мурманск	образование	М	Петр
Мурманск	образование	Ж	Лариса Степановна
Мурманск	образование	Ж	Раиса
Мурманск	наука	Ж	Елена Викторовна
Мурманск	наука	Ж	Алена Владимировна
Мурманск	волонтерство	Ж	Ирина
Мурманск	фестивали	Ж	Таисия
Петрозаводск	госуправление	М	Петр Васильевич
Петрозаводск	госуправление	М	Максим
Петрозаводск	бизнес	М	Валерий
Петрозаводск	бизнес	Ж	Жанна Валентиновна
Петрозаводск	образование	Ж	Катя
Петрозаводск	образование	Ж	Елизавета
Петрозаводск	наука	М	Евгений
Петрозаводск	наука	Ж	Ася

Город	Область экспертизы	Пол	Псевдоним
Петрозаводск	волонтерство	Ж	Камилла
Петрозаводск	волонтерство	Ж	Инна
Петрозаводск	культурный центр	Ж	Нина Андреевна
Псков	госуправление	Ж	Екатерина
Псков	госуправление	Ж	Надежда
Псков	бизнес	Ж	Карина
Псков	бизнес	Ж	Наталья
Псков	бизнес	М	Святослав
Псков	образование	Ж	Ирина Семеновна
Псков	наука	Ж	Ангелина
Псков	наука	Ж	Василиса
Псков	волонтерство	Ж	Тамара
Псков	волонтерство	Ж	Геннадий
Псков	предпринимательство	Ж	Анна
Сыктывкар	госуправление	Ж	Мария
Сыктывкар	госуправление	Ж	Элина
Сыктывкар	госуправление	М	Ярослав
Сыктывкар	бизнес	М	Степан
Сыктывкар	бизнес	Ж	Валерия
Сыктывкар	образование	М	Роман
Сыктывкар	наука	Ж	Равиль
Сыктывкар	наука	М	Инесса
Сыктывкар	волонтерство	Ж	Ольга
Сыктывкар	трудоустройство	Ж	Владислав

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2782](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782)

Р. И. Капелюшников, Д. И. Зинченко

**ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ
ТРУДА. ЧАСТЬ II: ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ****Правильная ссылка на статью:**

Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 107—129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782>.

For citation:

Kapeliushnikov R. I., Zinchenko D. I. (2025) Digital Forms of Employment in the Russian Labor Market. Part II. Platform Employment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 107–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782>. (In Russ.)

Получено: 12.07.2024. Принято к публикации: 05.11.2024.

ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА. ЧАСТЬ II: ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ

DIGITAL FORMS OF EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN LABOR MARKET. PART II. PLATFORM EMPLOYMENT

КАПЕЛЮШНИКОВ Ростислав Исаакович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия; заместитель директора Центра трудовых исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: rostis@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Rostislav I. KAPELIUSHNIKOV^{1,2} — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher; Deputy Director, Centre for Labour Market Studies
E-MAIL: rostis@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

ЗИНЧЕНКО Дарья Игоревна — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Центра трудовых исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dzinchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2491-4109>

Daria I. ZINCHENKO² — Cand. Sci. (Econ.), Junior Researcher, Center for Labor Market Studies
E-MAIL: dzinchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2491-4109>

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Работа посвящена цифровым формам занятости на российском рынке труда. Во второй части исследования (см. первую часть: Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 157—181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654>) обсуждается платформенная занятость, получившая в последние годы широкое распространение на рынках труда большинства стран мира. Рассматриваются выработанные международными статистическими организациями определения платформенной занятости, методология ее измерения и оценки масштабов ее распространения в разных странах. Несмотря на существование конвенциональных определений, в ко-

Abstract. The paper analyzes digital forms of employment in the Russian labor market. The second part of the study examines platform employment which in recent years gained widespread adoption in the labor markets of most of the world (first part: Kapeliushnikov R. I., Zinchenko D. I. (2024) Digital Forms of Employment in the Russian LaborMarket. Part I. Distant Employment. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 6. P. 157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654>). The authors consider the definitions of platform work developed by international statistical organizations, the methodology of its measurement, and estimates of its level in different countries. Despite the existence of conventional definitions for this form of atypical employment, there is enormous variability in its quantitative estimates. The sources of these discrepancies are discussed in detail.

личественных оценках для этой формы атипичной занятости наблюдается огромный разброс. Подробно обсуждаются источники этих расхождений.

На российском рынке труда платформенная занятость испытала резкий всплеск в 2020-е годы. Специальный раздел статьи посвящен эмпирическому анализу ее масштабов, динамики и социально-демографического профиля с использованием микроданных Обследования рабочей силы Росстата за 2022—2023 гг. Сравнение российского опыта с международным показывает, что в России эта форма цифровой занятости распространена больше, чем в большинстве развитых стран, достигая уровня 4%. Тем не менее на протяжении анализируемого периода она демонстрировала отчетливый понижающийся тренд. Структура платформенной занятости сильно поляризована и включает как работников с самой высокой квалификацией (фрилансеров), так и работников с низкой квалификацией (курьеры по доставке, водители такси). Полученные результаты не дают оснований ожидать, что цифровые формы занятости способны в обозримом будущем вытеснить «стандартную» занятость.

Ключевые слова: цифровизация, платформенная занятость, рынок труда, обследование рабочей силы

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Во второй части своего исследования мы обращаемся к анализу трудовой деятельности с использованием онлайн-платформ или приложений к мобильным устройствам, которая начала активно распространяться чуть позже, чем дистанционная занятость, — примерно с середины 2010-х годов.

On the Russian labor market, platform employment also experienced a rapid growth in the 2020s. The paper provides empirical analysis of its scale, dynamics, and socio-demographic profile using microdata of the Rosstat Labor Force Survey for 2022–2023. A comparison of the Russian experience with the international one shows that in Russia the prevalence of platform employment is higher than in most developed countries reaching a level of 4%. However, in the period under consideration, it demonstrated a strong downward trend. The structure of platform employment is highly polarized, including, on the one hand, high-skilled workers (freelancers), but, on the other, unskilled ones (delivery couriers, taxi drivers). The results obtained provide no grounds to expect that digital forms of employment could soon displace standard employment.

Keywords: digitalization, platform employment, labor market, labor force surveys

Acknowledgments. This study was implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Как и дистанционная занятость, на пороге 2020-х годов под влиянием пандемии COVID-19 и связанных с ней локдаунов платформенная занятость испытала настоящий бум. В новых условиях беспрецедентным спросом стали пользоваться услуги таких представителей платформенной занятости, как курьеры, поскольку в условиях социального дистанцирования они оказались связующим звеном с внешним миром. Именно они доставляли продукты питания, одежду, медикаменты и другие товары, которые прежде покупались в торговых точках офлайн. Помимо них в состав платформенных работников входят водители такси, специалисты по бытовому и более сложному ремонту, репетиторы, фрилансеры в области ИКТ, администрирования, дизайна и т. д. Нужно отметить, что в отличие от дистанционной занятости после снятия карантинных ограничений масштабы платформенной занятости на рынках труда большинства стран не стали сокращаться, а продолжили активный рост [van Slageren et al., 2023].

Онлайн-платформа — это цифровой сервис, обеспечивающий взаимодействие между двумя или более группами поставщиков и клиентов, которые контактируют друг с другом на этом сервисе с помощью интернета¹. В последние десять-пятнадцать лет платформенная экономика демонстрировала беспрецедентный рост, и сегодня в нее вовлечены уже сотни миллионов людей по всему миру.

Трудовые цифровые платформы (*labor digital platform*) — это особый подвид платформ, которые выступают в роли посредников на рынке труда, сводя друг с другом потенциальных исполнителей/работников и потенциальных заказчиков/потребителей². Они либо предоставляют интернет-площадки для взаимодействия участников, либо находят необходимых клиентам работников напрямую сами. Существуют десятки трудовых цифровых платформ, на которых исполнители/работники и заказчики/потребители могут коммуницировать, обмениваясь товарами, услугами и информацией. Складывающиеся в таких случаях трудовые отношения из двухсторонних превращаются в трехсторонние: «работник — платформа — клиент».

Есть еще одно важное дополнительное условие: цифровые платформы должны обладать определенной степенью контроля над процессом взаимодействия между участниками. Они должны регулировать или организовывать «важнейшие аспекты такого взаимодействия, обеспечивая, например, доступ к клиентам, оценку предоставляемых услуг, инструменты, требующиеся для проведения работ, упрощение платежей, распределение задач и расстановку приоритетов по ходу выполнения работы»³. Иными словами, в треугольнике «работник — платформа — клиент» трудовые цифровые платформы не остаются пассивными, предоставляя

¹ Employment Statistics — Digital Platform Workers // Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_statistics_-_digital_platform_workers#Extent_and_profile_of_digital_platform_workers_in_the_last_year (дата обращения: 17.01.2025); «Цифровая платформа — основанная на совокупности технологий, продуктов и услуг информационная система, обеспечивающая взаимодействие в единой интернет-среде по заданным алгоритмам значимого числа участников, которое приводит к снижению транзакционных издержек и формированию добавленной стоимости для пользователей» [Платформенная экономика, 2023: 12].

² World Employment and Social Outlook 2021: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work. Geneva: ILO, 2021. URL: <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/role-digital-labour-platforms-transforming-world-work> (дата обращения: 17.01.2025).

³ OECD-ILO-Eurostat. Handbook on Measuring Digital Platform Employment and Work. Paris: OECD, 2023. P. 45. URL: https://www.oecd.org/en/publications/handbook-on-measuring-digital-platform-employment-and-work_0ddcac3b-en.html (дата обращения: 17.01.2025).

разнообразные информационные услуги, устанавливая стандарты качества и облегчая поиск контрагентов. Многие из них размещают в публичном пространстве профили, резюме, портфолио и результаты квалификационных тестов зарегистрированных на них пользователей. Кроме того, они могут составлять рейтинги эффективности как поставщиков, так и заказчиков [Gomez-Herrera, Martens, Mueller-Langer, 2017; Kässi, Lehdonvirta, 2019].

Экономический смысл трудовых онлайн-платформ заключается в соединении пространственно разобщенных исполнителей/работников и заказчиков/потребителей. Традиционно рынок труда был жестко сегментирован по географическому и институциональному признакам. Работники выполняли трудовые функции либо в помещениях работодателей, либо у себя дома, но поблизости от своих клиентов, так что рынки труда всегда оставались, по сути, локальными и регулировались специфическими для каждой страны институтами [van Slageren, Herrmann, Frenken, 2023]. Делая возможным предоставление услуг в цифровом формате, онлайн-платформы ведут к потенциально глобальному рынку труда поверх как географических, так и институциональных границ. Поскольку к работе в онлайн-формате могут подключаться работники со всего мира, платформенная занятость выступает как субститут физической трудовой миграции. Кроме того, она способствует резкому понижению барьеров для входа на рынок: желающим работать с помощью персональных электронных устройств не требуется никакого «входного билета» в виде разрешений на работу, лицензий или дипломов о полученном образовании [van Slageren et al., 2023]. Многие виды деятельности, для которых традиционно использовались наемные работники, платформы переводят в форму, доступную самозанятым, независимым подрядчиками т.д.⁴.

Выделяют два основных сегмента платформенного рынка труда: онлайн (*on-line*) и по месту нахождения (*in situ*)⁵. В первом случае речь идет о трудовых услугах, которые могут предоставляться получателю полностью в цифровом формате без физического контакта с ним: это программирование, дизайнерские услуги, медицинские консультации, преподавание, переводы, иные разновидности фриланса. Во втором — о трудовых услугах, в конечной точке предполагающих физический контакт с их получателем по месту его нахождения: это службы доставки, услуги такси, услуги по уходу, бытовые услуги и т. д. Важно иметь в виду, что эти сегменты концентрируют очень разную по своим качественным характеристикам рабочую силу: один — с преимущественно высокой, другой — с преимущественно низкой квалификацией, один — занятую преимущественно нефизическим, другой — занятую преимущественно физическим трудом. Есть десятки специализированных онлайн-платформ, рассчитанных на самые разные типы клиентов и работников и нацеленных на решение всевозможных задач — от оказания мелких бытовых услуг до разработки сложных технических проектов.

Важное отличие платформенной занятости от дистанционной заключается в том, что она, как правило, предъявляет намного более низкие требования

⁴ Одним из наиболее ярких примеров такого рода стала деятельность компании Uber, которая подорвала монопольную власть профсоюзов водителей такси по всему миру. См. World Employment and Social Outlook 2021: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work. Geneva: ILO, 2021. URL: <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/role-digital-labour-platforms-transforming-world-work> (дата обращения: 17.01.2025).

⁵ Ibid.

к уровню квалификации работников: чтобы трудиться дистанционно, нужно, как правило, уметь обращаться с достаточно сложными компьютерными программами, но для того, чтобы трудиться с использованием платформ, вполне достаточно всего лишь пользоваться гаджетами. С этим во многом связано то, что эти формы цифровой занятости охватывают хотя и частично пересекающиеся, но все же разные сегменты рабочей силы.

Как и в случае дистанционной занятости, изучение особенностей российской платформенной занятости тормозилось длительным отсутствием официальных данных, которые позволяли бы измерять ее масштаб, прослеживать ее динамику и описывать ее социально-демографические характеристики. Чаще всего исследователи были вынуждены опираться на небольшие по размеру выборки от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, что неизбежно снижало надежность получаемых результатов. Однако начиная с 2022 г. Росстат начал включать в анкеты проводимых им выборочных Обследований рабочей силы (ОРС) вопрос о платформенной занятости. Ее эмпирический анализ, представленный в данной части нашего исследования, опирается именно на эту статистическую базу — на микроданные ОРС.

Мы ставим перед собой несколько задач, аналогичных тем, которые были обозначены в первой части работы: обсудить принятые в международной статистике определения платформенной занятости, а также связанные с этим методологические проблемы; оценить ее масштабы и проследить ее динамику в условиях российского рынка труда; проанализировать социально-демографический профиль российских платформенных работников; проверить робастность получаемых количественных результатов с помощью инструментария эконометрического анализа. Насколько нам известно, это наиболее полная попытка анализа платформенной занятости с использованием представительных данных официальной статистики.

Платформенная занятость: исходные представления и международный контекст

Международные статистические организации приводят во многом близкие формулировки того, что представляет собой платформенная занятость, так что определение ее границ не вызывает больших споров. Под понятие платформенной занятости, предложенное в Резолюции XIX Международной конференции статистиков труда, подпадают «все занятые, которые используют приложение или веб-сайт для реализации услуги за денежное вознаграждение»⁶. В понимании Еврофонда это «форма занятости, при которой экономический агент использует онлайн-платформу, желая предложить свои услуги другим пользователям сервиса за деньги»⁷. Иными словами, со статистической точки зрения платформенный работник — это индивид, который с целью получения заработной платы или прибыли не менее одного часа в течение обследуемого периода занимается выполнением заданий или работ, организуемых через цифровые платформы.

⁶ Measuring Platform Mediated Workers. OECD Digital Economy Papers. No. 282. Paris: OECD, 2019. URL: https://www.oecd.org/en/publications/measuring-platform-mediated-workers_170a14d9-en.html (дата обращения: 17.01.2025).

⁷ Platform Work: Types and Implications for Work and Employment — Literature Review. Dublin: Eurofound, 2018. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2019-12/wpef18004.pdf> (дата обращения: 17.01.2025).

Хотя в международной статистике существует более или менее единое понимание, что такое работа через онлайн-платформы, попытки ее количественного измерения сталкиваются с еще большими проблемами, чем даже у дистанционной занятости⁸. Межстрановые сопоставления оказываются сильно затруднены, поскольку процедуры статистического оценивания платформенной занятости не гармонизированы и ни о каком унифицированном подходе к ней говорить пока не приходится. Практически нет стран, где бы обследования рабочей силы, проводимые официальными статистическими органами, включали вопрос о работе через интернет-платформы. Из-за этого исследователям остается либо оперировать какими-то прокси-индикаторами, лишь частично пересекающимися с категорией платформенных работников (самозанятые, независимые подрядчики, фрилансеры и т. д.), либо опираться на разовые опросы, чаще всего проводимые через интернет и поэтому недостаточно репрезентативные. Альтернативный подход связан с применением данных налоговой статистики [Garinet al., 2023] или *big data* о количестве зарегистрированных пользователей на ведущих цифровых платформах⁹. В результате попытки анализа сталкиваются не просто с отсутствием сопоставимых данных о платформенной занятости для разных стран, но хуже того — с их отсутствием даже для одной и той же страны. В лучшем случае исследователям оказываются доступны лишь точечные оценки тех или иных разовых обследований, не позволяющие судить о динамике этой формы атипичной занятости. Все это резко ограничивает возможности ее изучения.

Большинство встречающихся в литературе оценок имеют тенденцию к значительному завышению реальных масштабов распространения платформенной занятости из-за отсутствия привязки к стандартному референтному периоду. Респондентов обычно спрашивают либо о том, есть ли у них хоть какой-то опыт работы через цифровые платформы вообще, либо о том, работали ли они через них в течение последнего года/последнего месяца. В качестве иллюстрации можно сослаться на результаты, полученные в проведенном в 2021 г. исследовании по странам ЕС [Piasna Zwysen, Drahoкoupil, 2022], из которых следовало, что уровень интернет-занятости в этих странах достигал 30 %, если вопрос о ней задавался без указания конкретного временного интервала, но опускался до 17 %, когда делалась отсылка к предыдущему году, до 10 %, когда делалась отсылка к предыдущему месяцу, до 6 %, когда делалась отсылка к предыдущей неделе, и, наконец, до 3 %, если выполнявшаяся в течение предшествовавшей опросу недели работа являлась основной.

Согласно модельным оценкам экспертов Всемирного банка, в 2021 г. в мире насчитывалось — в зависимости от используемой методологии — от 52 млн до 435 млн платформенных работников, что составляло соответственно от 1,5 % до 12 % от глобальной численности рабочей силы¹⁰. Первая из этих оценок более или менее приближена к общепринятому определению занятости, выработанно-

⁸ OECD-ILO-Eurostat. Handbook on Measuring Digital Platform Employment and Work. Paris: OECD, 2023. P. 45. URL: https://www.oecd.org/en/publications/handbook-on-measuring-digital-platform-employment-and-work_0ddcac3b-en.html (дата обращения: 17.01.2025).

⁹ Datta N., Rong Ch., Singh S., Stinshoff C., Iacob N., Nigatu N.S., Nxumalo M., Klimaviciute L. (2023) Working Without Borders: The Promise and Peril of Online Gig Work. Washington, DC: World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/40066> (дата обращения: 17.01.2025).

¹⁰ Там же.

му МОТ и используемому в обследованиях рабочей силы, тогда как вторая максимально от него отдалена. Соответственно, низшую оценку можно, по-видимому, рассматривать как более реалистичную, чем высшую.

В допандемийный период оценки распространенности платформенной занятости для стран ОЭСР колебались по данным различных исследований в узком коридоре 0,5—2%¹¹. С началом коронакризиса по понятным причинам она резко расширилась. Из оценок, относящихся к США, следует, что платформенная занятость выросла на 60% в первом «ковидном» 2020 г. и еще на 60% во втором, 2021 г. [Garin et al., 2023]. Если до начала пандемии численность американских работников, использовавших в своей деятельности цифровые платформы, составляла менее 2 млн человек, то на ее пике увеличилась до 5 млн. В странах ЕС, по данным пилотного обследования Евростата, проведенного в 2022 г., уровень платформенной занятости составил 3% от численности трудоспособного населения этих стран¹². Как видим, несмотря на бурный рост в условиях введенных государством карантинных ограничений, масштабы использования этой формы атипичной занятости до сих пор достаточно ограничены.

Социально-демографический профиль платформенной занятости во многом отличается от социально-демографического профиля дистанционной занятости. Готовность трудиться с использованием цифровых онлайн-платформ мужчины демонстрируют чаще, чем женщины, молодежь — чаще, чем лица среднего и пожилого возраста, городские жители — чаще, чем сельские¹³, обладатели высокого образования — чаще, чем обладатели низкого¹⁴ [Piasna, Zwysen, DrahoKoupil, 2022]. В то же время профессиональная структура платформенной занятости сильно поляризована: среди платформенных работников выше удельный вес представителей как наиболее, так и наименее квалифицированных профессий, что связано с внутренней неоднородностью платформенной экономики, о чем уже упоминалось выше. Согласно пилотному обследованию Евростата, в странах ЕС распределение платформенных работников по видам деятельности выглядит следующим образом: треть оказывают профессиональные услуги (медицинские консультации, создание контента, IT, переводы, преподавание), тогда как две трети — бытовые и другие услуги, не требующие высокой квалификации, в том числе доставка — 26%, торговля — 18%, такси — 11%, прочие услуги аналогичного характера — 18%¹⁵.

¹¹ World Economic Forum. The Promise of Platform Work: Understanding the Ecosystem. Geneva: WEF, 2020. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Promise_of_Platform_Work.pdf (дата обращения: 17.01.2025).

¹² Employment Statistics — Digital Platform Workers // Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_statistics_-_digital_platform_workers#Extent_and_profile_of_digital_platform_workers_in_the_last_year (дата обращения: 17.01.2025).

¹³ Нужно оговориться, что, по данным некоторых других исследований, в ряде стран жители сел и малых городов — в силу территориальной изолированности — активнее пользуются цифровыми платформами, чем жители крупных городов [Braesemann, Lehdonvirta, Kässi, 2022].

¹⁴ OECD-ILO-Eurostat. Handbook on Measuring Digital Platform Employment and Work. Paris: OECD, 2023. P. 45. URL: https://www.oecd.org/en/publications/handbook-on-measuring-digital-platform-employment-and-work_Oddcac3b-en.html (дата обращения: 17.01.2025); Datta N., Rong Ch., Singh S., Stinshoff C., Iacob N., Nigatu N. S., Nxumalo M., Klimaviciute L. Working Without Borders: The Promise and Peril of Online Gig Work. Washington, DC: World Bank, 2023. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/40066> (дата обращения: 17.01.2025).

¹⁵ Employment Statistics — Digital Platform Workers // Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_statistics_-_digital_platform_workers#Extent_and_profile_of_digital_platform_workers_in_the_last_year (дата обращения: 17.01.2025).

Что касается российских исследований, то, согласно результатам специальных онлайн-опросов, проводившихся Институтом социальной политики НИУ ВШЭ, в 2022—2024 гг. 15—16% взрослых россиян имели опыт работы через цифровые платформы, в том числе 11—12% — в формате эпизодических подработок, 1,6—1,9% — в формате регулярных подработок и 1,6—1,7% — в формате основной работы¹⁶ [Платформенная занятость..., 2024]. Среди занятых доля тех, кто указал работу с использованием интернет-платформ в качестве основной, составила 2,4%. Среди всех, у кого имелся подобный опыт, наиболее распространенные виды деятельности — репетиторство и преподавание (17%), услуги в сфере ИКТ (15%) и услуги пассажирских/грузовых перевозок и курьерской доставки (13%). Генерализация этих выборочных данных позволяет оценить общую численность россиян, когда-либо участвовавших в платформенной занятости, на уровне 15,5 млн человек, в том числе численность тех, для кого она была основной, на уровне 1,7 млн человек. Хотя, как следует из приведенных оценок, пандемия коронавируса спровоцировала активный рост этой формы атипичной занятости, на российском рынке труда она по-прежнему занимает достаточно скромное место.

Нам известны также несколько работ, где платформенная занятость оценивалась с использованием официальных данных ОРС Росстата. К сожалению, чаще это был точечный анализ, ограниченный одним годом¹⁷ [Забелина, Мирзабалаева, 2024]. Попытка нарисовать более полную картину, охватывающую данные ОРС за несколько лет, предпринята в исследовании [Baimurzina, Chernykh, 2024]. Авторы отмечают, что в целом структура платформенной занятости напоминает структуру общей занятости, хотя и с некоторыми отклонениями: она частично смещена в пользу мужчин, молодежи, жителей городов, обладателей высшего образования. Тем не менее за рамками представленного анализа остались многие важнейшие социально-демографические характеристики российских платформенных работников, такие как их профессиональная и отраслевая принадлежность.

Платформенная занятость: эмпирический анализ

Масштабы и динамика

Начиная с 2022 г. в анкеты ОРС Росстата стал включаться новый вопрос, посвященный платформенной занятости, который звучит так: «Использовали ли Вы для поиска клиентов, выполнения заказов сайты или приложения на прошлой неделе (Яндекс-такси, Авито, Профи.ру и т. п.)?». Респонденты, давшие на него положительный ответ, классифицируются как платформенно занятые.

Согласно имеющимся оценкам, различные интернет-платформы в своей деятельности используют от 2 до 5 млн российских работников. Как показывает рисунок 1, в 2022—2023 гг. (единственный период, за который у нас имеются данные) уровень платформенной занятости (на основной работе) колебался в пределах 3—7%. В его поведении не удается обнаружить (возможно, пока) никакого явно выраженного тренда: максимума (7%) он достигал в начале, а минимума (2,8%) —

¹⁶ Платформенная занятость: динамика развития и социально-экономические эффекты. URL: <https://isp.hse.ru/mirror/pubs/share/929451267.pdf> (дата обращения: 17.01.2025).

¹⁷ Демьянова А. В., Рыжикова З. А., Покровский С. И. Портрет платформенного работника в России // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2022. 24 ноября. URL: <https://issek.hse.ru/news/797813349.html> (дата обращения: 17.01.2025).

в конце 2023 г. Эта динамика — активный рост на протяжении 2022 г. и резкое падение на протяжении 2023 г. — не имеет какого-либо очевидного объяснения. Быть может, резкие колебания имели чисто техническую причину и были связаны с недостаточной методологической отработанностью самого вопроса о платформенной занятости¹⁸. Но, возможно, у них есть содержательное объяснение: взрывной рост вакансий на российском рынке труда в 2023 г. мог вызвать активный переток рабочей силы из менее стабильной платформенной в более стабильную стандартную занятость. Нисходящий тренд также мог определить выезд за рубеж большого числа фрилансеров в ходе так называемой «релокации».

Еще около 200 тыс. российских работников используют интернет-платформы на дополнительной (второй) работе. В результате уровень платформенной занятости на дополнительной работе примерно втрое выше, чем на основной, и достигает 12%. Среди работников, имеющих дополнительную занятость, примерно каждый пятый использует онлайн-платформы на обеих своих работах и примерно каждые четыре из пяти — только на дополнительной работе, обходясь на основной работе без них.

Из этих оценок следует, что в российских условиях платформенная занятость намного — примерно в три раза — превосходит по своим масштабам дистанционную. При этом интересно отметить, что, как и можно было бы ожидать, дистанционная и платформенная занятость — это пересекающиеся множества, поскольку и та, и другая предполагают использование ИКТ. Действительно, многие из тех, кто работает на расстоянии с использованием персональных электронных устройств (критерий дистанционной занятости), действуют через интернет-платформы (критерий платформенной занятости), и наоборот: многие из тех, кто пользуется интернет-платформами, делают это не на официальном месте работы. По данным ОРС, относящимся к 2023 г., примерно каждый четвертый работник, находившийся на «удаленке», задействовал в своей работе цифровые платформы, и примерно каждый десятый платформенный работник трудился онлайн.

Среди исследователей рынка труда широко распространено представление о том, что платформенная занятость обрекает большинство тех, кто работает в подобном режиме, на социальную незащищенность, являясь разновидностью так называемой уязвимой занятости. Объясняется это, по-видимому, тем, что чаще всего она ассоциируется с такими видами занятий как водители такси или курьеры по доставке заказов. Однако данные о расположении рабочих мест платформенных работников (см. рис. 2) свидетельствуют, что это представление ошибочно. Подавляющее большинство таких работников трудятся на тех же условиях, что и «обычные» (неплатформенные) работники. Из всех платформенных работников 70—75% заняты стационарно — либо на предприятиях (с фиксированным рабочим местом), либо в собственном или арендованном нежилом помещении. У себя дома ведут деятельность 10%, в помещениях заказчика или работодателя — 5—6%, на рабочих местах, куда они были направлены клиентом или заказ-

¹⁸ В пользу такого предположения говорит тот факт, что в межстрановом контексте оценка платформенной занятости на уровне 7% выглядит неправдоподобно высокой. Крайне маловероятно, чтобы Россия могла в два — два с половиной раза опережать по этому показателю технологически более развитые страны. В то же время при оценке на уровне 3—4% она перестает выглядеть явным аутлайером.

чиком, — 4—5%, в фермерских хозяйствах — менее 1%. И только 7—10% работают на транспортных средствах или на улице без фиксированного места. Таким образом, даже чисто теоретически «уязвимыми» можно назвать рабочие места лишь абсолютного меньшинства платформенных работников.

Рис. 1. Динамика уровня платформенной занятости, 2022—2023 гг. (%)¹⁹

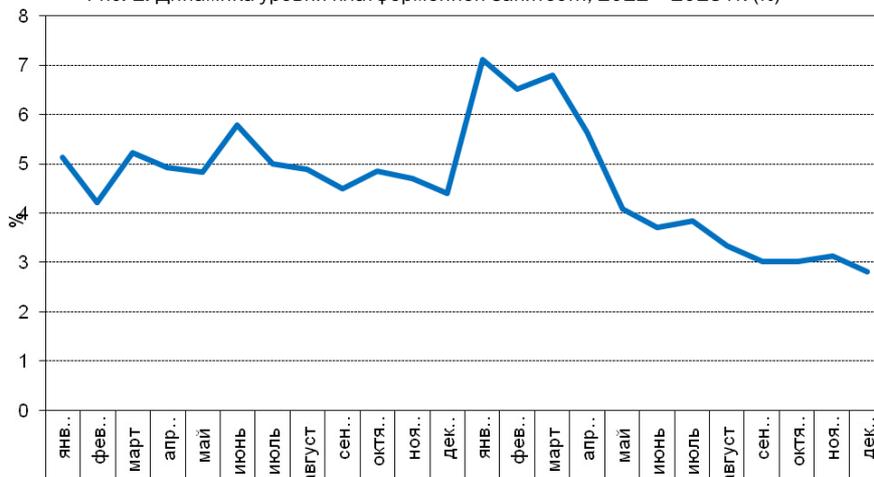
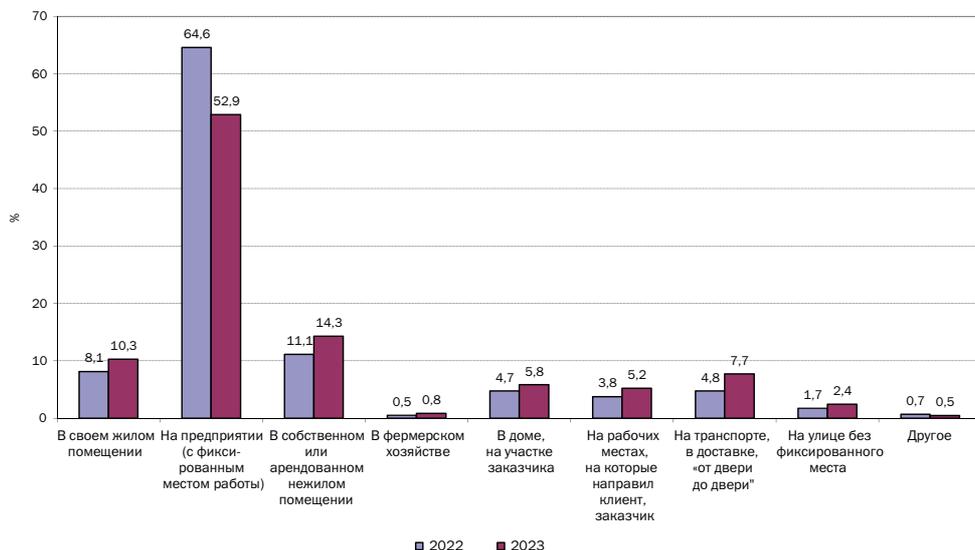

Рис. 2. Распределение работников, занятых на условиях платформенной занятости, по месту расположения основной работы, 2022—2023 гг., % (вся платформенная занятость = 100%)²⁰

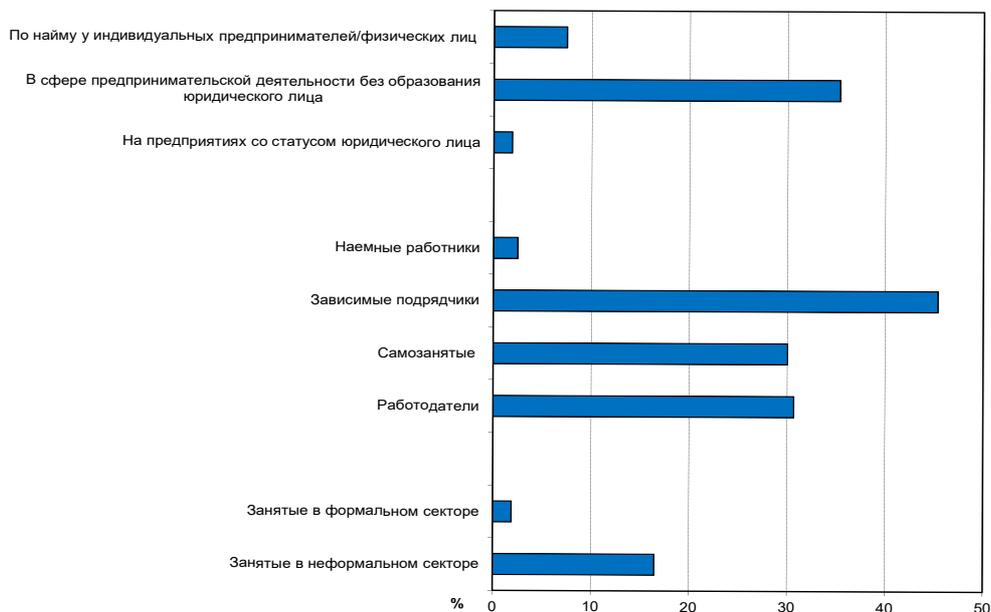
¹⁹ Источник: ОПС Росстата, расчеты авторов.

²⁰ Источник: ОПС Росстата, расчеты авторов.

Рисунок 3 показывает, как вероятность платформенной занятости связана с различными характеристиками трудовых отношений. Во-первых, мы обнаруживаем сильнейшую дифференциацию в зависимости от типа основной работы. Среди занятых на некорпорированных предприятиях уровень платформенной занятости достигает 35 % (!), среди занятых у индивидуальных предпринимателей/физических лиц — около 8 %, а среди занятых на корпорированных предприятиях не дотягивает даже до 2 %. Распределение в зависимости от характера властных отношений оказывается очень похожим на то, которое было выявлено при обсуждении дистанционной занятости: уровень платформенной занятости у зависимых подрядчиков — 45 % (!), у работодателей и самозанятых — 30 %, у наемных работников — 2,5 %. Наконец, в неформальном секторе охват платформенной занятостью почти в десять раз больше, чем в формальном: 17 % против 2 %.

Таким образом, факторами, способствующими этой форме атипичной занятости, вновь оказываются работа не по найму и деформализация трудовой деятельности.

Рис. 3. Уровни платформенной занятости на основной работе по типам трудовых отношений, 2023 г. (%)²¹

Социально-экономический и демографические характеристики

В таблице 1 отражен социально-экономический и демографический профиль работников с платформенной занятостью (использованы усредненные данные за 2023 г.).

²¹ Источник: ОПС Росстата, расчеты авторов.

Таблица 1. Социально-экономические и демографические характеристики платформенной занятости, 2023 г. (%)

Группы	Структура платформенной занятости	Вероятность платформенной работы
Все	100	4,4
Пол		
Мужской	57,5	4,9
Женский	42,5	3,8
Тип населенного пункта		
Город	82,0	4,7
Село	18,0	3,5
Гражданство		
Российское	98,9	4,7
Другое (включая лиц с двойным гражданством)	1,1	9,7
Брачный статус		
В браке	69,4	4,3
Не в браке	30,6	4,6
Возраст, лет		
15—19	0,8	6,3
20—29	18,4	5,8
30—39	36,1	5,3
40—49	26,1	4,3
50—59	14,2	3,0
60—69	4,2	2,5
70 лет и старше	0,2	2,0
Уровень образования		
Высшее	37,9	4,7
Среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена	23,8	3,9
Среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих	15,9	3,7
Среднее общее	18,1	5,3
Основное общее и ниже	4,3	4,7
Профессии		
Руководители	10,3	9,4
Специалисты высшего уровня квалификации	18,8	3,1
Специалисты среднего уровня квалификации	14,9	4,7
Служащие, занятые подготовкой информации	2,1	2,6
Работники сферы обслуживания и торговли	19,0	5,1
Квалифицированные работники сельского хозяйства	2,8	6,3
Квалифицированные рабочие	11,6	4,1
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	17,8	6,3

Группы	Структура платфор- менной занятости	Вероятность платфор- менной работы
Неквалифицированные рабочие	2,7	1,6
Отрасли		
Сельское, лесное хозяйство	3,9	3,1
Добыча полезных ископаемых	0,2	0,5
Обрабатывающие производства	7,4	2,3
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	0,4	0,8
Водоснабжение, утилизация отходов	0,1	1,0
Строительство	9,2	6,1
Оптовая и розничная торговля	19,3	5,5
Транспортировка и хранение	19,3	9,6
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,3	3,7
Деятельность в области информации и связи	3,6	8,2
Деятельность финансовая и страховая	1,8	3,7
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,8	7,5
Деятельность профессиональная, научная и техническая	6,7	7,6
Деятельность административная	3,0	5,1
Государственное управление	0,0	0,0
Образование	1,8	0,8
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	2,6	1,5
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2,1	4,4
Предоставление прочих видов услуг	13,3	20,8

Источник: ОРС Росстата, расчеты авторов.

В отличие от дистанционной занятости платформенная занятость сильнее смещена в пользу мужчин. Среди всех работающих в подобном режиме мужчины составляют 58 %, тогда как женщины — 42 %. Иными словами, имеет место гендерная асимметрия в пользу мужчин.

Асимметрия оказывается гораздо сильнее, когда мы обращаемся к такой характеристике, как тип поселений, где проживают работники. В структуре платформенной занятости на долю городских жителей приходится 82 %, тогда как на долю сельских — только 18 %. Объясняется это меньшими размерами сельских экономик, намного более слабым развитием в них сферы услуг, а также гораздо более низким уровнем их цифровизации.

Доля среди платформенных работников лиц без российского гражданства/с двойным гражданством примерно в два раза превышает их долю среди всех занятых — 1,1 %.

Лица, состоящие в браке, составляют 70 % от всех платформенных работников, тогда как одиночки — 30 %. Но, как и в случае дистанционной занятости, причины подобного разрыва носят по большей части статистический характер.

Самой многочисленной группой платформенных работников — около 40 % — оказываются лица в возрасте 30—39 лет. Весьма значительны также доли предшествующей (20—29) и последующей (40—49) возрастных групп — соответственно 18 % и 26 %. Как и можно было бы предположить, тинейджеры (15—19 лет) и престарелые (70 лет и старше) среди платформенных работников встречаются редко (в силу немногочисленности этих возрастных групп).

Достаточно ожидаемо основную часть таких работников — почти 40 % — составляют обладатели вузовских дипломов. Затем по мере снижения уровня образования доля занятых в подобном режиме практически монотонно убывает: среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена — 24 %, среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих — 16 %, общее среднее образование — 18 %, основное общее и ниже — 4 %. Напрашивающееся объяснение этой закономерности — различия, во-первых, в уровнях владения цифровыми навыками и, во-вторых, в профессиональной принадлежности между работниками, получающими образование разного уровня.

Профессиональная структура платформенной занятости намного более равномерна, чем дистанционной. На долю специалистов высшего уровня квалификации приходится около 19 %, что даже чуть меньше, чем для работников торговли и сферы обслуживания. Еще более важное отличие платформенной занятости от дистанционной состоит в том, что в ней достаточно широко представлены рабочие различной квалификации, на долю которых суммарно приходится свыше трети всех платформенных работников. Напомним, что среди тех, кто трудится онлайн, работников физического труда нет вообще. Особенно весомой (почти 18 %) оказывается доля среднеквалифицированных рабочих (операторов), что едва ли случайно, поскольку именно в эту профессиональную группу входят водители автомобилей.

Среди отраслей наибольший вклад в платформенную занятость вносят торговля и транспорт (около 20 %), что соответствует ожиданиям, а также прочие услуги — свыше 13 %. Обращают на себя внимание достаточно существенные доли обрабатывающей промышленности — свыше 7 % и строительства — около 10 %. Вместе с тем в таких секторах, как сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, электроэнергетика и водоснабжение, платформенная занятость почти не используется. Отметим, что этот перечень очень близок к приводившемуся в предыдущей части статьи списку отраслей с «околонулевой» дистанционной занятостью.

В таблице 1 представлены также оценки вероятностей платформенной занятости для различных социально-демографических групп.

У мужчин шансы на то, чтобы трудиться в этом режиме, выше, чем у женщин, хотя разрыв невелик: 4,9 % против 3,8 %. Иными словами, мужчины используют в своей деятельности интернет-платформы с несколько большей интенсивностью, чем женщины.

Семейные работники несколько реже имеют дело с платформенной занятостью, чем одинокие: 4,3 % против 4,6 %. Здесь можно отметить действие двух факторов. Во-первых, режим платформенной занятости отличается меньшей стабильностью и поэтому менее удобен для тех, кто обременен семьей. Во-вторых, работ-

ники, не состоящие в браке, в среднем моложе и, как следствие, уровень владения цифровыми навыками у них может быть выше, чем у тех, у кого есть семья.

В городах уровень платформенной занятости выше, чем на селе: 4,7 % против 3,5 %. Причины этой асимметрии обсуждались выше. Следует, однако, отметить, что работников, живущих в сельской местности, нельзя считать полностью отрезанными от этого типа занятости: какая-то, пусть не очень большая, их часть все же пользуется в своей деятельности интернет-платформами.

Уровень платформенной занятости среди лиц без российского гражданства/с двойным гражданством приближается к 10 %, вдвое превышая ее уровень среди российских граждан. Это соответствует стандартному представлению о том, что среди курьеров по доставке и водителей такси преобладают «гастарбайтеры».

Различия во владении цифровыми навыками являются, по-видимому, также главной причиной вариации уровней платформенной занятости в зависимости от возраста. Активнее всех используют в своей деятельности онлайн-платформы тинейджеры 15—19 лет — 6,3 %. Затем на протяжении всей возрастной шкалы вероятность платформенной занятости монотонно убывает: работники в возрасте 20—29 лет — 5,8 %, 30—39 лет — 5,3 %, 40—49 лет — 4,3 %, 50—59 лет — 3,0 %, 60 лет и старше — 2,5 %.

Для образования наблюдается достаточно противоречивая картина: наиболее высокие уровни платформенной занятости имеют, с одной стороны, работники с высшим образованием, но с другой — работники с низким образованием: средним и основным общим. Объяснить это можно тем, что работа с интернет-платформами далеко не всегда требует владения сложными компьютерными технологиями, здесь вполне достаточно умения пользоваться смартфоном или планшетом, для чего не требуется высокого образования. В то же время оказание многих услуг с помощью платформ осуществляется работниками, имеющими как раз невысокое образование (например, водители такси и курьеры по доставке заказов).

Неоднозначная связь наблюдается у вероятности платформенной занятости с профессиональной принадлежностью, что неудивительно с учетом наблюдений, которые были сделаны выше. Во-первых, абсолютными лидерами по частоте использования онлайн-платформ выступают руководители — свыше 9 %, что в два-три раза больше, чем для всех остальных профессиональных групп. Во-вторых, специалисты среднего уровня квалификации опережают по этому показателю специалистов высшего уровня квалификации (4,7 % против 3,1 %), а работники торговли и сферы обслуживания — офисных служащих (5,1 % против 2,6 %). Следует, однако, отметить, что хотя платформенная занятость чаще всего ассоциируется со сферой обслуживания, занятые в ней работники далеки от того, чтобы быть лидерами по интенсивности использования цифровых платформ. В-третьих, высокий уровень платформенной занятости наблюдается также в профессиональной группе операторов, в состав которой, напомним, входят водители автомобилей. В то же время самая низкая склонность к такому типу занятости вполне ожидаемо отмечается у неквалифицированных рабочих²².

²² Мы оставляем без комментариев результат для сельскохозяйственных рабочих ввиду немногочисленности этой группы.

При использовании более дробной классификации видов занятий среди лидеров по использованию интернет-платформ мы обнаруживаем преимущественно подгруппы либо руководителей, либо специалистов, связанных с использованием информационных технологий (см. табл. 2). Интересно, что водители (с результатом 8 %) занимают в этом списке далеко не первое место, что можно рассматривать как еще одно свидетельство того, насколько реальный профиль платформенной занятости отличается от привычных представлений о ней. Среди профессий-аутсайдеров, что неудивительно, преобладают работники сельского хозяйства и неквалифицированные рабочие. Нельзя также не отметить присутствие здесь и двух подгрупп медицинских работников.

Таблица 2. **Профессии-лидеры и профессии-аутсайдеры по уровню платформенной занятости (ПЗ) при использовании двухзначной кодировки видов занятий ОКЗ-14, 2023 г. (%)**

Код ОКЗ-14	Профессии-лидеры	Уровень ПЗ	Код ОКЗ-14	Профессии-аутсайдеры	Уровень ПЗ
14	Руководители гостиничного бизнеса	14,9	54	Работники по охране граждан и собственности	0,3
51	Работники сферы индивидуальных услуг	12,1	62	Производители лесной и рыбной продукции	0,5
11	Руководители высшего звена, высшие должностные лица	11,0	22	Специалисты в области здравоохранения	0,5
61	Квалифицированные работники сельского хозяйства	10,9	52	Работники по индивидуальному уходу	0,6
35	Специалисты-техники в области ИКТ	9,4	91	Уборщики и прислуга	0,6
34	Средний специальный персонал в области права	9,2	94	Помощники в приготовлении пищи	0,6
33	Средний специальный персонал по экономической деятельности	8,9	63	Прочие квалифицированные работники сельского хозяйства	0,8
25	Специалисты по ИКТ	8,8	92	Неквалифицированные рабочие сельского хозяйства	0,8
73	Рабочие, занятые изготовлением прецизионных инструментов	8,3	93	Неквалифицированные рабочие промышленности	0,9
83	Водители	8,0	81	Операторы промышленных установок	1,0

Источник: ОРС Росстата и расчеты авторов.

Отраслевой анализ также приносит немало сюрпризов. Как ни странно, оказывается, что торговля не принадлежит к числу отраслей-лидеров по интенсивности использования платформенной занятости. На первом месте с большим отрывом находятся бытовые услуги — 21 %, за ними следуют транспорт (10 %), сфера ИКТ (8 %), профессиональная и научно-техническая деятельность (8 %) и операции с недвижимым имуществом (8 %), что не слишком хорошо согласуется со стандартным представлением об однозначно «уязвимом» характере платформенной занятости. И только затем с более скромными результатами (6 %) идут торговля

и строительство, но также административная деятельность и деятельность в области культуры и развлечений.

Эконометрический анализ

В эконометрическом анализе для платформенной занятости мы следовали тому же подходу, что и для дистанционной занятости, оценивая с помощью пробит-модели средние предельные эффекты для вероятности попадания в данный тип нестандартной занятости. Зависимой переменной выступала вероятность платформенной занятости, тогда как независимыми переменными — социально-демографические характеристики, представленные в таблице 1, с дополнительным контролем на регион проживания индивидов. Расчеты строились на совмещенных данных за 2022—2023 гг., когда в анкету ОРС был включен вопрос о платформенной занятости. В Приложении приводятся оценки средних предельных эффектов, показывающих, на сколько процентных пунктов меняется вероятность платформенной занятости при изменении значения соответствующих дамми-переменных с нуля на единицу.

Как видно из представленных результатов, мужчины на 0,4 п. п. чаще, чем женщины, становятся платформенными работниками. Семейный статус негативно влияет на вероятность использования онлайн-платформ, хотя значение эффекта невелико (–0,2 п. п.). Среди городских жителей платформенная занятость распространена больше (почти на 2 п. п.), чем среди сельских. С возрастом риск платформенной занятости монотонно убывает: среди самых молодых доля платформенных работников оказывается на 4 п. п. выше, чем среди самых пожилых. Работники с российским гражданством используют онлайн-платформы менее активно, чем лица с иностранным или двойным гражданством. Такой результат, скорее всего, связан с широким представительством трудовых мигрантов среди курьеров по доставке и водителей такси.

Что касается образования, то здесь повторяется ситуация с дистанционной занятостью: группами с самой высокой долей платформенных работников и в этом случае оказываются обладатели, во-первых, высшего и, во-вторых, среднего образования. Работники с начальным профессиональным образованием (по старой номенклатуре), среди которых многие заняты физическим трудом, используют цифровые платформы заметно реже.

Среди профессиональных групп лидерами по активности использования онлайн-платформ выступают руководители, а аутсайдерами — неквалифицированные рабочие: разрыв между этими полярными группами приближается к 8,2 п. п. (!). Затем идут сельскохозяйственные работники и специалисты среднего уровня квалификации и только после них операторы, в состав которых, о чем важно напомнить, входят водители. В то же время работники торговли и сферы обслуживания, как ни странно, демонстрируют достаточно скромные показатели платформенной занятости.

Среди отраслей с большим отрывом лидируют бытовые услуги, где доля платформенных работников на 19 п. п. (!) выше, чем в референтной группе (сельское хозяйство). Широкое распространение платформенная занятость имеет также в ИКТ (что ожидаемо), на транспорте, в профессиональной и научной деятельно-

сти, операциях с недвижимым имуществом, административной деятельности, торговле и строительстве. Намного более ограниченный доступ к ней наблюдается в добывающей промышленности и энергетике, а также социальных услугах (госуправлении, образовании, здравоохранении)²³.

Все указывает на то, что платформенная занятость представляет собой неоднородное явление с поляризованной внутренней структурой. С одной стороны, она охватывает большой массив высококвалифицированных рабочих мест, на которых трудятся работники со значительными запасами человеческого капитала, занятые сложными видами труда. С другой стороны, включает также множество рабочих мест средней и даже низкой квалификации, которые не требуют владения какими-то сложными навыками и продвинутыми компетенциями — за исключением умения пользоваться гаджетами, чтобы связываться с клиентами/заказчиками через интернет-платформы.

Заключение

Развитие цифровых технологий повсеместно привело к появлению и распространению новых форм атипичной занятости — дистанционной и платформенной. На российском рынке труда они также заняли свои ниши. Значительная часть россиян уже накопили опыт работы в этих нестандартных режимах труда и способны переключаться на них быстро и безболезненно.

В межстрановой перспективе с показателем 1,6% Россия входит в число стран-аутсайдеров по дистанционной занятости, но с показателем 4,4% — в число стран-лидеров по платформенной занятости. Во многом эта асимметрия связана с тем, что в среднем для использования онлайн-платформ достаточен гораздо менее продвинутый уровень владения цифровыми навыками, чем для работы на дистанте. Нельзя исключить, что весьма слабое по международным меркам распространение дистанционной занятости может быть также связано с традиционной для российских предприятий авторитарной управленческой культурой.

Наш анализ показывает, что многие широко распространенные как в исследовательской литературе, так и в массмедиа представления о цифровых формах занятости неточны.

Во-первых, масштабы их использования относительно невелики. Охват дистанционной занятостью находится на минимальной отметке, но и распространенность платформенной занятости, хотя она в два с половиной раза больше, оказывается не слишком впечатляющей. Подавляющее большинство российских работников продолжают трудиться в режиме стандартной занятости, то есть по найму, на стационарном рабочем месте, с формальным трудовым контрактом и фиксированной заработной платой.

Во-вторых, как ни странно, обе формы цифровой занятости находятся на нисходящем тренде. Дистанционная занятость достигла максимума на пике пандемии коронавируса, когда, по примерным оценкам, она составляла не менее 25—30%, но затем начала монотонно снижаться, сократившись на порядок. В пандемийный

²³ В качестве проверки на робастность мы производили дополнительно расчет с зависимой переменной, охватывавшей платформенную занятость как на основной, так и на дополнительной работе. Хотя это немного увеличивает значение некоторых предельных эффектов, характер влияния всех учетных переменных остается неизменным.

и постпандемийный периоды аналогичная динамика была характерна для всех стран, однако глубина «провала», произошедшего на российском рынке труда, имеет мало параллелей. Более того, смешанный режим дистанционной занятости пользуется среди российских работников гораздо большей популярностью, чем «чистый». Что касается платформенной занятости, то, достигнув пика в конце 2022 г., она также стала быстро сокращаться, причем, возможно, этот тренд продолжится и в дальнейшем. По-видимому, в российских реалиях цифровые формы занятости уже достигли пределов своего развития — по крайней мере, на ближайшую перспективу.

В-третьих, представление о том, что цифровые формы занятости (особенно платформенная) по определению предполагают крайне низкую степень социальной защищенности работников, не подтверждается фактами. Большинство платформенных работников осуществляют свою деятельность на стационарных рабочих местах, хотя этот показатель, естественно, для них заметно ниже, чем для стандартных работников. Анализ свидетельствует также, что дистанционная и платформенная занятости тесно связаны с предпринимательской активностью и с деформализацией трудовых отношений.

В-четвертых, социально-демографический профиль работников, трудящихся дистанционно и через платформы, во многом различен. С известной долей условности удаленную работу можно считать привилегией наиболее квалифицированной части рабочей силы, прежде всего — обладателей высшего образования. В отличие от этого структура платформенной занятости сильно поляризована. Она включает, с одной стороны, работников с самой высокой квалификацией (фрилансеры), а с другой — работников с низкой квалификацией (курьеры по доставке, водители такси). При этом если первые трудятся преимущественно онлайн (то есть удаленно), то вторые — офлайн. Нельзя не отметить и отчетливо выраженную гендерную асимметрию: если дистанционная занятость — это по преимуществу женский феномен, то платформенная — скорее мужской. И та, и другая имеют однозначно отрицательную связь с возрастом, что едва ли удивительно, поскольку уровень владения цифровыми навыками у молодежи намного выше, чем у более старших поколений. Хотя обе формы цифровой занятости, что вполне ожидаемо, активно используются в сфере ИКТ, в остальном у них наблюдается явно выраженная отраслевая специфика. Если дистанционная занятость широко распространена также в операциях с недвижимостью и профессиональной деятельности, то платформенная — при представлении бытовых услуг.

Общий вывод из нашего анализа заключается в том, что в обозримой перспективе цифровые формы занятости, скорее всего, будут оставаться ограниченно востребованными российским рынком труда. Как следствие, популярные предсказания о том, что удаленная и платформенная работа скоро станут ведущими формами трудовой активности, по-видимому, не имеют под собой реальных оснований.

Литература (References)

1. Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И. Социально-демографический профиль российской платформенной занятости // *Лидерство и менеджмент*. 2024. Т. 11. № 1. С. 407—421. <https://doi.org/10.18334/lim.11.1.120152>.

- Zabelina O. V., Mirzabalaeva F. I. (2024) Socio-Demographic Profile of Russian Platform Employment. *Leadership and Management*. Vol. 11. No. 1. P. 407—421. <https://doi.org/10.18334/lm.11.1.120152>.
2. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад/ под ред. Л. М. Гохберга, Б. М. Глазкова, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой. М.: ИСИЭЗВШЭ, 2023.
Gokhberg L. M., Glazkov B. M., Rudnik P. B., Abdrakhmanova G. I. (2023) Platform Economy in Russia: Development Potential: Analytical Report. Moscow: ISSEK HSE.
 3. Baimurzina G. R., Chernykh E. A. (2024) Platform Employment Specifics in Russia: What the Data of Workers' Online Profiles Indicate. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 17. No. 2. P. 202—219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11>.
 4. Braesemann F., Lehdonvirta V., Kässi O. (2022) ICTs and the Urban-Rural Divide: Can Online Labour Platforms Bridge the Gap? *Information, Communication and Society*. Vol. 25. No. 1. P. 34—54. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1761857>.
 5. Garin A., Jackson E., Koustas D., Miller A. (2023) The Evolution of Platform Gig Work, 2012—2021. Working Paper No. 31273. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w31273/w31273.pdf (дата обращения: 17.01.2025).
 6. Gomez-Herrera E., Martens B., Mueller-Langer F. (2017) Trade, Competition and Welfare in Global Online Labour Markets: A “Gig Economy” Case Study. JRC Technical Reports. Seville: European Commission. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/202227/1/jrc-dewp201705.pdf> (дата обращения: 17.01.2025).
 7. Kässi O., Lehdonvirta V. (2019) Do Digital Skill Certificates Help New Workers Enter the Market? Evidence from an Online Labour Platform. CESifo Working Paper No. 7810. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3467943 (дата обращения: 17.01.2025).
 8. Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. (2022) The Platform Economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and PlatformWork Survey (IPWS). Brussels: ETUI. Research Paper-Working Paper No. 2022—5. URL: https://www.etui.org/sites/default/files/2022-02/The%20platform%20economy%20in%20Europe_2022.pdf (accessed: 24.01.2025).
 9. van Slageren J., Herrmann A. M., Frenken K. (2023) Is the Online Gig Economy beyond National Reach? A European Analysis. *Socio-Economic Review*. Vol. 21. No. 3. P. 1795—1821. <https://doi.org/10.1093/ser/mwac038>.

Приложение

Результаты регрессионного анализа факторов, определяющих участие в платформенной занятости, средние предельные эффекты, 2022—2023 гг.

Переменные	Эффекты	Станд. ошибка
Гендер (база — женщины)	0,004***	[0,001]
Брачный статус (база — одинокие)	-0,002***	[0,001]
Место проживания (база — село)	0,017***	[0,001]
Гражданство (база — лица без российского гражданства/с двойным гражданством)	-0,024***	[0,004]
<i>Возраст, лет (база — 15—19 лет)</i>		
20—29	-0,008**	[0,004]
30—39	-0,013***	[0,004]
40—49	-0,022***	[0,004]
50—59	-0,034***	[0,004]
60—69	-0,039***	[0,004]
70 лет и старше	-0,042***	[0,005]
<i>Уровень образования (база — основное общее и ниже)</i>		
среднее общее	0,002*	[0,001]
среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих/служащих	-0,008***	[0,001]
среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена	-0,002	[0,001]
высшее	0,014***	[0,002]
<i>Профессии (база — руководители)</i>		
специалисты высшего уровня квалификации	-0,056***	[0,002]
специалисты среднего уровня квалификации	-0,042***	[0,002]
служащие, занятые подготовкой информации	-0,070***	[0,002]
работники сферы обслуживания и торговли	-0,067***	[0,002]
работники сельского хозяйства	-0,026***	[0,004]
квалифицированные рабочие	-0,058***	[0,002]
операторы	-0,05***	[0,002]
неквалифицированные рабочие	-0,082***	[0,002]
<i>Отрасль (база — сельское хозяйство)</i>		
добыча полезных ископаемых	-0,014***	[0,001]
обрабатывающие производства	0,008***	[0,001]
обеспечение электрической энергией, газом и паром	-0,010***	[0,001]
водоснабжение, утилизация отходов	-0,007***	[0,002]
строительство	0,039***	[0,001]
оптовая и розничная торговля	0,042***	[0,001]
транспортировка и хранение	0,063***	[0,001]
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,024***	[0,002]
деятельность в области информации и связи	0,065***	[0,003]
деятельность финансовая и страховая	0,022***	[0,002]

Переменные	Эффекты	Станд. ошибка
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,058***	[0,003]
деятельность профессиональная, научная и техническая	0,053***	[0,002]
деятельность административная	0,042***	[0,002]
государственное управление	-0,015***	[0,001]
образование	-0,006***	[0,001]
деятельность в области здравоохранения	-0,005***	[0,001]
деятельность в области культуры и спорта	0,028***	[0,002]
предоставление прочих видов услуг	0,194***	[0,003]
Год обследования (база — 2022 г.)	-0,006***	[0,0005]
Регионы	Да	
Число наблюдений	998319	
Log-Likelihood	-141660,670	
AIC	283597,339	
Pseudo R2	0,137	

Примечание:*** p-value < 0,01; ** p-value < 0,05; * p-value < 0,1. В скобках робастные стандартные ошибки.

Источник: ОРС Росстата, расчеты авторов.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2579](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2579)**А. В. Короленко****РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ ПО ОСИ
«ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ»: ВЗГЛЯД ГЛАВ
ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ****Правильная ссылка на статью:**

Короленко А. В. Развитие сферы занятости по оси «центр — периферия»: взгляд глав городских и сельских поселений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 130—154. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2579>.

For citation:

Korolenko A. V. (2025) The Development of the Employment Sector Along the “Center–Periphery” Axis: The View of the Heads of Urban and Rural Settlements. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 130–154. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2579>. (In Russ.)

Получено: 04.03.2024. Принято к публикации: 09.01.2025.

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ ПО ОСИ «ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ»: ВЗГЛЯД ГЛАВ ГО- РОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

КОРОЛЕНКО Александра Владимировна — научный сотрудник Центра социально-демографических исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
E-MAIL: coretra@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>

THE DEVELOPMENT OF THE EMPLOYMENT SECTOR ALONG THE “CENTER–PERIPHERY” AXIS: THE VIEW OF THE HEADS OF URBAN AND RURAL SETTLEMENTS

Aleksandra V. KOROLENKO¹ — Researcher of the Center for Social and Demographic Research
E-MAIL: coretra@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Аннотация. Исследование посвящено особенностям и проблемам развития сферы занятости на локальном уровне в контексте пространственных трансформаций по оси «центр — периферия». Модельным регионом выступила Вологодская область — типичный представитель Нечерноземья со свойственными ему депопуляцией и сжатием освоенного пространства. Информационная база представлена результатами глубинных интервью с главами городских и сельских поселений региона. Для анализа развития сферы занятости осуществлена типология поселений: выделены районные центры, поселения их окружения и районной периферии.

Результаты интервью подтвердили взаимосвязь социально-экономического положения поселений, в том числе их пространственного расположения, с развитием сферы занятости. По мере удаления от районных центров сужается спектр направлений хозяйственной деятельности, снижается социально-экономическое благополучие, что неизбежно сказывается на занятости населения, его миграционной активности и, как следствие, заселенности территорий. Общими проблемами развития сферы занятости для всех типов поселений выступают приостановка деятельности мелких предприятий лесной отрасли и сокраще-

Abstract. The research is devoted to the features and problems of the development of the employment sector at the local level in the context of spatial transformations along the center-periphery axis. The Vologda Oblast is a typical representative of the Non-Chernozem region with its characteristic depopulation and compression of the developed space, acting as a model region. The information base is represented by the results of in-depth interviews with the heads of urban and rural settlements of the region. To analyze the development of the employment sector, a typology of settlements was carried out: regional centers, settlements of their surroundings, and regional periphery were identified. The results of the interviews confirmed the relationship between the socio-economic situation of the settlements, including their spatial location, and the development of the employment sector. As we move away from the regional centers, the range of economic activities narrows socio-economic well-being decreases, which inevitably affects the employment of the population, its migration activity, and, as a result, the population density of the territories. The common problems of employment development for all types of settlements are the suspension of the activities of small enterprises in the forestry industry and the reduction of their staff, a shortage of jobs, personnel “hunger”, technical restrictions on the development of

ние их персонала, нехватка рабочих мест, кадровый «голод», технические ограничения на пути развития удаленных форм занятости и неготовность населения к такому формату работы. Для поселений окружения райцентров и районной периферии актуальным вызовом стало сокращение числа индивидуальных предпринимателей и самозанятых. Специфическими для поселений районной периферии являются проблемы трудоустройства отдельных категорий населения, низкого уровня заработной платы, отсутствия социальных гарантий на частных предприятиях, низкой трудовой мотивации населения, наличия дополнительных барьеров на пути развития удаленной занятости (недостаточной численности и старения населения, оттока молодежи).

Ключевые слова: сфера занятости, пространственные трансформации, центр и периферия, глубинные интервью, городские и сельские поселения

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01986, <https://rscf.ru/project/22-28-01986/>.

Введение

Сочетание глобализации торговых и экономических потоков, технологических и структурных изменений в экономике, агломерационных и иных процессов приводит к неравномерному развитию городов и их окружения. Это явление получило название «новая география рабочих мест» [Moretti, 2012], или «великая инверсия» [Martin et al., 2018], которая выражается, с одной стороны, в безработице, снижении участия в рабочей силе, миграционном оттоке населения из периферийных (сельских) регионов, средних и малых промышленных городов, а с другой стороны — в создании высокооплачиваемых рабочих мест в мегаполисах и их пригородах. Таким образом, территориальная дифференциация участия в рабочей силе проявляется на разных уровнях: между государствами и отдельными регионами, между ядрами и периферийными областями, между благополучными и менее благополучными поселениями.

Для России как развитого государства с огромной площадью характерна неравномерность пространственного развития, выражающаяся в локализацион-

remote forms of employment and the unpreparedness of the population for such a format of work. A reduction in the number of individual entrepreneurs and the self-employed has become an urgent challenge for the settlements surrounding the district centers and the regional periphery. The problems of employment of certain categories of the population, low wages, lack of social guarantees at private enterprises, low labor motivation of the population, the presence of additional barriers to the development of remote employment (insufficient number and aging of the population, outflow of youth) are specific for settlements of the regional periphery.

Keywords: employment sector, spatial transformations, center and periphery, in-depth interviews, urban and rural settlements

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-01986, <https://rscf.ru/project/22-28-01986/>.

ном сжати и фрагментации социально-экономического пространства [Нефедова, Глезер, 2020]. Сопутствующая поляризация системы расселения определяет демографическую ситуацию, что проявляется в миграционной убыли населения периферийных территорий и его притоке в крупные центры притяжения, трансформации возрастного состава населения, изменении характеристик воспроизводства населения и приводит к снижению трудового потенциала малых городов и сельских поселений, концентрации трудовых ресурсов в крупных населенных пунктах [Короленко, 2023: 145]. В регионах Нечерноземья проблема поляризации расселения, особенно сельского, стоит наиболее остро вследствие существенных внутрирегиональных контрастов по вектору «центр — периферия» [Егоров, 2020: 33]. При этом изучение проблем и перспектив занятости в контексте пространственных трансформаций на внутрирегиональном уровне признается недостаточным [Попов, 2023: 517], что актуализирует проведение подобного рода исследований.

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей и проблем развития сферы занятости в контексте пространственных изменений по оси «центр — периферия» на локальном уровне. В качестве гипотезы выступило предположение, что в поселенческом разрезе взаимосвязь пространственного развития с развитием сферы занятости схожа с аналогичной на региональном и муниципальном уровне, что выражается в снижении возможностей в части приложения труда и реализации трудового потенциала, нарастании спектра проблем в сфере занятости по мере удаления от районных центров к районной периферии.

Обзор исследований

В научной практике накопился большой пласт исследований сферы занятости в контексте пространственного развития. На примере развитых стран (Австралии, Японии, США, Канады, Германии, Швеции и др.) изучаются проблемы «сжимающихся городов» и их деиндустриализации, децентрализации рабочих мест [Martinez-Fernandez et al., 2016], субурбанизации занятости в мегаполисах [Heider, Siedentop, 2020], микроурбанизации во внутренних (периферийных) районах малонаселенных территорий Глобального Севера, их разобщенности с городами, в том числе с позиции трудовой миграции [Carson, Carson, Argent, 2022]. Для государств Глобального Юга (Китая, Индии и др.) актуальными исследовательскими вопросами становятся «разрастание городов» и пространственное несоответствие между местами проживания сельских трудовых мигрантов и возможностями их трудоустройства [Bi et al., 2019; Rajendran et al., 2024]. Таким образом, развитие занятости имеет специфику в зависимости от социально-экономического развития государства.

Взаимосвязь социально-экономического развития России, включая занятость населения, и миграции в контексте пространственных различий (сельско-городских и центр-периферийных) на федеральном и региональном уровне рассматривается в целом ряде отечественных исследований [Город и деревня..., 2001; Зубаревич, 2010; Между домом..., 2016]. Так, в монографии «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» анализируются пространственная неоднородность городского и сельского расселения и ее взаимосвязь с экономическим развитием территорий, мобильностью и занятостью населения [Город

и деревня..., 2001]. В работе Н. В. Зубаревич изучаются территориальные контрасты социально-экономического развития регионов России, в том числе с позиции пространственной поляризации человеческого капитала и качества жизни, нарастания центр-периферийного вектора внутренних миграций [Зубаревич, 2010]. В монографии «Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России» оцениваются предпосылки миграционной подвижности населения, связанные с поляризацией российского пространства, динамикой экономического развития и занятости населения [Между домом..., 2016].

В России исследования трансформации занятости по оси «центр — периферия» на внутрирегиональном уровне немногочисленны. Коллективом ученых из Института географии РАН и МГУ им. М. В. Ломоносова проанализированы современные пространственные социально-экономические контрасты староосвоенных районов России на муниципальном уровне, в том числе внутрирегиональные градиенты, связанные с неравномерностью развития под влиянием крупных городов и агломераций [Староосвоенные районы..., 2021]. Установлено, что центр-периферийная трансформация занятости проявляется в росте производств в крупных региональных центрах, активном «вытягивании» населения из сельской местности, депрессивных малых и средних городов, концентрации производств в крупных агропромышленных центрах, сжатии среднего звена предприятий и резком сокращении занятости, сжатии землепользования и сокращении поголовья скота за пределами агрохолдингов, а также депопуляции и социальной деградации периферийных территорий.

Основное внимание в исследованиях локального уровня сфокусировано на взаимосвязи характеристик расселения со структурными сдвигами в экономике и устойчивостью социально-экономического развития поселений, в том числе с показателями развития рынка труда и занятости. В их рамках чаще всего проводится типология муниципальных образований. В работе Г. М. Федорова и соавторов для изучения связи изменений в сельском расселении с динамикой занятости населения вследствие структурных сдвигов в экономике муниципальные образования Калининградской области были подразделены на региональный центр, ближнюю пригородную, дальнюю пригородную и периферийную зоны. Выявлено, что наиболее высокие темпы роста численности населения наблюдаются у областного центра и его пригородной зоны, тогда как в дальней пригородной и периферийной зонах отмечается отток населения. Все сельские населенные пункты ближней пригородной зоны характеризуются повышенной занятостью населения вне аграрного сектора (в сфере услуг, на промышленных предприятиях) за счет маятниковой миграции в региональный центр и другие города. В остальных муниципалитетах значительную роль играет занятость в сельском хозяйстве [Федоров и др., 2021: 137—138].

Ограниченность информационной базы муниципальной статистики в части ее достоверности и адекватности [Зубаревич, 2019: 58] обуславливает необходимость применения альтернативных источников информации, в частности данных социологических опросов. Так, в работе коллектива авторов из МГУ им. М. В. Ломоносова на данных глубинных интервью с представителями органов власти, местными жителями, предпринимателями и фермерами, сотрудниками организаций социальной сферы, местными активистами проведена типология сельских поселений Тамбовской области по ландшафтным особенностям и специализации хо-

зяйственной деятельности [Прусихин и др., 2023]. Выделены развивающиеся, стагнирующие и деградирующие поселения долинных и плакорных комплексов. Для долинных комплексов, наиболее приближенных к центрам территории или являющихся такими, характерны функции переработки сельскохозяйственной продукции, обеспечения города продовольствием и рекреацией. Схожие процессы свойственны для поселений плакорного типа, расположенных на границе с центрами районов и имеющих большое разнообразие отраслей сельского хозяйства. Пригородные поселения больше вовлечены в экономическую жизнь близлежащих центров за счет распространения маятниковых миграций, появления дач и переезда горожан в ближайшие к городам поселки. Для более периферийных плакорных поселений характерно сокращение функций: полное исчезновение товарного животноводства, сужение направлений растениеводства, сокращение числа социальных учреждений, ограниченность возможностей маятниковых миграций и спектра услуг населению [Прусихин и др., 2023: 79—80].

Углубление исследований развития сферы занятости в условиях пространственных трансформаций особенно актуально для территорий Нечерноземья с их выраженными процессами депопуляции и сжатия освоенного пространства, к числу которых относится и Вологодская область [Аверкиева, 2013], в данной работе также выступившая модельным регионом России в целом¹.

Теоретическую основу исследования составила *центр-периферийная концепция пространственного развития*, основоположником которой был Дж. Фридман [Friedmann, 1966]. Согласно данной теории, неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между центром и периферией. При этом центр является «мотором» развития системы (за счет постоянной качественной трансформации вследствие генерирования, внедрения и диффузии нововведений) и одновременно «пылесосом», выкачивающим все виды ресурсов, в том числе человеческий потенциал, из периферии². В России центр-периферийная концепция получила развитие в трудах эконом-географов О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиша [Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991], Т. Г. Нефедовой [Нефедова, 2003], Л. Б. Карачуриной и Н. В. Мкртчяна [Карачурина, Мкртчян, 2013] и др.

Методология и дизайн исследования

Исследования подтверждают формирование на территории Вологодской области двух моноцентрических агломераций — Вологодской и Череповецкой [Кожевников, 2018]. Ядром первой выступает областной центр Вологда, агломерационной зоной — близлежащие Вологодский, Грязовецкий и Сокольский районы. В случае второй агломерации ядром является Череповец, а агломерационной зоной — Череповецкий, Шекснинский и Кадуйский районы [Кожевников, 2018]:

¹ Исследования подтверждают, что Вологодская область по социально-демографическим, этническим, культурно-ценностным характеристикам, а также по схожести наблюдаемых тенденций со всероссийской динамикой представляет собой типичный (синоним «модельный») субъект РФ [Горшков, Ильин, 2015: 129, 175].

² Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центр-периферийной концепции пространственного развития (1989—2002 гг.) // Демоскоп Weekly. 2010. 4—17 октября. № 437—438. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit04.php#_FNR_1 (дата обращения: 29.10.2024).

726]. Примечательно, что агломерационные процессы протекают не только на муниципальном уровне, но и на локальном (поселенческом). Так, Н. В. Ворошилов доказал наличие внутри муниципальных районов Вологодской области сельских агломерационных процессов, выражающихся в значительной концентрации населения и производственной деятельности в одном центральном поселении района [Ворошилов, 2022: 56]. Ядрами таких агломераций выступают районные центры, агломерационной зоной — близлежащие городские или сельские поселения. Следовательно, все поселения за пределами агломерационной зоны относятся к периферии. Подход к анализу состояния сферы занятости городских и сельских поселений в рамках данной работы опирался на центр-периферийную концепцию пространственного развития. В его основу легли критерии принадлежности к центрам муниципальных районов (округов) и расстояния до районных центров. В соответствии с ними были выделены три группы территорий: *районные центры, поселения их окружения и районной периферии*.

Информационную базу исследования составили результаты глубинных интервью с главами городских и сельских поселений³ как носителями ценной информации о социально-экономическом развитии территорий, их проблемах и конкурентных преимуществах и как опытными специалистами в сфере муниципального управления. В ходе серии интервью, проведенных в период с апреля по июль 2023 г., было опрошено 12 человек из шести муниципальных районов (округов) Вологодской области⁴, возглавляющих поселения разного типа (см. табл. 1). В рамках подхода к проведению качественного исследования использовался направленный отбор респондентов, обеспечивающий наполнение целевой группы (критерий принадлежности), что в полной мере соответствует задачам глубинного интервью, поскольку делается акцент на глубине и содержательности анализа, а не на статистической репрезентативности. При этом также учитывался критерий максимального разнообразия мнений, позволяющих сформировать целостное представление о развитии территорий по оси «центр — периферия». Контакты с информантами устанавливались посредством отправки официальных писем на адреса электронной почты глав городских и сельских поселений, относящихся к ранее отобранному муниципальному образованию. В случае отсутствия ответа в течение определенного времени осуществлялся дополнительный обзвон для уточнения получения письма и обсуждения возможности участия в исследовании. При получении позитивного ответа достигалась договоренность о времени и формате проведения глубинного интервью.

Общение с информантами проходило удаленно посредством телефонной или видео-конференц-связи. Средняя продолжительность интервью составила 39 минут. Более подробная информация об опрошенных главах представлена в Приложении.

³ С 1 января 2022 г. в ходе реформы территориальной организации местного самоуправления 20 муниципальных районов Вологодской области были преобразованы в муниципальные округа, а должности глав поселений изменены на руководителей (начальников) территориальных отделов. В данном исследовании применяется старая формулировка должности «глава поселения».

⁴ Муниципальные районы (округа) отбирались исходя из их географического положения относительно двух ядер моноцентрических агломераций — городов Вологды и Череповца, выступающих административным и экономическим центрами региона соответственно. При этом важным представлялось наличие в выборке как районов (округов), находящихся в агломерационной зоне (вблизи ядер) и ее близлежащем окружении, так и периферийных районов (округов) или значительно отдаленных от ядер агломераций.

Таблица 1. **Распределение выборки глубинных интервью с главами поселений по типам поселений**

Группировка поселений	Количество наблюдений (n)
Районные центры	3
Окружение районных центров	4
Районная периферия	5

Примечание. Крупные города области не были включены в выборку, поскольку не позволяют применить центр-периферийный подход на поселенческом уровне (выделить центр, его окружение и периферию).

Источник: составлено автором по данным глубинных интервью с главами городских и сельских поселений Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023 г.

Гайд глубинных интервью⁵ содержал общие вопросы о поселении и муниципальном районе, в том числе о социально-экономической ситуации в поселении и ее основных проблемах, о ситуации на рынке труда поселения и перспективах развития сферы занятости. В данной работе анализ мнений глав поселений разделен на несколько тематических блоков, рассматривающих условия развития сферы занятости, ее состояние, проблемы и проявления трансформации. Первый блок посвящен социально-экономическим условиям развития занятости в поселении, второй — состоянию муниципального рынка труда и структуры занятости в контексте эпидемиологических и геополитических вызовов, третий — влиянию пространственного расположения поселения на развитие сферы занятости, четвертый — миграции населения как проявлению трансформации занятости по оси «центр — периферия».

Анализ полученных в ходе интервью данных проводился посредством программы MAXQDA. Кодирование осуществлялось по 25 признакам, отражающим состояние сферы занятости, условия и направления ее развития: социально-экономическая ситуация, предприятия, инфраструктура, достоинства, проблемы, ранг поселения, ранг муниципального района (округа), ситуация на рынке труда, структура занятости, трудовая миграция, самозанятость, неформальная занятость, сезонная занятость, потребность в работниках, каналы поиска работников, отток молодежи, проблемы трудоустройства молодежи и пенсионеров, расположение поселения, удаленная занятость, отношение населения к труду, взаимодействие по вопросам занятости, решение проблем занятости, повышение привлекательности территории, цифровизация, эффективность служб занятости. В дальнейшем строились и анализировались сводные таблицы по типам поселений и перечисленным кодам.

Социально-экономические условия развития занятости в поселении

Обобщение результатов интервью с главами позволило выделить общие и специфические проблемы социально-экономического развития, а также его преимущества для поселений разных типов (см. табл. 2). Среди общих для всех поселений проблем стоит обозначить приостановку деятельности лесозаготовителей

⁵ Гайд интервью размещен по адресу: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=16168&hash=083ddfd27e1ec7ae4cb5ee47e6e1e0ae>.

вследствие ухудшения геополитической ситуации, естественную и миграционную убыль населения, отток молодежи. Для поселений окружения райцентров и районной периферии свойственны такие проблемы развития, как плохое качество дорожной инфраструктуры, неразвитость культурно-досуговой и социальной инфраструктуры, отсутствие в муниципальном фонде благоустроенного жилья для приезжих специалистов, удаленное расположение, транспортная труднодоступность. В качестве специфических барьеров развития районных центров главами обозначалась нехватка учреждений профессионального образования. Для районной периферии характерен более широкий набор специфических проблем: узкий спектр направлений хозяйственной деятельности, нехватка инициативных людей среди руководителей предприятий, недоиспользование потенциала земель сельхозназначения, упадок сельского хозяйства, асоциальный образ жизни местного населения.

К преимуществам развития райцентров и поселений их окружения главы относили более диверсифицированный производственный сектор, выгодное пространственное расположение, наличие крупных культурно-туристических объектов и развитой социальной инфраструктуры. Конкурентными чертами поселений районной периферии, по мнению их глав, являются благоприятная экологическая ситуация, богатые природные ресурсы, туристический потенциал, наличие базовой социальной инфраструктуры, большое количество пригодных для ведения сельского хозяйства земель, человеческий потенциал жителей.

Таблица 2. **Проблемы и преимущества социально-экономического развития поселений разных типов**

	Районные центры	Окружение райцентров	Районная периферия
Проблемы	Общие	Сокращение производств, приостановка деятельности лесозаготовителей вследствие ухудшения геополитической ситуации; естественная убыль и миграционный отток жителей (особенно молодежи)	
	Специфические	—	Плохое качество дорожной инфраструктуры; неразвитость культурно-досуговой и социальной инфраструктуры; отсутствие в муниципальном фонде благоустроенного жилья для приезжих специалистов; удаленное расположение*; транспортная труднодоступность*
Преимущества	Общие	—	Узкий спектр направлений хозяйственной деятельности; нехватка инициативных людей среди руководителей предприятий; недоиспользование потенциала земель сельхозназначения; упадок сельского хозяйства; асоциальный образ жизни местного населения
	Специфические	Более диверсифицированный производственный сектор, выгодное пространственное расположение, наличие крупных культурно-туристических объектов, а также развитой социальной инфраструктуры	Благоприятная экологическая ситуация, богатые природные ресурсы, туристический потенциал, наличие базовой социальной инфраструктуры, большое количество пригодных для ведения сельского хозяйства земель, человеческий потенциал жителей

* Для поселений окружения райцентров, наиболее удаленных от них.

Источник: составлено автором по результатам интервью с главами поселений.

Муниципальный рынок труда и структура занятости в контексте эпидемиологических и геополитических вызовов

Ситуацию на муниципальном рынке труда главы районных центров оценивают положительно, однако признают влияние на нее пандемии коронавирусной инфекции и ухудшения геополитической ситуации. Пандемия COVID-19 в 2020 г. привела к приостановке деятельности предприятий, особенно в сфере торговли, и, как следствие, росту безработицы, но в последующие годы ситуация стабилизировалась, показатели вернулись к допандемийному уровню. Ухудшение геополитической ситуации больше всего повлияло на лесную отрасль, мелкие предприятия которой не смогли приспособиться к резким изменениям и закрылись, в то время как крупным удалось переориентировать рынки сбыта на Восток.

На сегодняшний день ситуация на рынке труда более-менее стабильная. Конечно же, последние события — коронавирус и неблагоприятная геополитическая обстановка — очень повлияли. Когда была пандемия, численность безработных возросла. <...> Сейчас она стабилизировалась. <...> Но все-таки геополитическая обстановка повлияла на лесное хозяйство. <...> Это экономические причины — проблемы со сбытом продукции, рост цен на запчасти. Раньше лесники к нам вообще не обращались, а сейчас они отработали сезон, зиму, на лето идут к нам. Нет работы у них. (Глава районного центра № 1)

Пандемия коронавируса, естественно, сказалась. Многие предприятия не работали, многие, которые торговали с Западом, сейчас переориентировались на Восток. Это тоже существенно повлияло на доходы, кадровый состав. В переходный период крупные предприятия сумели переориентироваться. Если брать, например, лесозаготовку, лесопереработку, которая у нас широко развита, то мелкие предприятия закрылись в этот период. (Глава районного центра № 2)

Главы поселений окружения районных центров по-разному оценивают влияние пандемии и ухудшения геополитической ситуации на рынок труда. В одних случаях признается воздействие этих факторов, особенно второго, на отдельные отрасли хозяйственной деятельности (лесозаготовку и лесопереработку, музейное дело). Подчеркивается влияние мобилизации трудоспособных мужчин на СВО, в результате которой возникла нехватка работников на местных предприятиях, что негативно отразилось на их деятельности.

В целом сильного влияния эти два негативных фактора не оказали. Но есть отрасли, по которым действительно были определенные сокращения и миграция из одной отрасли в другую. Если сначала пандемия, то сейчас очень сильно чувствуется политическая ситуация. Это лесная и музейная отрасли, которые для нас самые большие работодатели. (Глава поселения № 3 окружения райцентров)

Пандемия немножко сказалась, были проблемы. И сказалась, конечно же, мобилизация, нескольких ребят у нас забрали. Из-за этого в этом году в некоторых населенных пунктах зиму переживали с ужасом, было некому работать. (Глава поселения № 4 окружения райцентров)

В других случаях главы поселений окружения райцентров заявляют об отсутствии влияния пандемии и ухудшения геополитической обстановки на занятость. Однако ими же признается существование других проблем, не связанных с событиями последних лет, в частности большого разрыва в уровне заработной платы сотрудников предприятий поселений, закрытия магазинов местных индивидуальных предпринимателей, не выдерживающих конкуренции с крупными сетевыми магазинами, кадрового «голода».

У нас были магазины, которыми занимались индивидуальные предприниматели. Есть те, кто занимаются грузоперевозками. Но теперь на территории есть сетевые магазины. Конечно же, мелким точкам их уже не перебить. <...> Просто людей не устраивает зарплата. <...> Самая высокая зарплата на птицефабрике сейчас 40 тысяч рублей. Люди уже хотят больше зарабатывать. Тем более это очень тяжелый труд. (Глава поселения № 1 окружения райцентров)

Только если «голод» кадровый. Кадров нет. Была бы рабочая сила, так дальше бы развивались. Тем более молодежь уезжает. <...> Как у нас было все хорошо, так и осталось. Пандемия и непандемия не внесли никакие изменения. (Глава поселения № 2 окружения райцентров)

Отдельно главы поселений окружения райцентров отмечают проблему несоответствия между запросами работодателей и ожиданиями потенциальных работников, что приводит к ситуации одновременной нехватки кадров при высоком предложении труда и сложностям во взаимодействии.

Это нехватка кадров на сельских территориях, хотя люди есть. С одной стороны, не хватает рабочих мест, но абсолютно все работодатели говорят, что им нужны кадры. При этом люди говорят, что работы нет. Есть несоответствие запросов работодателя и работника, ожидания работника, его компетенции не соответствуют требованиям работодателя. <...> К нашему предпринимателю по деревообработке ездят работники из районного центра, и одновременно работники таких же профессий, наоборот, ездят в районный центр. Где-то произошла заминка, они не смогли найти друг друга, договориться. (Глава поселения № 3 окружения райцентров)

Ситуация в сфере занятости районной периферии оценивается главами либо как стабильная, либо как сложная, при этом влияние пандемии чаще всего отрицается, а роль геополитической ситуации признается значимой (была приостановлена деятельность мелких предприятий лесной отрасли, сокращен их персонал).

Пандемия еще не так повлияла, но геополитическая ситуация — конечно. Лесозаготовки у нас сейчас стоят. <...> Нет сбыта продукции. Когда я у них спрашивала, что вроде как логистическую цепочку в Китай наладили, то они говорят, во-первых, это далеко, а во-вторых, у них нет выхода на эти страны, они мелкие предприятия. <...> У нас через центр поселения как раз идут все лесовозы, если раньше они без перерыва днем

и ночью ездили, то сейчас их очень мало. Даже по этому признаку уже можно сделать вывод, что отрасль в упадке. (Глава поселения № 5 районной периферии)

Несмотря на в целом благоприятные формальные показатели занятости в поселениях районной периферии, существует ряд проблем, не связанных напрямую с ухудшением геополитической ситуации. Главы поселений заявляют о нехватке рабочих мест, сложностях с трудоустройством отдельных категорий населения, низким уровне заработной платы и отсутствии социальных гарантий на частных предприятиях, низкой трудовой мотивации населения, оптимизации в бюджетной сфере.

Ситуация на рынке труда нормальная, по официальным цифрам безработных меньше 1%, но по факту их больше, многие не хотят работать или не могут. Есть вот даже женщины, которые не могут устроиться, несмотря на то что есть потребность в кадрах. (Глава поселения № 1 районной периферии)

Проблем много. Это и низкая заработная плата. Эти же предприниматели, организации, они стараются платить как можно меньше, у них нет никакого соцпакета. И работы не так много, выбор невелик. Но и трудоспособные жители не пытаются сильно работать. Они сидят на шее родителей-пенсионеров. (Глава поселения № 3 районной периферии)

В социальной сфере идут сокращения, потому что в школах мало детей и население сокращается. У нас на территории три библиотеки работают только три дня в неделю, почтовое отделение тоже переводят на неполную рабочую неделю. У нас три почтовых отделения: если раньше они работали по целому рабочему дню, то теперь переведены на сокращенный режим. Сейчас собираются закрывать два почтовых отделения. (Глава поселения № 5 районной периферии)

Уровень диверсификации производственного сектора снижается от районных центров и их окружения к районной периферии, что неизбежно отражается на структуре занятости населения. В райцентрах и поселениях их окружения работой обеспечивает широкий спектр предприятий — лесозаготовки и деревообработки, пищевой промышленности, сельского хозяйства (растениеводства и животноводства, в том числе переработки их продукции), торговли, транспорта, распределения газа, социальной сферы, культуры и туризма. В поселениях районной периферии разнообразие сфер хозяйственной деятельности и направлений приложения труда заметно сокращается. Чаще всего экономика таких поселений представлена лесной отраслью, сельским хозяйством, бюджетной сферой, сферой услуг и торговли. В некоторых случаях главами отмечаются изменения структуры занятости, связанные с сокращением в поселении числа индивидуальных предпринимателей и самозанятых. Кроме того, констатируется факт приостановки строительства новых предприятий под влиянием внешнеполитической ситуации.

Это железная дорога, компрессорная станция и леспромхоз. <...> Увеличилось количество сетевых магазинов, но в то же время это повлияло на частную торговлю в на-

шем городе. Допустим, раньше было райпо, а теперь оно закрылось. Сетевые магазины вытеснили частных. (Глава районного центра № 1)

Есть пилорама. <...> Есть теплосеть, пожарка, школа, больница, Дом культуры, Администрация. <...> Структура остается стабильной. (Глава поселения № 2 окружения райцентров)

Предприятия лесозаготовительные и социальная сфера, сфера услуг, торговля. <...> Магазинов становится меньше, в отдаленных деревнях они закрываются, переходят на выездную торговлю. (Глава поселения № 1 районной периферии)

Это лесная и лесоперерабатывающая отрасль. Сельскохозяйственная отрасль немного представлена. <...> Может, меньше частных осталось, которые работали сами на себя. Сейчас сложнее предпринимателям работать, тем более самозанятым. Думаю, они просто отошли от дел или перешли к кому-то работать. (Глава поселения № 3 районной периферии)

Рабочие места дает колхоз, у них порядка 25 человек вместе с сезонными. Потом у нас здесь работают и расширяют базу именно по углубленной переработке леса. Есть пилорамы. В районном центре леспромхоз. Они тоже завод собирались строить в районном центре. Сейчас в связи с геополитической ситуацией это пока приостановлено. (Глава поселения № 4 районной периферии)

В одном из поселений районной периферии наличие крупного градообразующего сельскохозяйственного предприятия (колхоза) обеспечивает стабильную структуру занятости, что положительно сказывается не только на развитии сферы занятости, но и поселения в целом.

У нас есть градообразующее предприятие — колхоз, который дает большую часть сельхозпродукции всего района. Это крупное предприятие на уровне области, оно практически по всем показателям входит как минимум в двадцатку. Соответственно, много людей занято там. <...> Также во втором по величине селе есть филиал второго крупного колхоза. Примерно так же они помогают трудоустроить людей. <...> Есть обрабатывающие производства и, естественно, так называемые бюджетники — учреждения культуры, образования, здравоохранения. (Глава поселения № 2 районной периферии)

Отдельно задавался вопрос о возможности развития удаленной занятости. В районных центрах и поселениях их окружения такие практики встречаются, но не массово, тогда как в поселениях районной периферии — крайне редко или вовсе отсутствуют. Этому препятствуют технические ограничения (проблемы со связью и интернет-соединением) и неготовность самого населения. По мнению опрошенных глав, для преодоления этих проблем необходимо как создавать новую цифровую инфраструктуру, так и совершенствовать имеющуюся. На периферии дополнительным барьером развития удаленных форм работы выступает недостаточная численность населения, его старение, отток молодежи.

Кто-то так работает, но единицы. Для удаленной занятости нужен хороший интернет. В самом районном центре все более-менее, но в селе есть проблемы. <...> Перебои связи и интернета бывают. Это решаемые проблемы: нужно построить дополнительные вышки, приемники. (Глава районного центра № 1)

Знаю несколько таких семей. Одна девушка вот уже несколько лет так работает на Северстали в области бухгалтерии. Есть молодой человек — специалист в области IT-технологий. Здесь многое зависит от качества связи, интернета. В центральных усадьбах она на достаточно хорошем уровне. (Глава поселения № 3 окружения райцентров)

Допустим, проведут интернет, молодежи-то вообще нет. Пожилые уже не будут срываться с места, чтобы искать какую-то работу. (Глава поселения № 4 окружения райцентров)

В очень малой степени это используется населением. <...> По «удаленке» у нас в основном работают более современные, молодые люди. (Глава поселения № 2 районной периферии)

У нас сотовая связь есть только в крупных населенных пунктах, в которых стоят вышки. <...> Кто-то бы, может, и хотел работать, но у нас нет такой возможности — связь плохая, неустойчивая. В отдаленных деревнях ее вообще нет. (Глава поселения № 5 районной периферии)

Влияние пространственного расположения поселения на развитие сферы занятости

Пространственное расположение поселений определяется разными условиями — наличием и качеством автомобильных дорог и железнодорожных путей, природно-географическими особенностями ландшафта (в том числе наличием естественных барьеров, например водоемов). Близость поселений к транспортным магистралям, позволяющая добираться до крупных городов Вологодской области, главы районных центров оценивают неоднозначно. С одной стороны, наличие развязок автомобильных и железных дорог напрямую определяет развитие таких поселений, поскольку обеспечивает «связанность» территорий. С другой стороны, удобное расположение способствует оттоку жителей в крупные города, в которых условия жизни более привлекательны, в том числе для трудоустройства. По мнению опрошенных глав, возможность свободной циркуляции населения между районными центрами и ближайшими крупными городами негативно сказывается на местных предприятиях торговли и сферы услуг, которые не всегда способны противостоять конкуренции торговых точек и сетевых магазинов в крупных городах.

У нас всю жизнь город стоял на дороге. С этого начал развиваться, потому что тут купцы в свое время останавливались. Сейчас мы стоим рядом с федеральной трассой. В принципе, это влияет. Железнодорожный узел у нас есть, это тоже влияет на развитие. Близость к областному центру влияет не то что негативно, но многие уезжают в Вологду работать и жить. Ну, и сфера услуг тоже. Например, если в Вологде очень много

торговых центров, то больше половины жителей поселения туда ездят закупать все. У нас из-за этого проблемы были у местных магазинов. (Глава районного центра № 2)

Среди глав поселений окружения райцентров также сложились полярные мнения относительно влияния расположения на сферу занятости, что во многом определяется разными инфраструктурными или природно-географическими условиями. Одни оценивают его как выгодное и подчеркивают его благоприятную роль в развитии занятости, что объясняют близостью поселения к автомобильным и железным дорогам, районным центрам, крупным городам и предприятиям на их территории, а следовательно, транспортной доступностью для жителей поселения мест потенциального приложения труда, объектов культуры и досуга.

У нас можно в любую сторону уехать — Москва, Питер. Мы находимся в середине. Я сейчас билеты купила онлайн, пришла в любое время на вокзал. <...> Можно поехать на машинах. Идет автодорога мимо центра поселения. И все деревни у нас на этой основной трассе. Сейчас еще четырехполосная дорога будет, тогда вообще хорошее сообщение. У нас есть водный транспорт, можно куда-то съездить на теплоходе прогулочном. (Глава поселения № 1 окружения райцентров)

Да, федеральная дорога очень важна. <...> Если взять немножко на север, буквально небольшое расстояние в 60 км <...> там красивейшие места [другое поселение, районная периферия], но 60 км — и все, там жизнь совсем другая. Мы находимся на федеральной трассе, близко к районному центру (15 минут на машине), час с лишним до областного центра, так же примерно до Череповца. (Глава поселения № 3 окружения райцентров)

Другие главы поселений окружения райцентров влияние пространственного расположения территории на сферу занятости, напротив, оценивают негативно, что связывается с физической труднодоступностью поселений. Например, из-за водных преград, ограничивающих возможность регулярного транспортного сообщения с остальной территорией района (округа).

Мы отделены от районной администрации, от центра. Находимся за рекой, сюда приезжаешь как на остров. <...> Расположение останавливает, отталкивает. Не каждый готов ездить на пароме каждый день. (Глава поселения № 2 окружения райцентров)

Экономических преимуществ у нас тоже нет, потому что мы расположены за рекой. То есть два раза в год — в периоды ледостава и ледохода — мы оказываемся оторванными. <...> Летом мы ездим на паромах, а зимой — по реке ледовой переправой. Часть поселения оторвана еще одной рекой. Там мы осуществляем лодочную переправу в летний период и межсезонье, а понтоны ставим силами Вологодавтодора. (Глава поселения № 4 окружения райцентров)

Главы поселений районной периферии чаще отрицательно характеризуют влияние расположения на занятость, объясняя это удаленностью территории от рай-

онных центров и крупных городов, федеральных трасс, слабо развитой дорожной инфраструктурой, что влечет за собой проблемы транспортной доступности и препятствуют развитию сфер хозяйственной деятельности, особенно сельского хозяйства и туризма.

Мы живем в «медвежьем углу», удаленная территория. Дороги у нас — главная проблема. Даже лесозаготовка лучше работает, когда зимой дорога накатана. Совершенно другое дело, когда люди живут на дороге, гораздо больше возможностей. (Глава поселения № 1 районной периферии)

Ситуация сложная, потому что населенный пункт и весь территориальный отдел находятся за двумя реками, то есть весна и осень — трудности с переправой. Из этого следуют трудности в развитии сельского хозяйства, туризма и т.д. Приходится переправляться лодочной переправой. <...> Потом мы ждем лета и ставим понтонную переправу. И так 20 лет. (Глава поселения № 4 районной периферии)

Однако некоторые главы поселений районной периферии, напротив, считают расположение их поселения относительно благоприятным для развития сферы занятости, что связывают с оптимальным пространственным размещением для возвратной миграции его жителей — трудовой или рекреационной. В первом случае население с определенной периодичностью выезжает на заработки в районный центр, не меняя место проживания, во втором случае жители посещают крупные города в культурно-досуговых целях, продолжая трудиться на территории поселения.

Мы от федеральной трассы в 23 км, если по асфальту ехать. У нас неплохое расположение, которое позволяет задерживать людей, они не могут работать в крупных городах — Вологде и Череповце, в районном центре и ездить домой, как из их пригородов. Они все равно здесь остаются. Но, с другой стороны, люди могут в выходной день без проблем съездить в магазин, в кино и т.д. Обеспечить себе досуг выходного дня. (Глава поселения № 2 районной периферии)

Миграция населения как проявление трансформации занятости по оси «центр — периферия»

Проблема оттока населения, особенно молодежи, присуща как районным центрам и поселениям их окружения, так и поселениям районной периферии. Ключевые причины этого явления опрошенные главы видят в *получении образования, поиске более высокооплачиваемой работы, невозможности трудоустройства по полученной профессии и низкой мотивации молодежи к тяжелому труду*. По мере удаления от районных центров спектр миграционных мотивов у молодежи расширяется: образовательные и трудовые мотивы дополняются неразвитостью социальной, культурно-досуговой, цифровой инфраструктуры в месте жительства, проблемой нехватки жилья.

Наверное, не очень хотят идти работать в машинисты. Это тяжелая работа. Конечно, молодежи хотелось бы сидеть в офисе за компьютером и еще получать большую зара-

ботную плату. <...> Хотят в большие города, где больше возможностей, планов, развлечений. Все равно здесь уровень не тот. (Глава районного центра № 1)

Мы проводили анализ, чтобы выяснить, почему у нас население уезжает. Пришли к выводу, что только одному из трех опрошенных не хватает заработной платы. Двое из трех сказали, что им не хватает инфраструктуры, средств для отдыха и развития, театров, спортивной инфраструктуры. В нашем случае зарплата оказалась не в приоритете. (Глава поселения № 3 окружения райцентров)

Молодежи практически нет, она уезжает, так как нет рабочих мест. <...> Мы же понимаем требования молодежи. Во-первых, развитая инфраструктура. А у нас в некоторых деревнях нет интернета, жилье неблагоустроенное и т. д. (Глава поселения № 4 окружения райцентров)

Причин отъезда молодежи несколько. Основная — молодежь, целенаправленно выбирающая направление учебного заведения (например, медицину), по распределению остается в районе. Но вряд ли в нашем поселении нужны специалисты такого уровня и узкого профиля. Много таких специальностей, связанных с металлом, обработкой и т. д. У нас нет соответствующих вакансий для трудоустройства выпускников. <...> Здесь профиль относительно узкий — лес, сельское хозяйство. (Глава поселения № 2 районной периферии)

Молодежь у нас за пределами работает — или в районном центре, или в Череповце, Вологде. <...> Негде жить. У нас в одном из населенных пунктов поселения требуется специалист, но, опять же, зарплата. Думаю, она там мизерная. <...> Кто поедет из молодежи? Из развлечений только на почту сходить три раза в неделю. (Глава поселения № 5 районной периферии)

Трудовая миграция становится неотъемлемым проявлением трансформации занятости в условиях действия центр-периферийного фактора. Отечественные исследования муниципальных районов Нечерноземья показали, что часть трудоспособного населения работает вахтовым методом в городах и других регионах, фактически не проживая на территории сельских районов. Процент такого населения варьирует в зависимости от особенностей географического положения и социально-экономической ситуации: от трети до половины трудоспособного населения [Аверкиева, 2013: 110]. Большинство опрошенных глав районных центров отмечают существование в их поселении практик вахтовой трудовой миграции, среди причин которых называют нехватку работы, низкую заработную плату и ее более высокий уровень в местах приложения труда, а также стремление населения к повышению уровня благосостояния.

Это распространено. Работают вахтой, уезжают на временные заработки. <...> На железной дороге нужно пройти медицинскую комиссию, но те, кто не могут там работать, уезжают вахтой и получают большую зарплату. На селе вообще работы сейчас нет. <...> Если уезжают, то либо снимают жилье, либо покупают его и там [в месте работы] остаются. (Глава районного центра № 1)

Есть такие. В основном на какие-то крупные стройки выезжают. Работают вахтовым методом, за «длинным рублем» ездят. Есть сезонные выезды, на летний период, где-то дома рубят. Там уже мелкие сплоченные бригады в районе Москвы. <...> У нас недостаточно высокая зарплата, если брать в сравнении с Москвой и Санкт-Петербургом. Поэтому они на вахту выезжают, месяца три работают, потом пару месяцев здесь живут. (Глава районного центра № 2)

Жители выезжают за пределы поселения не только на временные, но и на постоянные заработки, ключевая причина — отсутствие рабочих мест, низкий уровень заработной платы. (Глава районного центра № 3)

В большинстве поселений окружения районных центров возвратная трудовая миграция распространена широко. В части из них наиболее популярны маятниковые выезды на работу в районный центр или в ближайшие крупные города, тогда как в других — более длительные вахтовые трудовые миграции. Главным фактором обоих видов трудовых миграций, по мнению опрошенных глав, выступает более высокий уровень заработной платы в местах приложения труда.

У нас многие работают на Северстали, зарплата там выше. Многие ездят каждый день домой на машинах. До Череповца за полчаса можно доехать. <...> За пределы, конечно, выезжают. Есть те, кто вахтовым методом ездит, но их не особо много. (Глава поселения № 1 окружения райцентров)

Естественно, уровень зарплаты влияет. Где больше платят, туда люди и едут. Едут во все направления. <...> У нас районный центр рядом. В восемь утра уехали, рабочий день там и обратно. (Глава поселения № 2 окружения райцентров)

У нас очень сильно развит вахтовый метод. Люди, которые работоспособные, так уезжают. Тут на территории не заработаешь. Ездят на Север, в Москву, Подмосковье. <...> У нас самый северный населенный пункт [в пределах поселения] расположен рядом с железной дорогой, поэтому там есть миграция в Кировскую, Архангельскую области. <...> Есть те, кто возвращается, у кого семья здесь. Они съездили, поработали, вернулись, немного отдохнули, уехали. Но есть семьи, которые уехали вообще. (Глава поселения № 4 окружения райцентров)

В поселениях районной периферии встречаются практики вахтовой миграции, но уже не массово. Основные направления приложения вахтового труда — лесозаготовка, дорожное хозяйство, нефтеперерабатывающая промышленность. Жители поселений выезжают на заработки как в пределах области, так и в другие регионы. Однако наиболее распространен безвозвратный отъезд. Главной причиной и временных, и безвозвратных миграций служит большой уровень оплаты труда на принимающих территориях. Также в качестве значимых миграционных мотивов обозначались возможность применения навыков, невостребованных в своем поселении, поиск более комфортных условий для жизни семьи, в том числе более развитой социальной инфраструктуры.

Массово не распространены, но в летнее время уезжают — кто в Москву, кто в Вологду на заработки, к нам в лес ездят вахтой. Основная причина — это более высокие заработки. (Глава поселения № 1 районной периферии)

Есть определенный процент людей, которые выезжают на заработки. Основное направление — это вахтовым методом в лесозаготовку. <...> Есть несколько активных жителей, которые уезжают вахтовым методом, потому что могут заработать больше, чем здесь на месте. Это лесозаготовка. Плюс дорожная деятельность, строительство дорог. Это больше в Санкт-Петербург. Они занимаются на стройках, где могут получить больше денег либо применить свои знания, умения, которые здесь, в сельской местности, не востребованы. (Глава поселения № 2 районной периферии)

Конечно, выезжают. В основном трудоспособные, молодые. Здесь они редко появляются, прописаны у нас. <...> В основном пытаются податься куда-то ближе к Северу, в нефтеперерабатывающую отрасль, в более крупные лесные комплексы. Также работают у частников. <...> Основная причина — это более высокая оплата труда. (Глава поселения № 3 районной периферии)

У нас порядка 300 человек зарегистрировано, но работают они в основном в соседнем поселении, в районном центре и в Череповце. <...> Да, миграция есть. Кто-то уезжает с семьями. У нас несколько семей выехали, когда в 2015 году закрыли в средней школе 10-й и 11-й классы. (Глава поселения № 5 районной периферии)

Обсуждение результатов и выводы

По результатам анализа интервью с главами доказана взаимосвязь социально-экономического положения поселений, в том числе расположения по отношению к культурным и экономическим центрам, с развитием сферы занятости. По мере удаления от районных центров сужается спектр направлений хозяйственной деятельности, снижается социально-экономическое благополучие поселений и уровень развития транспортной, социальной и культурно-развлекательной инфраструктуры, что неизбежно сказывается на занятости населения, его миграционной активности и, как следствие, заселенности территорий.

Вместе с тем были обнаружены общие для всех типов поселений проблемы развития сферы занятости: приостановка деятельности самых мелких предприятий лесной отрасли и сокращение их персонала, нехватка рабочих мест, кадровый «голод», технические ограничения на пути развития удаленных форм занятости и неготовность населения к такому формату работы (см. табл. 3). В свою очередь для поселений окружения райцентров и районной периферии актуальным вызовом стало сокращение числа индивидуальных предпринимателей и самозанятых. Специфическими для поселений районной периферии являются проблемы трудоустройства отдельных категорий населения, низкого уровня заработной платы, отсутствия социальных гарантий на частных предприятиях, низкой трудовой мотивации населения, наличия дополнительных барьеров на пути развития удаленной занятости (недостаточной численности и старения населения, оттока молодежи).

Таблица 3. Состояние сферы занятости поселений разного типа во взаимосвязи с отдельными аспектами социально-экономического развития и ее ключевые проблемы

		Районные центры	Окружение райцентров	Районная периферия
Социально-экономические условия	Ухудшение геополитической ситуации	Нарушение каналов сбыта продукции и потеря прибыли предприятиями лесной отрасли привели к приостановке деятельности самых мелких из них и сокращению персонала		
		—	В результате мобилизации трудоспособных мужчин на СВО возникла нехватка работников на местных предприятиях	—
	Пандемия COVID-19	Влияние пандемии на занятость (рост численности безработных) было временным и оказалось не таким заметным, как ухудшение геополитической ситуации		
	Уровень диверсификации производств	Широкий спектр предприятий-работодателей обеспечивает более высокое предложение на рынке труда и более высокую занятость		Узкий спектр предприятий-работодателей приводит к суженному предложению на рынке труда
Пространственное расположение поселения	С одной стороны, обеспечивает развитие сферы занятости (транспортная доступность для жителей поселения мест приложения труда), с другой стороны, негативно влияет на нее — либо способствует оттоку трудоспособного населения в крупные города (в случае райцентров), либо вследствие удаленности препятствует развитию занятости (в случае удаленных поселений окружения райцентров)		Удаленность территории препятствует развитию сфер хозяйственной деятельности, особенно сельского хозяйства и туризма	
Трудовые миграции	Распространены возвратные вахтовые трудовые миграции, обеспечивающие занятость местных жителей с сохранением места жительства	Распространены возвратные маятниковые трудовые миграции, обеспечивающие занятость местных жителей с сохранением места жительства	Практики возвратной миграции встречаются редко. Наиболее распространен безвозвратный отъезд, что приводит к потере трудовых ресурсов	
Проблемы в сфере занятости	Нехватка рабочих мест, кадровый «голод», технические ограничения на пути развития удаленных форм занятости и неготовность населения к такому формату работы			
	—	Сокращение числа индивидуальных предпринимателей и самозанятых в поселении	Большой разрыв в уровне заработной платы работников предприятий, проблема несоответствия запросов работодателей и ожиданий потенциальных работников	Сложности с трудоустройством отдельных категорий населения, низкий уровень заработной платы, отсутствие социальных гарантий на частных предприятиях, сокращения в бюджетной сфере, низкая трудовая мотивация населения, дополнительные барьеры развития удаленной занятости (недостаточная численность, старение населения и отток молодежи)

Источник: составлено автором по результатам интервью.

Неоднозначность оценок влияния расположения поселения на развитие сферы занятости даже среди глав районных центров во многом связана с одновременным выполнением ролей «центра притяжения» людских ресурсов для поселений окружения, районной периферии и их «донора» для крупных городов области (Вологды и Череповца). С одной стороны, близость районных центров и поселений их окружения к автомагистралям и железным дорогам, крупным городам и предприятиям обеспечивает «связанность» территорий и высокую мобильность населения, что выражается в возвратных трудовых миграциях местных жителей. С другой стороны, налаженное сообщение с крупными городами, более конкурентными с точки зрения уровня и качества жизни, возможностей трудоустройства, приводит к миграционному оттоку населения. В поселениях районной периферии ситуация усугубляется физической труднодоступностью и неразвитостью дорожной инфраструктуры, что негативно отражается на развитии занятости и местного рынка труда.

Возвратная трудовая миграция распространена в райцентрах и поселениях их окружения и обеспечивает занятость местного населения с сохранением места проживания. Для жителей первых особое значение приобретают вахтовые трудовые миграции, для населения вторых — маятниковые, что обусловлено недостаточным уровнем заработной платы и нехваткой работы в месте жительства. В населенных пунктах районной периферии значительно возрастает риск трансформации временных трудовых миграций в безвозвратные.

В ходе проведенного исследования была подтверждена гипотеза о снижении возможностей в части приложения труда и реализации трудового потенциала, нарастании спектра проблем в сфере занятости по оси «центр — периферия» (от районных центров к их окружению и районной периферии). Однако нерешенность сходных для всех типов поселений социально-экономических проблем (сокращение производств, приостановка деятельности лесозаготовителей, естественная убыль и миграционный отток жителей) наряду с выявленными пространственными диспропорциями актуализирует поиск направлений регулирования сферы занятости с учетом ее общих и специфических особенностей.

Список литературы (References)

1. Аверкиева К. В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. 2013. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М.: ИД «Кодекс». С. 108—125.
Averkieva K. V. (2013) Rural Non-chernozem: Depopulation and Possible Ways of Adaptation to New Conditions. In: *Problems of Geography. Vol. 135: Geography of Population and Social Geography*. Moscow: Codex Publishing House. P. 108—125. (In Russ.)
2. Ворошилов Н. В. Критерии выделения сельских агломераций и механизм управления их развитием // Развитие территорий. 2022. № 1. С. 51—58.
<https://doi.org/10.32324/2412-8945-2022-1-51-58>.

- Voroshilov N. V. (2022) Criteria for Selecting Rural Agglomerations and the Mechanism for Their Development Management. *Territory Development*. Vol. 27. No. 1. P. 51—58. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2022-1-51-58>. (In Russ.)
3. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. П. П. Поляна, Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша. М.: ОГИ, 2001.
Polyan P. P., Nefedova T. G., Travish A. I. (eds.) (2001) *The Town and The Country in European Russia: One Hundred Years of Changes*. Moscow: United Humanitarian Publishing House. (In Russ.)
 4. Горшков М. К., Ильин В. А. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений). Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015.
Gorshkov M. K., Ilyin V. A. (2015) *Russian Society: Transformations in Regional Discourse (Results of 20-year Measurements)*. Vologda: ISERT RAS. (In Russ.)
 5. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
Gritsai O. V., Ioffe G. V., Treivish A. I. (1991) *Centre and Periphery in Regional Development*. Moscow: Science. (In Russ.)
 6. Егоров Д. О. Пространственное сжатие и поляризация сельского пространства Республики Татарстан на фоне депопуляции населения // Региональные исследования. 2020. № 4. С. 32—45. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-4-3>.
Egorov D. O. (2020) Spatial Shrinking and Polarization of Rural Space in the Republic of Tatarstan in the Context of Population Depopulation. *Regional'nye Issledovaniya*. No. 4. P. 32—45. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-4-3>. (In Russ.)
 7. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57—70. <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7>
Zubarevich N. V. (2019) Inequality of Regions and Large Cities of Russia: What Was Changed in the 2010s? *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. No 4. P. 57—70. <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7>. (In Russ.)
 8. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., Независимый институт социальной политики, 2010.
Zubarevich N. V. (2010) *Regions of Russia. Inequality, Crisis, Modernization*. Moscow: Independent Institute for Social Policy. (In Russ.)
 9. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989—2010 гг.): центр-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 82—107.
Karachurina L. B., Mkrтчyan N. V. (2013) Change of Population Numbers in Administrative Units and Cities of Russia (1989—2010): Centre-periphery Relationships. In: *Problems of Geography. Vol. 135: Geography of Population and Social Geography*. Moscow: Kodeks Publishing House. P. 82—107. (In Russ.)

10. Кожевников С. А. Агломерационные процессы на Европейском Севере России: опыт Вологодской области // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 718—741. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741>.
Kozhevnikov S. A. (2018) Agglomeration Processes in the European North of Russia: Experience of the Vologda Region. *Regionology*. Vol. 26. No. 4. P. 718—741. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741>. (In Russ.)
11. Короленко А. В. Трансформация системы расселения и ее демографические проявления: опыт исследования на региональном и муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 2. С. 127—148. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.7>.
Korolenko A. V. (2023) Transformation of the Resettlement System and Its Demographic Manifestations: Research Experience at the Regional and Municipal Levels. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 16. No. 2. P. 127—148. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.7>. (In Russ.)
12. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016.
Nefedova T. G., Averkieva K. V., Makhrova A. G. (eds.) (2016) *Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia*. Moscow: New Chronograph Publishing House. (In Russ.)
13. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
Nefedova T. G. (2003) *Rural Russia at the Crossroads. Geographical Essays*. Moscow: New Publishing House. (In Russ.)
14. Нефедова Т. Г., Глезер О. Б. Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2020. С. 214—251.
Nefedova T. G., Glezer O. B. (2020) Transformation of Russia's Social-Geographical Space. In: *Challenges and Policy of Russia's Spatial Development in the 21st Century*. Moscow: KMK Publishing House. P. 214—251. (In Russ.)
15. Попов А. В. Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр-периферия» в модельном регионе России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 4. С. 515—528. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528.
Popov A. V. (2023) Problems and Prospects for the Development of the Employment Sphere Along the “Center-Periphery” Axis in the Model Region of Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. Vol. 19. No. 4. P. 515—528. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528. (In Russ.)
16. Прусихин О. Е., Крутов О. Д., Воробьев М. И., Локтионов К. С., Веприцкий А. А., Алексеев А. И. Полимасштабная типология сельской местности в условиях

- постсоветских трансформаций (на примере Тамбовской области) // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 2. С. 64—103. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-2-64-103>.
- Prusikhin O. E., Krutov O. D., Vorobiev M. I., Loktionov K. S., Vepriytsky A. A., Alekseev A. I. (2023) A Multi-Scale Typology of Rural Areas Under the Post-soviet Transformations (On the Example of the Tambov Region). *The Russian Peasant Studies*. Vol. 8. No. 2. P. 64—103. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-2-64-103>. (In Russ.)
17. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / сост. и науч. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А. В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021.
Nefedova T. G., Starikov A. V. (eds.) (2021) Old-developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporaneity. Moscow: Association of Scientific Publications of the KMK. (In Russ.)
18. Федоров Г. М., Киндер С., Кузнецова Т. Ю. О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 4. С. 129—146. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>.
Fedorov G. M., Kinder S., Kuznetsova T. Yu. (2021) The Effect of Geographical Position and Employment Fluctuations on Rural Settlement Trends. *Baltic Region*. Vol. 13. No. 4. P. 129—146. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>. (In Russ.)
19. Bi L., Fan Y., Gao M., Lin C. L., Yin G. (2019) Spatial Mismatch, Enclave Effects and Employment Outcomes for Rural Migrant Workers: Empirical Evidence from Yunnan Province, China. *Habitat International*. Vol. 86. P. 48—60. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2019.02.008>.
20. Carson D. A., Carson D. B., Argent N. (2022) Cities, Hinterlands and Disconnect-ed Urban-Rural Development: Perspectives from Sparsely Populated Areas. *Journal of Rural Studies*. Vol. 93. P. 104—111. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.05.012>.
21. Friedmann J. (1966) Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Boston: the Massachusetts Institute of Technology (MIT).
22. Heider B., Siedentop S. (2020) Employment Suburbanization in the 21st Century: A Comparison of German and Us City Regions. *Cities*. Vol. 104. Art. 102802. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102802>.
23. Martin R., Tyler P., Storper M., Evenhuis E., Glasmeier A. (2018) Globalization at a Critical Conjuncture? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 11. No. 1. P. 3—16. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy002>.
24. Martinez-Fernandez C., Weyman T., Fol S., Audirac I., Cunningham-Sabot E., Wiechmann T., Yahagi H. (2016) Shrinking Cities in Australia, Japan, Europe and the USA:

From a Global Process to Local Policy Responses. *Progress in Planning*. Vol. 105. P. 1—48. <https://doi.org/10.1016/j.progress.2014.10.001>.

25. Moretti E. (2012) *The New Geography of Jobs*. New York, NY: Houghton Mifflin Harcourt.
26. Rajendran L. P., Raúl L., Chen M., Guerrero Andrade J. C., Akhtar R., Mngumi L. E., Chander S., Srinivas S., Roy M. R. (2024) The 'Peri-Urban Turn': A Systems Thinking Approach for a Paradigm Shift in Reconceptualising Urban-Rural Futures in the Global South. *Habitat International*. Vol. 146. Art. 103041. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2024.103041>.

Приложение

Список информантов — глав сельских и городских поселений Вологодской области

№	Тип поселения	Поселение №	Пол	Должность	Стаж
1	Районный центр	1	Муж	Глава городского поселения	Более 5 лет (5,5 года)
2	Районный центр	2	Муж	Глава городского поселения	До 5 лет (3 года)
3	Районный центр	3	Муж	Глава городского поселения	До 5 лет (до 1 года)
4	Окружение районных центров	1	Жен	Глава сельского поселения	Более 5 лет (5,5 года)
5	Окружение районных центров	2	Муж	Глава городского поселения	Более 5 лет (6 лет)
6	Окружение районных центров	3	Муж	Глава сельского поселения	Более 5 лет (10 лет)
7	Окружение районных центров	4	Жен	Глава сельского поселения	Более 5 лет (6 лет)
8	Районная периферия	1	Муж	Глава сельского поселения	Более 10 лет (15 лет)
9	Районная периферия	2	Муж	Глава сельского поселения	До 5 лет (4 года)
10	Районная периферия	3	Муж	Глава сельского поселения	Более 10 лет (14 лет)
11	Районная периферия	4	Муж	Глава сельского поселения	До 10 лет (9,5 лет)
12	Районная периферия	5	Жен	Глава сельского поселения	Более 25 лет (26 лет)

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): январь — февраль 2025 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 155—167.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): January — February 2025. (2025) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 155–167.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 2025

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НОВОГОДНИЕ РАСХОДЫ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ	156
РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?.....	157
ИНЖЕНЕРЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?	159

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ФАСТФУД В РОССИИ: БЫСТРО И ТОЧКА.....	161
НАШИ СТЕРЕОТИПЫ О ЖЕНСКОМ ЛИДЕРСТВЕ	164
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ.....	166

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НОВОГОДНИЕ РАСХОДЫ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ	156
РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?.....	157
ИНЖЕНЕРЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?	159

НОВОГОДНИЕ РАСХОДЫ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ*10 января 2025 г.*

В этом году ожидания и реальность, связанные с новогодними тратами, у россиян совпали: перерасход бюджета составил всего 3%. В общей сложности на новогодний стол, досуг и подарки наши сограждане в среднем потратили рекордные 64 439 руб. при планируемых тратах в 62 655 руб. В прошлые замеры перерасход бюджета был гораздо более ощутим. Например, в 2008—2013 гг. он варьировался от 11 до 22%, в 2020—2022 гг. — от 23 до 31%. Лишь единожды за время наблюдений россиянам удавалось «выйти в ноль» (в 2007 г. перерасход был равен нулю) и сэкономить (в 2018 г. фактические траты на 1% уступили планируемому). Таким образом, несмотря на то что новогодние траты сложно поддаются прогнозированию, в этом году россияне почти уложились в бюджет, повторив успех 2023 г. (2%).

Вопреки ожиданиям самих россиян, основной статьёй расходов в этом году стали подарки родным и близким (29 868 руб.). Следом идет праздничный досуг (елки для детей, посещение театров, ресторанов и др.) (22 327 руб.) и с большим отрывом от двух упомянутых категорий трат — новогодний стол (12 244 руб.). Если на еду и развлекательной программе россияне сэкономили, потратив меньше запланированного на праздничный стол (892 руб.) и досуг (4 209 руб.), то на подарки, напротив, были вынуждены направить больше средств: превышение фактических расходов над запланированными по ним в среднем составило 6 885 руб.

Новогодний стол и подарки можно считать более универсальными категориями трат в сравнении с досугом: расходы по ним назвали подавляющее большинство наших сограждан (75% и 76% соответственно), тогда как на развлечения в этом году потратились 48%, или каждый второй, примерно столько же опрошенных ответили, что расходов такого рода им удалось избежать (44%).

По традиции большая часть новогодних трат легла на мужские плечи: подготовка к 2025 г. мужчинам в среднем обошлась в 83 450 руб., женщинам — в 48 731 руб. Наибольший разрыв в «мужских» и «женских» тратах пришелся на новогодние подарки — мужчины оказались чуть ли не в 2,5 раза щедрее (43 121 руб. vs. 18 958 руб.).

РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?*12 января 2025 г.*

Как показал январский замер ВЦИОМ, студенчество и студенты вызывают у россиян преимущественно позитивные ассоциации. В 24 % случаев речь идет о прекрасной, беззаботной поре, веселой жизни, золотых годах юности и радости. Почти столько же (23 %) набирают новые горизонты развития — возможности, перспективы, будущее и движение вперед. Еще 23 % ответов касаются всего, что связано с образовательным процессом, это обучение, институт, сессия, экзамены, общежитие, профессия.

Каждый шестой россиянин при упоминании студентов и студенчества думает о молодом поколении, молодости и юности (18 %), некоторые вспоминают свою студенческую молодость (4 %), думают о детях и внуках (2 %), еще 3 % связывают студенчество с новыми связями, как дружескими, так и любовными. Впрочем, для части наших сограждан студенческая пора несет негативные коннотации: сложный, тяжелый период, страх и бессонные ночи, разочарование и потерянное время, а также низкий уровень образования (13 %).

В общей сложности содержательный ответ на этот вопрос смогли дать 74 %; 11 % признались, что у них нет никаких ассоциаций со студентами и студенчеством, а 15 % затруднились назвать таковые. Однако в целом студенчество у большинства россиян ассоциируется со временем возможностей, перспектив и развития.

40 % россиян сегодня уверены, что материальное положение студентов за последние 15—20 лет стало лучше, это максимум за все время измерений с 2006 г., когда показатель был в два раза ниже (2006, 2011 гг. — по 20 %). При этом наибольший оптимизм демонстрируют зумеры и миллениалы, то есть те, кто или сам является студентом, или был им совсем недавно (43—46 %). Одновременно с этим сокращается доля тех, кто, напротив, замечает ухудшение ситуации: с 53 % в 2006 г. до 20 % в текущем замере. Еще 15 % в наши дни считают, что за последние 15—20 лет ничего не поменялось. Такие данные в целом могут свидетельствовать о реальных изменениях в жизни студентов и о более доступных возможностях для заработка.

Положительная динамика наблюдается и в оценках того, как в последние 15—20 лет изменился кругозор студентов, их общий культурный уровень. С 2011 г. показатель рос и достиг максимума в текущем замере: сегодня 38 % россиян отмечают, что кругозор и общий культурный уровень студентов изменились в лучшую сторону (+19 п. п. к 2011 г.). Обратного мнения придерживаются 27 % (–16 п. п. к 2011 г.), а 14 % полагают, что ничего не изменилось. Чаще других положительные оценки на этот вопрос дают зумеры и миллениалы (по 43 %), а также граждане с образованием на уровне полного среднего и среднего специального (42—43 %). А вот аудитория с высшим и незаконченным высшим образованием, напротив, оказалась скептичнее: более трети (36 %) замечают, что кругозор студентов стал беднее.

Заметно оптимистичнее россияне стали оценивать и возможности найти высокооплачиваемую работу молодым специалистам. Значительная часть опрошенных (37 %) полагают, что в наши дни это сделать легче, чем 15—20 лет назад. В предыдущие замеры (2006, 2011, 2013, 2015 и 2017 гг.) показатель был ниже в два-пять раз (7—18 %). Соответственно, сократилась доля тех, кто видит ухудше-

ние ситуации: с 64—65 % в 2006 г. и 2011 г. до 26 % в текущем периоде. При этом сами «сегодняшние студенты» еще чаще подтверждают, что высокооплачиваемую работу найти легче, чем раньше (47 % среди зумеров). Не замечают каких-либо изменений 19 % россиян.

Если, по мнению россиян, современные студенты стали более обеспеченными, то с уровнем их профессиональной подготовки все обстоит не так гладко. Наши сограждане чаще склоняются к тому, что за последние полтора-два десятилетия студенты стали менее компетентны (39 %). Это максимум с 2013 г. (2013 г. — 31 %, 2015 г. — 28 %, 2017 г. — 33 %), но ниже, чем в 2011 г. (44 %). Об улучшении ситуации говорит четверть опрошенных (25 %), в сравнении с 2015—2017 гг. динамика отрицательная (тогда так считали по 29 %).

В большей степени в высокий уровень подготовки студентов верят зумеры, то есть «сегодняшние студенты» (37 %). Показатель выше и среди граждан со средним специальным образованием (33 % vs. 25 % среди всех россиян), чего нельзя сказать о тех, кто имеет высшее или незаконченное высшее образование: в этой группе почти каждый второй (48 % vs. 39 % среди всех россиян) говорит об ухудшении ситуации.

Рис. 1. Если сравнить сегодняшний день с тем, что было 15—20 лет назад, то в какую сторону, по Вашему мнению, произошли изменения... (закрытые вопросы, один ответ, % от всех опрошенных)

ИНЖЕНЕРЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?

5 февраля 2025 г.

По мере развития технологий и модернизации производств предприятия стали остро ощущать нехватку и/или низкое качество подготовки специалистов. Тактика невмешательства грозила серьезным технологическим провалом, поэтому государство стало предпринимать меры по повышению привлекательности технических специальностей. Сегодня мы видим, что престиж профессии инженера неустойчив: после роста в прошлом году показатель снизился на уровень 2023 г. Молодежь в возрасте до 24 лет по-прежнему наиболее высоко оценивает престиж профессии, однако и эта доля уменьшается. Казалось бы, как минимум в последние пять лет иницируются и реализуются финансовые меры поддержки (гранты, стипендии), ведется информационно-популяризаторская работа по повышению интереса к техническим специальностям, налаживается сотрудничество учебных заведений и предприятий, которое обогащает процесс обучения практикой, критически важной для работодателя. Однако этого все еще недостаточно. Повышение оплаты и создание благоприятных условий труда, а также усиление подготовки (включая профориентацию) — главные стимулирующие меры повышения интереса к инженерным профессиям по мнению как молодежи, так и старших поколений. Наиболее ярким маркером престижа профессии инженера является именно высокий уровень заработной платы: подавляющее большинство россиян среди считающих работу инженера высокооплачиваемой говорят о ее престижности (85%), а более половины — о желании получить инженерную профессию, если бы сейчас был такой профессиональный выбор (58%). Антимаркер престижа — некомфортные условия труда.

Рис. 2. Существуют разные представления о профессии инженера. Сейчас я зачитаю некоторые из них. Если Вы с каким-то согласны — говорите (закрытый вопрос, любое число ответов, % согласившихся с утверждением от всех опрошенных)

69% молодежи 18—35 лет считают профессию инженера престижной, при этом декларируют потенциальный (проективный) интерес к освоению инженерной специальности 46%. Неготовность выбирать инженерные профессии обосновывается не только непривлекательными оплатой и условиями труда, немаловажную роль играют все еще существующие гендерные стереотипы, а также представления об инженерии как о непосильной науке, требующей, с одной стороны, глубоких знаний, а с другой — таланта. Кроме того, несмотря на то что молодежь считает работу инженера интересной, престижной, востребованной, рынок труда предлагает другие не менее привлекательные альтернативы с более стремительным карьерным ростом и высоким уровнем стартовой заработной платы. Сам по себе престиж оказывается беспомощным перед силой обозначенных барьеров, без устранения которых в будущем станет невозможно обеспечить «инженерный тыл» для успешной конкуренции в технологической гонке.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ФАСТФУД В РОССИИ: БЫСТРО И ТОЧКА.....	161
НАШИ СТЕРЕОТИПЫ О ЖЕНСКОМ ЛИДЕРСТВЕ	164
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ.....	166

ФАСТФУД В РОССИИ: БЫСТРО И ТОЧКА

20 января 2025 г.

В последние 15 лет фастфуд уверенно завоевывал российское общество, активно интегрируясь в привычную жизнь: сегодня 78 % россиян говорят, что в их населенном пункте есть заведения быстрого питания, в 2010 г. таковых было заметно меньше (50 %). В том числе значительно увеличилось число тех, кто говорит о большом количестве заведений фастфуда в своем населенном пункте: с 30 % в 2010 г. до 50 % в 2025 г. Еще 24 % отметили, что таких заведений немного (+8 п. п. к 2010 г.). Только 15 % опрошенных указали, что в их городе, селе нет ничего подобного (–24 п. п. к 2010 г.).

Главный фактор распространения заведений фастфуда — урбанизированность; чем больше размер населенного пункта, тем больше там заведений быстрого питания. В мегаполисах (обе столицы и миллионники) о большом количестве таких точек питания заявили 86—89 %, тогда как в сельских территориях — только 17 %. На осведомленность, по-видимому, влияет и возраст. Среди зумеров и младших миллениалов говорят, что в их населенном пункте есть много мест, где можно перекусить фастфудом, 66 и 78 % соответственно. Этот показатель среди представителей старших поколений ощутимо ниже (34 и 26 % в поколениях застоя и оттепели соответственно).

С ростом числа заведений фастфуда растет и их посещаемость. Сегодня шесть из десяти россиян (62 %) с разной периодичностью бывают в таких местах, за 15 лет показатель вырос двукратно (2010 г. — 30 %). При этом только за последние три года рост составил 12 п. п., а значит, тренд не угасает. Треть россиян посещают заведения быстрого питания не чаще раза в месяц (35 %, +21 п. п. к 2010 г. и +7 п. п. к 2022 г.), еще 14 % бывали там 1—2 раза, а 13 % бывают раз в неделю и чаще (+8 п. п. к 2010 г.).

Аудитория фастфуд-заведений представлена преимущественно молодыми россиянами, среди зумеров и младших миллениалов еженедельно посещают их почти треть (30—32 %). Гораздо чаще здесь можно встретить граждан с хорошим материальным положением (22 % еженедельных посетителей vs. 9 % в группе с плохим материальным положением) и жителей мегаполисов (22—26 % еженедельных посетителей). С возрастом растет доля россиян, которые никогда не бывали в точках быстрого питания (77 % в поколении оттепели vs. 8 % среди зумеров). Показатель также увеличивается по мере снижения численности населенного пункта (среди сельчан никогда не были в заведениях фастфуда 49 %, среди жителей мегаполисов — 23—26 %). Чем больше в населенном пункте заведений фастфуда, тем выше их посещаемость. Среди тех, у кого поблизости много точек

быстрого питания, 22 % заходят в них раз в неделю и чаще (vs. 13 % среди всех россиян).

Почему же россияне любят заведения фастфуда? Во-первых, это быстро и удобно (в сумме 79 % ответов). Этот определяющий фактор: фастфуд экономит время (40 %), особенно когда лень или некогда готовить (13 %) или ты находишься в дороге, далеко от дома (9 %), на работе (3 %) или нужно быстро перекусить (6 %), поесть фастфуд — это довольно простой вариант (8 %).

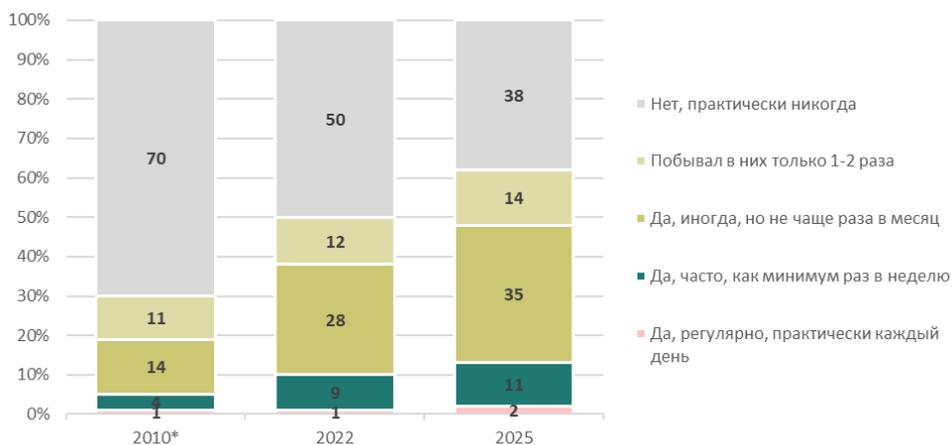
Второй фактор выбора — вкус и качество (в сумме 29 % ответов). Посетители заведений фастфуда отмечали, что еда там вкусная (16 %), качественная (4 %), сытная и с большим выбором блюд (4 %), к тому же иногда попросту хочется вредной еды (5 %).

Для части посетителей заведения фастфуда — возможность приятно провести время с близкими, сменить обстановку (в сумме 16 % ответов). Так, 7 % ходят туда с детьми, внуками, 4 % — с друзьями или на праздники, 3 % — из интереса, развеяться, а 2 % идут за хорошим обслуживанием и сервисом.

Ценовой фактор (11 %) звучит в ответах реже, доступность быстрого питания оказалась не так важна для посетителей. Это же касается и территориальной доступности (в сумме 10 % ответов).

Быстрота, удобство и вкус — доминирующие мотивы выбора заведений фастфуда во всех возрастных группах. Но молодежь заметно чаще говорит об экономии времени (53 и 63 % среди зумеров и младших миллениалов соответственно) и о том, что лень готовить (21 и 19 % соответственно). Мужчины чаще выбирают фастфуд-заведения из-за экономии времени (45 vs. 36 % женщин), а женщины — потому что лень готовить (16 vs. 8 % среди мужчин).

Рис. 1. Бывает ли, что Вы питаетесь в заведениях быстрого питания, так называемых фастфудах, где можно быстро поесть буквально за 10—15 минут, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

* До 2017 г. опросы проводились методом поквартирных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1600 респондентов.

Не посещают заведения фастфуда чаще те, кто предпочитают домашнюю еду, а «быстрая» еда им попросту не нравится (46%). Немаловажным оказался и фактор здорового питания: часть респондентов в этой группе отметили, что фастфуд — вредная еда, им предпочтительнее здоровое питание (20%). Довольно часто в ответах речь шла о недоверии точкам быстрого питания и качеству приготовленных там блюд (18%). Еще 12% сообщили, что им неинтересно такое питание. То есть отказ от фастфуда — это преимущественно сознательный выбор в пользу домашнего или здорового питания. Другие причины, такие как отсутствие по месту жительства точек фастфуда (15%), высокая стоимость (10%) и невозможность их посещения в силу возраста или по состоянию здоровья (9%), звучат в ответах заметно реже.

НАШИ СТЕРЕОТИПЫ О ЖЕНСКОМ ЛИДЕРСТВЕ

2 февраля 2025 г.

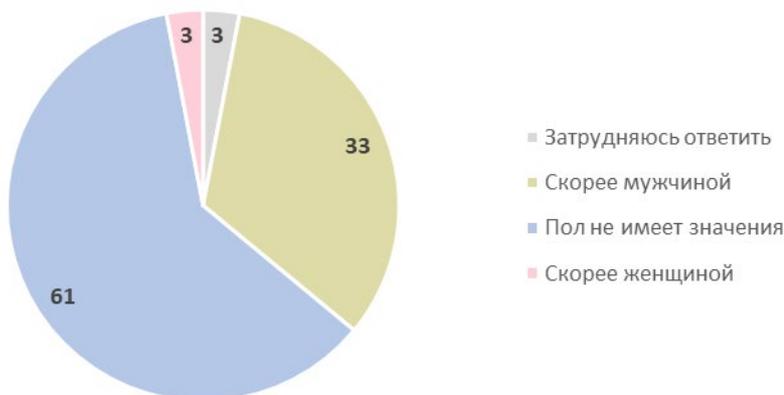
Российское общество продолжает связывать лидерство с мужчинами. Такой взгляд характерен для представителей обоих полов: убежденность в том, что лидером может быть только мужчина, демонстрирует удивительную устойчивость, хотя за последний век было предпринято немало усилий для «уравнивания» возможностей мужчин и женщин. Мы полагаем, что это объясняется двумя стереотипами.

Стереотип об исключительной роли мужчины как лидера строится на характеристиках, которые обычно приписываются мужчине. Например, россияне говорят, что мужчины обладают соответствующими природными качествами — решительностью, активностью, силой воли, физическим превосходством. Часто люди приводят аргумент об «эволюционной роли мужчины». Женщин-лидеров поддерживает менее десятой части опрошенных, причем их позиция строится исключительно на личностных женских качествах, таких как ответственность, ум, моральная стойкость и прочее.

Стереотип о «традиционно женских» отраслях, в которых в качестве исключения россияне допускают лидерство женщин, таких как образование и медицина, потому что они связаны с заботой, взаимодействием и обслуживанием. По сути, мы видим трансляцию роли женщины в семье на роль женщины в обществе в целом. Напротив, управление, технологии, инженерия и наука в числе «женских» сфер не упоминаются, что крайне несправедливо: мы знаем и прямо сейчас наблюдаем множество примеров, когда женщины добивались и добиваются огромных успехов в этих направлениях.

Но среди молодежи, особенно у зумеров и младших миллениалов, наблюдаются другие тенденции: для них пол руководителя особо не важен. Это поколение выросло в среде, где вопросы гендерного равенства обсуждаются открыто, а примеры женщин-лидеров становятся более заметными.

Рис. 2. Если говорить в целом, то Вы бы предпочли, чтобы Ваш руководитель был мужчиной, женщиной или пол не имеет значения? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

При этом в целом лидерство в России остается зоной значительных предубеждений, которые ограничивают возможности женщин в карьере. Важно, что сами женщины нередко поддерживают их, что только закрепляет представление о «женских» и «мужских» профессиях в обществе. Разрушение стереотипов и популяризация женского лидерства — ключ к формированию более справедливого и разнообразного профессионального пространства.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ

9 февраля 2025 г.

Продление продовольственного эмбарго актуализировало тему гастрономического патриотизма и создало основу для дальнейшего продвижения на отечественном рынке продукции с маркировкой «Сделано в России». Как показывают результаты свежего опроса ВЦИОМ, несмотря на почти двукратный рост числа «потребителей-космополитов», для которых страна происхождения продукции не имеет значения, в обществе сохраняется лояльность к отечественному производителю. Как и 30 лет назад, при одинаковой цене большая часть наших сограждан отдадут предпочтение более знакомым и понятным продуктам питания российского производства, и лишь немногие выберут импортную продукцию.

В большей степени проявление продуктового патриотизма характерно для старших поколений, что может быть следствием устойчивых потребительских привычек, сформированных в условиях ограниченного выбора в советскую эпоху, а также представлениями о качестве «той самой» продукции, секреты производства которой доступны только «нашим». Зумеры, рожденные в эпоху продуктового изобилия, к стране происхождения продуктов скорее равнодушны.

Рис. 3. Если бы Вы выбирали между двумя продуктами, имеющими одинаковую цену, один отечественного, другой зарубежного производства, какой из них Вы бы выбрали? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Примечательно, что приверженность отечественной продукции сохраняется на фоне нивелирования представлений о превосходящем качестве отечественной или, наоборот, зарубежной продукции. Если вплоть до введения продовольственного эмбарго в 2014 г. в обществе доминировало мнение, что отечественные продукты питания качественнее импортных, то начиная с 2015 г. все чаще звучит мнение о сопоставимом качестве — за последние 30 лет сторонников этой точки зрения стало почти вдвое больше. Утратили российские потребители и иллюзии

в отношении другого важного критерия выбора продуктов питания: по оценкам опрошенных, сегодня отечественная продукция как минимум не уступает в цене зарубежной, тогда как в 1990-е она считалась более доступной. Выросла за эти годы и неопределенность в ответах на вопрос о стоимости отечественного и импортного: сравнить ее современным потребителям стало гораздо сложнее, что отчасти обусловлено стиранием между ними границ.

Результаты исследования свидетельствуют, что качество и стоимость остаются важными, но не единственными критериями потребительского выбора. Существуют и другие, неочевидные и трудно фиксируемые факторы, например, идеологические и культурные, в том числе мода. Такова особая позиция белорусских продуктов на российском рынке, мода на российские вина или «дубайский» шоколад.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2582](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2582)

А. Г. Санина, А. М. Семенова, Е. М. Стырин, А. Г. Атаева

ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА ДАТАЦЕНТРИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Правильная ссылка на статью:

Санина А. Г., Семенова А. М., Стырин Е. М., Атаева А. Г. Цифровое доверие как основа датацентричного управления: результаты опросного эксперимента // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 168—194. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2582>.

For citation:

Sanina A. G., Semenova A. M., Styurin E. M., Ataeva A. G. (2025) Digital Trust as a Basis for Data-centric Governance: Results of a Survey Experiment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 168–194. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2582>. (In Russ.)

Получено: 11.03.2024. Принято к публикации: 10.12.2024.

ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА ДАТА-
ЦЕНТРИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: РЕЗУЛЬТА-
ТЫ ОПРОСНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

САНИНА Анна Георгиевна — кандидат социологических наук, доцент департамента государственного администрирования, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: asanina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9635-0280>

СЕМЕНОВА Анна Михайловна — аспирант факультета компьютерных наук, младший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: am.semenova@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0001-3705-1827>

СТЫРИН Евгений Михайлович — кандидат социологических наук, доцент департамента политики и управления, заведующий Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: estyryn@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8989-3559>

АТАЕВА Айсылу Гарифулловна — кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aataeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2835-0147>

DIGITAL TRUST AS A BASIS FOR DATACEN-
TRIC GOVERNANCE: RESULTS OF A SURVEY
EXPERIMENT

Anna G. SANINA¹ — *Cand. Sci. (Management Sociology), Associate Professor of the Department of Public Administration; Leading Research Fellow at the International Laboratory for Digital Transformation in Public Administration*
E-MAIL: asanina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9635-0280>

Anna M. SEMENOVA² — *PhD Student of the Faculty of Computer Science; Junior Researcher at the International Laboratory of Applied Network Analysis*
E-MAIL: am.semenova@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0001-3705-1827>

Evgeny M. STYRIN² — *Cand. Sci. (Management Sociology), Associate Professor at the School of Politics and Governance; Head of the International Laboratory for Digital Transformation in Public Administration*
E-MAIL: estyryn@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8989-3559>

Aisylu G. ATAeva² — *Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Research Fellow at the International Laboratory of Digital Transformation in Public Administration*
E-MAIL: aataeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2835-0147>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Современное государственное управление все более ориентируется на датацентричный подход, базирующийся на интеграции данных в процессы принятия решений. Поскольку переход к такой модели предполагает цифровое взаимодействие органов власти не только между собой, но и с бизнесом и гражданами, успех цифровых инициатив напрямую зависит от уровня доверия к цифровым сервисам и государству в целом.

В статье оценивается и статистически подтверждается значимость факторов, влияющих на доверие граждан в сфере управления на основе данных, с использованием моделирования структурными уравнениями (SEM). Анализ результатов опросного эксперимента показал, что доверие к государственным институтам/организациям положительно связано с доверием граждан в сфере управления на основе данных. Также установлено, что доверие к техническим системам выступает медиатором между доверием к отдельным технологиям и доверием граждан в сфере управления на основе данных. Применение SEM подтверждает соответствие доверия к техническим системам и к государственным институтам/организациям с внедрением датацентричной модели государственного управления на эмпирических данных, внося в эту модель важные коррективы.

Ключевые слова: датацентричное управление, цифровое доверие, государственное управление, опросный эксперимент, моделирование структурными уравнениями

Благодарность. Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Abstract. Contemporary public administration is increasingly moving towards a data-centric approach, based on the integration of data into decision-making processes. As the transition to such a model implies digital interaction between government agencies, not only among themselves but also with businesses and citizens, the success of digital initiatives directly depends on the level of trust in digital services and state institutions. This article assesses and statistically confirms the significance of factors influencing citizen trust in data-driven governance using structural equation modeling (SEM). The analysis of the survey experiment results showed that trust in government institutions/organizations is positively correlated with citizen trust in data-driven governance. It was also established that trust in technical systems acts as a mediator between trust in individual technologies and citizen trust in data-driven governance. The application of SEM confirms the correspondence of trust in technical systems and government institutions/organizations with the implementation of a data-centric model of public administration based on empirical data, introducing important adjustments to this model.

Keywords: data-centric governance, digital trust, public administration, survey experiment, structural equation modeling

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Введение и постановка проблемы

Во многих странах мира датацентричное государственное управление¹ приходит на смену концепции цифровой трансформации [Reis et al., 2020; Акаткин, Ясиновская, 2019]. Данные становятся необходимым ресурсом для развития государства [Srimuang et al., 2018; Draheim, Krimmer, Tammet, 2021; Стырин, Рыбушкина, Санина, 2023]. Цифровая система управления и датацентричная модель предполагают интеграцию данных и алгоритмов, реинжиниринг процессов, дистанционный контроль, снижение издержек, повышение эффективности и внедрение сквозных цифровых технологий [Стырин, Дмитриева, Синятуллина, 2019]. При этом интерактивный аспект датацентричного управления, связанный с взаимодействием организаций и граждан в рамках управления данными, остается малоизученным [Eynon, Dutton, 2007; Mergel, Edelmann, Haug, 2019].

Цифровизация существенно влияет на взаимоотношения между властью и гражданами, изменяя уровень удовлетворенности государственными услугами и трансформируя саму культуру обратной связи [Mergel, Edelmann, Haug, 2019]. Для того чтобы увеличить положительный эффект от использования данных, необходимо сделать их обмен между органами государственной власти, организациями и гражданами беспрепятственным, сбалансированным и контролируемым [Irani et al., 2014]. Все это тесно связано с вопросами легитимности и надежности в глазах граждан. Успех цифровых инициатив государства напрямую зависит от уровня доверия граждан к электронным сервисам и государству в целом, что проявляется в их готовности активно использовать эти сервисы и участвовать в онлайн-взаимодействии с государственными органами [Abu-Shanab, 2019]. Более того, цифровое доверие — ключевой фактор готовности граждан к сотрудничеству с государством в принятии и использовании цифровых технологий.

Проблема изучения доверия в ситуации перехода к датацентричному управлению в России становится актуальной и в связи со снижением общественного доверия к деятельности правительств по всему миру [Tolbert, Mossberger, 2006]. Такая тенденция характерна и для России: в последнее десятилетие доверие граждан вызывают только институт президента и армия, но правительству доверяют менее половины россиян [Латов, 2021]².

С теоретической точки зрения переход к датацентричной модели государственного управления тесно связан с уровнем социального доверия. В контексте общественных дисциплин доверие можно рассматривать как средство преодоления неопределенности, в котором появляется необходимость в связи с возникновением различных рисков [Дворянинов, 2006]. В классических работах Н. Лумана отмечается, что доверие становится необходимым условием общественного развития в силу нарастания неуверенности людей в будущем, связанного с увеличением сложности и непрозрачности современных обществ [Луман, 2001 1979]. Сама проблема исследования доверия, в том числе институционального доверия государству, приобретает критическую важность в современных условиях

¹ E-Government Survey 2020. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2020> (дата обращения: 13.03.2024).

² См. также: Деятельность государственных институтов // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-gosudarstvennykh-institutov/> (дата обращения: 29.02.2024).

[Lounsbury, 2023]. С одной стороны, постиндустриальное общество, характеризующееся ростом объемов информации и каналов ее передачи, может способствовать повышению прозрачности работы электронного правительства, что, в свою очередь, способно снизить уровень недоверия к нему [Gupta, Chauhan, 2024]. С другой стороны, усложнение общественных структур и повышение неопределенности могут вызвать кризис доверия [Ku, Mitzen, 2022]. Таким образом, однозначного ответа на вопрос о влиянии информационного общества на уровень доверия нет. Поэтому при внедрении датацентричной модели актуально не только формирование структуры доверия, но и эмпирическое исследование доверия с точки зрения его управленческого потенциала. Необходимо провести количественную оценку факторов, влияющих на формирование доверия граждан к датацентричному управлению.

Цель настоящего исследования — выявить и оценить факторы, влияющие на формирование цифрового доверия граждан в контексте перехода к датацентричной модели государственного управления, а также определить взаимосвязи между различными видами доверия (к государственным институтам, техническим системам и отдельным технологиям) и готовностью использовать государственные цифровые сервисы.

Для достижения поставленной цели используется методология моделирования структурными уравнениями (SEM). Этот метод позволяет анализировать сложные взаимосвязи между латентными, ненаблюдаемыми напрямую переменными, такими как «доверие», и измеряемыми индикаторами. В качестве эмпирической базы исследования используются данные опросного эксперимента, позволяющего оценить уровень доверия граждан к различным аспектам датацентричного управления.

Теоретические аспекты исследования: цифровое доверие как объект управленческого воздействия

В социальных и политических науках доверие определяется как уверенность в том, что определенный индивид, группа или институт оправдает позитивные ожидания относительно мотивов и действий в ситуациях, сопряженных с риском [Boon, Holmes, 1991]. Склонность людей доверять оказывает влияние на готовность к сотрудничеству и конструктивному взаимодействию. Доверие рассматривается как важнейшее свойство отношений людей, существенный компонент всех устойчивых межличностных и институциональных связей и ключевая характеристика развитого человеческого общества [Hosking, 2011; Селигмен, 2002]. Доверие как вера в то, что другие не обманут нас, выступает неотъемлемым условием социального порядка, а также частью «внедоговорной» основы контрактов, которая делает возможными многие формы социального обмена и взаимодействия [Fairbrother, 2013].

Исследование доверия носит междисциплинарный характер, из-за обилия социологических, политологических, философских, экономических, культурно-исторических и других работ достаточно сложно обозначить четкие границы конкретной отрасли знания в отношении определения данной категории. С точки зрения экономической логики можно выделить несколько подходов. В рамках ра-

ционального подхода доверие рассматривается как ожидание, основанное на рациональном расчете и формальных правилах поведения со стороны потенциального партнера [Yamagishi, 2011]. Второй подход апеллирует к «моральной норме» и может быть проиллюстрирован определением Ф. Фукуямы: доверие как «ожидание того, что члены сообщества будут вести себя честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями, общими этическими ценностями» [Фукуяма, 2004: 52]. Третий подход базируется на теориях социальной идентичности и сосредотачивает внимание на различиях в уровнях доверия [Dovidio et al., 2010]. В частности, считается, что люди различают по крайней мере два разных набора социальных взаимодействий и, следовательно, две разные группы доверия: внутригрупповое и внегрупповое доверие [Delhey, Newton, Welzel, 2011].

Если (меж)личностное доверие — фундамент любого общества, то институциональное — основа сложных обществ, где действуют структуры, генерирующие и поддерживающие «правила игры».

Поскольку главным «конструктором» институтов в современном мире является государство, наиболее важным аспектом институционального доверия следует считать доверие к правительству [Латов, 2021: 1979]. Уровень доверия граждан к государственным институтам — решающий фактор успеха государственной политики, поэтому в современной науке возникают новые направления исследования этой категории. Например, в части выявления взаимосвязи между доверием граждан к государственным институтам и их представлениями об эффективности институтов [Xiao, Gong, Tu, 2024], различий в формировании морального и стратегического доверия государству [Кириленко, Алексеев, 2021], соотношения межличностного и системного доверия государству [Ku, Mitzen, 2022]. Эти работы подчеркивают многогранность феномена доверия государству, однако зачастую оставляют открытым вопрос о его глубинной природе, в частности о том, может ли доверие быть просто декларируемой ценностью.

Теория социального капитала [Putnam, 1995; Фукуяма, 2004] рассматривает доверие как ключевой элемент сети взаимоотношений, обеспечивающей эффективное функционирование общества. Доверие должно быть основано на взаимодействии и опыте. Теория рационального выбора [Buchanan, Tullock, 1962] предполагает, что доверие формируется на основе рационального расчета выгод и рисков и является декларируемой ценностью, если приносит выгоду. Теория социального конструирования реальности [Berger, Luckmann, 1966] отмечает, что доверие — социально конструируемое явление, зависящее от восприятия действий. Декларируемые ценности влияют на формирование доверия, если подтверждаются действиями. Таким образом, для отдельных социальных групп доверие может быть декларируемой ценностью, если оно соответствует их интересам и ожиданиям. Однако для общества в целом доверие не может быть просто декларируемой ценностью. Оно должно быть завоевано через реальные действия, прозрачность и отчетность.

Важно отметить, что декларируемые принципы цифрового правительства, такие как открытость, прозрачность и подотчетность, могут не соответствовать реальности. Как утверждает О. Волкова, «В результате широкого применения этих практик

обнаруживаются серьезные различия между реальностью и (само)репрезентацией реальности („картинкой“), последняя становится самоцелью» [Волкова, 2015: 141]. В этом случае граждане начинают сомневаться в предоставляемых данных и воспринимать цифровые платформы как инструмент манипуляции, а не источник объективных сведений. Подобные практики формируют новый вид доверия — цифровое [Веселов, Скворцов, 2021]. Цифровое доверие можно трактовать как восприятие гражданином того, что элементы структуры цифрового правительства обладают атрибутами для охраны его интересов и соблюдают ряд ценностных принципов [Venkatesh et al., 2016]. Исследования подтверждают, что именно доверие к технологиям (личный опыт использования) играет ключевую роль в формировании позитивного отношения к услугам цифрового правительства [Попова, 2020: 43], а более высокий уровень доверия к власти положительно сказывается на одобрении государственных услуг (в том числе цифровых) [Herian, 2014].

Цифровое доверие оказывает влияние на успешность цифровых инициатив государства, поскольку определяет готовность граждан предоставлять данные для принятия управленческих решений [Василенко, 2020]. Следовательно, цель внедрения новых технологий в государственное управление — повышение эффективности, результативности и открытости правительственных структур — это также цель повышения доверия к государственным органам [Twizeyimana, Andersson, 2019]. Таким образом, цифровое доверие может определяться уже сложившимися отношениями доверия к государственным институтам, к технологическим системам и к обществу в целом. Другими словами, на доверие граждан в сфере управления на основе данных могут влиять три основных элемента: 1) доверие к государственным институтам и организациям, 2) доверие к техническим системам и 3) обобщенное доверие, то есть стандартная социально-психологическая установка на веру в людей и общество в целом. Каждый из этих элементов может определяться рядом факторов, которые, исходя из анализа литературы, можно разделить на индивидуальные, социальные и технологические. К индивидуальным факторам относят следующие:

— *Социально-демографические характеристики.* Возраст, пол, этническая принадлежность, профессия, образование, национальность, место проживания — наиболее важные факторы, объясняющие цифровое доверие и неравенство [van Dijk, 2020]. Исследования показывают, что представители поколения Z демонстрируют более высокий уровень цифрового доверия [Noah, Sethumadhavan, 2019]; более низкие доходы снижают доступ к образовательным ресурсам в области цифровых технологий [Vasilescu et al., 2020], а также ограничивают доступ к цифровой инфраструктуре [McCosker, Tucker, Kennedy, 2024], что также влияет на уровень цифрового доверия.

— *Цифровая грамотность.* Более высокий уровень владения компьютером коррелирует с ростом доверия к цифровым системам [Alhur, 2024], в том числе это касается грамотности в области искусственного интеллекта [Huang, Ball, 2024].

— *Индивидуальный опыт взаимодействия с цифровыми технологиями.* По мере того как граждане знакомятся и получают позитивный опыт взаимодействия с ними, уровень их комфорта и доверия растет [Netshirando, Munyoka, Kadyamatimba, 2024; Чепелюк, 2022].

— *Индивидуальное восприятие безопасности и конфиденциальности.* Фактор существенно влияет на намерения граждан использовать цифровые технологии, например технологии «умного города» [Habib, Alsmadi, Prybutok, 2019]. Более высокий уровень уверенности в безопасности данных положительно коррелирует с отношением к новым технологиям [Никишина, Припузова, 2022].

К социальным факторам, влияющим на цифровое доверие, можно отнести воздействие социальных институтов, формирующих отношение к цифровым технологиям в обществе, таких как:

— цифровая культура, играющая важную роль в формировании отношения к технологиям, восприятию гражданами цифровых услуг [Gupta, Chauhan, 2024];

— эффективность и прозрачность работы правительства [Mahmood, Weerakkody, Chen, 2020] — исследования подтверждают положительную связь между институциональным доверием и отношением к новым технологиям [Никишина, Припузова, 2022];

— социальные медиа объединяют средства массовой информации и пользовательский контент, изменяя способы оценки и выражения мнений пользователей о технологиях [van Dijk, 2001; Neubaum, Krämer, 2017].

К технологическим факторам формирования цифрового доверия можно отнести характеристики доступа, простоты и полезности технологических решений, используемых людьми:

— доступ к цифровым технологиям — разнообразие в доступе к устройствам и периферийным устройствам, возможностям, связанным с ними, и текущие расходы, необходимые для обслуживания оборудования, программного обеспечения и подписки [van Deursen, van Dijk, 2019];

— простота и полезность технологий — сложные интерфейсы, непонятные термины и неинтуитивные функции могут вызывать раздражение и недоверие к технологиям, особенно у людей с низким уровнем цифровой грамотности [AbdulKareem, Oladimeji, 2024].

Таким образом, формирование цифрового доверия — комплексный процесс, который зависит от комплекса факторов. Доверие к цифровым технологиям и государственным институтам не является само собой разумеющимся. Теории социального капитала, рационального выбора и социального конструирования реальности показывают, что оно формируется через прозрачность, открытость, соответствие декларируемых ценностей реальным действиям, а также через учет интересов и ожиданий различных социальных групп. Это приводит нас к акционистскому подходу, который признает важность активного участия самого государства в формировании желательного ответа от общества [Harding et al., 2015]. Акционистский подход концентрируется не на самом по себе доверии как феномене, а на установках и действиях, которые следуют из доверия/недоверия чему-либо. В ситуации управления на основе данных значимыми становятся установки граждан на сокрытие данных, их фальсификацию, а также на активный или пассивный протест из-за использования государством данных, собираемых автоматически.

Барьеры, связанные с доверием, потенциально препятствующие внедрению модели датацентричного управления, могут быть снижены действиями государства, направленными на применение «мягких методов» государственного управле-

ния (например, методов рационального объяснения и мягкого воздействия — наджинга³). Методы недирективного управления охватывают чрезвычайно широкий диапазон, их количество и разнообразие применения постоянно растут. На данный момент можно выделить несколько ключевых способов мягкого воздействия [Sunstein, 2014; Талер, Санстейн, 2017; Liang et al., 2024], направленных на повышение цифрового доверия.

— Правила по умолчанию: автоматическое включение в программы (образовательные, медицинские, сберегательные) стимулирует их использование.

— Упрощение: облегчение доступа к существующим программам повышает их привлекательность.

— Социальное нормирование: подчеркивание популярности цифровых сервисов (например, «большинство людей используют Госуслуги») формирует позитивный образ.

— Повышение простоты и удобства: доступные варианты переквалификации в дата-специалиста делают цифровые технологии привлекательнее.

— Раскрытие информации: публикация информации на государственных порталах по различным направлениям повышает прозрачность и информированность.

— Предупреждения: графические или иные предупреждения (например, о фишинговых ссылках) могут быть использованы для повышения осведомленности о последствиях цифрового поведения.

— Стратегии предварительного принятия обязательств: побуждение людей к выполнению определенных действий (например, прохождение онлайн-курса) повышает их вовлеченность.

— Напоминания: электронные письма или текстовые сообщения о просроченных счетах, предстоящих обязательствах или встречах повышают ответственность и организованность.

— Выяснение намерений по реализации: вопросы типа «планируете ли вы использовать сервисы электронного голосования на следующих выборах?» стимулируют более активное участие.

— Информирование о последствиях выбора: осведомление людей о последствиях их собственных действий в цифровой среде способствует осознанному использованию технологий.

Теоретический анализ и опыт других стран показывают, что простые методы объяснения, включающие рационализированную информацию и эмоционально-ориентированное мягкое воздействие, могут эффективно снизить барьеры цифрового доверия.

Подводя итоги обзора литературы, можно заключить, что доверию как самостоятельной категории посвящено большое количество работ теоретического и эмпирического характера в различных областях знания. Однако причинно-следственная связь между доверием и внедрением датацентричной модели государственного управления еще далека от идентификации, в том числе неясна взаимосвязь между доверием к государственным институтам, доверием к техническим системами

³ Наджинг (от англ. *nudging* — подталкивание, мягкое воздействие) — это концепция в поведенческой экономике и политике, которая заключается в мягком, ненавязчивом подталкивании людей к принятию определенных решений, которые считаются выгодными для них самих или для общества в целом. Это достигается путем создания определенной архитектуры выбора, которая влияет на поведение людей, не ограничивая при этом их свободу выбора или существенно изменяя экономические стимулы.

и обобщенному доверию. Кроме того, необходима эмпирическая проверка указанных предположений.

Исходя из теоретических предпосылок, мы ставим перед собой задачу проверить следующие теоретические гипотезы.

H1: Обобщенное доверие положительно связано с доверием граждан в сфере управления на основе данных.

H2: Доверие к государственным институтам/организациям положительно связано с доверием граждан в сфере управления на основе данных.

H3: Доверие к техническим системам положительно связано с доверием граждан в сфере управления на основе данных.

H4: Доверие к техническим системам выступает в роли медиатора между техническими компетенциями и доверием граждан в сфере управления на основе данных.

H5: Доверие к техническим системам выступает в роли медиатора между доверием к отдельным технологиям и доверием граждан в сфере управления на основе данных.

Данные и методология исследования

Характеристика цифрового доверия основывается на следующих исследованиях:

1) исследование, проведенное в рамках проекта Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ «Мониторинг цифровой трансформации общества» с 4 августа по 7 сентября 2022 г. методом поточной выборки, опрошено 10 021 респондент;

2) исследование состояния цифрового доверия в современном российском обществе через онлайн-опрос Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ, который был проведен с 28 апреля по 22 мая 2021 г. методом поточной выборки, опрошено 2100 респондентов.

Для эмпирического доказательства выдвинутых гипотез проведен опросный эксперимент (survey-based experiment), в основе которого лежит моделирование структурными уравнениями (Structural Equation Modelling, SEM). Оценивается и проверяется статистическая значимость факторов, влияющих на доверие граждан в сфере управления на основе данных (см. рис. 1). Опрос (см. Приложение) был проведен в сентябре 2022 г. и охватил 159 человек — пользователей государственных цифровых сервисов и платформ из 22 регионов России. В рамках первого опроса фокус был сделан на регионах с различным уровнем цифровизации и социально-экономического развития (отобрано шесть регионов⁴). Второй опрос расширил географию исследования, включив еще пять регионов⁵, что позволило учесть специфику регионов с разной динамикой цифрового развития. Третий опрос максимально расширил географический охват, включив 16 регионов⁶ из разных федеральных округов для более полной картины цифрового доверия в России.

⁴ Москва, Санкт-Петербург, Башкортостан, Челябинская, Смоленская, Омская области.

⁵ Воронежская, Московская, Тверская, Самарская области, Краснодарский край.

⁶ Иркутская область, Республика Карелия, Кемеровская область, Республика Коми, Краснодарский край, Красноярский край, Республика Крым, Ленинградская, Московская, Ростовская, Самарская области, Санкт-Петербург, Саратовская, Свердловская, Тульская, Республика Тыва.

Контролировались параметры пола и возраста так, чтобы результирующий процент представлял все основные социально-демографические группы современного российского общества.

Измерения производились в соответствии с концептуальной моделью (см. рис. 1):

— *Обобщенное доверие*. Респондентам предлагалось оценить степень согласия (5-балльная шкала) со стандартным вопросом «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожным?» [Yamagishi, Cook, Watabe, 1998].

— *Доверие к государственным институтам/организациям (trustgov)*. Респондентам предлагалось ответить на следующий вопрос: «В какой степени Вы лично доверяете или не доверяете следующим институтам и органам власти?», используя шкалу от 1 — совершенно не доверяю до 7 — полностью доверяю. Среди вариантов присутствовали: Правительство России, судебная система, полиция и правоохранительные органы, федеральные органы власти, региональные и местные органы власти, медицинские работники, педагогические работники, банки. Коэффициент надежности-согласованности (α -Кронбаха) переменной равен 0,92.

— *Доверие граждан в сфере управления на основе данных (trustdatagov)*. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Оцените, насколько хорошо, на Ваш взгляд, органы государственной власти справляются с управлением на основе данных», используя шкалу от 1 до 7, где 1 — совершенно не справляются, а 7 — полностью справляются. Варианты ответа: обмен данными о гражданах в государственных информационных системах, обеспечение безопасности обработки данных о гражданах, обеспечение конфиденциальности данных о гражданах, сбор статистических данных, предоставление публичных данных в открытом доступе. Коэффициент надежности-согласованности (α -Кронбаха) переменной равен 0,94.

— *Доверие к техническим системам (trusttech)*. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы считаете, отдельные технологии способствуют улучшению или ухудшению жизни граждан?», используя шкалу от 1 до 7, где 1 — жизнь граждан ухудшается, а 7 — улучшается. Варианты ответа: обмен данными о гражданах в государственных информационных системах; предоставление государственных данных коммерческим компаниям для создания приложений и сервисов (например, движение общественного транспорта в «Яндексе»); сбор негосударственными компаниями данных о гражданах из открытых источников (онлайн-магазины, соцсети и т. п.); продажа данных о гражданах, собираемых с их разрешения о передаче персональных данных, государственным ведомствам; продажа данных о гражданах, собираемых с их разрешения о передаче персональных данных, частным компаниям; чат-боты и голосовые помощники; автоматическая видеофиксация нарушений. Коэффициент надежности-согласованности (α -Кронбаха) переменной равен 0,91.

— *Технические компетенции (skills)*. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Оцените, насколько хорошо Вы владеете следующими навыками для работы с данными», используя 7-балльную шкалу, где 1 — не владею, 7 — полностью владею. Варианты были следующие: 1) проверяю достоверность информации, которую нахожу в интернете, 2) умею собирать данные из разных источников и их анализировать с помощью программного обеспечения, 3) умею заполнять фор-

мы на сайтах, используя различные источники данных, 4) умею настроить в своем интернет-браузере запрет или ограничение cookie-файлов, 5) умею представить себя, создавая цифровой контент в интернете, 6) умею проверять безопасность веб-сайта, на котором меня просят предоставить личные данные, 7) умею применять инструменты обработки данных. Коэффициент надежности-согласованности (α -Кронбаха) переменной равен 0,92.

— *Доверие к отдельным технологиям (trustctech)*. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Оцените по 5-балльной шкале, насколько Вы согласны со следующими утверждениями», используя 5-балльную шкалу, где 1 — не согласен, 7 — согласен. Утверждения затрагивали доверие к цифровым сервисам для получения услуг в сфере государственного и муниципального управления, доверие к рейтингам в интернете при выборе врача/услуги, доверие к сведениям об организации на ее сайте. Коэффициент надежности-согласованности (α -Кронбаха) переменной равен 0,76.

Следует отметить, что не всегда представления респондентов об их владении навыками (например, применяемых в цифровой среде) соответствует фактическому положению дел. Например, старшее поколение значительно реже, чем молодые люди, считает себя опытным в использовании цифровых технологий, хотя их фактические навыки могут быть сопоставимыми [Ezell, 2021; Quan-Haase et al., 2018].

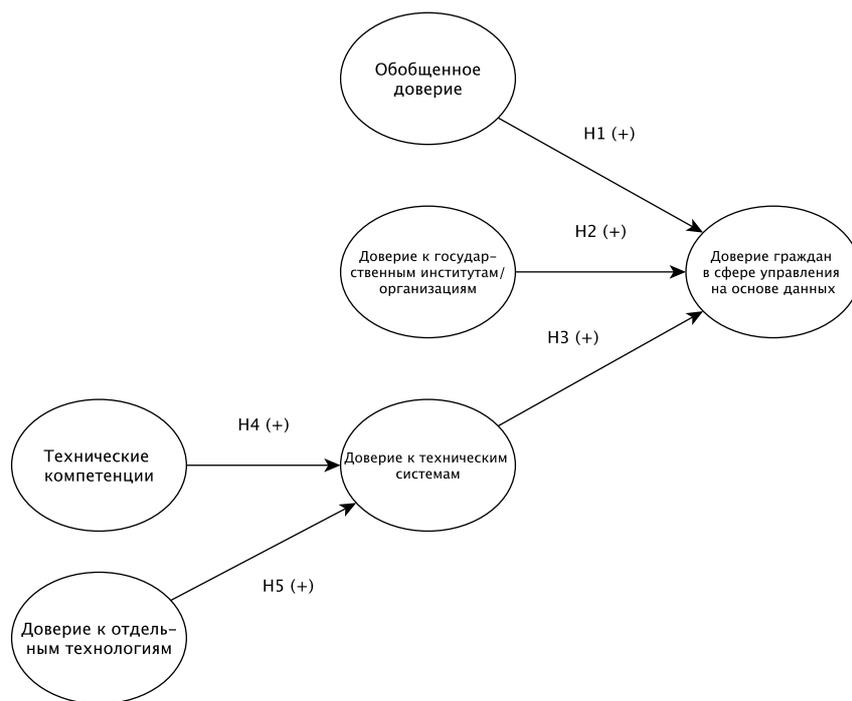
Также можно выделить иные ограничения модели: есть большая вероятность расхождения между декларируемым доверием, которое респонденты выражают в опросе, и их реальным поведением в отношении цифровых сервисов; шкальная оценка согласия с утверждениями может не полностью отражать сложность и многогранность понятия доверия, возможны субъективные интерпретации утверждений и различия в понимании шкалы разными респондентами; на уровень доверия могут влиять внешние факторы, которые не были учтены в исследовании, например политическая ситуация, экономический кризис, киберугрозы и др.

Концептуальная модель настоящего исследования, характеризующая структуру цифрового доверия, представлена на рисунке 1.

В опросном эксперименте были протестированы такие методы управленческого воздействия, как рационализированная информация и эмоционально-ориентированное мягкое воздействие, с точки зрения их потенциала снижения барьеров цифрового доверия.

Респонденты были разделены на три группы. В исследовании используется три вида анкет для трех групп респондентов, две из которых, помимо элементов доверия, тестируют инструменты управления (рациональное объяснение и мягкое воздействие), а третья охватывает контрольную группу (без тестирования какого-либо инструмента). Инструменты управления моделируются через короткий текст, который человек мог бы услышать или прочитать, например, в средствах массовой информации и который мог бы способствовать повышению доверия к управлению на основе данных. Поскольку данные не были распределены нормально (критерий Шапиро — Уилка в каждом случае был ниже порогового значения $p=0,05$, и мы отвергли нулевую гипотезу о нормальном распределении во всех случаях), для сравнения медианных значений групп использовался критерий Крускала — Уоллиса. Для статистически значимых результатов впоследствии использовался тест Данна.

Рис. 1. Структура цифрового доверия: концептуальная модель исследования

Анализ данных реализован с помощью языка программирования R и среды разработки RStudio. Концептуальная модель впоследствии была протестирована с использованием библиотеки *lavaan*⁷ [Rossee, 2012] и *psych*⁸. Параметры модели оценивались методом максимального правдоподобия (Maximum Likelihood Estimation). Метод предполагает по крайней мере приближенно нормальное распределение (approximately normal distribution) переменных. Следует отметить, что указанное требование к применению метода не всегда выполнялось в данном исследовании. В некоторых работах указывается, что метод достаточно устойчив к такого рода проблемам [Satorra, 1990].

Результаты исследования

Характеристики цифрового доверия в современной России

Демографические статистические показатели исследования представлены в таблице 1. В опросе принимали участие женщины (44,4%) и мужчины (55,6%), треть из которых имеет начальное/среднее профессиональное образование

⁷ Rossee Y. *lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling* // Journal of Statistical Software. 2012. Vol. 48. No. 2. P. 1—36. <https://doi.org/10.18637/jss.v048.i02>.

⁸ Revelle W.R. *Psych: Procedures for Personality and Psychological Research* // Northwestern Scholars. 2017. URL: <https://www.scholars.northwestern.edu/en/publications/psych-procedures-for-personality-and-psychological-research> (дата обращения: 02.03.2025).

(34,8%) и работает по найму (43,8%). Практически половине (49,2%) из группы исследуемых хватает денег на еду и одежду, однако покупка крупной бытовой техники для них затруднительна. Большинство респондентов (71,4%) имеет мобильный доступ к интернету, чуть более половины использует интернет несколько раз в день. Более шестой части участников исследования (17,5%) не пользовались интернетом за последние три месяца.

Таблица 1. *Демографические статистические показатели*

Категория	Вариант ответа	N	%
Пол	Мужской	4455	44,4
	Женский	5566	55,6
Возраст	14—17	487	4,4
	18—24	1293	13,1
	25—29	913	9,3
	30—34	875	8,7
	35—39	879	8,6
	40—44	815	8,0
	45—49	818	8,0
	50—54	878	8,7
	55—59	893	8,8
	60+	2170	22,4
Уровень образования	Начальное	198	1,9
	Основное общее (неполное среднее)	695	7,1
	Среднее (полное) общее	2713	26,7
	Начальное/среднее профессиональное	3470	34,8
	Неполное высшее	202	2,1
	Высшее (высшее профессиональное)	2670	26,6
	Второе (третье и т. п.) высшее	61	0,7
	Ученая степень (кандидат наук, доктор наук)	12	0,1
Тип населенного пункта	Городское население	7721	77,9
	Сельское население	2300	22,1
Доходы	Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на еду. Приходится сильно экономить.	326	3,3
	Хватает на еду, но покупка одежды проблематична.	1597	16,4
	Денег хватает на еду и на одежду, но покупка крупной бытовой техники (например, телевизора, холодильника) затруднительна.	4934	49,2
	Мы можем без труда приобретать крупную бытовую технику, но покупка новой машины пока невозможна	2636	26,0
	Можем позволить себе практически все (в том числе новую машину), но покупка квартиры или дачи затруднительна	296	2,9
	Можем позволить себе все, в том числе покупку квартиры или дачи	111	1,1
	Затрудняюсь ответить	121	1,2

Категория	Вариант ответа	N	%
Доступ в интернет по основному месту пребывания хотя бы у одного члена семьи	Да, фиксированный доступ (с использованием проводных, оптоволоконных и беспроводных линий связи различных типов (например, Wi-Fi))	6015	59,8
	Да, мобильный доступ (например, через сим-карту мобильного оператора)	7189	71,4
	Нет, доступ в интернет отсутствует	1460	14,8
Частота использования Интернета за последние 3 месяца	Несколько раз в день	5384	53,4
	Каждый или практически каждый день	2311	23,0
	Один или несколько раз в неделю	455	4,5
	Один или несколько раз в месяц	91	0,9
	Реже одного раза в месяц	67	0,7
	Не пользовался интернетом за последние три месяца	1713	17,5
Профессиональный статус	Работа по найму	4447	43,8
	Самозанятый(ая), фрилансер	440	4,6
	Предприниматель	227	2,3
	Временно не работаете, ищите работу	1068	10,7
	Не работаете и не ищите работу	3523	35,6
	Находитесь в отпуске — декретном или по уходу за ребенком до 3-х лет	316	3,1

Анализ результатов исследования демонстрирует, что уровень цифрового доверия в российском обществе относительно невысок (в среднем 5,81 у женщин и 5,85 у мужчин по шкале до 10). Мужчины в целом демонстрируют более высокий общий уровень доверия людям и обладают более высоким уровнем владения ИКТ и навыками управления компьютером на базовом, среднем и продвинутом уровнях.

Существуют значимые различия в возрастных группах по показателям доверия цифровым технологиям и людям в целом. Согласно проведенному опросу, общий уровень доверия к цифровым технологиям падает с увеличением возраста респондентов. Возрастные группы в разрезе менее 20 лет и 20—29 лет имеют самые высокие показатели благосклонности к технологическим инновациям. В свою очередь респонденты старше 60 лет относятся к цифровым изменениям с наименьшим доверием. Люди до 20 лет считают, что персональные данные довольно доступны в интернете, в то время как все остальные возрастные группы оценивают уровень приватности в цифровом пространстве выше. При этом общая вероятность причинения ущерба в случае мошенничества с персональными данными оценивается примерно одинаково во всех возрастных категориях. Помимо этого, старшее поколение относится снисходительнее к авторским правам в интернете и чаще рискует, используя пиратский контент в сети. Уровень владения цифровыми компетенциями различается в зависимости от возрастных групп. Все технические навыки работы в онлайн-пространстве лучше развиты у молодежи, нежели у людей старше 50 лет, но важно, что молодые респонденты готовы помогать улучшать цифровые навыки внутри своего окружения.

Исследование оценивало в том числе общий уровень доверия цифровым технологиям в связи с разными показателями доверия к людям и технологиям, а так-

же цифровых компетенций. Согласно результатам, обобщенный уровень доверия, или, другими словами, уровень доверия к людям, демонстрирует положительную связь с уровнем доверия цифровым технологиям (значение коэффициента корреляции Спирмена равно 0,445**). Кроме того, уровень доверия цифровым технологиям имеет слабую положительную связь с показателями цифровых компетенций, такими как средний уровень владения ИКТ (имеет коэффициент корреляции Спирмена 0,157**), общий уровень базового управления компьютером (0,196**), общий уровень среднего владения компьютером (0,193**), общий уровень продвинутых цифровых компетенций (0,135**).

Для улучшения цифровых навыков многие респонденты используют онлайн-курсы (0,153**). Следовательно, пробелы со знаниями в цифровом поле решаются в том же цифровом пространстве, что говорит о необходимости увеличения присутствия разных способов получения знаний именно в онлайн-формате. Общий уровень доверия цифровым технологиям повышается, если человек умеет создавать что-то новое, смешивая разные типы контента (0,149**), умеет представить себя, создавая цифровой контент в интернете (0,150**), или работать с файлами на персональном компьютере и в облаке (0,191**), управлять настройками интернет-браузера (0,092**), знает о праве на забвение в интернете согласно федеральному закону «О персональных данных» (0,096**), умеет определять пиратский цифровой контент (0,149**) и знает технические решения, которые могут улучшить доступ и использование цифровых инструментов (0,142**). Это дополнительно подтверждает, что уровень цифровой грамотности положительно связан с доверием управлению, основанному на данных.

Главные опасения граждан в области применения датацентричного управления связаны с проблемами безопасности и конфиденциальности. Это показывает, что 78% респондентов опасаются утечки персональных данных, а 83,9% боятся мошенничества в интернете, которое может быть напрямую связано с манипуляциями личной информацией. Другие виды опасений заметно меньше беспокоят граждан в ситуации внедрения управления на основе данных, но все же могут стать барьером реализации датацентричного управления — это опасение, что цифровые сервисы могут допускать ошибки (есть у 43% опрошенных), и боязнь слежки и контроля (наблюдается у 32,6% респондентов). На опасениях сказывается негативный опыт использования данных в цифровой среде: половина респондентов сталкивались с попыткой кражи денежных средств со счета карты, а 46% респондентов приходилось решать проблему взлома аккаунта (личного кабинета).

Также негативный опыт предоставления данных о себе формирует получение частых звонков и рассылок. 76,4% опрошенных отмечают появление навязчивых телефонных звонков и 42% обнаруживают спам-рассылки на электронных почтовых адресах при оставлении контактных данных на онлайн-платформах. Все это показывает, что отрицательное отношение граждан к цифровым технологиям формируется за счет негативного опыта их использования. Повышение доверия к технологическим инновациям лежит на пути усиления защиты персональных данных и сокращения случаев мошенничества в интернете.

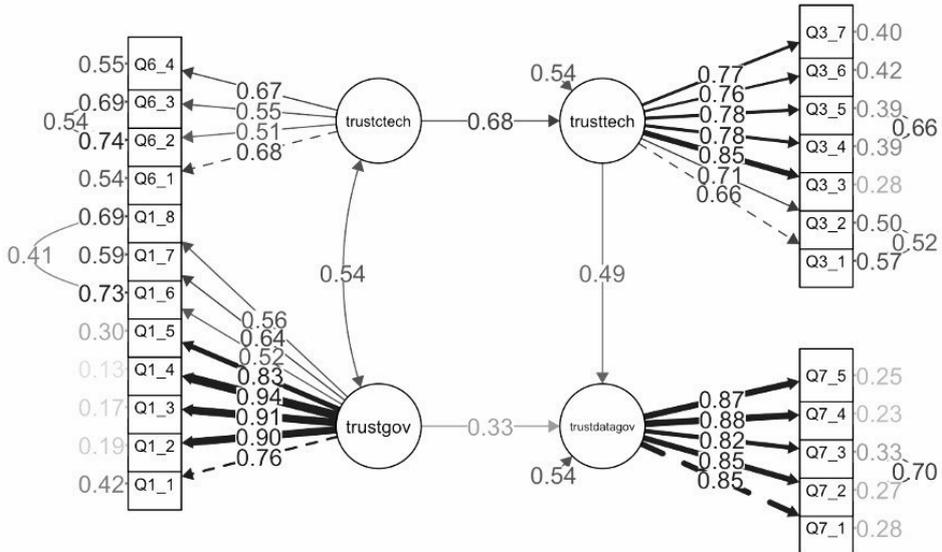
Кроме того, опрос показывает, какая информация, публикуемая в интернете, интересует граждан в большей степени и позволяет сформировать доверие

к управлению на основе данных. Так, респондентов больше всего интересует два вида информации о государственных служащих, которые могут позволить оценить их работу и квалификацию. Первый вид — это сведения об уровне квалификации (76 % опрошенных), а второй — данные о достижениях в процессе работы (71 % респондентов). Следовательно, для граждан важно иметь доступ к этим видам данных о государственных служащих, что будет положительно влиять на уровень доверия к открытым данным.

Эмпирическое исследование цифрового доверия с точки зрения управленческого потенциала

В результате исследования мы получили модель, коэффициенты которой представлены на рисунке 2. Незначимые переменные были исключены. Для построения модели использовалось стандартизированное решение, основанное на коэффициентах корреляции Пирсона. Модель не была отвергнута (RMSEA = 0,082, SRMR = 0,079, CFI = 0,913, TLI = 0,901). Все показатели, характеризующие качество модели, позволяют нам описать полученные результаты.

Рис. 2. Структура цифрового доверия: итоговая модель исследования

Коэффициенты, полученные относительно зависимой латентной переменной *доверие граждан в сфере управления на основе данных*, позволяют говорить об умеренном и позитивном влиянии на нее переменной *доверие к государственным институтам/организациям* ($p < 0,001$). Это значит, что более высокий уровень доверия к государственным институтам будет сопровождаться более высоким уровнем доверия граждан в сфере управления на основе данных. Кроме того, на зависимую переменную также оказывает влияние *доверие к техническим системам* как медиатора между *доверием к отдельным технологиям* и *доверием граждан в сфе-*

ре управления на основе данных ($p < 0,001$). Другими словами, повышая доверие к отдельным технологиям, можно повысить доверие граждан в сфере управления на основе данных через доверие к техническим системам. Вместе с тем обобщенное доверие и технические компетенции не показали статистической значимости ($p > 0,05$). Процент объясненной вариации зависимой переменной составил 46 %.

В данном исследовании мы получили относительно высокое значение совокупного влияния *доверия к отдельным технологиям* и *доверия к техническим системам* ($\gamma = 0,509$) на зависимую переменную, а также умеренное значение влияния переменной *доверие к государственным институтам/организациям* на зависимую переменную ($\gamma = 0,325$). Вероятно, выбранный медиатор более тесно связан с целевой переменной.

Таким образом, мы можем утверждать, что гипотезы H2, H5 не были отвергнуты на уровне значимости $p = 0,05$. Мы отвергаем гипотезы H1, H3, H4.

На доверие граждан в сфере управления на основе данных оказывает влияние знание, как используются данные, а также обеспечение большей прозрачности в сфере управления на основе данных. В этой ситуации рациональное объяснение преимуществ внедрения использования данных в государственном секторе и рост осведомленности граждан об эффективности модели датацентричного управления позволяют повысить уровень доверия граждан к предоставлению данных о себе, большому взаимодействию с государством в цифровом формате, сокращая вероятность появления организационных рисков, связанных с обменом данными и кооперацией.

В процессе внедрения датацентричной модели государственного управления важно учитывать, что конечной его целью является не само по себе внедрение, а благополучие граждан. Однако граждане не всегда выбирают то, что лучше для них самих. Так, в поведенческой экономике было тщательно изучено сопротивление изменениям [Талер, Санстейн, 2017] и выработаны рецепты борьбы с ним. Поскольку разрыв в доверии имеет также отношение к ожиданиям относительно работы государственных органов и восприятию эффективности и прозрачности модели управления, применение метода подталкивания (или мягкого воздействия) позволяет влиять на эмоциональную реакцию граждан, помогая повысить уровень доверия. Таким образом, мы предположили, что инструменты рационального объяснения и мягкого воздействия способны продемонстрировать положительное влияние на доверие граждан в сфере управления данными.

Выборка состояла из 159 участников (контрольная группа $n = 50$, группа, тестирующая мягкое воздействие $n = 69$, группа, тестирующая рациональное объяснение $n = 40$). Первые девять вопросов анкеты (см. Приложение) были одинаковыми для всех групп, далее для контрольной группы вопросы не менялись, а для тестируемых перед последним вопросом делалась текстовая вставка⁹.

⁹ Прочитайте, пожалуйста, следующий текст. Согласны ли Вы с его основной мыслью?

«За данными — будущее!»

Сегодня все успешные мировые экономики инвестируют миллионы долларов в государственные платформы и управление на основе данных. Пользуясь выгодами цифрового перехода, жители развитых стран получают услуги быстро, результативно и не выходя из дома. Законы, цифровая этика и самые передовые технологии направлены на то, чтобы минимизировать риски, связанные с утратой или ненадлежащим использованием данных, — и таким образом сделать управление на основе данных максимально безопасным и комфортным для граждан. Исследование по оценке цифровой готовности населения России показывает, что 85 % взрослого населения нашей страны доверяет цифровым сервисам государства, созданным на порталах госуслуг, МФЦ, ФНС России, ГИБДД.

Наибольшим уровнем доверия респондентов пользуются педагогические и медицинские работники (60 %), наименьшим — судебная система (32,5 %). Говоря о технологиях и их потенциале использования, респонденты отметили, что повышению качества их жизни в наибольшей степени способствует предоставление государственных данных коммерческим компаниям для создания приложений и сервисов (например, движение общественного транспорта в «Яндексе»). Примечательно, что в это же время продажа данных о гражданах, собираемых с их разрешения (о передаче персональных данных) частным компаниям, считается фактором, который может потенциально ухудшить их жизнь. При выборе товара или услуги большинство респондентов (53 %) предпочитает опираться на независимые рейтинги в интернете. Респонденты считают, что органы государственной власти справляются со сбором статистических данных лучше, чем с другими элементами управления на основе данных. Среди наибольших опасений, возникающих при доверии собственных данных государственным организациям, респонденты отмечают возможность утечки личных данных или мошенничества. Наибольшим доверием пользуются *административные данные* (социально-демографические характеристики — пол, возраст, семейное положение, образование, профессия), данные об экономическом положении, о жилищной ситуации — именно этими данными граждане готовы делиться с государством.

Для того чтобы выявить различия, присутствующие в двух тестируемых группах (группа, тестирующая мягкое воздействие, и группа, тестирующая рациональное объяснение), был использован критерий Крускала — Уоллиса. Для статистически значимых результатов впоследствии использовался тест Данна. Метод является приемлемым для анализа, поскольку в нем присутствует более двух групп.

Статистическая разница между группами зафиксирована в вопросе про использование органами публичной власти данных, собранных с помощью технологий интернета вещей ($p = 0,036$), и данных, собранных с помощью мобильных устройств (местоположение, посещение страниц в интернете) ($p = 0,000$). В вопросе относительно доверия использованию органами государственной власти всех необходимых данных о человеке в зависимости от жизненной ситуации разница между группами подтвердилась в вопросах рождения ребенка ($p = 0,004$) и ситуации финансового мошенничества ($p = 0,004$).

Разница в доверии к использованию использованием органами публичной власти данных, собранных с помощью технологии интернета вещей, имеет статистические различия между контрольной группой и группой, тестирующей мягкое воздействие ($p = 0,05$). Доверие к использованию органами публичной власти данных, собранных с помощью мобильных устройств, различается между контрольной группой и группой, тестирующей мягкое воздействие ($p = 0,000$), а также между контрольной группой и группой, тестирующей рациональное объяснение ($p = 0,019$). Разница в вопросе о доверии использованию органами государственной власти всех необходимых данных о человеке в отношении рождения ребенка и финансового мошенничества подтвердилась между контрольной группой и группой, тестирующей рациональное объяснение ($p = 0,000$).

Выводы и рекомендации

Исследование позволило сделать несколько важных выводов. Доверие к государственным институтам и техническим системам играет ключевую роль в формировании доверия к управлению на основе данных, подтверждая выдвинутые гипотезы H2 и H5. При этом доверие к техническим системам напрямую влияет на доверие к датацентричному управлению.

Выявлено, что «мягкое воздействие» и рациональное объяснение использования данных государством способствуют повышению уровня доверия граждан, особенно в отношении данных с мобильных устройств и интернета вещей. Этот вывод подтверждается статистически значимыми различиями между контрольной группой и экспериментальными группами.

Также имеет значение контекст использования данных. Уровень доверия варьирует в зависимости от конкретной ситуации (рождение ребенка, финансовое мошенничество). Граждане склонны доверять использованию административных данных (социально-демографических, экономических, жилищных), но опасаются утечки информации и мошенничества.

Для преодоления барьеров цифрового доверия одним из организационных решений может стать создание структур, специализирующихся на внедрении и развитии мягких методов государственного управления. Подобный опыт уже существует за рубежом. Например, в Великобритании еще в 2010 г. было создано «Подразделение Наджинга» (The Nudge Unit) при кабинете министров с целью применения поведенческих наук в разработке и реализации государственной политики. Первоначальные задачи подразделения включали побуждение граждан к своевременной уплате налогов и явке в суд, сотрудничество с центрами занятости для повышения их эффективности, а также стимулирование донорства органов. В 2017 г. американский экономист Ричард Тайлер получил Нобелевскую премию по экономике за «вклад в поведенческую экономику». Его работы способствовали формированию новой парадигмы взаимодействия государства и граждан, в которой власть создает условия для принятия гражданами более взвешенных и рациональных решений, не ограничивая при этом их свободу выбора. Такие методы управления представляют научный и практический интерес для преодоления барьеров цифрового доверия.

В целом проведенное исследование подтверждает важную роль цифрового доверия как основы для успешной реализации датацентричного подхода в государственном управлении. Выявленные связи между доверием к институтам, технологиям и самим органам власти, применяющим датацентричный подход открывают ряд перспективных направлений для дальнейших исследований. Во-первых, требует более детального изучения механизм влияния отдельных технологий на формирование общего доверия к техническим системам. Необходим анализ специфики восприятия гражданами различных технологий (биометрии, интернета вещей, искусственного интеллекта), а также разработка инструментов, позволяющих повысить прозрачность и контролируемость их применения государством. Во-вторых, перспективным представляется исследование влияния конкретных практик государственного управления (онлайн-платформ для общественного обсуждения проектов государственных программ, механизмов защиты персональных данных

граждан и др.) на цифровое доверие. В-третьих, важно исследовать взаимосвязь цифрового доверия с другими формами социального капитала, например с гражданской активностью. Понимание этих взаимосвязей позволит разработать комплексные подходы к формированию благоприятной социальной среды для развития цифрового государства.

Список литературы (References)

1. Акаткин Ю. М., Ясиновская Е. Д. Цифровая трансформация правительства: датацентричность и модели-ориентированность // Информационные ресурсы России. 2019. № 1. С. 2—7.
Akarkin Yu. M., Yasinovskaya E. D. (2019) Digitalization of Government: Data-Centric and Model-Oriented Approach. *Information Resources of Russia*. No. 1. P. 2—7. (In Russ.)
2. Василенко И. А. Особенности формирования концепции «цифрового правительства» в политической науке и перспективы ее реализации в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 218—244.
Vasilenko I. A. (2020) Formation of “Digital Government” Concept in Political Science and Prospects for Its Implementing in Russia. *Public Administration. E-journal (Russia)*. No. 82. P. 218—244. (In Russ.)
3. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57—68. <https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4>.
Veselov Yu. V., Skvortsov N. G. (2021) Trust in the Age of Digital Transformations: A Sociological Study. *Sociological Studies*. No. 6. P. 57—68. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4>.
4. Волкова О. Н. Прозрачность, подотчетность и доверие в обществе // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 141—148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-141-148>.
Volkova O. N. (2015) Transparency, Accountability, and Trust in Society. *Voprosy ekonomiki*. No. 2. P. 141—148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-141-148>. (In Russ.)
5. Дворянинов А. А. Социальные функции доверия // Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 130—141.
Dvoryaninov A. A. (2006) Social Functions of Trust. *Region: Economics and Sociology*. No. 4. P. 130—141. (In Russ.)
6. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Измерение политического доверия в условиях современной демократии // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 22—34. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-10-22-34>.
Kirilenko V. P., Alekseev G. V. (2021) Measuring Political Trust in a Modern Democracy. *Administrative Consulting*. No. 10. P. 22—34. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-10-22-34>. (In Russ.)

7. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161—175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>. Latov Yu. V. (2021) Institutional Trust as a Social Capital in Modern Russia (on the Results of Monitoring). *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 161—175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>. (In Russ.)
8. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. Luhmann N. (2001) *Theory of Power*. Translated from German by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Praxis. (In Russ.)
9. Никишина Е. Н., Припузова Н. А. Институциональное доверие как фактор отношения к новым технологиям // Journal of Institutional Studies. 2022. Т. 14. № 2. С. 22—35. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.2.022-035>. Nikishina E. N., Pripuzova N. A. (2022) Institutional Trust as a Factor in Attitudes Toward New Technologies. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 14. No. 2. P. 22—35. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.2.022-035>. (In Russ.)
10. Попова О. В. Инструменты цифрового правительства: общественное мнение российских граждан о преимуществах и рисках // Герценовские чтения: Россия-2020. Актуальные вопросы политического знания. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. Popova O. V. (2020) Tools of Digital Government: Public Opinion of Russian Citizens on Advantages and Risks. In: *Herzen Readings: Russia-2020. Topical Issues of Political Knowledge*. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publishing House. (In Russ.)
11. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. Seligman A. (2002) *The Problem of Trust*. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)
12. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Сиятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31—60. Styrin E. M., Dmitrieva N. E., Sinyatullina L. Kh. (2019) Government Digital Platform: From Concept to Implementation. *Public Administration Issues*. No. 4. P. 31—60. (In Russ.)
13. Стырин Е. М., Рыбушкина Я. А., Санина А. Г. Цифровое доверие как ключевой фактор в формировании датацентричного государственного управления // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 7. (Труды XXVI Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2023, Санкт-Петербург, 26—28 июня 2023 г. Сборник научных статей). СПб.: Университет ИТМО, 2024. С. 13—23. <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2024-7-13-23>. Styrin E. M., Rybushkina Y. A., Sanina A. G. (2024) Digital Trust as a Key Factor in Building Data-driven Government. In: *The State and Citizens in the Electronic Environment*. Vol. 7. (Proceedings of the XXVI International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2023, St. Petersburg, June 26—28, 2023).

- St. Petersburg: ITMO University. P. 13—23. <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2024-7-13-23>. (In Russ.)
14. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2017. Thaler R., Sunstein C. (2017) *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
 15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow: AST: Ermak. (In Russ.)
 16. Чепелюк С. Г. Феномен «цифрового доверия» и его влияние на становление цифрового правительства в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 447—459. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-447-459>. Chepelyuk S. G. (2022) The Phenomenon of “Digital Trust” in the Context of Digital Government in Russia. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 24. No. 3. P. 447—459. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-447-459>.
 17. AbdulKareem A. K., Oladimeji K. A. (2024). Cultivating the Digital Citizen: Trust, Digital Literacy and E-Government Adoption. *Transforming Government: People, Process and Policy*. Vol. 18. No. 2. P. 270—286. <https://doi.org/10.1108/TG-11-2023-0196>.
 18. Abu-Shanab E. (2019). Predicting Trust in E-government: Two Competing Models. *Electronic Government, an International Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 129—143. <https://doi.org/10.1504/eg.2019.10015730>.
 19. Alhur A. (2024) Understanding the Perspectives of Hail City Population on the Confidentiality and Privacy of Digital Health and Medical Information. *Cureus*. Vol. 16. No. 7. Art. e63752. <https://doi.org/10.7759/cureus.63752>.
 20. Berger P. L., T. Luckmann (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.
 21. Boon S., Holmes J. (1991) The Dynamics of Interpersonal Trust: Resolving Uncertainty in the Face of Risk. In: Hinde R., Groebel J. (eds.), *Cooperation and Prosocial Behaviour*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 190—211.
 22. Buchanan J. M., Tullock G. (1962) The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. *Southern Economic Journal*. Vol. 29. No. 3. P. 351—365.
 23. Delhey J., Newton K., Welzel Ch. (2011) How General Is Trust in ‘Most People’? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. Vol. 76. No. 5. P. 786—807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>.
 24. Dovidio J. F., Hewstone M., Glick P., Esses V. M. (2010). *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*. London: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446200919>.

25. Draheim D., Krimmer R., Tammet T. (2021) On State-Level Architecture of Digital Government Ecosystems: From ICT-Driven to Data-Centric. In: *Lecture Notes in Computer Science*. P. 165—195. https://doi.org/10.1007/978-3-662-63519-3_8.
26. Ezell S. (2021) Assessing the State of Digital Skills in the U. S. Economy. *Information Technology & Innovation Foundation*. <https://www2.itif.org/2021-us-digital-skills.pdf>
27. Eynon R., Dutton W. H. (2007) Barriers to Networked Governments: Evidence from Europe. *Prometheus*. Vol. 25. No. 3. P. 225—242. <https://doi.org/10.1080/08109020701531361>.
28. Fairbrother M. (2013) Two Multilevel Modeling Techniques for Analyzing Comparative Longitudinal Survey Datasets. *Political Science Research and Methods*. Vol. 2. No. 1. P. 119—140. <https://doi.org/10.1017/psrm.2013.24>.
29. Gupta P, Chauhan S. (2024) Factors Influencing Trust in E-government Services: A Meta-analytic Review. In *2024 Tenth International Conference on eDemocracy & eGovernment (ICEDEG)*. Lucerne, Switzerland. P. 1—10. <https://doi.org/10.1109/ICEDEG61611.2024.10702083>.
30. Habib A., Alsmadi D., Prybutok V. R. (2019) Factors That Determine Residents' Acceptance of Smart City Technologies. *Behaviour & Information Technology*. Vol. 39. No. 6. P. 610—623. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2019.1693629>.
31. Harding M., Knowles B., Davies N., Rouncefield V. (2015) HCI, Civic Engagement & Trust. In: *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '15)*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 2833—2842. <https://doi.org/10.1145/2702123.2702255>.
32. Herian M. N. (2014) Trust in Government and Support for Municipal Services. *State and Local Government Review*. Vol. 46. No. 2. P. 82—90. <https://doi.org/10.1177/0160323x14533706>.
33. Hosking G. (2011) Trust and Symbolic Systems: Religion and Nationhood. In *Trust and Conflict. Representation, Culture and Dialogue*. London; New York, NY: Routledge. P. 17—36.
34. Huang K.-T., Ball C. (2024) The Influence of AI Literacy on User's Trust in AI in Practical Scenarios: A Digital Divide Pilot Study. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 61. P. 937—939. <https://doi.org/10.1002/pra2.1146>.
35. Irani Z., Sharif A., Kamal M. M., Love P. E. D. (2014) Visualising a Knowledge Mapping of Information Systems Investment Evaluation. *Expert Systems with Applications*. Vol. 41. No. 1. P. 105—125. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2013.07.015>.
36. Ku M., Mitzen J. (2022) The Dark Matter of World Politics: System Trust, Summits, and State Personhood. *International Organization*. Vol. 76. No. 4. P. 799—829. <https://doi.org/10.1017/S0020818322000169>.

37. Liang Y., Li Z., Feng S., Zhang Y. (2024) Can We ‘Nudge’ People to Better Waste Separation Behaviours? Policy Interventions Mediated by Habit, Sense of Separation Efficiency and External Environmental Perceptions. *Waste Management & Research*. Vol. 42. No. 5. P. 372—383. <https://doi.org/10.1177/0734242X231187579>.
38. Lounsbury M. (2023) The Problem of Institutional Trust. *Organization Studies*. Vol. 44. No. 2. P. 308—310. <https://doi.org/10.1177/01708406221131415>.
39. Mahmood M., Weerakkody V., Chen W. (2020) the Role of Information and Communications Technology in the Transformation of Government and Citizen Trust. *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 86. No. 4. P. 708—728. <https://doi.org/10.1177/0020852318816798>.
40. McCosker A., Tucker J., Kennedy J. (2024) Digitally Skilled but Socially Disadvantaged: Enabling Digital Capabilities in Low-Income Families. *Convergence*. <https://doi.org/10.1177/13548565241268277>.
41. Mergel I., Edelman N., Haug N. (2019) Defining Digital Transformation: Results from Expert Interviews. *Government Information Quarterly*. Vol. 36. No. 4. Art. 101385. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.06.002>.
42. Netshirando V., Munyoka W., Kadyamatimba A. (2024) Citizen Perceptions of Digital Transformation in Local Municipalities: The Case of South Africa. *South African Journal of Information Management*. Vol. 26. No. 1. Art. a1804. <https://doi.org/10.4102/sajim.v26i1.1804>.
43. Noah B., Sethumadhavan A. (2019) Generational Differences in Trust in Digital Assistants. *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*. Vol. 63. No. 1. P. 206—210. <https://doi.org/10.1177/1071181319631029>.
44. Neubaum G., Krämer N. C. (2017) Opinion Climates in Social Media: Blending Mass and Interpersonal Communication. *Human Communication Research*. Vol. 43. No. 4. P. 464—476. <https://doi.org/10.1111/hcre.12118>.
45. Putnam R. (1995) Bowling Alone: America’s Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6. No. 1. P. 65—78. <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>.
46. Quan-Haase A., Williams C., Kicevski M., Elueze I., Wellman B. (2018) Dividing the Grey Divide: Deconstructing Myths About Older Adults’ Online Activities, Skills, and Attitudes. *American Behavioral Scientist*. Vol. 62. No. 9. P. 1207—1228. <https://doi.org/10.1177/0002764218777572>.
47. Reis J., Amorim M., Melão N., Cohen Y., Rodrigues M. (2020) Digitalization: A Literature Review and Research Agenda. In: *Proceedings on 25th International Joint Conference on Industrial Engineering and Operations Management — IJCIEOM*. P. 443—456. https://doi.org/10.1007/978-3-030-43616-2_47.
48. Satorra A. (1990) Robustness Issues in Structural Equation Modeling: A Review of Recent Developments. *Quality and Quantity*. Vol. 24. No. 4. P. 367—386. <https://doi.org/10.1007/bf00152011>.

49. Srimuang C., Cooharajanane N., Tanlamai U., Chandrachai A. (2018) Development of an Open Government Data Assessment Model: User-Centric Approach to Identify the Weighted Components in Thailand. *International Journal of Electronic Governance*. Vol. 10. No. 3. P. 276. <https://doi.org/10.1504/ijeg.2018.095952>.
50. Sunstein C. R. (2014) Nudging: A Very Short Guide. *Journal of Consumer Policy*. Vol. 37. No. 4. P. 583—588. <https://doi.org/10.1007/s10603-014-9273-1>.
51. Tolbert C. J., Mossberger K. (2006) The Effects of E-Government on Trust and Confidence in Government. *Public Administration Review*. Vol. 66. No. 3. P. 354—369. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2006.00594.x>.
52. Twizeyimana J. D., Andersson A. (2019) The Public Value of E-Government — A Literature Review. *Government Information Quarterly*. Vol. 36. No. 2. P. 167—178. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.01.001>.
53. van Deursen A. J., van Dijk J. A. (2019) The First-Level Digital Divide Shifts from Inequalities in Physical Access to Inequalities in Material Access. *New Media & Society*. Vol. 21. No 2. P. 354—375. <https://doi.org/10.1177/1461444818797082>.
54. van Dijk J. A. G. M. (2020) Closing the Digital Divide. The Role of Digital Technologies on Social Development, Well-Being of All and the Approach of the Covid-19 Pandemic. <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/07/Closing-the-Digital-Divide-by-Jan-A.G.M-van-Dijk-.pdf> (accessed: 02.03.2025).
55. van Dijk J. (2001) *De Netwerkmatschappij, Sociale aspecten van nieuwe media. (Communicatie Componenten)*. Alphen a/d Rijn: Samsom.
56. Vasilescu M. D., Serban A. C., Dimian G. C., Aceleanu M. I., Picatoste X. (2020) Digital Divide, Skills and Perceptions on Digitalisation in the European Union-Towards a Smart Labour Market. *PLoS One*. Vol. 15. No. 4. Art. e0232032. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0232032>.
57. Venkatesh V., Thong J. Y. L., Chan F. K. Y., Hu P. J. H. (2016) Managing Citizens' Uncertainty in E-Government Services: The Mediating and Moderating Roles of Transparency and Trust. *Information Systems Research*. Vol. 27. No. 1. P. 87—111. <https://doi.org/10.1287/isre.2015.0612>.
58. Xiao H., Gong T., Tu W. (2024) Why Trust Weighs More? Investigating the Endogenous Relationship Between Trust and Perceived Institutional Effectiveness. *Administration & Society*. Vol. 56. No. 5. P. 602—627. <https://doi.org/10.1177/00953997241239000>
59. Yamagishi T. (2011) *Trust. The Science of the Mind*. Tokyo: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-4-431-53936-0>.
60. Yamagishi T., Cook K. S., Watabe M. (1998) Uncertainty, Trust, and Commitment Formation in the United States and Japan. *American Journal of Sociology*. Vol. 104. No. 1. P. 165—194. <https://doi.org/10.1086/210005>.

Приложение.
Иллюстрации к выводам по пилотажному опросному эксперименту
(сентябрь 2022 г.)

Ссылки на опросы респондентов

Опрос без тестирования инструментов:

URL: https://docs.google.com/forms/d/1cU1xrAteb82T7W_W0MKZd1g2eFV4a7AyoE8mfBScBM/edit (дата обращения: 24.02.2025).

Опрос, тестирующий рациональное объяснение:

URL: https://docs.google.com/forms/d/1ZuQfsK-_TIZgzaKdBCI2HIIhdbWu_VszIEJ7I2Uetp4/edit (дата обращения: 24.02.2025).

Опрос, тестирующий мягкое воздействие:

URL: <https://docs.google.com/forms/d/1MZC3j2KFhOTr4qzGiwoGQAfk3a9UXgsefXcUDRPKqRE/edit?usp=sharing> (дата обращения: 24.02.2025).

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2551](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2551)

А. В. Ларионов, О. С. Минченко, Д. В. Щеголев, Э. Р. Титкова, Д. Д. Ребриков

РЕЕСТРЫ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ УСЛУГ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОНКУРЕНТНОГО ОТБОРА ПОСТАВЩИКОВ

Правильная ссылка на статью:

Ларионов А. В., Минченко О. С., Щеголев Д. В., Титкова Э. Р., Ребриков Д. Д. Реестры исполнителей услуг в социальной сфере как инструменты конкурентного отбора поставщиков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 195—213. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2551>.

For citation:

Larionov A. V., Minchenko O. S., Schegolev D. V., Titkova E. R., Rebrikov D. D. (2025) Service Provider Registries in the Social Sector as Tools for the Competitive Selection of Providers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 195–213. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2551>. (In Russ.)

Получено: 28.12.2023. Принято к публикации: 31.10.2024.

РЕЕСТРЫ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ УСЛУГ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОНКУРЕНТНОГО ОТБОРА ПОСТАВЩИКОВ

ЛАРИОНОВ Андрей Валентинович — кандидат юридических наук, доцент, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: avlarionov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1113-4816>

МИНЧЕНКО Ольга Сергеевна — старший преподаватель, Департамент политики и управления, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: osminshenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8086-1959>

ЩЕГОЛЕВ Даниил Витальевич — студент, образовательная программа «Государственное и муниципальное управление», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dvschegolev_1@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0009-0001-8582-2884>

ТИТКОВА Эвита Ростиславовна — аспирант, Департамент политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: evitatitkova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1773-2139>

РЕБРИКОВ Дмитрий Данилович — аспирант, Департамент политики и управления, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: drebrikov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7929-8265>

SERVICE PROVIDER REGISTRIES IN THE SOCIAL SECTOR AS TOOLS FOR THE COMPETITIVE SELECTION OF PROVIDERS

Andrey V. LARIONOV¹ — Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: avlarionov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1113-4816>

Olga S. MINCHENKO¹ — Senior Lecturer, School of Policies and Governance, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: osminshenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8086-1959>

Daniil V. SCHEGOLEV¹ — Student, Educational program «Public and municipal government», Faculty of Social Sciences
E-MAIL: dvschegolev_1@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0009-0001-8582-2884>

Evita R. TITKOVA¹ — PhD Student, School of Policies and Governance, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: evitatitkova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1773-2139>

Dmitry D. REBRIKOV¹ — PhD student, School of Policies and Governance, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: drebrikov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7929-8265>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты изучения роли реестров исполнителей услуг в социальной сфере. Реестры были созданы для обеспечения конкурентного отбора поставщиков в условиях эксперимента по реализации государственного социального заказа. Задачи эксперимента — повысить качество и доступность услуг в социальной сфере за счет привлечения негосударственных поставщиков, в том числе путем прямого участия граждан в их отборе. По условиям эксперимента граждане могли выбирать поставщиков только из реестров исполнителей услуг, которые формируются уполномоченными органами субъектов РФ. Такое условие делает реестры обязательным инструментом отбора поставщиков и дает основание предположить, что они в том или ином объеме должны раскрывать для граждан характеристики услуг и поставщиков. На основе этого предположения поставлен исследовательский вопрос: обеспечивают ли действующие реестры условия для конкурентного отбора поставщиков и видят ли уполномоченные органы в них такую функцию?

Для ответа на исследовательский вопрос решены три задачи. 1) Дана оценка того, насколько реестры раскрывают необходимую с точки зрения прав потребителей информацию об услугах и поставщиках. 2) Рассмотрены форматы реестров, в которых они предоставлены пользователям в интернете, определено наличие в них инструментов для поиска и сравнения услуг и поставщиков. 3) На основе полуструктурированных интервью с представителями уполномоченных органов обобщен опыт применения реестров, в том числе выявлены цели, преследуемые при их создании.

Авторы приходят к выводу, что действующие реестры не предоставляют гражданам возможность сравнения услуг и оценки по-

Abstract. The article presents the results of a study on the role of service provider registries in the social sector in ensuring competitive selection of providers within the framework of the experiment on the implementation of government social contracting. The experiment's objectives are to improve the quality and accessibility of social services for citizens by involving non-governmental providers, including through direct citizen participation in their selection. Under the conditions of the experiment, citizens can only choose providers from registries of service providers, which are formed by the authorized bodies of the constituent entities of the Russian Federation. This condition makes the registries a mandatory tool for selecting providers and suggests that, to some extent, they should disclose information about the services and providers to citizens. Based on this assumption, the research question was formulated: do the existing registries provide citizens with a competitive selection of providers, and do the authorized bodies see such a role for the registries? In the article, competitive selection refers to the process of finding a suitable provider based on the ability to evaluate and compare information about services and providers. The focus on the perspectives of authorized bodies is due to their key role in defining the objectives for creating the registries. To answer the research question, three tasks were undertaken: 1) an assessment of how well the registries disclose the necessary information about services and providers from the perspective of consumer rights; 2) an examination of the formats in which the registries are made available to users online, as well as the presence of tools for searching and comparing services and providers; 3) a summary of the experiences of using the registries, based on semi-structured interviews with representatives of authorized bodies, including the objectives they pursued when creating the registries. The theoretical basis of the study is the principles of information disclosure for consum-

ставщиков. Это связано с тем, что уполномоченные органы не ставили такой цели при создании реестров. Преимущественно реестры применяются для учета поставщиков, допущенных к участию в государственном социальном заказе. Вместе с тем уполномоченные органы не исключают возможность применения реестров как инструментов отбора поставщиков, если будет поставлена такая задача.

Ключевые слова: государственный социальный заказ, реестр исполнителей услуг, потребительский выбор, поставщики социальных услуг, социальные услуги

Благодарность. Исследование проведено по заказу факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (в рамках проекта «Реестр исполнителей услуг в социальной сфере как инструмент реализации государственного социального заказа»).

Введение

Россия идет по пути передачи значительной части государственных услуг социального характера от государственных к негосударственным организациям [Григорьева, Парфенова, 2021; Гришина, Цацура, 2019], что созвучно идее концепции *New Governance* о плюсах кооперации различных секторов в социальной сфере, каждый из которых имеет свои сильные и слабые стороны [Salamon, 2002; Salamon, Toepler, 2015]. В частности, в 2020 г. начался эксперимент по реализации государственного (муниципального) социального заказа (далее — социальный заказ) на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере (далее — услуги)¹. Суть социального заказа заключается в повышении для граждан качества и доступности услуг за счет привлечения к их предоставлению негосударственных поставщиков путем прямого участия граждан в их отборе или

ers outlined within the concept of “soft” regulation of citizen behavior, as well as research examining the role of such registries in provider selection. The conclusion is that the existing registries do not provide citizens with the ability to compare services and evaluate providers. This is because the authorized bodies did not set such a goal when creating the registries. The registries are mainly used for recording providers authorized to participate in government social contracting. However, the authorized bodies do not rule out the possibility of using the registries as tools for selecting providers if tasked with such a goal.

Keywords: government social contracting, registry of service providers, consumer choice, social service providers, social services

Acknowledgments. . The study was commissioned by the Faculty of Social Sciences of HSE University (within the framework of the project “Register of Performers of Services in the Social Sphere as a Tool for the Implementation of the State Social Order”).

¹ Эксперимент введен Федеральным законом от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45676> (дата обращения: 23.05.2023). Далее — Федеральный закон № 189-ФЗ.

на основе открытых конкурсов. Предполагается, что социальный заказ может сократить монополию государственных (муниципальных) учреждений в социальной сфере и обеспечить для граждан конкурентный выбор поставщиков². Подобный путь показал свою эффективность на примерах других стран [Pestoff, 2012; De Vries, Nemes, 2018].

Эксперимент проводился до конца 2024 г. по шести направлениям: социальное обслуживание (за исключением услуг в стационарной форме), санаторно-курортное лечение, оказание паллиативной медицинской помощи, развитие туристской индустрии, спортивная подготовка, а также содействие занятости населения³. Это те направления, по которым негосударственные поставщики могут включаться в социальный заказ и предлагать свои услуги.

Эксперимент был реализован в основном на уровне субъектов РФ (далее — регионы). Каждый регион самостоятельно выбирал одно или несколько направлений социального заказа. Из года в год количество регионов — участников эксперимента увеличивалось. В 2021 г. их было 16, а в 2023 г. механизмы социального заказа апробировало 32 региона⁴.

В случае, когда граждане непосредственно выбирают поставщиков, каждому гражданину предоставляется сертификат, в котором определены виды и объем гарантированных ему услуг. Однако воспользоваться сертификатом гражданин может только путем выбора поставщика из специального реестра исполнителей услуг. Такие реестры формируются уполномоченными органами регионов (далее — уполномоченные органы) по тем направлениям социального заказа, где принято решение применять сертификаты⁵. Поставщики включаются в реестры в заявительном порядке при условии их соответствия установленным требованиям, в том числе к добросовестности⁶.

В идее о выборе поставщиков услуг из реестров усматривается сущность реестров как инструментов подталкивания граждан к рациональному потребительскому выбору, что напоминает концепцию либертарианского патернализма, которая исходит из принципа «мягкого» регулирования поведения граждан со стороны органов публичной власти, сохраняя при этом для граждан свободу выбора [Leonard, Thaler, Sunstein, 2008]. С одной стороны, граждане выбирают поставщиков только из реестра. С другой стороны, они свободны в выборе из предложенного перечня поставщиков.

Часто применяемые методы подталкивания обобщил К. Санстейн [Sunstein, 2014]. Среди них — метод раскрытия информации⁷, который применяется в от-

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» // Система обеспечения государственной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/519530-7> (дата обращения: 25.05.2023).

³ Часть 2 ст. 28 Федерального закона № 189-ФЗ.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 07.10.2020 № 2579-п // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364559/?ysclid=lgcsi7m1o150382645 (дата обращения: 23.05.2023).

⁵ Пункт 1 ч. 2 ст. 9 Федерального закона № 189-ФЗ.

⁶ Часть 3 ст. 9 Федерального закона № 189-ФЗ.

⁷ Также К. Санстейн выделил следующие методы: установление определенного выбора по умолчанию, подчеркивание определенных характеристик товара (услуги), применение (демонстрация) социальных практик и норм, которые оказывают значительное влияние на индивидуальные решения.

ношении потребителей, а также для информирования общества о существующих проблемах различной природы и возможных вариантах их решения. В случае с потребителями суть метода заключается в их информировании о существенных характеристиках товаров и услуг. Этот метод представляет для нас особый интерес. Если граждан обязывают делать выбор из реестров, то реестры в том или ином объеме должны раскрывать характеристики услуг и поставщиков.

Цель раскрытия информации, по мнению К. Санстейна, заключается в обеспечении конкуренции: «Если требования к раскрытию информации просты и понятны, они должны облегчить выборку для сравнения и, следовательно, рыночную конкуренцию» [ibid.: 729]. Вместе с тем он обращает внимание не только на сам факт раскрытия, но и на то, каким образом предоставляется информация. В итоге К. Санстейн рекомендует применять специальные технологии для более динамичного и адаптированного для граждан предоставления информации, а также определять формат и дизайн информационных ресурсов, удобных для пользователей [ibid.].

Если обобщить идеи К. Санстейна, то в основе раскрытия информации лежат следующие принципы: формирование правил предоставления информации, создание удобного формата и дизайна информационных ресурсов, применение технологий эффективного поиска информации. Подобные идеи положены в основу исследований цифрового подталкивания, в которых изучаются практики использования элементов дизайна пользовательского интерфейса для управления поведением людей в среде цифрового выбора⁸ [Weinmann, Schneider, Brocke, 2016].

В связи с изложенным возникает вопрос, обеспечивали ли действующие реестры исполнителей услуг для граждан конкурентный отбор поставщиков и видели ли уполномоченные органы в них такую роль. Он положен в основу нашего исследования. Под конкурентным отбором в данном случае мы понимаем процесс поиска подходящего поставщика, основанный на возможности оценивать и сравнивать поставщиков и их услуги. Акцент на взгляды уполномоченных органов сделан по причине их ключевой роли в определении целей создания реестров и форматов, в которых они предоставлены пользователям.

Для ответа на исследовательский вопрос поставлены следующие задачи: 1) оценить, насколько реестры раскрывают необходимую с точки зрения прав потребителей информацию о поставщиках и услугах; 2) выяснить, в каких форматах реестры предоставлены пользователям в интернете и есть ли в них инструменты для поиска и сравнения поставщиков и услуг; 3) обобщить опыт применения реестров уполномоченными органами.

Статья имеет следующую структуру. Сначала дается обзор исследований о роли подобных реестров в потребительском выборе. Далее описываются методы исследования. Затем приводятся результаты решения поставленных задач, выводы и дискуссия. В заключении отмечены ограничения и перспективы исследования.

⁸ Mirsch T., Lehrer C., Jung R. () Making Digital Nudging Applicable: The Digital Nudge Design Method // ICIS 2018 Proceedings. Design. 2018. Art. 5. URL: <https://aisel.aisnet.org/icis2018/design/Presentations/5> (дата обращения: 21.02.2025).

Роль реестров поставщиков услуг в потребительском выборе

Реестры исполнителей услуг по социальному сертификату характеризуются как минимум двумя особенностями. Во-первых, они имеют межсекторный характер: в них включаются негосударственные (коммерческие и некоммерческие) и государственные организации. Во-вторых, в числе их пользователей — граждане (физические лица, потребители услуг). С учетом этого мы искали исследования, предметом которых были подобные реестры. Среди русскоязычных источников найдены научные статьи, которые касались практики применения российских реестров поставщиков социальных услуг и реестра исполнителей общественно полезных услуг. В англоязычных источниках встречались исследования, предметом которых были только реестры некоммерческих организаций различных стран. В целом найдено незначительное число работ, в той или иной степени соответствующих критериям поиска.

Реестры поставщиков социальных услуг действуют в России с 2015 г. Они созданы в каждом регионе страны и размещены в интернете. В них включаются государственные и негосударственные организации, предоставляющие в рамках социального обслуживания граждан бытовые, медицинские, психологические, педагогические и иные виды услуг в стационарной и полустационарной форме, а также на дому. Включение организаций в реестры — необходимое условие их доступа к предоставлению социальных услуг, затраты на которые возмещаются государством, и отождествляется с неким аналогом их государственной сертификации как надлежащих поставщиков [Мерсиянова, Беневоленский, 2017]. Соответственно, граждане, которым гарантированы социальные услуги за счет государства, могут выбирать поставщиков только из таких реестров.

С точки зрения законодательства о защите прав потребителей реестры поставщиков социальных услуг содержат необходимый объем информации об услугах: формы социального обслуживания; перечень услуг и условия их предоставления, включая тарифы; наличие свободных мест; опыт работы поставщика и результаты проведенных в отношении него проверок [Ларионов, 2021]. Объем раскрываемой информации достаточен для конкурентного выбора поставщиков [Горбунова, 2017]. Вместе с тем не все реестры адаптированы для пользователей. Многие из них представлены в виде списка организаций на сайте органа в сфере социального обслуживания без возможности выборки организаций и услуг по каким-либо критериям или в виде файла PDF или XLS. Очевидно, что от реестров в таких форматах мало пользы для граждан. Только незначительная часть реестров имеет вид информационной системы с витриной услуг и рейтингом поставщиков [Ларионов, 2021].

В исследованиях также отмечают, что реестры поставщиков социальных услуг имеют пользу и для поставщиков. Во-первых, это способ расширить свою целевую аудиторию. Во-вторых, включение в реестр усиливает их статус, является атрибутом деловой репутации в отношениях с клиентами, спонсорами и партнерами [Гришина, Цацура, 2019; Старшинова, Бородкина, 2020].

В реестр исполнителей общественно полезных услуг включаются только некоммерческие организации (далее — НКО), оказывающие общественно полез-

ные услуги, перечень которых утвержден федеральным правительством. Он содержит информацию о видах услуг НКО, но не раскрывает сведений об условиях их предоставления и об опыте работы НКО. По этой причине его не рассматривают как способ отбора поставщиков и продвижения их услуг [Ларионов, 2021]. Его роль заключается в учете исполнителей общественно полезных услуг, которые имеют право на приоритетный доступ к бюджетным ресурсам среди других НКО [Романова, Мацкевич, 2019].

Реестры НКО в зарубежных странах создаются для различных целей. Например, С. Эпп, изучая практики применения государственных реестров НКО в странах Латинской Америки, выделила три цели, которые ставят государственные органы при их создании: 1) сбор и систематизация данных об НКО; 2) развитие сотрудничества НКО с государством и другими институтами; 3) регулирование деятельности НКО [Арре, 2011, 2012, 2015].

Сбор и систематизация данных об НКО — первостепенная цель, поскольку это делает понятной структуру некоммерческого сектора, проясняет его значение в производстве общественных услуг [Арре, 2011, 2012]. Как инструменты развития сотрудничества реестры представляют собой площадки для встреч между людьми и организациями, место для построения социальных сетей, обмена информацией и опытом. Они помогают создавать связи между секторами, показывают весь спектр некоммерческих организаций, какие услуги они оказывают и есть ли перенасыщенность одних услуг и недостаток других. В этом аспекте реестры также рассматриваются как площадки для поиска услуг. Регуляторная функция проявляется в обеспечении прозрачности и подотчетности НКО перед обществом [Арре, 2015].

Вместе с тем С. Эпп не предлагает модель структуры реестров и стандарт отображаемой в них информации. В какой-то степени эту задачу решает Б. Невер, который изучал роль НКО в решении социальных конфликтов, случившихся в 2001 г. в Белфасте, Северная Ирландия. Он обращает внимание, что НКО не одинаковы по способности решать социальные проблемы разной сложности, и предлагает создавать реестры, которые помогут выбирать НКО, наиболее подходящие для решения той или иной социальной задачи. Идея Б. Невера заключается в том, что центральным элементом реестров должен быть перечень востребованных обществом услуг, а не список НКО, построенный по дате их регистрации или в алфавитном порядке. Прежде всего пользователь обращается к реестру для поиска подходящей услуги. Выбирая услугу, он получает доступ к организациям, способным ее оказать наиболее эффективно [Never, 2011].

Предложенный Б. Невером формат реестров упрощает поиск подходящих исполнителей услуг, что делает реестры более удобными для пользователей. Реестры с подобным форматом похожи на платформы O2O (online-to-offline). Суть таких платформ — заинтересовать потенциального клиента на интернет-ресурсе и привести в офлайн-точку [Дмитриева, Минченко, Рыльских, 2022].

В работах также отмечается, что включение НКО в реестры стимулирует их раскрывать о себе более полную информацию на своих веб-сайтах и в целом действовать эффективнее и этичнее. Такая зависимость обнаружена при исследовании поведения НКО в штате Айова, США [Smith, 2010].

Как видно, реестры могут помогать гражданам в выборе поставщиков услуг. Степень их пользы в качестве инструментов выбора поставщиков во многом определяется целями их создания, которые ставят регуляторы, а также зависит от их структуры и формата, в котором они предоставлены пользователям.

Методы исследования

Решение поставленных в статье задач основано на трех методах. В первую очередь проведен анализ требований нормативных правовых актов к структуре и содержанию реестров исполнителей услуг. Это помогло понять, какой объем информации о поставщиках и услугах должны раскрывать реестры, и оценить, насколько этот объем соответствует правам потребителей на информацию об услугах. Предметом анализа были нормы Закона РФ «О защите прав потребителей»⁹ и нормы положения о структуре реестра исполнителей услуг и порядке его формирования¹⁰, утвержденного Правительством РФ.

Далее проанализированы реестры, доступные в интернете, на наличие в них инструментов поиска и сравнения услуг и поставщиков. Поиск реестров осуществлялся в отношении 16 регионов, которые включились в социальный заказ с 2021 г.¹¹ В итоге было найдено 12 реестров восьми регионов (в некоторых регионах создано несколько реестров по принципу «один реестр для одной социальной сферы»): Белгородской, Московской, Калининградской, Самарской, Тюменской, Челябинской областей, Красноярского края и ХМАО.

Затем проведены полуструктурированные интервью с представителями уполномоченных органов (далее также — участники интервью). Поиск участников интервью осуществлялся в указанных ранее 16 регионах, поскольку на период нашего исследования они имели опыт исполнения социального заказа (один-два года), в том числе опыт применения исследуемых реестров. Согласие на интервью выразили восемь представителей уполномоченных органов (перечень информантов см. в Приложении). На основе собранных материалов обобщены взгляды участников интервью на роль реестров в конкурентном отборе поставщиков.

Интервью проводились в режиме онлайн. Средняя продолжительность каждого интервью составила около 50 минут. Записи интервью сохранены и транскрибированы.

Требования к структуре и содержанию реестров

Реестры исполнителей услуг формируются уполномоченными органами на основании заявок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и фи-

⁹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁰ Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о структуре реестра исполнителей государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере в соответствии с социальным сертификатом» № 183 от 13.02.2021 // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/132909/> (дата обращения: 15.10.2023).

¹¹ Алтайский край, Белгородская область, Воронежская область, Калининградская область, Красноярский край, Московская область, Новгородская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Самарская область, Санкт-Петербург, Ставропольский край, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра (далее — ХМАО), Челябинская область и Ярославская область.

зических лиц — производителей услуг. Они должны включать три раздела: 1) о реестровой записи; 2) об исполнителях услуг; 3) об услугах и условиях их оказания¹².

Реестровая запись — это номер, состоящий из кода субъекта РФ или муниципального образования, на территории которого будут осуществляться услуги, а также порядкового номера включения записи в реестр. Реестровая запись может иметь три статуса: первичная, измененная и архивная (если поставщик исключен из реестра). В первом разделе также должны быть сведения о дате включения и исключения поставщика из реестра, о причине исключения.

Второй раздел должен раскрывать наименование или полное имя производителей услуг, их ОГРН и ИНН, сведения о наличии у них лицензии и аккредитации, а также контактные данные (место нахождения, номера телефонов и адреса электронной почты). В разделе также необходимо указывать организационно-правовую форму юридических лиц.

Для характеристики услуг (третий раздел) в реестры включаются следующие сведения: наименование услуги; показатели ее качества; предельный объем и свободный объем услуг; нормативные затраты на оказание услуги; цена услуги; стоимость услуги в объеме, превышающем объем в социальном сертификате; информация о порядке оказания услуги (сроки, условия, формы); а также номер и дата заключения соглашения между поставщиком и уполномоченным органом о компенсации затрат на производство услуг. При этом в реестрах надо отображать изменения объема услуг по каждому поставщику, что характеризует их как динамичные информационные системы.

Как видно, реестры должны содержать большой объем информации. Если сравнить этот объем с требованиями закона о защите прав потребителей к минимальному объему раскрываемой для потребителей информации (статьи 8—10), то можно сказать, что реестры соответствуют этим требованиям. Например, потребитель имеет право на достоверную информацию о полном наименовании поставщика, о месте его нахождения, о наличии у него аккредитаций и лицензий, о цене и потребительских свойствах услуг. Эти сведения, как показано выше, должны отражаться в реестрах.

Частично реестры напоминают агрегатов торговли, под которыми закон о защите прав потребителей понимает программы для ЭВМ или интернет-сайты, предоставляющие потребителям возможность ознакомиться с предложениями поставщиков и произвести оплату товара или услуги. Выбор формата реестров (программа ЭВМ, сайт или иные варианты) находится в ведении уполномоченных органов. На федеральном уровне специальных требований в этой части нет. Далее мы посмотрим, в каких форматах представлены действующие реестры.

¹² Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о структуре реестра исполнителей государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере в соответствии с социальным сертификатом на получение государственной (муниципальной) услуги в социальной сфере и порядке формирования информации, включаемой в такой реестр, а также Правил исключения исполнителя государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере из реестра исполнителей государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере в соответствии с социальным сертификатом на получение государственной (муниципальной) услуги в социальной сфере» № 183 от 13.02.2021 // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/132909/> (дата обращения: 15.10.2023).

Форматы реестров

В процессе поиска реестров исполнителей услуг в интернете было обнаружено 12 реестров восьми из 16 выбранных нами регионов. Среди них:

1) четыре реестра в сфере социального обслуживания (Белгородская область¹³, Красноярский Край¹⁴, ХМАО¹⁵, Челябинская область¹⁶);

2) три реестра в сфере содействия занятости населения (Самарская область¹⁷, Тюменская область¹⁸, Красноярский край¹⁹);

3) четыре реестра в сфере популяризации туризма (Московская область²⁰, Калининградская область²¹, Красноярский край²², Самарская область²³);

4) реестр в сфере паллиативной медицинской помощи Тюменской области²⁴.

Реестры в сфере социального обслуживания Белгородской области, ХМАО и Челябинской области встроены в виде отдельных вкладок (страниц) в реестры поставщиков социальных услуг, которые, как ранее отмечалось, действуют

¹³ Реестр исполнителей государственных услуг в сфере социального обслуживания в соответствии с социальным сертификатом // Министерство социальной защиты населения и труда Белгородской области. URL: <http://minsoc31.ru/organy-i-uchrezhdeniya/reestr-postavshikov-socialnyh-uslug/> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁴ Негосударственные поставщики, участвующие в реализации социального заказа в сфере социального обслуживания на дому // Министерство социальной политики Красноярского края. URL: <https://szn24.ru/page/podpunkt-socobsluzhivaniya-1> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁵ Реестр исполнителей государственных услуг в социальной сфере в соответствии с социальным сертификатом // Портал социальных услуг. URL: <https://socportal.admhmao.ru/registry/soc-cert> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁶ Реестр исполнителей государственных услуг в сфере социального обслуживания в соответствии с социальным сертификатом // Реестр поставщиков социальных услуг. Челябинская область. URL: <https://rpost.gov74.ru/> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁷ Реестр исполнителей государственных услуг в сфере содействия занятости населения в соответствии с социальным сертификатом на 2024 год // Интерактивный портал службы занятости населения Самарской области. URL: https://www.samaratrud.ru/content/реестр_исполнителей_государственных_услуг_в_сфере_содействия_занятости_населения_в_соответствии_с_социальным_сертификатом_на_2024_год (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁸ Реестр работодателей // Интерактивный портал органов службы занятости Тюменской области. URL: <https://czn.admyumen.ru/employer/index> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁹ Об утверждении Порядка формирования реестра исполнителей государственных услуг в области содействия занятости населения в соответствии с социальным сертификатом // Красноярский край. Официальный портал. URL: <http://krskstate.ru/docs/0/doc/87947?eyes=no> (дата обращения: 07.03.2025).

²⁰ Реестр исполнителей государственной услуги «создание условий в Московской области для обеспечения отдельных категорий граждан возможностью путешествовать с целью развития туристского потенциала Российской Федерации» в социальной сфере в соответствии с социальным сертификатом // Министерство культуры и туризма Московской области. URL: <https://mk.mosreg.ru/dokumenty/gosudarstvennye-uslugi/poluchenie-socialnogo-sertifikata-na-turisticheskuyu-poezdku-v-moskovskoi-oblasti/28-08-2023-09-50-09-reestr-ispolniteley-gosudarstvennoy-uslugi-sozdani> (дата обращения: 07.03.2025).

²¹ Реестр исполнителей государственной услуги по созданию условий в Калининградской области для обеспечения отдельных категорий граждан возможностью путешествовать с целью раскрытия туристского потенциала Российской Федерации // Министерство по культуре и туризму Калининградской области. URL: https://culture-tourism.gov39.ru/upload/culture-tourism/2024/Реестр_2024_исполнителей_государственных_услуг_по_соц_сертификату_в_сфер....xlsx (дата обращения: 07.03.2025).

²² Перечень туристских продуктов в соответствии с социальным сертификатом // Агентство по туризму Красноярского края. URL: <http://turizm.krskstate.ru/gosuslugi/socialcertificate/register> (дата обращения: 14.08.2023).

²³ Реестр исполнителей услуг 2023 // Министерство туризма Самарской области. URL: <https://mintourism.samregion.ru/category/deyatelnost/soczialnyj-zakaz/> (дата обращения 07.03.2025).

²⁴ Выписка из реестра исполнителей государственных услуг в социальной сфере по направлению «Оказание паллиативной медицинской помощи» с использованием социального сертификата взрослому населению Тюменской области // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: https://admyumen.ru/ogv_ru/society/health/medical_insurance/more.htm?id=11941435@cmsArticle (дата обращения: 07.03.2025).

в каждом регионе страны с 2015 г. в рамках Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»²⁵. Таким образом, реестры поставщиков социальных услуг указанных трех регионов являются базовыми по отношению к реестрам исполнителей услуг по сертификатам. Они представляют собой сайты с набором сервисов по поиску и фильтрации информации (карта поставщиков, рейтинг поставщиков, витрина услуг). Однако эти сервисы не работают в части реестров исполнителей услуг по сертификатам. Так, если в реестре исполнителей услуг сделать выборку надомных услуг, то мы получим список организаций из базового реестра поставщиков социальных услуг, и неопытный пользователь может подумать, что все они являются исполнителями социального заказа.

Реестр Красноярского края представляет собой обычный список поставщиков, размещенный на портале уполномоченного органа. Пользователи получают возможность перейти по гиперссылкам на сайты исполнителей услуг. Других возможностей реестр не предоставляет.

Реестры в сфере содействия занятости размещены на интерактивном портале органов занятости населения в формате XLS. Поставщики в этой сфере как правило предлагают образовательные услуги по переподготовке, повышению квалификации и обучению рабочим профессиям. Встречаются случаи, когда поставщики заявляют широкий спектр образовательных услуг. Например, реестр Тюменской области содержит более тысячи таких услуг.

Реестры в сфере туризма в основном представлены в формате XLS (Калининградская, Московская и Самарская области). Исключение составляет Красноярский край, где реестр размещен на портале уполномоченного органа в виде списка организаций и туристических продуктов. Пользователи имеют возможность по гиперссылке перейти на страницу сайта каждого турпродукта.

Формат XLS также характерен и для *реестра в сфере паллиативной медицинской помощи* Тюменской области.

В целом можно сказать, что действующие реестры не отличаются удобным форматом и функционалом по поиску и сравнению поставщиков и услуг. Они представляют собой обычный список организаций. При этом в них зачастую не отображается часть необходимых для раскрытия сведений об услугах. Например, не фиксируются изменения объема услуг по каждому поставщику, отсутствуют характеристики качества услуг. Кроме того, реестры сложно найти в интернете поисковыми запросами.

Опыт применения реестров в отборе поставщиков

Взгляды представителей уполномоченных органов о роли реестров в отборе поставщиков не однозначны. С одной стороны, наши информанты отмечают, что реестры являются для потребителей способом проверки надежности поставщиков, поскольку до включения в реестры они проходят проверку на наличие лицензии и квалифицированного персонала, на отсутствие в реестре недобросовестных поставщиков и другим критериям. Включая поставщика в реестр, уполномочен-

²⁵ Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38016> (дата обращения: 15.06.2023).

ный орган подтверждает его добросовестность, а также соответствие его услуг установленным требованиям к качеству: «Реестр — это подтверждение для поставщиков, что к поставщику можно обращаться: мы его проверили, ты к нему можешь идти» (эксперт 1).

С другой стороны, уполномоченные органы рассматривают реестры в основном как инструмент административного учета поставщиков, допущенных к участию в социальном заказе. Поэтому при создании реестров они не обсуждали их роль в отборе поставщиков.

Мне кажется, что в законе и в постановлении правительства такой цели не ставится. И главное, что нам ее никто не предъявляет. Мы используем реестр для администрирования услугами, финансами и сертификатами. Если б реестр оптимизировал выбор поставщиков — это было бы вообще идеально. (Эксперт 5)

Так вопрос не ставился. Мы изначально пытались это обсудить, но возникает вопрос — каким образом это формировать? (Эксперт 7)

Реестры в том виде, в каком они сейчас, неэффективны для отбора поставщиков. Вместе с тем участники интервью не исключают пользу реестров для потребителей при условии их совершенствования до уровня современных цифровых платформ.

Реестр должен обладать максимальной простотой, удобством для взаимодействия между операторами и родителями для заключения договоров [в данном случае речь шла об услугах в сфере туризма для детей школьного возраста, от имени которых поставщиков выбирают родители]. (Эксперт 2)

Есть мнение, что реестры как инструменты отбора поставщиков актуальны не для всех направлений социального заказа. Например, в сфере социального обслуживания услуги получают в основном пожилые граждане и инвалиды, которые мало или совсем не работают с цифровыми платформами. В этой сфере граждане чаще выбирают поставщиков по рекомендациям уполномоченных органов. При предоставлении сертификатов им выдается список потенциальных поставщиков, так они узнают о поставщиках. Как правило, они доверяют уполномоченному органу и пользуются предложенными списками.

Поставщиков люди выбирают по бумажке, которую им выдал государственный орган. Мы программу оказания услуг сформировали, там есть и перечень поставщиков, оказывающих эти услуги. (Эксперт 7)

Наиболее перспективными для конкурентного отбора поставщиков являются такие направления социального заказа, как занятость населения (в части услуг по дополнительному профессиональному образованию) и развитие туризма. Конкуренция в этих сферах более развита, особенно в сфере дополнительного профессионального образования. Это два направления, где участники интервью видят актуальность реестров.

Конкуренция в сфере услуг по повышению квалификации и переподготовке более развита. Здесь есть рынок, количество образовательных организаций большое. В туризме конкуренция тоже может быть наверняка. В нашем региональном реестре около пятидесяти туристических организаций. Гражданам выбрать есть из кого. Люди будут искать, по каким маршрутам операторы едут, в какие города. (Эксперт 5)

Обсуждая перспективы применения реестров, мы инициировали рассуждения о том, что должно составлять основной контент реестров. По мнению участников интервью, действующие реестры содержат необходимую для выбора поставщиков информацию. Вместе с тем отмечается, что для многих граждан важно понимать, в каких условиях будут оказаны услуги и какой персонал в этом будет задействован.

Было бы удобно знать обо всех услугах, которые могут предоставить поставщики, актуально визуализировать материально-техническую базу, представить квалификацию специалистов. (Эксперт 3)

Людам также интересно знать о дополнительных услугах, которые могут предложить поставщики. Практика показывает, что потребители, как правило, отдают предпочтение поставщикам, предлагающим бонусы в виде безвозмездных сопутствующих услуг: «Конкурентные преимущества формируются за счет дополнительных услуг, безвозмездных для населения» (эксперт 4).

Спорным стал вопрос о целесообразности включения в реестр рейтинга поставщиков, основанного на оценках потребителей о качестве предоставленных им услуг. Мы исходили из того, что такой рейтинг может помочь гражданам в выборе поставщиков, а добросовестным поставщикам — улучшить свою репутацию. Однако эта идея не нашла полной поддержки. Были как сторонники включения рейтинга в реестр, так и те, кто не видел в этом явной пользы. Причем все уполномоченные органы ежегодно собирают обратную связь от граждан по вопросам качества предоставленных им услуг, а также проводят независимую оценку поставщиков с привлечением сторонних экспертов.

Ежегодно у нас проводится независимая оценка качества социальных услуг, в которой принимают участие как государственные, так и негосударственные поставщики. Для поставщиков она становится результатом их труда: либо ты первый, либо тридцать первый. (Эксперт 6)

Результаты обратной связи и независимой оценки поставщиков публикуются на официальных сайтах уполномоченных органов. Они не отображаются в реестрах, так как с правовой точки зрения уполномоченные органы не обязаны это делать, но «могут играть роль для выбора поставщика» (эксперт 6).

Представители уполномоченных органов также отмечают, что рейтинги могут быть объективны не по всем направлениям социального заказа: «Если в образовании и туризме можно говорить о рейтингах, то в социальном обслуживании все сложнее» (эксперт 3). Когда люди обращаются за услугами в этой сфере, «...они приходят с длительными проблемами и, если у человека не возникло выздоров-

ление, как бы хорошо ему ни оказали услугу, он, может быть, и не даст положительного отзыва. В социальном обслуживании встречаются получатели, которым всегда все плохо» (эксперт 1).

Поскольку уполномоченные органы изначально не планировали создавать реестры как инструменты отбора поставщиков, для участников интервью оказалось сложным дать более развернутые характеристики реестров в таком качестве. Тем не менее их опыт работы с потребителями и поставщиками ценен для понимания возможных направлений совершенствования реестров.

Результаты и дискуссия

Нам не удалось найти успешного примера реестра исполнителей услуг, в котором сочетались бы основные рекомендации К. Санстейна по адаптированному для граждан предоставлению информации. В целом объем раскрываемой в реестрах информации достаточен для потребительского выбора, однако форматы действующих реестров плохо ее структурируют и оформляют. Это исключает роль реестров как эффективных инструментов поиска услуг и отбора поставщиков. В большей степени реестры решают задачи допуска поставщиков к участию в социальном заказе. Этим они похожи на подобные российские реестры поставщиков социальных услуг и реестр исполнителей общественно полезных услуг.

Уполномоченные органы не исключают возможность применения реестров как инструмента отбора поставщиков. Они видят, как можно изменить реестры в целях продвижения услуг и расширения целевой аудитории поставщиков. Однако сложилось ощущение, что такую задачу перед собой они вряд ли поставят самостоятельно. Поэтому перспектива преобразования реестров в площадки для встреч между людьми и организациями или в платформы online-to-offline, о которых пишут исследователи [Арр, 2015; Дмитриева и др., 2022], во многом зависит от внешнего по отношению к уполномоченным органам целеполагания. Такую цель могут поставить, например, региональные правительства.

Многие представители уполномоченных органов сходятся во мнении, что реестры как площадки для поиска услуг и отбора поставщиков востребованы в тех направлениях социального заказа, где сформировалась конкурентная среда и где потребителями услуг выступают преимущественно граждане молодого возраста. Под конкурентной средой они обычно понимают ситуацию, когда заявилось много поставщиков. Однако бывают случаи, когда поставщиков немного, а количество предлагаемых ими услуг большое. Например, в Тюменской области чуть более 20 поставщиков заявило более тысячи образовательных программ. В таких случаях реестр в виде простого списка организаций вряд ли окажет существенную пользу гражданам. Нужен более эффективный инструмент. Это возвращает нас к идее Б. Невера о том, что надо создавать реестры, центральным элементом которых будут услуги, а не поставщики. Человек выбирает прежде всего услугу и через нее выходит на оценку потенциальных поставщиков.

Сложно согласиться с мнением, что в сфере социального обслуживания реестры современного формата не нужны, так как основными потребителями услуг выступают пожилые граждане, которые почти не пользуются информационными технологиями. Как поясняют представители уполномоченных органов, выбор за та-

ких граждан делают их родственники. В этом случае они становятся участниками отбора поставщиков, и реестры современного формата могут им помочь. Более того, социальное обслуживание — это та сфера, где так или иначе за последние десять лет сложилась конкурентная среда [Гришина, Цацура, 2019].

В 2025 г. социальный заказ перешел из эксперимента в повсеместный и постоянный механизм предоставления публичных услуг в социальной сфере и на законодательном уровне осталась правовая норма о том, что потребитель «осуществляет выбор исполнителя услуг из реестра исполнителей услуг по социальному сертификату». Это факт сохраняет актуальность поставленного в статье вопроса и первый пример адаптированного для потребителей реестра может стать основой для формирования современных платформ для «встреч» участников социального заказа.

Заключение

Роль реестров исполнителей услуг в отборе поставщиков рассмотрена нами на основе взглядов и оценок представителей уполномоченных органов. Это связано с тем, что чаще именно они определяют цели реестров и их форматы. Вместе с тем за рамками исследования остались взгляды потребителей услуг. Изначально мы планировали с ними серию интервью, но не удалось найти достаточного количества желающих принять участие в исследовании даже из минимального расчета два-три человека от каждого региона из нашей выборки. Сложность заключается в том, что информация о потребителях услуг отсутствует в открытом доступе. Их поиск осуществлялся через поставщиков, но не все оказались готовы прилагать усилия для получения согласия от граждан на интервью.

Наше исследование не ограничивается публикацией данной статьи. В обозримом будущем мы планируем показать пример реестра в виде веб-приложения и в тестовом режиме обсудить его с уполномоченными органами, поставщиками и, по возможности, потребителями. Мы надеемся, что наглядный пример поможет участникам социального заказа более предметно оценить возможную пользу реестров в отборе поставщиков и выразить свои взгляды на перспективы их применения.

Список литературы (References)

1. Горбунова В. В. Государственно-общественное партнерство как перспективное направление повышения качества социальных услуг // Барейко С. Н., Горбунова В. В., Журавлева Н. А. Экономика, социум, человек: проблемы и перспективы развития в условиях социальных изменений. Смоленск: НОВАЛЕНСО, 2017. С. 45—65.
Gorbunova V. V. (2017) Public-Private Partnership as a Promising Direction for Improving the Quality of Social Services. In: Bareyko S. N., Gorbunova V. V., Zhuravleva N. A. *Economy. Society, Human: Problems and Prospects for Development in Conditions of Social Change*. Smolensk: NOVALENCO. P. 45—65.
2. Григорьева И., Парфенова О. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания:

- барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 1. С. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22>.
- Grigoryeva I., Parfenova O. (2021) Socially-Oriented NPOs and Social Enterprises as Drivers of Denationalization in Social Services: Barriers and Opportunities. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22>. (In Russ.)
3. Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Развитие негосударственных социальных услуг для пожилых: барьеры и пути их преодоления // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 4. С. 1475—1490. <https://doi.org/10.18334/et.6.4.41209>.
- Grishina E. E., Tsatsura E. A. (2019) Development of Non-Governmental Social Services for the Elderly: Barriers and Ways to Overcome Them. *Russian Journal of Labour Economics*. Vol. 6. No. 4. P. 1475—1490. <https://doi.org/10.18334/et.6.4.41209>. (In Russ.)
4. Дмитриева Н. Е., Минченко О. С., Рылских Е. В. Цифровые платформы как субъект и объект регулирования, или как платформы изменяют систему государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 60—84. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-2-60-84>.
- Dmitrieva N. E., Minchenko O. S., Rylskikh E. V. (2022) Digital Platforms as a Regulator and the Regulated Subject, or How Platforms Change the System of Public Administration. *Public Administration Issues*. No. 2. P. 60—84. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-2-60-84>. (In Russ.)
5. Ларионов А. В. Функции государственных реестров НКО в развитии третьего сектора // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 4. С. 90—113. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-90-113>.
- Larionov A. V. (2021) Functions of State Registries of NPOS in the Development of the Third Sector: Russian Experience. *Public Administration Issues*. No. 4. P. 90—113. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-90-113>. (In Russ.)
6. Мерсиянова И. В., Беневоленский И. Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83—104. (In Russ.)
- Mersiyanova I. V., Benevolensky I. B. (2017) NPOs as Social Services Providers: Organizational Weaknesses Verifying. *Public Administration Issues*. No. 2. P. 83—104. (In Russ.)
7. Романова В. В., Мацкевич А. В. Анализ введенных субъектами РФ механизмов преференций для некоммерческих организаций как исполнителей общественно полезных услуг // Регион: экономика и социология. 2019. № 4. С. 117—136. <https://doi.org/10.15372/REG20190406>.
- Romanova V. V., Matskevich A. V. (2019) Preferential Mechanisms Introduced by the Federal Subjects of Russia for Non-Profit Organizations as Socially Beneficial Services Providers. *Region: Economics and Sociology*. No. 4. P. 117—136. <https://doi.org/10.15372/REG20190406>. (In Russ.)
8. Старшинова А. В., Бородкина О. И. Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // Журнал исследований со-

- циальной политики. 2020. № Т. 18. № 3. С. 411—428. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428>
- Starshinova A. V., Borodkina O. I. (2020). NGOs' Activities in Social Services: Public Expectations and Regional Practices. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 3. P. 411—428. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428>. (In Russ.)
9. Appe S. (2011) Civil Society Mappings by Government. *Journal of Civil Society*. Vol. 2. No. 7. P. 157—178.
 10. Appe S. (2012) What about “Who is Mapping” and its Implications? Comments on Brent Never’s “The Case for Better Maps of Social Service Provision”. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. No. 23. P. 204—212.
 11. Appe S. (2015) Government Mapping of the Third Sector: A Government Innovation for Regulation and Coordination? Perspectives From the Third Sector. *International Journal of Public Administration*. Vol. 38. No. 10. P. 724—733.
 12. De Vries M. S., Nemeц J. (2018) Contextualizing Alternative Service Delivery Arrangements. In: Nemeц J., Potier V., de Vries M. S. (eds.) *Alternative Delivery Service*. P. 10—17.
 13. Leonard T. C., Thaler R. H., Sunstein C. R. (2008) Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. *Constitutional Political Economy*. No. 19. P. 356—360. <https://doi.org/10.1007/s10602-008-9056-2>.
 14. Never B. (2011) The Case for Better Maps of Social Service Provision: Using the Holy Cross Dispute to Illustrate More Effective Mapping. *Voluntas*. Vol. 1. No. 22. P. 174—188. <https://doi.org/10.1007/s11266-010-9123-y>.
 15. Pestoff V. (2012) Co-Production and Third Sector Social Services in Europe: Some Concepts and Evidence. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 23. No. 4. P. 1102—1118.
 16. Salamon L. M. (2002) *The Tools of Government: A Guide to the New Governance*. New York, NY: Oxford University Press.
 17. Salamon L. M., Toepler S. (2015) Government-Nonprofit Cooperation: Anomaly or Necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 26. No. 6. P. 2155—2177.
 18. Smith J. (2010) Evaluating a Vital Dimension of Self-Regulation of Nonprofits: The Relationship between the Iowa Register of Accountability and Voluntary Website Disclosure. PhD Thesis. University of Iowa.
 19. Sunstein C. R. (2014) Nudges.Gov: Behaviorally Informed Regulation. In: Zamir E., Teichman D. (eds.) *The Oxford Handbook of Behavioral Economics and the Law*. P. 719—747. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199945474.013.0028>.
 20. Weinmann M., Schneider C., vom Brocke J. (2016) Digital Nudging. *Business & Information Systems Engineering*. Vol. 58. P. 433—436 <https://doi.org/10.1007/s12599-016-0453-1>.

Приложение

Характеристики представителей уполномоченных органов

Эксперты	Позиция в структуре уполномоченного органа	Сфера деятельности уполномоченного органа
Эксперт 1	Первый заместитель руководителя	Социальное обслуживание и социальная поддержка
Эксперт 2	Консультант управления	Развитие туристской индустрии
Эксперт 3	Первый заместитель руководителя	Социальная защита и труд
Эксперт 4	Начальник отдела	Социальное обслуживание и социальная поддержка
Эксперт 5	Заместитель руководителя	Социальная защита и труд
Эксперт 6	Заместитель руководителя	Социальное обслуживание и социальная поддержка
Эксперт 7	Первый заместитель руководителя	Социальная защита и труд
Эксперт 8	Руководитель управления	Социальное обслуживание и социальная поддержка

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2554](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2554)

В. Ю. Егоров, И. Б. Филиппов, А. С. Ахременко

ВОЙТИ ЧЕРЕЗ ГОСУСЛУГИ? ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ К СЕРВИСАМ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Правильная ссылка на статью:

Егоров В. Ю., Филиппов И. Б., Ахременко А. С. Войти через Госуслуги? Факторы отношения к сервисам электронного правительства в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 214—239. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2554>.

For citation:

Egorov V. Y., Philippov I. B., Akhremenko A. S. (2025) Login Through Gosuslugi? Factors of Public Attitude Towards E-government Services on Social Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 214–239. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2554>. (In Russ.)

Получено: 12.01.2024. Принято к публикации: 13.11.2024.

ВОЙТИ ЧЕРЕЗ ГОСУСЛУГИ? ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ К СЕРВИСАМ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

*ЕГОРОВ Вадим Юрьевич — аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: v.yu.egorov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0008-5803-2765>*

*ФИЛИППОВ Илья Борисович — кандидат политических наук, научный сотрудник, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ibfilippov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1464-2923>*

*АХРЕМЕНКО Андрей Сергеевич — доктор политических наук, профессор, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ahremenko@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8002-7307>*

Аннотация. Работа сфокусирована на общественном восприятии государственных практик в рамках политики цифровизации. Электронные практики взаимодействия с государством уже давно стали повседневными для большинства россиян. Это подтверждается как опросами общественного мнения, так и высоким положением России в мировых рейтингах развития электронного правительства. В этих условиях появилось немало работ, направленных на изучение адаптации человека к новым цифровым сервисам, причин успешного внедрения и распространения электронных государственных услуг. Однако мотивация отказа граждан от тех или иных форм электронного обслуживания все еще остается малоизученной. В связи с этим, несмотря на в це-

LOGIN THROUGH GOSUSLUGI? FACTORS OF PUBLIC ATTITUDE TOWARDS E-GOVERNMENT SERVICES ON SOCIAL MEDIA

*Vadim Y. EGOROV¹ — PhD Student, School of Social Sciences
E-MAIL: v.yu.egorov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0008-5803-2765>*

*Ilya B. PHILIPPOV¹ — Cand. Sci. (Polit.), Research Fellow, School of Social Sciences
E-MAIL: ibfilippov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1464-2923>*

*Andrei S. AKHREMENKO¹ — Dr. Sci. (Polit.), Professor, School of Social Sciences
E-MAIL: ahremenko@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8002-7307>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The focus of the work is related to the public perception of government practices within the framework of digitalization policy. Electronic practices of interaction with the government have long been widespread among most Russians. This is confirmed by both public opinion polls and Russia's high positions in the world rankings of e-government development. In this context, a lot of studies have been conducted to examine human adaptation to new digital services, as well as the reasons for the successful introduction and distribution of public e-services. However, citizens' motivations to refuse certain forms of electronic services are still poorly explained. In this regard, despite the generally positive picture of the perception of digital public services, some types of emotional assessments

лом положительную картину восприятия цифровых государственных услуг, некоторые виды эмоциональных оценок и реакций заслуживают отдельного рассмотрения. Есть основания полагать, что восприятие обусловлено не самой услугой, а присущими ей характеристиками, которые стали основными переменными для анализа: обязательность использования, чувствительность передаваемых данных (прежде всего — их принадлежность к медицинским и биометрическим) и цифровое качество, связанное с отсутствием традиционного аналога услуги.

Источником данных стали комментарии к постам в социальной сети «ВКонтакте» о работе национальной платформы «Госуслуги», которые подверглись двойной независимой кодировке. Методы машинного анализа текстов — тематического моделирования — подтвердили влияние выделенных характеристик на словоупотребление и тематику постов: если цифровая услуга обладала хотя бы одной из этих характеристик, комментарии к ней содержали слова с выраженными негативными коннотациями. Вторым этапом исследования стал регрессионный анализ, где в качестве зависимых переменных были определены типы реакций пользователей: политизированные и конспирологические реакции, а также наличие негативного отношения в тексте публикации. Результаты регрессионного анализа влияния характеристик электронных услуг на типы реакций показали, что главный фактор для каждого типа реакций — обязательность использования. Вместе с тем изначальное предположение, что обязательность может обуславливать эффект цифрового качества и чувствительности, подтвердилось лишь отчасти.

Мы рассчитываем, что предложенный в статье подход, базирующийся на сочетании контент-анализа, тематического моделирова-

and reactions deserve additional consideration. There is a reason to believe that perception is driven not by the service itself, but by its inherent characteristics, which have become the main variables for our analysis: perceived mandatory usage, the sensitivity of the personal data (especially medical and biometric data) and the digital quality (digital nature) associated with the absence of an analog alternative. The database for the analysis contained comments on posts regarding the performance of the national e-government platform Gosuslugi published on the social networking site Vkontakte. The comments were subjected to double-independent encoding. With thematic modeling as a common method of machine text analysis, we confirmed the effect of the selected characteristics on the use of words and the subject of posts. If the digital service had at least one of the properties, the texts contained words with pronounced negative connotations. The second stage of the study was regression analysis, where the types of user reactions were determined as dependent variables: politicization and conspiracy sentiments, as well as the presence of a negative attitude in the text of the publication. The results showed that the main factor for each of the responses is the perceived mandatory usage. At the same time, the initial assumptions that this factor can breed the effect of digital quality and sensitivity have only partially been confirmed. We hope that our proposed approach, based on a combination of content analysis, thematic modeling, and regression analysis, would contribute to the available survey tools in such a difficult field of research as the study of citizens' attitudes to government institutions and practices.

ния и регрессии, существенно дополнит имеющиеся опросные инструменты в такой непростой области исследований, как изучение отношения граждан к государственным институтам и практикам.

Ключевые слова: Госуслуги, тематическое моделирование, МНК-регрессия, электронное правительство, социальные медиа

Благодарность. Исследование проведено при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Keywords: Gosuslugi, topic modeling, OLS regression, e-government, social media

Acknowledgments. This research is supported by the Basic Research Programme, HSE University.

Введение

Исследование отношения граждан к государству, его институтам и практикам сопряжено с рядом хорошо известных методологических трудностей. Наиболее общая проблема, с которой сталкиваются традиционные опросные методы, связана с эффектом социальной желательности (*social desirability bias*), когда респондент при формулировке ответа руководствуется представлением о некоей «нормативной», социально одобряемой позиции [Kreuter, Presser, Tourangeau, 2008]. Это может порождать такие феномены, как фальсификация предпочтений (*preference falsification* [Kuran, 1997]) или «спираль молчания» [Noelle-Neumann, 1974], приводя в итоге к систематическим смещениям в оценках общественного мнения. Эти искажения усугубляются недоверием части респондентов к анонимности процедуры опроса, и эта часть лишь увеличивается во времена испытаний, например, когда страна участвует в боевых действиях.

На устранение таких искажений направлены экспериментально-опросные техники (*survey experiments*) [Седашов, 2021], в частности разные версии лист-экспериментов (*list experiments*) [Glynn, 2013], когда опрашиваемым из контрольной и экспериментальной групп предлагается выбрать число утверждений, с которыми они согласны, но не сами эти утверждения. Такие методики, однако, лишь смягчают, но не устраняют полностью эффекты смещения [Blair, Imai, 2012]; они требуют существенных ресурсов и довольно сложны в реализации.

Кроме того, эти методы не решают еще один комплекс проблем, общий для всех без исключения опросных подходов к оценке отношения к государству, мы назовем его «вынужденное реагирование на абстрактный запрос». Когда респонденту задают вопрос, к примеру, об отношении к некоторому властному институту (парламенту, силовой структуре, правительству и т. д.), его или ее фактически помещают в некоторую искусственную ситуацию необходимости сформулировать отношение к довольно абстрактной сущности. Но в повседневной жизни люди не взаимодействуют с институтами и в большинстве своем не задумываются об от-

ношении к ним. При этом «реактивно-умозрительный» контекст еще сильнее обостряет и более общие эффекты социальной желательности.

В этой статье мы предложим подход, который — разумеется, лишь частично, — поможет избежать указанных трудностей. В эмпирическом фокусе нашего исследования — комментарии пользователей социальных медиа к государственным цифровым услугам. Их использование в последние годы стало самой распространенной формой взаимодействия с государством для большинства граждан. По данным Росстата, в 2021 г. доля получающих государственные и муниципальные услуги в общей численности населения от 15 до 72 лет достигла 68,2% [Цифровая экономика..., 2023: 66]. Россия признана одним из лидеров цифровизации государственного управления. В 2022 г. страна заняла десятое место¹ в мире по уровню цифрового развития государственного сектора (*GovTech Maturity Index*). Успех политики цифровизации госсектора отчасти можно объяснить высоким спросом на цифровые услуги в целом: согласно опросу ВЦИОМ², 81% россиян пользуются электронными сервисами, причем 35% из них делают это ежедневно.

Востребованность онлайн-обслуживания у граждан свидетельствует о необходимости изучения адаптации человека к цифровым формам взаимодействия с государством. Преодоление методологических трудностей при изучении этих форм потенциально может стать путем к созданию рекомендаций по улучшению стратегий цифрового государственного управления. Процесс оказания гражданам государственных услуг — это повседневные практики, а не умозрительные институты, отношение к ним формируется естественным образом. Написание комментариев в социальных сетях представляет собой нереактивное, невынужденное речевое поведение, что снижает влияние воспринимаемых социальных нормативов. Немаловажно, что такой объект исследования позволяет не приносить в жертву объем выборки (как в качественных методах), сохраняя в силе весь потенциал статистического анализа данных. Так, в данном исследовании объем выборки позволил нам полноценно использовать как регрессионный анализ, так и тематическое моделирование.

Разумеется, мы далеки от мысли, что отношение к конкретным цифровым сервисам может быть механически перенесено на отношение к государству в целом (об ограничениях данного исследования будет сказано в заключении). Мы не ставим и задачи получения исчерпывающего спектра отношений (или аттитюдов, говоря языком социальной психологии) даже к собственно государственным цифровым услугам. В предпринятом исследовании мы сознательно концентрируемся на некоторых особенностях адаптации граждан к использованию этих сервисов. Существенное внимание уделяется негативно окрашенным публикациям, доля которых составила около 49% выборки. Безусловно, представленная выборка публикаций не претендует на репрезентацию общенационального отношения к цифровым государственным услугам. Однако именно негативные аттитюды будут в первую очередь подвержены вытесняющему воздействию эффекта

¹ GovTech Maturity Index (GTMI) Data Dashboard (2022, November 15) // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-data-dashboard> (дата обращения: 29.09.2024).

² Наша цифровая повседневность // ВЦИОМ. 2024. 14 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 29.09.2024).

социальной желательности в традиционных опросах и потому заслуживают отдельного изучения. Вместе с тем выявление и оценка факторов негативных реакций способствуют разработке рекомендаций по улучшению стратегий цифрового государственного управления [Абрамов, Андреев, 2022].

Кроме того, в литературе имеется существенная лакуна по адаптации граждан к цифровым государственным услугам. В своей подавляющей части работы посвящены факторам принятия этих новаций. Например, эффективность и безопасность значимо сказываются на доверии к сервису, тогда как движителем использования цифровых сервисов может стать доступность [Сморгунов, Игнатьева, 2021]. Однако отказ от использования цифровых услуг исследован слабо³. Господствующий упрощенный подход трактует отказ от использования новации не как самостоятельное явление, а как результат отсутствия согласия, негативное отношение — как результат отсутствия положительных характеристик. Но эмпирические исследования показывают, что на принятие технологий и на отказ от их использования влияют разные группы факторов [Ek Styvén et al., 2011; Laumer, Eckhardt, 2012]. На теоретическом уровне это разделение соотносится с понятиями ингибиторов (*inhibitor*) и энейблеров (*enabler*), которые активно разрабатываются в литературе, посвященной адаптации инноваций [Cenfetelli, Schwarz, 2011]. Ингибиторы — это antecedенты, способствующие формированию негативного отношения, в пределе — полной блокировке принятия инновации, а энейблеры — положительно направленные antecedенты. При этом среди энейблеров главенствуют технические свойства цифровых продуктов — удобство использования, надежность и гибкость предлагаемой цифровой системы [Venkatesh et al., 2003; Vucy, Gantz, Wang, 2014], тогда как среди ингибиторов особую роль играют такие факторы, как недоверие и риск [McKnight et al., 2011; Grazioli, Jarvenpaa, 2000; McKnight et al., 2002; Pavlou, 2003], беспокойство [Brown et al., 2004] и недостаток понимания [Chau, 2001, Venkatesh, Brown, 2001]. Таким образом, исследование ингибиторов и негативных аттитюдов может больше сказать нам о «государственном», нежели о «цифровом», в восприятии государственных цифровых услуг.

Еще одна особенность используемого нами подхода состоит в особом внимании к тому, что государство предоставляет гражданам *разные* цифровые услуги. Несмотря на кажущуюся тривиальность, этот факт преимущественно игнорируется в научной литературе. Ее характерной чертой является пренебрежение свойствами самих услуг, выходящими за пределы качества их технической реализации (см. немногие известные нам исключения [Barth, Veit, 2011; Becker et al., 2008]). Исследователи обычно рассматривают либо самые общие из них — «цифровизацию» и «цифровые сервисы» (и тогда услуги рассматриваются только с точки зрения «удобства» и «потенциальных выгод» [Tremblay-Cantin et al., 2023], либо делают выводы на основе рассмотрения процессов восприятия одной конкретной услуги (и тогда все ее свойства становятся «прочими равными»).

В реальности мы ожидаем существенную вариацию в восприятии разных цифровых услуг в зависимости от их свойств, далеко не сводящихся только к качеству их технического исполнения. Более того, мы полагаем, что эти свойства (или,

³ Distel B., Ogonek N. To Adopt or Not to Adopt: A Literature Review on Barriers to Citizens' Adoption of E-government Services // Research Papers. 155. 2016. URL: https://aisel.aisnet.org/ecis2016_rp/155 (дата обращения: 11.01.2024).

по крайней мере, некоторые из них) должны быть специфичны именно для государства и отражать скрытые факторы его восприятия.

Поскольку обозначенные выше лакуны в литературе не позволяют вывести эти свойства непосредственно из теории, мы используем косвенную стратегию. Будем отталкиваться от достаточно общего перечня ключевых факторов, влияющих на (не)использование государственных цифровых услуг [Horst, Kuttschreuter, Gutteling, 2007; Tremblay-Cantin et al., 2023]. Это *доверие государству, риски, ожидаемые выгоды и удобство использования*. Исследователи отмечают изменчивость относительной важности этих факторов в разных условиях, главным образом когда использование сервиса необходимо (обязательно). В условиях обязательности роль доверия становится ключевой [Chan et al., 2010; Taylor-Clark et al., 2005; Teo, Srivastava, Jiang, 2008; Pavlou, 2003]. При этом доверие к государству как оказывает непосредственное влияние на отношение к услуге, так и опосредует эффект других факторов. Например, при безальтернативном использовании низкое доверие приводит к повышенной чувствительности к риску [Alzahrani, Al-Karaghoul, Weerakkody, 2017].

Обязательность является свойством скорее услуги, чем некоторого социального пространства в целом. В одном обществе различные цифровые услуги оказываются и обязательными, и сугубо опциональными. Кроме того, модусы обязательности могут быть различными. Так как нас интересует восприятие услуги гражданами, мы будем опираться не столько на юридически зафиксированную, сколько на воспринимаемую обязательность, ибо на формирование отношения влияет именно она. Таким образом, *воспринимаемая обязательность* — первая характеристика услуг, влияние которой мы будем рассматривать. Наличие этой, пусть и гипотетической, характеристики дает основания полагать, что *пользователь будет воспринимать обязательную услугу скорее негативно*, рассматривая ее как навязываемую практику.

Доверие государству — важный фактор личного решения о пользовании услугой, но как таковое в свойства услуги напрямую оно не переводится. Это доверие в большой степени обусловлено воспринимаемым риском. В сфере оказания цифровых услуг можно выделить два типа рисков: 1) риски, связанные с некачественным исполнением услуги [Li, Shang, 2020; Ejdys et al., 2019] и 2) риски, связанные со злонамеренностью исполнителя [Abdelkader, 2015; Meijer, 2015]. Поскольку цифровая услуга — это главным образом передача информации (данных) между системами и пользователем, в обоих случаях риск будет тем больше, чем более чувствительны задействованные данные (которые в худшем случае могут быть утеряны, распространены или использованы против гражданина) [Ejdys et al., 2019]. Чувствительность различных данных индивидуальна для каждого пользователя, но исследования показывают (см., например, [Fukuta, Murata, Orito, 2020]), что в наибольшей мере ей обладают данные, относящиеся к телесности человека, то есть медицинские и биометрические. Мы назовем эту характеристику чувствительностью и будем считать обладающими таким свойством услуги, связанные с биологическими характеристиками индивида и соответствующими им данным. Мы ожидаем, что *наличие этого фактора с большей вероятностью будет способствовать негативному отношению пользователя*, в частности ввиду упомянутых рисков.

Наконец, у нас нет возможности прямо оценить удобство использования услуги и ее полезность, но, по крайней мере, по характеру услуг мы можем определить те из них, которые с трудом могут восприниматься как (по крайней мере гипотетическое) средство упрощения и ускорения взаимодействий гражданина и государства. Это прежде всего такие услуги, которые в своей основе имеют сильную привязку к цифровым сущностям, возникающим в ходе цифровизации, и не потребовались бы гражданину иначе. Ярким примером может стать популярный во время пандемии COVID-19 цифровой сертификат в формате QR-кода, ставший проявлением побочных эффектов цифровизации. В подобных услугах мы будем фиксировать такую характеристику, как «цифровое качество» (то есть цифровую «природу»), и будем ожидать, что эти услуги будут вызывать меньше энтузиазма у пользователей. Кроме того, именно такие услуги, как правило, содержат в себе значительный объем персональных данных (крайний пример — цифровой паспорт), что также повышает воспринимаемый риск для пользователя. Так, рост зависимости от цифровизации услуги усиливает негативный эффект от возможного некачественного исполнения. С другой стороны, в отдельных случаях создание цифрового качества в услуге может восприниматься как стремление усилить контроль над гражданами.

Итак, мы сделали предположения о трех главных свойствах государственных цифровых услуг, которые могут вызывать негативное отношение к ним со стороны пользователей: обязательность использования, сенситивность и цифровое качество. Мы можем ожидать, что в публикациях в социальных сетях такое восприятие будет выражаться в трех основных формах:

- выраженное негативное отношение;
- политизация;
- конспирологические высказывания/теории.

Первый пункт напрямую связан с отрицательным восприятием услуги и не требует особых пояснений. Политизация — интерпретация услуги через призму властных отношений, государственного строя, «геополитики» — расценивается нами как сигнал о негативном отношении автора из следующего простого соображения. Если обсуждаемая услуга воспринимается в соответствии с декларируемым замыслом — сокращение издержек граждан, улучшение качества, обеспечение обратной связи и т. д., у пользователя не должно быть повода привлекать для ее обсуждения политический контекст; иное же свидетельствует о возможном конфликте или недовольстве. Аналогично привлечение конспирологических теорий предполагает поиск скрытого смысла в поведении государства, что можно рассматривать как признак проявления недоверия к нему. Названные три категории не исключают друг друга. Подробнее обсудим это в разделе, посвященном кодировке текстовых массивов данных.

Мы ожидаем положительную связь между всеми тремя факторами и выделяемыми маркерами. При этом гипотеза состоит в том, что ключевым параметром будет обязательность: именно она обуславливает остроту реакции на «непонятную» услугу с цифровым качеством или «подозрительную» услугу, затрагивающую чувствительные данные, контроль над распространением которых особенно важен для пользователя.

Данные

Эмпирическое исследование проведено на данных социальной сети «ВКонтакте». В итоговую выборку вошло 1079 комментариев к постам на страницах двух сообществ (пабликов): РИА «Новости» и «Лентач». Паблик РИА «Новости» — официальная страница правительственного новостного агентства, «Лентач» — одно из новых интернет-СМИ с высоким уровнем присутствия в социальных сетях, особенно во «ВКонтакте», с характерно неформальной и юмористической подачей новостей «с либеральным уклоном». Сопоставимые по объему аудитории и различные по подаче и направленности контента, эти сообщества позволяют учесть разброс идеологических и мировоззренческих оценок пользователями происходящих событий. Выборка формировалась по сообщениям в период с 21 октября 2021 г. по 12 августа 2022 г. Выбранные временные рамки позволили учесть два главных события последних нескольких лет — пандемию COVID-19 и начало специальной военной операции. Механизм формирования выборки был следующим. За указанный период собирались все комментарии ко всем публикациям, а потом проводилась машинная фильтрация собранных комментариев по принципу упоминания хотя бы одного из восьми ключевых слов (с соответствующими словоформами): «*mos.ru*», «*госуслуги*», «*камеры*», «*биометрия*», «*emias*», «*цифровая медкарта*», «*цифровой паспорт*», «*nalog.ru*».

Основным ограничением данной выборки выступает цензура и самоцензура в социальных медиа: поскольку данные собирались ретроспективно, полную картину на момент произошедших событий, в том числе упоминаемых шоков, получить было невозможно. На страницах обоих сообществ работают модераторы, которые спустя некоторое время после публикации поста могут удалить часть комментариев к нему. Тем не менее вряд ли можно считать это серьезным препятствием на пути ретроспективного анализа данных ввиду того, что тема цифровых государственных услуг едва ли обладает политической чувствительностью. Другой важной особенностью выборки стало вероятное присутствие среди авторов сообщений автоматизированных аккаунтов-ботов. Публикации ботов не удалялись из выборки в связи с методологическими проблемами их диагностики [Ахременко и др., 2021].

После агрегирования публикаций из двух исследуемых пабликов в единый массив мы прибегли к ручной кодировке сообщений, в ходе которой выявили релевантные для исследования посты, а также проанализировали тексты на предмет наличия разного рода реакций пользователей. Кодировка осуществлялась двумя исследователями независимо друг от друга.

Первым этапом предобработки собранных данных стал отсев нерелевантных наблюдений. Следующий шаг — выявление в текстах публикаций упоминаний цифровых государственных услуг. Если при кодировке учитывать только первое упоминание госуслуги в тексте публикации, то 24 % постов пришлось на QR-коды, 14 % — на цифровой паспорт, 7,8 % — на электронную перепись населения. Остальные сервисы набрали менее 5 % отзывов каждый. Классификация была осуществлена вручную по «сырым» публикациям без опоры на доступные перечни. Подобный подход был выбран специально, чтобы учесть сервисы, не упоминающиеся в официальных реестрах: к таковым относятся как гипотетические

или еще не внедренные услуги (например, «цифровой паспорт»), так и не всегда имеющие отношение к платформе «Госуслуги» (например, «сбор биометрии», «дистанционное оформление льгот»). К примеру, в одной из публикаций была вручную выявлена и закодирована цифровая государственная услуга «Сертификат о вакцинации»⁴ на основании поста: *«Почему он боится сказать, что сертификаты не поддельные, а самые настоящие, проданные самими врачами с занесением в госуслуги?»*. Из-за отсутствия заготовленной классификации простая ручная кодировка предполагала лишь частичную сверку с оригинальными названиями цифровых государственных сервисов: благодаря этому гипотетические или еще не зафиксированные в законодательстве понятия сохранили общепринятое наименование («цифровой паспорт», «электронные заявки», пр.).

Публикация с идентифицированной государственной услугой анализировалась на предмет наличия в тексте разных видов реакций — негативного отношения в широком смысле к цифровым государственным услугам, политизации и конспирологических настроений. Для классификации реакций пользователей на данном этапе применялся простой бинарный индикатор, указывающий на присутствие в тексте публикации каждого из типов реакций пользователя. В получившейся выборке на конспирологические настроения пришлось около 12,5% постов, политизация была отмечена в 24% публикаций, тогда как в целом негативно окрашенных текстов оказалось 49,2%. Каждому пользовательскому тексту присваивалось три бинарных переменных, каждая из которых могла равняться 0 или 1 в зависимости от обнаружения кодировщиком соответствующего типа реакции в нем.

Негативное отношение к цифровым государственным услугам фиксировалось, если анализируемые сообщения содержали любые выражения цинизма, критики и сарказма, распознаваемых кодировщиками (*«Опять сказки подъехали, диагноз есть, а на госуслугах ничего нет!»*). При этом мы понимаем, что «негативное отношение» — это не одна реакция, а их комплекс, дальнейшая декомпозиция и типизация негатива в комментариях могут стать темой будущих исследований.

Политизация сообщения отмечалась при наличии в нем упоминания любых властных отношений, например: *«Если ты дурак доверяешь этой власти то флаг тебе в руки. А денег дал тебе вакцинацию сделают и в статистику ты попадешь и QR код через гос услуги получишь»*. Важно уточнить, что в ходе кодировки часто политизированными считались те публикации, где цифровые государственные услуги рассматривались через призму политического и государственного строя (например, упоминается «цифровой концлагерь»), борьбы за власть, геополитических сюжетов и т. д.

Несколько сложнее обстояли дела с кодировкой сообщений, предположительно содержавших конспирологические настроения. В целях концептуализации понятия для дальнейшего анализа использовались выделенные в научной литературе признаки, по которым определенные нарративы могут считаться коррелятами теорий заговора. Как правило, такая теория создает объяснение одного или сразу нескольких социальных явлений, отталкиваясь от предположений о том, что [Baden, Sharon, 2021]:

⁴ Все цитаты пользователей анонимны и приведены с сохранением оригинального написания.

- «заговорщики» и ответственные за происходящее группы интересов или отдельные люди, организации и т. д. имеют непрерывный и полномасштабный контроль над событиями и информацией;
- ни одно проявление инакомыслия не заслуживает толерантного отношения;
- нарратив содержит уникальную «догматическую эпистемологию» и очень часто «новояз».

В связи с этим под собственно «конспирологией» в сообщении понимались любые упоминания неverified объяснений каких-либо событий различными, часто политическими, мотивациями групп интересов или отдельных акторов, а также трансляции широкого понимания «образа врага», внешнего или внутреннего: *«Им надо 24 года всем присвоят QR коды получается электронные паспорта или не знаю... в будущем чипы в общем про клеймить всех рабов»*. Так, в следующей публикации присутствуют сразу все три признака конспирологических настроений: *«Все это взаимосвязано и будет оправдываться властями под предлогом „безопасности и удобства“*. *Цель нынешних ограничений — осуществить максимальную централизацию и контроль над каждым человеком и его средствами, причем хардовый с повсеместным введением систем видеонаблюдений, распознающих лица. Готовится полномасштабная смена порядка в цифровой глобальный контроль. И вся эта катавасия с ковидом — лишь предлог к тому, чтобы постепенно люди привыкли к вездесущим qr-кодам. Дальше будет принудительная биометрия»*.

Важным аспектом кодировки стало выявление связи сообщения с «кризисом здравоохранения» и вирусом COVID-19. Предполагалось, что в ходе дальнейшей регрессионной обработки данный фактор может повлиять на повестку цифровизации и негативное отношение, связанное с ней. В связи с этим фиксировалось наличие любых отсылок к пандемии, вирусу COVID-19, мерам борьбы с эпидемией, в том числе карантинным ограничениям, вакцинации и др.

Тематическое моделирование

После того как были получены размеченные тексты, мы применили методы машинного обучения для их разведочного анализа. Так как при формулировании гипотез мы не имели прямых подсказок со стороны теории, еще до количественного анализа необходимо было убедиться, что предложенные факторы принципиально «работают», а разметка, проведенная кодировщиками, позволяет структурировать исследуемый массив сообщений. С этой целью мы использовали методику латентного размещения Дирихле (LDA) [Blei, Ng, Jordan, 2001], которая направлена на выявление заданного количества тем, в той или иной пропорции присутствующих в каждом тексте выборки. В результате применения данного метода исследователь получает оценку значимости токенов (обработанных слов), встречающихся в документе, для каждой выделенной темы. Благодаря этому каждый текст в выборке может быть отнесен к одной из тем на основании того, к каким темам наиболее близки токены, его формирующие.

В данном исследовании нас не интересовали как таковые выделенные темы и автоматизированная разметка выборки. Метод LDA использовался для того, чтобы показать влияние выделенных характеристик цифровых услуг на словоупо-

требление при их обсуждении в социальных сетях. Собранный корпус публикаций мы реорганизовали в шесть пересекающихся подвыборок, по две на каждую из трех выделенных переменных («сенситивность», «цифровое качество» и «воспринимаемая обязательность»):

- 1) все публикации, где переменная «сенситивность» равна 0;
- 2) все публикации, где переменная «цифровое качество» равна 0;
- 3) все публикации, где переменная «воспринимаемая обязательность» равна 0;
- 4) все публикации, где переменная «сенситивность» равна 1;
- 5) все публикации, где переменная «цифровое качество» равна 1;
- 6) все публикации, где переменная «воспринимаемая обязательность» равна 1.

После этого все слова в текстах каждой подвыборки были лемматизированы, приведены к нормальной форме, тексты были токенизированы. На каждой подвыборке 18 раз был реализован метод LDA: подвыборки рассматривались в виде биграмм и одиночных морфем, на каждой подвыборке выделялось от двух до десяти тем (количество выделяемых в рамках LDA тем произвольно задается исследователем). После каждого запуска модели сохранялись 10 самых влиятельных слов для каждой выделенной темы, а также настройки модели и информация о подвыборке, на которой проводился анализ.

Таким образом мы получили 648 наборов из десяти ключевых слов и параметры модели, с использованием которых они были получены. После этого мы прочитали все полученные ключевые слова и выделили из них список тех, которые имеют однозначно негативные коннотации в дискуссии о цифровизации (и русском языке в целом). Список этих слов: *умереть, грех, фашизм, концлагерь, нацизм, геноцид, расправа*. Эти слова, как ни странно, упоминались в контексте цифровизации. Например, слово «геноцид» часто присутствует в постах о вакцинации: «<...> это для хомячков ватников такой план. На самом же деле план такой: 1) сокращение и ослабление техники и армий русских и украинцев=восточных славян, как самого непокорного и невакцинированного народа, 2) экономический геноцид славян <...>».

В таблице 1 представлено распределение 648 полученных десятков ключевых слов по переменной, формирующей подвыборку, способу предобработки текста и наличию в них слов из списка выше. Такие ключевые слова в целом встречаются нечасто, но все случаи их появления приходятся на подвыборки, относящиеся к услугам, в которых присутствует хотя бы одно из рассматриваемых нами свойств. Другими словами, хотя бы одна из переменных «сенситивность», «цифровое качество» или «воспринимаемая обязательность» имеет значение 1 (подвыборки 4—6). В среднем на этих подвыборках слова с выраженными негативными коннотациями обнаруживаются в каждой десятой теме.

Таким образом, негативные коннотации выделяют статистически обособленную группу текстов только при анализе подвыборок, сформированных по принципу обсуждения услуг с как минимум одной из трех выделенных нами характеристик. Это означает, что данные характеристики воздействуют на особенности обсуждения цифровых государственных услуг и, таким образом, действительно являются факторами, влияющими на отношение пользователей к ним.

Таблица 1. **Наличие ключевых слов с выраженными негативными коннотациями в результатах анализа на разных подвыборках**

Биграмы	Да		Нет	
	Да	Нет	Да	Нет
Отсутствие ключевых слов с выраженными негативными коннотациями				
Сенситивность	104	4	105	3
0	54	0	54	0
1	50	4	51	3
Воспринимаемая обязательность	103	5	99	9
0	54	0	54	0
1	49	5	45	9
Цифровое качество	105	3	107	1
0	54	0	54	0
1	51	3	53	1

Регрессионный анализ

В данном разделе мы используем метод регрессионного анализа для статистического исследования воздействия свойств цифровых услуг на реакции пользователей. Из изложенных во введении теоретических соображений мы ожидаем, что основную роль в формировании негативных пользовательских реакций играет обязательность: она медирует влияние цифрового качества и сенситивности и сама ему способствует. При этом роль цифрового качества и сенситивности, а также вариация в их воздействии на различные пользовательские реакции до выполнения регрессионного анализа для нас неочевидны: рассмотренные в ходе исследования спецификации с этими переменными стали частью предварительного разведывательного анализа на предмет наличия значимых статистических взаимосвязей.

По ходу данного раздела мы движемся от примитивных парных регрессионных моделей к множественным регрессиям с эффектами взаимодействия, чтобы проследить взаимовлияние различных свойств.

Во всех исследуемых моделях используется бинарный отклик: присутствие или отсутствие одного из трех типов пользовательских реакций (конспирология, политизация и негативное отношение). Оценка воздействия, несмотря на бинарный отклик, произведена с помощью OLS-регрессий. Это возможно благодаря тому, что мы используем только бинарные предикторы. Выбор OLS-регрессии связан с возможностью более содержательной интерпретации оценок в терминах вероятности, а не в терминах отношения шансов (как предлагает нам, например, Logit-модель — главная альтернатива в подобных исследованиях). Ключевым же аргументом в пользу OLS-регрессии в контексте нашего исследования является ее устойчивость при включении в модель эффектов взаимодействия между переменными, о чем свидетельствуют проведенные симуляции в методологической литературе [Gomila, 2021].

В моделях множественной регрессии использованы две контрольные переменные. Первая — паблик, в котором была размещена публикация. Это прямо связано со структурой данных (и процесса их сбора) и рассматривается нами в качестве прокси-показателя для идеологии и политического мировоззрения. Вторая контрольная переменная позволяет нам учесть темпоральную (и связанную с ними тематическую) вариацию в наблюдаемой коммуникации. Если до 24 февраля 2022 г. тема COVID-19 была ключевой при обсуждении цифровизации государственных услуг, после она почти исчезла из общественной повестки. В связи с этим мы включили в модели бинарную переменную на дату начала СВО: наблюдения были разделены на группы до и после указанной даты. Добавление альтернативных фиктивных переменных на временной период не давало значимого приращения качества моделей.

На первом этапе мы оценили парные регрессии всех типов реакций на все типы откликов. В парных регрессиях все предикторы оказались значимы для всех зависимых переменных (см. Приложение 1). Однако на следующем шаге, при добавлении всех предикторов в модель множественной регрессии, значимый эффект наблюдался только у обязательности: она значимо и положительно влияет на каждую из исследуемых реакций пользователей (см. табл. 2).

Таблица 2. Оценка влияния обязательности, цифрового качества и чувствительности на каждый тип реакции пользователей (N = 1079)

Предиктор	Зависимая переменная		
	Конспирология	Политизация	Негативное отношение
Обязательность	0,2506** (0,029)	0,2243** (0,038)	0,2319** (0,045)
Цифровое качество	-0,0005 (0,024)	-0,0313 (0,032)	-0,0426 (0,037)
Сенситивность	-0,0460 (0,026)	-0,0438 (0,034)	0,0126 (0,040)
Контрольные переменные	Есть	Есть	Есть
AIC	559,4	1 159	1 514
BIC	589,3	1 188	1 544

Примечание. ** $p < 0,05$. В столбцах на каждую зависимую переменную приходятся оценки одной модели, включающей все предикторы и контрольные переменные. В скобках указаны стандартные ошибки

Полученный результат соответствует нашим ожиданиям: если рассматривать все свойства как равноправные, то эффект обязательности затмевает собой воздействие двух других свойств. Тем не менее из имеющейся литературы можно вывести предположение, что обязательность является фоном, обуславливающим восприятие остальных свойств услуги. Поэтому следующим шагом стало добавление переменных взаимодействия между обязательностью и остальными свойствами.

В таблицах 3—5 даны оценки регрессионных моделей по трем зависимым переменным — конспирологии, политизации и негативному отношению соответствен-

но. В каждую из них были включены все три предиктора, а также переменные взаимодействия: каждая независимая переменная, в свою очередь, выступила модератором (одна модель — один столбец в таблицах 3—5; отсутствие значений коэффициентов говорит о том, что предиктор не был включен в модель). По результатам анализа получены следующие значимые статистические зависимости для конспирологии и политизации (во всех случаях ниже — в предположении, что значения остальных предикторов равны нулю).

Регрессия на конспирологию (см. табл. 3). Воспринимаемая обязательность оказывается единственным значимым предиктором в обеих моделях с цифровым качеством. Если услуга является обязательной, то вероятность наличия конспирологии в сообщении увеличивается на 20 п. п. в модели, где есть эффект взаимодействия цифрового качества и обязательности. В модели с попарным взаимодействием цифрового качества и чувствительности с обязательностью вероятность конспирологии возрастает на 24 п. п. Однако при удалении цифрового качества из спецификации получается обратный эффект: в модели взаимодействия обязательности и чувствительности единственным значимым предиктором остается вторая, и эффект чувствительности государственной услуги на конспирологию в публикации составляет 26 п. п. Такая смена «ведущего» предиктора является следствием коллинеарности предикторов, на которую указывают высокие коэффициенты корреляции между обязательностью и чувствительностью⁵ и наличие статистической связи между конспирологией и чувствительностью в модели без обязательности: если государственная услуга обладает цифровым качеством, вероятность наличия конспирологических настроений в сообщении увеличивается на 12 п. п., а если чувствительностью — на 10 п. п. В данном случае чувствительность выступает как прокси-переменная для эксплицитно отсутствующей в спецификации обязательности. То, что в действительности влияние оказывает обязательность, подтверждают также логистическая регрессия и таблица сопряженности.

Таблица 3. **Оценки OLS-регрессии на конспирологию в моделях с переменными взаимодействия (N = 1079)**

	Цифровое качество и чувствительность услуги при условии их обязательности	Цифровое качество услуги при условии ее чувствительности	Цифровое качество услуги при условии ее обязательности	Чувствительность услуги при условии ее обязательности
Цифровое качество	-0,0184 (0,031)	0,1172** (0,027)	0,0162 (0,031)	—
Обязательность	0,2357** (0,044)	—	0,1968** (0,036)	-0,0303 (0,038)
Чувствительность	-0,0318 (0,039)	0,1013** (0,032)	—	0,2611** (0,032)
Цифровое качество × Обязательность	0,0454 (0,048)	—	0,0459 (0,048)	—
Цифровое качество × Чувствительность	—	-0,0448 (0,044)	—	—

⁵ Расчет корреляций между бинарными предикторами проводился с помощью ϕ -коэффициента (0,84 для обязательности и чувствительности) и критерия χ^2 (431 для обязательности и чувствительности).

	Цифровое качество и чувствительность услуги при условии их обязательности	Цифровое качество услуги при условии ее чувствительности	Цифровое качество услуги при условии ее обязательности	Чувствительность услуги при условии ее обязательности
Чувствительность × Обязательность	-0,0258 (0,052)	—	—	-0,0281 (0,052)
Контрольные переменные	Есть	Есть	Есть	Есть
AIC	562	631	562	559
BIC	602	661	592	589

Примечание. ** $p < 0,05$. В каждом столбце даны оценки коэффициентов одной модели. Если предиктор не включен в модель, ставится —. В скобках указаны стандартные ошибки.

Регрессия на политизацию (см. табл. 4). Для политизации обязательность оказывается значимым фактором при любых условиях, при отсутствии остальных свойств она приводит к возрастанию вероятности политизации на 18 п. п. Влияние цифрового качества оказывается опосредовано обязательностью: коэффициент взаимодействия между ними значим. В случае, когда услуга необязательна, эффект цифрового качества является отрицательным и составляет -8 п. п. Если услуга одновременно обязательна и обладает цифровым качеством, оцениваемая вероятность возрастает на 13 п. п.⁶ Чувствительность не оказывает значимого воздействия на политизацию ни в одной рассмотренной спецификации.

Полученные результаты можно проинтерпретировать следующим образом: из-за цифрового качества услуги ее полезность оказывается неочевидна для пользователя. Это приводит к деполитизации в случае, если услуга опциональна, и к обратному эффекту, если она воспринимается как обязательная (видимо, из-за восприятия в качестве ненужного усложнения жизни властями).

Таблица 4. *Оценки OLS-регрессии на политизацию в моделях с переменными взаимодействия (N = 1 079)*

	Цифровое качество и чувствительность услуги при условии их обязательности	Цифровое качество услуги при условии ее чувствительности	Цифровое качество услуги при условии ее обязательности	Чувствительность услуги при условии ее обязательности
Цифровое качество	-0,0815** (0,040)	0,0386 (0,035)	-0,0807** (0,040)	—
Обязательность	0,1811** (0,058)	—	0,1262** (0,047)	0,2351 ** (0,042)
Чувствительность	-0,0063 (0,051)	0,0383 (0,041)	—	0,0008 (0,051)
Цифровое качество × Обязательность	0,1275** (0,063)	—	0,1299** (0,063)	—
Цифровое качество × Чувствительность	—	0,0558 (0,057)	—	—

⁶ Для оценивания влияния суммы коэффициента взаимодействия и коэффициента при цифровом качестве использовался критерий Вальда, значение статистики которого составило 6,05, a p -value — 0,014.

	Цифровое качество и чувствительность услуги при условии их обязательности	Цифровое качество услуги при условии ее чувствительности	Цифровое качество услуги при условии ее обязательности	Чувствительность услуги при условии ее обязательности
Чувствительность × Обязательность	-0,0684 (0,068)	—	—	-0,0765 (0,068)
Контрольные переменные	Есть	Есть	Есть	Есть
AIC	1 157	1 192	1 156	1 158
BIC	1 197	1 222	1 186	1 188

Примечание. ** $p < 0,05$. В каждом столбце даны оценки коэффициентов одной модели. Если предиктор не включен в модель, ставится —. В скобках указаны стандартные ошибки.

Регрессия на негативное отношение (см. табл. 5). Во всех моделях наличие переменной обязательности стабильно делает ее единственным статистически значимым предиктором. При отсутствии других свойств она увеличивает вероятность негативного отношения в среднем на 25 п. п. В то же время не подтвердилось наличие эффекта взаимодействия ни с цифровым качеством, ни с чувствительностью (эффект обязательности без второго свойства на негативное отношение составил 27 п. п. и 19 п. п. соответственно). При отсутствии обязательности в спецификации обнаруживается значимая чувствительность, которая без воздействия цифрового качества ведет к увеличению вероятности негативного отношения на 16 п. п.

Таблица 5. *Оценки OLS-регрессии на негативное отношение в моделях с переменными взаимодействия (N = 1079)*

	Цифровое качество и чувствительность услуги при условии их обязательности	Цифровое качество услуги при условии ее чувствительности	Цифровое качество услуги при условии ее обязательности	Чувствительность услуги при условии ее обязательности
Цифровое качество	-0,0235 (0,048)	0,0754 (0,041)	-0,0234 (0,048)	—
Обязательность	0,2452** (0,069)	—	0,2669** (0,055)	0,1935 ** (0,050)
Чувствительность	-0,0062 (0,060)	0,1616** (0,048)	—	-0,0037 (0,060)
Цифровое качество × Обязательность	-0,0485 (0,075)	—	-0,0498 (0,075)	—
Цифровое качество × Чувствительность	—	-0,0659 (0,067)	—	—
Чувствительность × Обязательность	0,0342 (0,080)	—	—	0,0345 (0,080)
Контрольные переменные	Есть	Есть	Есть	
AIC	1 518	1 540	1 514	1 515
BIC	1 558	1 570	1 544	1 545

Примечание. ** $p < 0,05$. В каждом столбце даны оценки коэффициентов одной модели. Если предиктор не включен в модель, ставится —. В скобках указаны стандартные ошибки.

Таким образом, в ходе регрессионного анализа обнаружено положительное влияние фактора обязательности на каждый из видов реакций пользователей. Причем при рассмотрении факторов политизации оказывался значим не только сам предиктор, но и включенные вместе с ним в модель переменные взаимодействия. Это позволяет говорить о важности контекста обязательности при формировании восприятия электронной государственной услуги, обладающей цифровым качеством и сенситивностью. Вместе с тем наличие эффекта медиации обязательностью остальных характеристик при анализе факторов конспирологии и негативного отношения не подтвердилось.

Собственное влияние сенситивности оказалось статистически незначимым. Можно предположить, что в данном случае обязательность фактически способствовала «обнулению» значимости другого предиктора, сохранив при этом положительное и статистически значимое влияние на наличие конспирологии, политизации и негативной окраски публикаций (см. раздел «Сенситивность услуги при условии ее обязательности» в табл. 3—5). В подобных случаях отсутствие значимости у остальных независимых переменных может быть продиктовано как особенностями спецификации и кодировки, так и возможной коллинеарностью предикторов (см. Приложение 2). Последствия потенциальной взаимозависимости предикторов могут преодолеваться как с помощью формирования индексов, так и посредством построения разных моделей для каждого выделенного свойства цифровых государственных услуг.

Заключение и дискуссия

В рамках исследования мы предложили рассматривать характеристики цифровой государственной услуги в качестве фактора, влияющего на ее восприятие гражданами. Такой подход распространен при рассмотрении бизнес-услуг, но до сих пор не разработан для рассмотрения услуг, предоставляемых гражданам государством. Опираясь на имеющуюся литературу, мы выделили три ключевые характеристики: обязательность, сенситивность и цифровое качество («природа»). Влияние этих характеристик на восприятие услуги гражданами оценивалось нами через их влияние на публичную дискуссию в социальной сети «ВКонтакте». Мы собрали корпус пользовательских комментариев из двух крупных новостных сообществ и с помощью двойного слепого кодирования разметили его, выявляя, во-первых, наличие трех рассматриваемых характеристик у обсуждаемых в сообщении услуг, а во-вторых, присутствие маркеров реакции на услугу: политизации, негативного отношения и конспирологии. Помимо интереса к одному из двух пабликов, мы не извлекали дополнительной информации о пользователях социальной сети. Это связано как с выбранной единицей анализа (комментарий, а не пользователь), так и с технической невозможностью выгрузки деталей профиля большинства участников дискуссий из-за индивидуальных настроек приватности.

После этого было проведено количественное исследование полученного массива. С помощью методов машинного анализа текстов обнаружено, что выделенные характеристики действительно влияют на словоупотребление в пользовательских комментариях и их тематику. Только для услуг, обладающих хотя бы одним из выделенных свойств — обязательностью, сенситивностью или цифровым ка-

чеством, — фиксируется наличие ключевых слов с выраженными негативными коннотациями. Получив первое подтверждение нашему предположению о релевантности выделенных нами характеристик, мы перешли к регрессионному анализу. Регрессионный анализ подтвердил выведенные из теоретических наработок предположения о том, что главную роль в возникновении нежелательных реакций пользователей на цифровую государственную услугу играет обязательность. Этот фактор является ключевым почти во всех рассмотренных нами спецификациях со всеми зависимыми переменными. В то же время, хотя мы ожидали, что обязательность не только влияет сама по себе, но и обуславливает эффект других характеристик, это подтвердилось лишь частично: такой эффект обязательности был обнаружен только при рассмотрении факторов политизации.

Наиболее явно обязательность способствует политизации дискуссии. С другой стороны, она становится решающим условием для влияния цифрового качества услуги на политизацию сообщения. В случае, если пользователи воспринимают электронный сервис как опциональный, его цифровая природа едва ли будет осмыслена политически. Подобный результат крайне трудно может быть экстраполирован на другие страны с высоким уровнем цифровизации госсектора. Например, в Дании, стране — лидере в области электронного правительства, цифровой характер услуг неоднократно становился обязательным и не вызывал негативных реакций⁷. Исследователи связывали этот феномен с высоким уровнем политического доверия в обществе. Российский кейс, наоборот, предполагает политизацию: когда цифровой сервис становится обязательным (как минимум на уровне восприятия), граждане потенциально могут связать нововведение с корыстным политическим интересом как абстрактных «элит», так и отдельных государственных деятелей. Это может свидетельствовать о большой «дистанции власти» (power distance), наличии на глубинном, культурном уровне «слоев» отчуждения и недоверия.

В то же время есть основания полагать, что обязательность сервисов, обладающих цифровой природой, осмысливается политически в связи с характером намерений государства, которое, с одной стороны, заинтересовано в личных данных граждан, но с другой — неосторожно в их использовании. Куда сложнее обстоят дела с двумя другими типами пользовательских реакций. Негативное отношение в широком понимании устойчиво оказывается под влиянием воспринимаемой обязательности: с добавлением в модель этого предиктора остальные оказываются незначимыми. При рассмотрении конспирологии разные спецификации регрессий выявляли разные значимые предикторы, хотя наиболее устойчивым также оказалось влияние обязательности.

Вместе с тем предлагаемый подход не является исчерпывающим и также накладывает ряд ограничений на результаты исследования. Главной особенностью работы с данными социальных сетей и отличием от традиционных социологических техник становится единица анализа — пост-комментарий, но не сам пользователь. Это ведет как к чисто техническим рискам верификации (искусственно сгенерированные тексты), так и к содержательным ограничениям, связанным

⁷ Yasuoka M., Meyerhoff Nielsen M., Iversen K. E. The Exercise of Mandate — How Mandatory Service Implementation Promoted the Use of E-government Services in Denmark. 2022. <http://dx.doi.org/10.24251/HICSS.2022.330>.

с эффектами самоотбора (в дискуссиях принимают участие более активные пользователи), (само)цензурирования и контекста (комментарий является частью более широкого обсуждения). В этой связи заметим, что исследование цепочек комментариев в социальных медиа — так называемых «тредов» — перспективное направление исследований.

Поэтому наш подход призван дополнить, но никак не заместить традиционные опросные методы. Мы также надеемся, что предложенное нами использование тематического моделирования на стадии первичного тестирования гипотез будет полезным в тех ситуациях, когда исследователь имеет дело с недостаточно проработанной теоретической базой и со слабоструктурированными данными. Это зачастую имеет место в изучении такой непростой проблемы, как отношение граждан к государству, его институтам и практикам. Говоря о более прикладных задачах, приведенные в статье результаты могут быть востребованы при формировании индексов цифрового взаимодействия [Добролюбова, Старостина, 2021], оценке цифрового доверия граждан⁸, оценке готовности к цифровому взаимодействию с государством [Kaiser, Gadár, 2023], учете влияния обязательности на цифровое неравенство [Anrijs et al., 2023].

Список литературы (References)

1. Абрамов В. И., Андреев В. Д. Оценка цифровой зрелости системы государственного и муниципального управления в регионах: опыт США и развитие в России // Информатизация в цифровой экономике. 2022. Т. 3. № 2. С. 43—62. <https://doi.org/10.18334/ide.3.2.115106>.
Abramov V. I., Andreev V. D. (2022) Assessment of the Digital Readiness of the Population of Russia. *Informatization in the Digital Economy*. Vol. 3. No. 2. P. 43—62. <https://doi.org/10.18334/ide.3.2.115106>. (In Russ.)
2. Ахременко А. С., Петров А. П. Ч., Стукал Д. К., Жеглов С. А., Хавроненко М. В. На что способны боты: Модель протестной и контрпротестной политической мобилизации // Полития. 2021. Т. 3. № 102. С. 172—194. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-102-3-172-194>.
Akhremenko A. S., Petrov A. P. Ch., Stukal D. K., Shcheglov S. A., Khavronenko M. V. (2021) What Bots Are Capable Of: A Model of Protest and Counter-Protest Political Mobilization. *Politeia*. Vol. 3. No. 102. P. 172—194. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-102-3-172-194>. (In Russ.)
3. Добролюбова Е. И., Старостина А. Н. Оценка цифровизации взаимодействия государства и граждан // Статистика и экономика. 2021. Т. 8. № 2. С. 45—56. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-2-45-56>.
Dobrolubova E. I., Starostina A. N. (2021) Assessment of the Digitalization of State and Citizens Cooperation. *Statistics and Economics*. Vol. 8. No. 2. P. 45—56. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-2-45-56>. (In Russ.)

⁸ Дмитриева Н. Е., Жулин А. Б., Артамонов Р. Е., Титов Э. А. Оценка цифровой готовности населения России: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13—30 апр. 2021 г. М.: ИД ВШЭ, 2021. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/464963752.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

4. Седашов Е. А. Методы каузального анализа в современной политической науке // Политическая наука. 2021. № 1. С. 98—115. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.04>.
Sedashov E. A. (2021) Assessment of the Digitalization of State and Citizens Cooperation. *Political Science (RU)*. Vol. 1. P. 98—115. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.04>. (In Russ.)
5. Сморгунов Л. В., Игнатьева О. А. Факторы гражданского участия на электронных платформах. Социологические исследования. 2021. № 7. С. 101—112. <https://doi.org/10.31857/S013216250013854-2>.
Smorgunov, L. V., Ignatieva O. A. (2021). Factors of Civic Participation on Electronic Platforms. *Sociological Research*. No. 7. P. 101—112. <https://doi.org/10.31857/S013216250013854-2>. (In Russ.)
6. Цифровая экономика 2023: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишнеvский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/802513326.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).
Abdrakhmanova G. I., Vasilkovsky S. A., Vishnevsky K. O., etc. (2023) Digital Economy: 2023: A Brief Statistical Sourcebook. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/802513326.pdf> (accessed 11.01.2024). (In Russ.)
7. Abdelkader A. (2015) A Manifest of Barriers to Successful E-Government: Cases from the Egyptian Programme. *International Journal of Business and Social Science*. Vol. 6. No. 1. P. 169—186. URL: <https://www.ijbssnet.com/journal/index/3029> (accessed 20.02.2025).
8. Alzahrani L., Al-Karaghoulı W., Weerakkody V. (2017) Analyzing the Critical Factors Influencing Trust in E-Government Adoption from Citizens' Perspective: A Systematic Review and a Conceptual Framework. *International Business Review*. Vol. 26. No. 1. P. 220—235. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.06.004>.
9. Anrijs S., Mariën I., Marez L. D., Ponnet K. (2023) Excluded from Essential Internet Services: Examining Associations Between Digital Exclusion, Socio-Economic Resources and Internet Resources. *Technology in Society*. Vol. 73. Art. 102211. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2023.102211>.
10. Baden C., Sharon T. (2021) Blinded by the Lies? Toward an Integrated Definition of Conspiracy Theories. *Communication Theory*. Vol. 31. No. 1. P. 82—106. <https://doi.org/10.1093/ct/qtaa023>.
11. Barth M., Veit D. (2011) Electronic Service Delivery in the Public Sector: Understanding the Variance of Citizens' Resistance. In: Sprague R. H. (ed.) *Proceedings of the 44th Hawaii International Conference on System Sciences*, 4—7 January, Kauai, HI, USA. Piscataway: IEEE. P. 1—11. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2011.181>.
12. Becker J., Niehaves B., Bergener P., Räckers M. (2008) Inclusive Electronic Public Service Delivery — A Quantitative Analysis. *Electronic Markets*. Vol. 18. No. 4. P. 315—323. <https://doi.org/10.1080/10196780802420687>.

13. Blair G., Imai K. (2012) Statistical Analysis of List Experiments. *Political Analysis*. Vol. 20. No. 1. P. 47—77. <https://doi.org/10.1093/pan/mpr048>.
14. Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. (2001) Latent Dirichlet Allocation. *Journal of Machine Learning Research*. Vol. 3. No. 1. P. 993—1022. <https://doi.org/10.7766/orbit.v1.2.44>.
15. Brown S. A., Fuller R. M., Vician C. (2004) Who's Afraid of the Virtual World? Anxiety and Computer-Mediated Communication. *Journal of the Association for Information Systems*. Vol. 5. No. 2. Art. 2. <https://doi.org/10.17705/1jais.00046>.
16. Bucy E. P., Gantz W., Wang Z. (2014) Media Technology and the 24-Hour News Cycle. In: Lin C. A., Atkin D. J. (eds.) *Communication Technology and Social Change*. Abingdon: Routledge. P. 143—163. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781410615411-12/media-technology-24-hour-news-cycle-erik-bucy-walter-gantz-zheng-wang> (accessed 11.01.2024).
17. Cenfetelli R. T., Schwarz A. (2011) Identifying and Testing the Inhibitors of Technology Usage Intentions. *Information Systems Research*. Vol. 22. No. 4. P. 808—823. <https://doi.org/10.1287/isre.1100.0295>.
18. Chan F. K., Thong J. Y., Venkatesh V., Brown S. A., Hu P. J., Tam K. Y. (2010) Modeling Citizen Satisfaction with Mandatory Adoption of an E-Government Technology. *Journal of the Association for Information Systems*. Vol. 11. No. 10. P. 519—549. URL: <https://ssrn.com/abstract=1976951> (accessed 11.01.2024).
19. Chau P. Y. (2001) Influence of Computer Attitude and Self-Efficacy on IT Usage Behavior. *Journal of Organizational and End User Computing (JOEUC)*. Vol. 13. No. 1. P. 26—33. <https://doi.org/10.4018/joeuc.2001010103>.
20. Ejdys J., Ginevicius R., Rozsa Z., Janoskova K. (2019) The Role of Perceived Risk and Security Level in Building Trust in E-Government Solutions. *Ekonomie A Management*. Vol. 22. No. 3. URL: <http://hdl.handle.net/11025/35663> (accessed 11.01.2024).
21. Ek Styvén M., Wallström Å., Engström A., Salehi-Sangari, E. (2011) “IT’s Complicated...”: Influence of Perceived Sacrifice and Trust on eService Adoption. In: Jansen M., Scholl H. J., Wimmer M. A., Tan Yh. (eds.) *Electronic Government. EGOV 2011. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 6846. Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-22878-0_10.
22. Fukuta Y., Murata K., Orito Y. (2020) Perceived Risk and Desired Protection: Towards A Comprehensive Understanding of Data Sensitivity. In: Oliva M. A., Borondo J. P., Murata K., Palma A. M. L. (eds.) *18 International Conference on the Ethical and Social Impacts of ICT: Societal Challenges in the Smart Society*, 15 June — 6 July, The University of La Rioja. Logroño: Universidad de La Rioja. P. 573—586. URL: https://www.researchgate.net/publication/342993177_Perceived_Risk_and_Desired_Protection_Towards_Comprehensive_Understanding_of_Data_Sensitivity (accessed 11.01.2024).

23. Glynn A. N. (2013) What Can We Learn with Statistical Truth Serum? Design and Analysis of the List Experiment. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 77. No. S1. P. 159—172. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs070>.
24. Gomila R. (2021) Logistic or Linear? Estimating Causal Effects of Experimental Treatments on Binary Outcomes Using Regression Analysis. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 150. No. 4. P. 700—709. <https://doi.org/10.1037/xge0000920>.
25. Grazioli S., Jarvenpaa S. L. (2000) Perils of Internet Fraud: An Empirical Investigation of Deception and Trust with Experienced Internet Consumers. *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics — Part A: Systems and Humans*. Vol. 30. No. 4. P. 395—410. <https://doi.org/10.1109/3468.852434>.
26. Horst M., Kuttschreuter M., Gutteling J. M. (2007) Perceived Usefulness, Personal Experiences, Risk Perception and Trust as Determinants of Adoption of E-Government Services in The Netherlands. *Computers in Human Behavior*. Vol. 23. No. 4. P. 1838—1852. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2005.11.003>.
27. Kaiser T., Gadár L. (2023) Survey Data on the Attitudes Towards Digital Technologies and the Way of Managing E-governmental Tasks. *Data in Brief*. Vol. 46. Art. 108871. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2022.108871>.
28. Kreuter F., Presser S., Tourangeau R. (2008) Social Desirability Bias in CATI, IVR, and Web Surveys: The Effects of Mode and Question Sensitivity. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. No. 5 P. 847—865. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn063>.
29. Kuran T. (1997) *Private Truths, Public Lies: The Social Consequences of Preference Falsification*. Cambridge: Harvard University Press.
30. Laumer S., Eckhardt A. (2012) Why Do People Reject Technologies: A Review of User Resistance Theories. In: Dwivedi Y. K., Wade M. R., Schneberger S. L. (eds.) *Information Systems Theory: Explaining and Predicting Our Digital Society*. Vol. 1. P. 63—86. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-6108-2>.
31. Li Y., Shang H. (2020) Service Quality, Perceived Value, and Citizens' Continuous-Use Intention Regarding E-Government: Empirical Evidence from China. *Information & Management*. Vol. 57. No. 3. Art. 103197. <https://doi.org/10.1016/j.im.2019.103197>.
32. Mcknight D. H., Carter M., Thatcher J. B., Clay P. F. (2011) Trust in a Specific Technology: An Investigation of Its Components and Measures. *ACM Transactions on Management Information Systems (TMIS)*. Vol. 2. No. 2. Art. 12. <https://doi.org/10.1145/1985347.1985353>.
33. McKnight D. H., Choudhury V., Kacmar C. (2002) The Impact of Initial Consumer Trust on Intentions to Transact with a Web Site: A Trust Building Model. *The Journal of Strategic Information Systems*. Vol. 11. No. 3—4. P. 297—323. [https://doi.org/10.1016/S0963-8687\(02\)00020-3](https://doi.org/10.1016/S0963-8687(02)00020-3).

34. Meijer A. (2015) E-Governance Innovation: Barriers and Strategies. *Government Information Quarterly*. Vol. 32. No. 2. P. 198—206. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.01.001>.
35. Noelle-Neumann E. (1974) The Spiral of Silence: A Theory of Public Opinion. *Journal of Communication*. Vol. 24. No. 2. P. 43—51. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1974.tb00367.x>.
36. Pavlou P.A. (2003) Consumer Acceptance of Electronic Commerce: Integrating Trust and Risk with the Technology Acceptance Model. *International Journal of Electronic Commerce*. Vol. 7. No. 3. P. 101—134.
37. Taylor-Clark K., Blendon R. J., Zaslavsky A., Benson J. (2005) Confidence in Crisis? Understanding Trust in Government and Public Attitudes Toward Mandatory State Health Powers. *Biosecurity and Bioterrorism: Biodefense Strategy, Practice, and Science*. Vol. 3. No. 2. P. 138—147. <https://doi.org/10.1089/bsp.2005.3.138>.
38. Teo T. S. H., Srivastava S. C., Jiang L. I. (2008) Trust and Electronic Government Success: An Empirical Study. *Journal of Management Information Systems*. Vol. 25. No. 3. P. 99—132.
39. Tremblay-Cantin C. A., Mellouli S., Cheikh-Ammar M., Khechine H. (2023) E-government Service Adoption by Citizens: A Literature Review and a High-level Model of Influential Factors. *Digital Government: Research and Practice*. Vol. 4. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1145/3580369>.
40. Venkatesh V., Brown S. A. (2001) A Longitudinal Investigation of Personal Computers in Homes: Adoption Determinants and Emerging Challenges. *MIS Quarterly*. Vol. 25. No. 1. P. 71—102. <https://doi.org/10.2307/3250959>.
41. Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B., Davis F. D. (2003) User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View. *MIS Quarterly*. Vol. 27. No. 3. P. 425—478. <https://doi.org/10.2307/30036540>.

Приложение 1

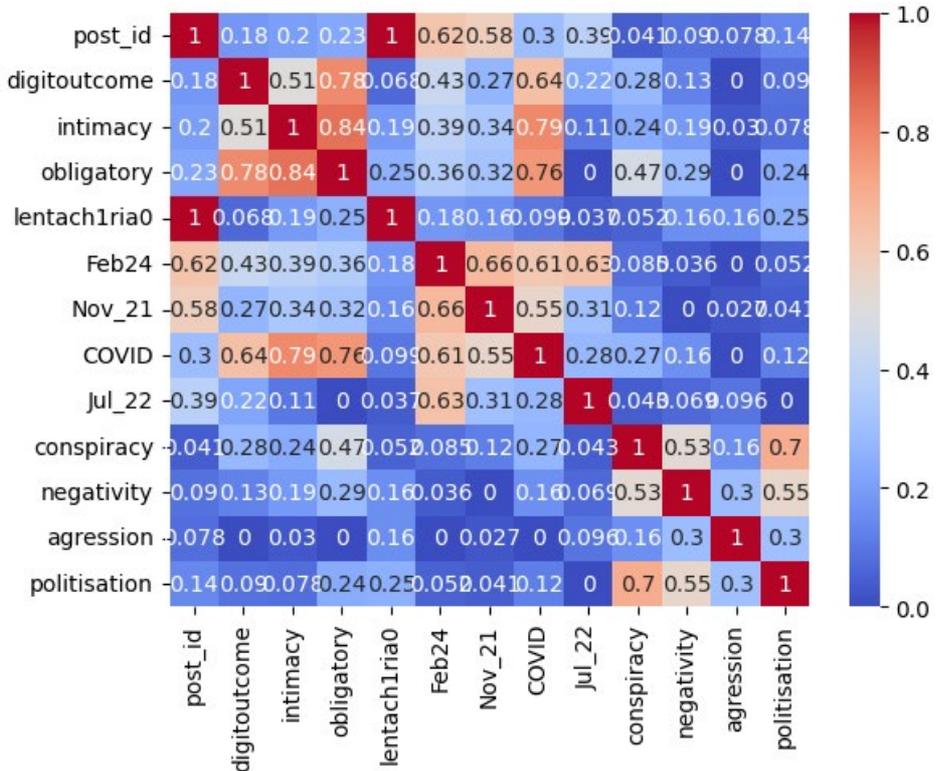
Таблица 1. **Оценки парной OLS-регрессии для реакций пользователей в «нулевых» моделях (N = 1079)**

Предиктор	Зависимая переменная		
	Конспирология	Политизация	Негативное отношение
Обязательность	0,2110**	0,1374**	0,1931**
	(0,019)	(0,026)	(0,030)
Цифровое качество	0,1243**	0,0574**	0,0892**
	(0,020)	(0,026)	(0,030)
Сенситивность	0,1074**	0,0535**	0,1311**
	(0,021)	(0,027)	(0,031)

Примечание. ** $p < 0,05$. Каждая ячейка с коэффициентами — оценки отдельной модели. В скобках указаны стандартные ошибки.

Приложение 2. Предварительный анализ данных. Предположение о коллинеарности предикторов

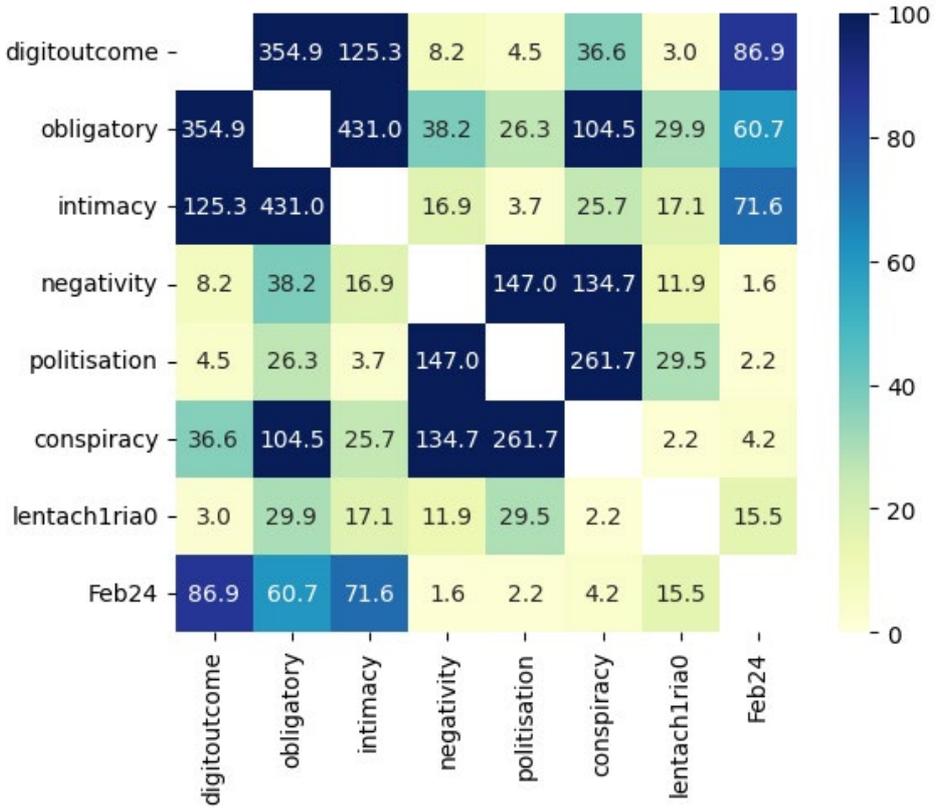
Рис. 1. Тепловая карта значений коэффициента фи

Примечание:

- Парные коэффициенты фи были рассчитаны для измерения силы связи между бинарными переменными.
- Предикторы сильно коррелируют друг с другом — подозрение на мультиколлинеарность (например, для обязательности и цифрового качества коэффициент равен 0,78, для обязательности и чувствительности он равен 0,84 и т. п.).
- Между свойствами госуслуг и реакциями на них существует средняя положительная взаимосвязь, наибольшая во всех случаях для обязательности (0,47 для конспирологии, 0,29 для негативного отношения, 0,24 для политизации).

Рис. 2. Тепловая карта значений критерия хи-квадрат

Примечание:

- Значения хи-квадрат представляют собой меру связи между парами переменных: чем выше значение хи-квадрат, тем сильнее связь между переменными.
- Цветовая шкала: холодные цвета характеризуют более сильную связь между переменными.
- Аналогичные результаты: предикторы сильно связаны друг с другом.
- Обязательность наиболее сильно связана с конспирологией (104,5)
- Средняя сила связи между цифровым качеством и конспирологией (36,6), обязательностью и негативного отношения (38,2), обязательностью и политизацией (26,3), сенситивностью и конспирологией (25,7).

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2676](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2676)**О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова****ПОЧЕМУ РОССИЙСКИЕ ОТЦЫ НЕ ПЛАТЯТ АЛИМЕНТЫ?
ДИСКУРСЫ РАЗВЕДЕННЫХ ОТЦОВ О МАТЕРЯХ,
АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ****Правильная ссылка на статью:**

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Почему российские отцы не платят алименты? Дискурсы разведенных отцов о матерях, алиментных обязательствах и семейной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 240—261. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2676>.

For citation:

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2025) The Reasons for Fathers in Russia to Avoid Providing with Alimony? Divorced Fathers' Discourses on Mothers, Alimony Payments, and Family Policy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 240–261. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2676>. (In Russ.)

Получено: 27.08.2024. Принято к публикации: 12.11.2024.

ПОЧЕМУ РОССИЙСКИЕ ОТЦЫ НЕ ПЛАТЯТ АЛИМЕНТЫ? ДИСКУРСЫ РАЗВЕДЕННЫХ ОТЦОВ О МАТЕРЯХ, АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, и. о. заведующей кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: o.bezrukova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2821-1734>

САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы факультета социологи, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

Аннотация. Цель статьи состоит в определении актуальных направлений решения проблемы невыплаты алиментов на основе анализа международного и российского опыта семейной политики по обеспечению прав детей на содержание в разведенных семьях, а также систематизации дискурсов о причинах невыплаты алиментов в онлайн-коммуникациях.

Данные собраны в сообществах социальной сети «ВКонтакте», Telegram-каналах, российских форумах, YouTube-каналах, содержащих обсуждение проблемы невыплаты алиментов. На основе контент-анализа и критического дискурс-анализа проведен тематический анализ комментариев. В зависимости от сочетания способности и готовности платить алименты выделены следующие группы разведенных отцов: добросовестные, беспомощные, неблагополучные, обиженные, циничные. Определены основные дискурсы

THE REASONS FOR FATHERS IN RUSSIA TO AVOID PROVIDING WITH ALIMONY? DIVORCED FATHERS' DISCOURSES ON MOTHERS, ALIMONY PAYMENTS, AND FAMILY POLICY

Olga N. BEZRUKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Acting Head of the Department of Youth Sociology and Youth Policy at the Faculty of Sociology
E-MAIL: o.bezrukova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2821-1734>

Valentina A. SAMOYLOVA¹ — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Social Work
E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The purpose of the article is to identify essential directions for solving the problem of non-payment of alimony. For this purpose, the authors turn to the analysis of international and Russian experience of family policy in ensuring the rights of children to maintenance in divorced families, as well as systematization of discourses about the reasons for non-payment of alimony in online communications.

The analysis is based on data collected from social media, in particular VKontakte, Telegram channels, Russian forums, and YouTube channels that contain discussions related to alimony non-payment issue. The authors perform a thematic analysis of the comments based on the content analysis and critical discourse analysis methods. Depending on the combination of ability and willingness to pay alimony, the following groups of divorced fathers are identified: conscientious, helpless, dysfunctional, offended, and cynical. The ac-

о причинах невыплаты алиментов. Обвинительный дискурс неготовых и неспособных платить алименты составляют темы дискриминации отцов в общественном мнении, обвинения государства, общества, бывших жен и их новых партнеров, признания трудных жизненных обстоятельств и дефицита своих возможностей в заботе о детях, наказания за неуплату алиментов, рисков создания семьи и отцовства, осознания отцовства как тяжелой ноши, от которой лучше отказаться, нежелания нести ответственность за обеспечение детей после развода. Критический дискурс способных и готовых платить алименты представлен темами несправедливости и репрессивности семейного законодательства, неравенства прав отцов и матерей, несовершенства механизмов начисления и взыскания алиментов и дополнен конкретными предложениями их решений. По итогам проведенного анализа авторы формулируют серию прикладных рекомендаций для совершенствования правового и нормативного регулирования в сфере семейной политики.

Ключевые слова: алименты на детей, неплательщики алиментов, развод, отцовство, маскулинность, права детей, семейная политика, онлайн-коммуникация

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

Введение

Согласно статистике Федеральной службы судебных приставов (ФССП), в 2022 г. сумма долгов по алиментам достигла 233 млрд рублей. С 2014 г. эта сумма выросла на 43,8%¹. В среднем ежегодно примерно 87 % всех долгов остаются непогашенными. С 2014 по 2021 г. средний долг по алиментам вырос на 58 % — с 96 тыс. до 152 тыс. руб.² Одновременно с этим в 2023 г. наблюдается рост суммы взысканных ФССП алиментных платежей с 47,6 млрд руб. в 2022 г. до 66,5 млрд руб.,

¹ Без чувства долга // Коммерсантъ. 2023. 14 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5771591> (дата обращения 14.08.2024).

² Там же.

cusatory discourse of those unwilling and unable to pay alimony includes topics related to discrimination against fathers in public opinion; accusations against the state, society, ex-wives, and their new partners; recognition of difficult life circumstances and lack of their own opportunities; risks of starting a family as well as fatherhood; awareness of fatherhood as a heavy burden; unwillingness to bear responsibility for providing for children after a divorce. The critical discourse of those able and willing to pay alimony is presented with topics related to the injustice and repressiveness of family legislation; inequality of rights of fathers and mothers; imperfection of mechanisms for calculating and collecting alimony. This discourse is supplemented by specific proposals for their solutions. Based on the results of the analysis, the authors suggest a series of practical recommendations for improving legal and regulatory framework in family policy.

Keywords: child support, alimony defaulters, divorce, fatherhood, masculinity, children's rights, family policy, online communication

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00770.

снизилось и количество неоконченных исполнительных производств о взыскании алиментов (за 2022 г. — 771 тыс., за 2023 г. — 748 тыс.)³. Около 8 млн россиян не могут выехать из страны из-за неоплаченных долгов. Этот показатель почти вдвое превысил значение 2021 г. и стал рекордным за последние 15 лет⁴.

Несмотря на позитивные тенденции взыскания алиментных платежей в результате расширения мер принуждения, принятых в последние годы (уголовное наказание за невыплату алиментов, наложение ареста на имущество, принудительные работы, создание открытого реестра неплательщиков алиментов), эффективность их воздействия на должников остается низкой, а проблема невыплаты алиментов — нерешенной. Свой вклад в данную проблему вносит и специфическая культура отсутствующего отцовства, в основе которой внебрачная рождаемость, пребывание в местах лишения свободы, алкогольная и наркотическая зависимости, участие в военных действиях, эмиграция, отходничество, высокая смертность мужчин. Растет число разводов⁵, отцы «исчезают» из жизни детей в результате супружеских конфликтов, барьеров гейткипинга, противоречий в культурных установках мужчин и женщин [Trinder, 2008; Безрукова, Самойлова, 2020а; Пяткова, Савинская, 2020].

В то же время по данным ВЦИОМ наблюдается демократизация взглядов российских граждан на роль разведенного отца в воспитании детей⁶, усиливается потребность самих отцов в вовлеченности и заботе о детях после развода [Иванова, 2018; Безрукова, Самойлова, 2020а; Шевченко, 2023]. Отцы протестуют против синдрома родительского отчуждения, требуют материальной ответственности матерей за обеспечение детей после развода, создают группы отцов и борются за свои права [Безрукова, Самойлова, 2020б; Козлова, Рассадин, 2023; Зыков, 2024].

Полагаем, что проблема невыплаты алиментов связана и с доминированием либерального подхода в российской семейной политике, предполагающего формальное равенство обязательств супругов в отношении обеспечения ребенка — на практике оно является ответственностью родителя, с которым остается ребенок. Недостаточно внимания уделяется изучению взаимоотношений и личных мотивов бывших супругов при рассмотрении проблемы невыплаты алиментов, правовых механизмов, способствующих урегулированию конфликтов и достижению договоренностей в интересах детей.

Цель статьи состоит в определении актуальных направлений решения проблемы невыплаты алиментов на основе анализа международного и российского опыта семейной политики по обеспечению прав детей на содержание в разведенных семьях, а также систематизации дискурсов, выявленных в мнениях отцов о причинах невыплаты алиментов в онлайн-коммуникациях.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году. URL: <https://deti.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-306-src-1717497135.5379.pdf> (дата обращения 14.08.2024).

⁴ Без чувства долга // Коммерсантъ. 2023. 14 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5771591> (дата обращения 14.08.2024).

⁵ Шербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2024 года // ДемоскопWeekly. 2024. № 1043—1044. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom06.php> (дата обращения 20.09.2024).

⁶ Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. 2019. 8 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9793> (дата обращения: 16.08.2024).

Ключевые исследовательские вопросы: каковы основные пробелы в российском семейном законодательстве в отношении прав детей на материальное обеспечение после развода? Каковы типичные представления об алиментах и причинах их невыплаты у разведенных отцов? Что необходимо изменить в семейном законодательстве для обеспечения детей алиментами?

Теоретические и эмпирические исследования обеспечения детей в разведенных семьях: зарубежный и российский опыт

Материальная поддержка ребенка отдельно живущим от него родителем — проблема алиментов — характеризуется многоаспектностью и многофакторной обусловленностью. Диапазон действующих факторов чрезвычайно широк — от макро- до микроуровня: от установленного законом порядка начисления и выплаты алиментов, механизмов его реализации, профессиональных установок причастных к его исполнению лиц, неформальных социальных норм до психологических характеристик, присущих членам конкретной семьи и отношениям, которые в ней сложились. Чем более субъективную природу имеют эти факторы, тем больше разнообразие их проявлений и непредсказуемость. Поэтому будут ли удовлетворяться потребности ребенка в достаточном для его благополучия объеме, часто зависит от того, в какой семье ему повезло родиться.

Вместе с тем все дети имеют право «на получение содержания» со стороны родителей, это отражено в ст. 60 Семейного кодекса РФ, а гарантом реализации этого права выступает государство, что в полной мере согласуется с одной из ключевых стоящих перед ним задач — заботой о детях. Это общая задача всех правительств в современном мире, однако ее решение имеет свою специфику в зависимости от модели семейной политики, которой придерживается та или иная страна. Гарантии прав ребенка на материальное обеспечение более серьезные в странах с социал-демократической и консервативной моделями социальной политики по сравнению с либеральной по классификации Г. Эспинг-Андерсена [Esping-Andersen, 1990].

Согласно законодательству Франции, реализующей консервативную модель, алиментное обязательство возникает, как только отцовство (материнство) ребенка установлено. Обязательство об уплате алиментов не связано с семейным статусом родителей, сумма алиментов будет одинаковой вне зависимости от того, состояли родители ребенка в браке или нет. Финансовую помощь от государства получают все французские семьи, семейные пособия имеют более 100 разновидностей [Зубченко, 2009]. В Швеции социал-демократическая социальная политика построена на том, что все граждане обязаны быть застрахованными. В законодательстве Швеции и Франции четко урегулированы все аспекты совместной заботы о ребенке во время брака, после развода или расставания, государство не заменяет родителей в части материального обеспечения детей, но в случае, если с выплатами возникают проблемы, полностью берет на себя их решение и не допускает ситуации, чтобы ребенок остался без поддержки. Правовые практики защиты интересов ребенка в постразводной семье отработаны и в других странах. Наличие института алиментного фонда или другого государственного органа, выполняющего функции фонда (касса семейной поддержки или агентство

по страхованию) дает необходимую страховку, если по каким-то причинам родитель не выполняет своих обязательств. Сами эти обязательства имеют правовой характер, юридически оформлены [Чекулаев и др., 2020]. Совместная опека родителей над детьми, введенная во многих западных странах, также укрепляет правовые рамки взаимодействия между бывшими супругами, включая выплату алиментов и контроль расходования этих средств на нужды ребенка проживающим отдельно родителем.

В России на современном этапе развития социального государства отсутствует институт алиментного фонда, поэтому правительство не может в полной мере обеспечить материальной поддержкой всех детей в разведенных семьях. Обязанность платить алименты должна неукоснительно соблюдаться именно родителями, исключением является назначение на ограниченный срок государственного пособия по заявлению родителя, попавшего в трудную жизненную ситуацию. Государственное социальное обеспечение граждан России финансируется за счет федерального бюджета, всеобщее социальное страхование не предусмотрено. При разводе не требуется предоставления каких-либо правовых гарантий будущего обеспечения ребенка, достаточно в исковом заявлении отметить, что «споров о детях нет» [Гурко, 2008]. В правовых актах РФ не регламентируется и не нормируется порядок организации совместного ухода, отсутствует понятие «совместное воспитание». Условия материального обеспечения ребенка отдельно живущим родителем определяются по договоренности родителей либо через суд, если они не смогли прийти к соглашению. Сумма алиментов чаще зависит от размера заработка, но может быть и фиксированной. В случае отсутствия выплат подключается Федеральная служба судебных приставов. Таким образом, система обеспечения защиты интересов ребенка после развода родителей выглядит логически выстроенной, включающей основные этапы, действующих субъектов и предписанные им активности.

Тогда возникает вопрос, почему проблема невыплаты алиментов стоит так остро. Анализ показывает проблемы и риски различной природы, которые снижают эффективность системы. Так, выбор досудебного соглашения женщинами часто обусловлен тем, что сумма алиментов в этом случае может быть выше, чем определенная судом. Иск — это их право, а не обязанность, и они надеются на совесть отца. Но если это устная договоренность, не оформленная нотариально, то велик риск, что бывший муж со временем, по мере отдаления от семьи, забудет о своих обещаниях и перестанет платить [Гурко, 2008]. Размер алиментов, назначаемых судом, рассчитывается на основе официальной зарплаты, уровень которой может быть существенно ниже реальных доходов ответчика. Субъектами практик «серых» зарплат выступают частные работодатели, именно они извлекают из этого основные экономические выгоды, но при назначении алиментов это совпадает и с интересами их работников. Если алименты взыскиваются в фиксированной денежной сумме, суды должны затребовать от государственных органов сведения об имуществе и всех доходах плательщика, а потом с их учетом решать вопрос о размере алиментов, но в силу сокрытия реальных доходов и трудностей с доказыванием принадлежности имущества должнику, который переводит его на своих родственников, распространена практика установления процента от заявленной им заработной платы только по основному месту работы [Гурко, 2008]. Если

алименты не выплачиваются, судебные приставы обязаны осуществить розыск неплательщика, привлечь его к различным видам административной ответственности и взыскать алименты. Однако успехи Службы судебных приставов в практике взыскания недостаточны, удовлетворяется примерно десятая часть долгов [Ржаницына, 2021]. Таким образом, процесс исполнения закона далек от желаемого, в том числе из-за не всегда скрупулезного отношения уполномоченных лиц. Вместе с тем главные трудности получения материальной поддержки для ребенка после развода связаны с фигурой родителя, как правило, отца.

Розыск неплательщиков оканчивается неудачей, если у этих отцов нет никакого дохода и имущества, среди должников много лиц с асоциальным поведением — алкоголиков и наркоманов [там же]. Зарубежные исследования, проведенные за последние 30 лет, показывают, что многие отцы-нерезиденты, особенно не состоящие в браке, сталкиваются с серьезными препятствиями при выплате алиментов, включая безработицу, низкий уровень образования, проблемы со здоровьем, небольшой трудовой стаж и периоды тюремного заключения [Cancian, Meyer, 2004; Carlson, Magnuson, 2011; Guarin, Meyer, 2018; Vogel, 2020; O’Gara, 2023].

С другой стороны, на способность платить влияет высокая установленная планка, не все даже состоятельные отцы способны ей соответствовать, что приводит к снижению регулярности выплат и различным уловкам. Установление слишком высокого уровня выплат может оказаться контрпродуктивным, но насколько «высота слишком высока»? Соблюдение и регулярность выплат снижаются с увеличением нагрузки: чем больше ожидается, тем меньше вероятность, что отцы оправдают ожидания, критический размер — это 30% дохода [Hodges, Meyer, Cancian, 2020]. Способность платить сохраняется, если при определении размера алиментов принимается во внимание не только исключительно уровень дохода отца, но и иные факторы: доходы матери, расходы обоих родителей, возраст ребенка, данные о стоимости содержания детей и др. Как показывает практика разных стран, подобные модели более сложны, но и намного справедливее [Шелютто, 2018].

Готовность отца платить зависит от процессов, имеющих индивидуально- и социально-психологическую природу, от того, какие отношения у него сложились с ребенком и с бывшей женой [Drapeau et al., 2024]. Качество отношений родителей, их способность сотрудничать и оказывать взаимную поддержку связаны с более высокой вероятностью выплаты алиментов на ребенка и их увеличенным размером [Goldberg, 2015], находит эмпирическое подтверждение положительная связь между выплатой алиментов и контактами отцов с детьми [Huang 2009, Petren, Ferraro, Pinto, 2023].

Кроме уменьшения частоты контактов отца с ребенком, на готовность платить могут влиять новые браки родителей и появление следующих детей: отец может не захотеть платить алименты, если считает, что его деньги пойдут на содержание детей других мужчин, которые появились в доме, где живет его ребенок [Meyer, Cancian, 2012]. Новые партнеры отца могут возмущаться и препятствовать переводу его доходов из их собственного домохозяйства (и детей) в домохозяйство другой женщины [Edin, Nelson, 2013].

Обеспечивая ребенка, отец заботится о нем, о том, чтобы его потребности удовлетворялись, вместе с тем выплаты алиментов представляют собой набор практик, которые отцы наделяют различными смыслами, в том числе проявлением своей доброй роли, заботы «по желанию», а не «по принуждению». В исследовании Е. А. Ивановой показано, что большинство мужчин негативно оценивают алименты по суду — как «обязаловку» и «контрибуцию», средство принуждения, и акцентируют внимание на принципе добровольности обеспечения ребенка. Алименты определяются отцами как «свои» средства, которые могут быть потрачены только на нужды ребенка, а алиментные практики — это не только забота, но и проявления власти и контроля [Иванова, 2018]. Таким образом, гендерные установки отцов могут повышать их готовность исполнять свой отцовский долг — обеспечивать ребенка, хотя и не безусловно, а при наличии условий, поддерживающих их маскулинность.

На то, какими отцами они будут после распада семьи, влияют установки отцов, их личностные качества. По мнению Н. А. Ивановой, уклонение от выплаты алиментов в России — проблема общества, в основе которой низкий уровень нравственных качеств родителя, обязанного платить алименты, отсутствие осознания ответственности перед государством и перед собственным ребенком [Иванова, 2023]. Предпринятые попытки создать социально-психологический портрет неплательщика алиментов в определенной мере это подтверждают [Снетков, Курьшова, 2021].

Реализуемые в нашем исследовании подходы основываются на понимании роли добытчика и кормильца семьи, выступающей основой традиционной маскулинности и ключевым компонентом отцовской идентичности [LaRossa, 1997; Cabrera et al., 2002], которая подвергается оспариванию в контексте «кризиса отцовства» и семейных отношений, маскулинности и власти [Кон, 2009]. Объяснительная модель отцовской идентичности в ситуации постразводного отцовства, сопряженная с проблемой невыплаты алиментов, раскрывается в разных сценариях конструирования маскулинности: от «несостоявшейся маскулинности» (failed masculinity) [Pleck, 1976] до «заботливой» и «уязвленной маскулинности» [Безрукова, Самойлова, 2020а: 473]. Несостоявшаяся маскулинность проявляется в неготовности и неспособности выполнять обязательства, предписанные отцовской ролью (обеспечивать, быть опорой и защитником, воспитателем), отстранении и «уходе» от проблем (избегание ответственности и обязательств). «Заботливая» маскулинность характеризуется готовностью и способностью быть ответственным, поиском способов конструктивного решения проблемы (урегулирование супружеского конфликта, внесение предложений по изменению семейного законодательства), «уязвленная» — доминированием, стремлением к контролю, управлению ситуацией, активности в борьбе за права отцов, включая деструктивные действия.

Мы полагаем, что в качестве ключевых показателей родительского потенциала разведенных отцов, определяющих их стремление выполнять обязательства по материальному содержанию своих детей после развода, можно выделить *способность* и *готовность* платить алименты. *Способность* раскрывается в действиях в отношении содержания детей после развода, отцовских практиках, основанных на устойчивой жизненной позиции, стабильном социальном положении и профес-

сиональном статусе, оплачиваемой работе, хорошем здоровье, активности, что позволяет справляться с алиментными выплатами. *Готовность* взаимосвязана с ценностно-смысловыми установками отцовства, значением, которое мужчины придают детям и своей отцовской роли, отношениям с детьми, со стремлением оставаться в их жизни, проживать активное и полноценное отцовство. Ключевое значение при этом имеют осознание смысла родительских обязанностей, значимости конструктивного взаимодействия с бывшей женой в интересах ребенка, договороспособность, терпимость, морально-нравственные качества. Как показывают исследования, в зависимости от выраженности способности и готовности отцов платить алименты траектории поддержки детей будут разными [Sariscsany, Nerpomnyaschy, Garfinkel, 2019].

В современных российских условиях вопросы урегулирования отношений между разводящимися родителями имеют разные варианты решений, выбор которых во многом зависит от уровня их культуры и личностной зрелости, характера гендерных и социокультурных установок. Типичные, распространенные установки определяют современный социокультурный ландшафт, который необходимо изучать и учитывать.

Материалы и методы исследования

В ходе эмпирического исследования проанализирован контент интернет-ресурсов с обсуждением темы отношения к алиментам, проблем неплательщиков алиментов, взаимодействия граждан с судом и Федеральной службой судебных приставов, конфликтных отношений разведенных родителей. Сообщества отбирались в соответствии со следующими критериями: проблематика алиментов, открытость для комментирования, ориентированность на целевую группу разведенных отцов/родителей, значительное число участников (от 6,2 до 409 тыс. человек), представленность всего спектра мнений по теме алиментов (от официальных блогов депутатов ГД РФ до радикальных групп).

В качестве источников исследовательского материала были отобраны комментарии в сообществах Telegram-каналом («Семейный Фронт», «Союз отцов России», «Новости с Останиной», «Депутат Дмитрий Кузнецов» и др.), социальной сети «ВКонтакте» («Мужское движение»), форумах («Антибабский форум», «Woman.Ru»), под видео на YouTube-каналах («Мужская консультация»/ Антон Сорвачев, «Энциклопедия Настоящих Мужчин 2.0»), в интернет-журнале «Тинькофф Журнал» (Т — Ж). Поиск проводился по ключевым словам: «алименты», «невыплата алиментов», «определение места жительства ребенка» (ОМЖР), «бывшая жена (бж)», «бывший муж (бм)», «государственный алиментный фонд (ГАФ)», «судебные приставы», «отец», «должник», «ребенок», «платить» и др. В ходе исследования были скачаны комментарии к постам, статьям, видео, оставленные с начала января 2022 г. по август 2024 г.⁷ Сбор данных проведен в марте — августе 2024 г.

Таким образом были получены 6778 комментариев на тему алиментов, в результате содержательного анализа текстов отобраны 6575, которые вошли в массив для кодирования текстов на основе контент-анализа. Далее определено 32

⁷ Сбор данных проведен О. Безруковой и К. Тамаровым.

категории и проведен подсчет частоты упоминаний выделенных понятий и смысловой анализ дискурсов и структуры представлений о невыплате алиментов на основе критического дискурс-анализа. Данный метод позволяет реализовать лингвистическо-дискурсивное измерение практики «конструирования социального мира, включая социальные идентичности и социальные отношения» [Йоргенсен, Филлипс, 2008:109], критически оценить социальную проблему как проявление несправедливости и неравенства, способствовать социальным и культурным изменениям, ведущим к более справедливому порядку.

Результаты исследования

Анализ полученных данных показал, что доминирующая доля комментариев о причинах невыполнения алиментных обязательств принадлежит мужчинам (79,6%), и только 8,1% — женщинам, что в целом объясняется спецификой отбора сообществ для анализа. В качестве виновника в неуплате алиментов разведенные отцы называют себя только в 11,4% случаях, чаще ссылаются на внешние силы (88,5%) — бывших жен (38,8%) и других (49,7%), в том числе государство и несправедливые законы (32,4%), общество с негативными установками по отношению к мужчинам и отцам (9,2%), обстоятельства жизни (8,2%), а также проявляются негативные установки в отношении отцовства. В статье мы сфокусировали внимание на анализе установок разведенных отцов. Выделенные темы представлены к таблице 1.

Таблица 1. *Распределение категорий на основе кодов*

№ п/п	Категория	Доля комментариев, %
Установки разведенных отцов (100%)		
<i>Обвинения бывших жен (38,8%)</i>		
1	Материнский гейткипинг	27,4
2	Алименты — бизнес бывших жен	18,6
3	Алименты провоцируют развод	13,7
3	Отсутствие контроля за использованием алиментов	12,8
4	Традиционные и мизандристские установки бывших жен	9,8
5	Отчуждающая мать	5,8
6	Неформальные соглашения	5,3
7	Не дает жить	5,2
8	Незапланированный ребенок	1,4
<i>Виноваты другие (49,7%), в том числе: Государство и несправедливые законы (32,4%)</i>		
9	Несправедливость начисления алиментов	32,7
10	Теории заговора против мужчин	29,1
11	Отсутствие совместного воспитания детей	10,6
12	Репрессивные меры	10,2
<i>Обстоятельства (8,2%)</i>		
13	Нет возможности платить алименты в силу разных причин	4,3
14	Плохое финансовое положение	3,8

№ п/п	Категория	Доля комментариев, %
Общество с негативными установками по отношению к мужчинам и отцам (9,2%)		
15	Отец-преступник	4,7
16	Отсутствие отцовских прав	4,6
Отцовство — обязательства, от которых лучше отказаться (11,4%)		
17	Риски создания семьи и отцовства	38,2
18	Не хочу платить	18,1
19	Детей пусть содержит новый муж	17,5
20	Стал отцом — готовься к тюрьме	15,8
21	Непризнание отцовства	10,4

Категория «Установки отцов-неплательщиков алиментов» отражает своеобразный континуум: от мнений о несправедливости и репрессивности механизмов начисления и взыскания алиментов, дискриминации отцов в общественном мнении, обвинений бывших жен до признания дефицита своих возможностей в заботе о детях, трудных жизненных обстоятельств и осознания отцовства как тяжелой ноши, от которой лучше отказаться.

Обвинения бывших жен

«Материнский гейткипинг» (27,4%) — отцы обосновывают свое нежелание платить алименты барьерами в общении с ребенком, создаваемыми бывшей женой. Регулярные выплаты алиментов не приводят к конструктивному решению вопроса о порядке общения с ребенком, зачастую бывшая жена не желает видеть бывшего мужа и препятствует общению с детьми («Моя бывшая сказала: „Алименты не переведешь, ребенка не увидишь“. Перевел, изредка общался с ребенком, с ее стороны недовольство, манипуляции, с ребенком не общаюсь вообще»)⁸.

«Алименты — бизнес бывших жен» (18,6%) — фиксируются представления разведенных отцов о разводе и алиментах как способе обогащения бывших жен, который не контролируется государством. Аргументы мужчин о нежелании платить алименты связаны с убеждением, что бывшие жены сознательно используют алиментные выплаты на свои нужды, обеспечивают новых партнеров и детей, оплачивают адвокатов при борьбе с бывшим мужем, стремятся заполучить его собственность. Отцы сетуют на невозможность справиться с последствиями «алиментного бизнеса», поскольку матерей поддерживают сообщество бывших жен и специалисты, сопровождающие процесс развода («Женщины давно используют детей как бизнес-проект. Уйма тренингов на Ютубе как оптимально и безнаказанно это проверить. Моя бж в суде заявила, что алименты использует, чтобы судиться со мной по имущественному вопросу. Плачу 30 тысяч, ребенка дают видеть через раз, несмотря на решение суда»).

«Алименты провоцируют развод» (13,7%) — установка фокусирует внимание на убеждении мужчин в том, что наличие алиментов способствует разводам. По мнению отцов, если супруга не сможет рассчитывать на алименты после развода, то она будет стремиться к сохранению семьи, тем самым отмена алиментов

⁸ В цитатах сохраняется орфография и пунктуация источника.

будет способствовать снижению числа разводов. Алименты они называют «штрафом за размножение», «алиментным рэкетом», «вымогательством», присвоением «чужого». Нежелание платить алименты аргументируется и тем, что материнство — это прежде всего сфера самореализации и заботы, не требующая оплаты, при этом потребности ребенка в содержании и образовании во внимание не принимаются: *«Алименты — это просто позорище человеческое. Их вообще не должно быть».*

«Отсутствие контроля за использованием алиментов» (12,8%) — мнения отцов отражают желание самостоятельно определять порядок оплаты, срок, сумму алиментов. Отцы возмущены расходами матерей и хотели бы самостоятельно принимать решения о том, что и когда нужно покупать ребенку, полагая, что «посредник» по распределению алиментов в виде бывшей жены им не нужен (*«Платить алименты бж на карточку и содержание своего ребенка это две большие разницы. Где отчет на что уходят алименты? Почему государство за расходование материнского капитала получает отчет, а отец не может контролировать куда идет его деньги в виде алиментов?»*).

«Традиционные и мизандристские установки бывших жен» (9,8%) — суждения отцов, возмущенных стремлением бывших жен к превосходству, доминированию и контролю, желанию унижить, предъявить нереализуемые требования (*«Ты делаешь все, как хочет твоя жена, вся власть в браке у женщины, ты для нее — слабак, лузер, мальчик для битья, зачем мне такая семья, и платить ей алименты?»*). Мужчины обвиняют бывших жен в лицемерии, возмущены их требованиями по-прежнему содержать их после развода, при этом отобрав у мужчины все имущество и отказывая в возможности видаться с ребенком.

«Отчуждающая мать» (5,8%) — в комментариях раскрывается стратегия матери по полному отвержению отца, которая строится на наговорах, угрозах, манипуляциях, создании негативного образа отца в глазах детей. Тем самым матери, по мнению отцов, принуждают детей отказаться от общения с отцами и фактически отчуждаются от него (*«Отношение детей ко мне не как к отцу, а просто как к кошельку с деньгами. Бж не давала мне полноценно общаться и воспитывала в детях ненависть к отцу. Вывод: нет у вас больше детей, бывшая все сделает против вас. Зачем платить?»*).

«Неформальные соглашения» (5,3%) — в этой категории объединены мнения разведенных отцов, приостанавливающих или вовсе прекращающих поддерживать бывшую жену и ребенка. В комментариях затрагиваются последствия решения родителей договориться о выплате алиментов неформально, без нотариально заверенного соглашения и подачи в суд иска о взыскании алиментов. Отцы жалуются на матерей, которые, по их словам, получают деньги, а потом, нарушая все договоренности, без согласования с бывшим мужем подают документы в суд на выплату алиментов. Таким образом, прекращение алиментных выплат обусловлено дефицитом правовой культуры, нарушением прав детей на обеспечение после развода, желание матерей получить более существенную по размеру финансовую помощь, чем установлено через суд, а отцов — скрыть факт алиментных выплат перед работодателем и новой семьей, неразрешенный супружеский конфликт (*«Алименты не платил, были договоренности, что перевозжу нужные суммы. А теперь начал зарабатывать хорошо, бж подала в суд. Бывшая семья каким боком к этим изменениям?»*).

«Не дает жить» (5,2%) — комментарии отцов сфокусированы на обвинениях матерей в назойливом внимании к их повседневной жизни, невозможности избавиться от контроля и давления («Алиментщиков так прессуют, что они просто уже не хотят работать. Бж вместо того, чтобы выйти замуж, занимается тем, что следит за ним: „Ааа — машину купил, урод — в кафе сидел, ууу — в квартире живет, ммм — мясо ест»)“ и бежит к приставу жаловаться. Пристав приходит: „Не езд, не ешь, не живи!“ и все отбирает»).

«Незапланированный ребенок» (1,4%) — комментарии мужчин, которые, по их словам, не хотели становиться отцами, но стали ими по принуждению матери. В одних ситуациях по договоренности с женщиной брачные отношения не регистрируются, отцовство не устанавливается, матери формально становятся одинокими матерями. В ситуации разрыва отношений матери стремятся установить отцовство в суде и получать алименты, в то время как «несуществующие» отцы стараются снять с себя ответственность за рождение ребенка в неформальных отношениях и отказываются платить алименты «нежеланным» детям («У мужчины нет права решать рожать женщине детей или нет. Несмотря на то, что на 50% это его ребенок, женщина может родить против воли мужчины и поставить на алименты: „Мое тело, мое дело“. Мать-одиночка при гражданском муже — повсеместная афера»).

Обвинения других: «виноваты государство и несправедливые законы»

«Несправедливость начисления алиментов» (32,7%) — представления, показывающие, что процедура формальна и не учитывает специфику конфликтных отношений бывших супругов, сокрытие информации и манипуляций в собственных интересах бывших жен, превращение пенни по алиментным платежам в источник дохода. Значительная часть комментариев отцов раскрывает неудачный опыт взаимодействия с судом и ФСПП. Мужчины возмущены тем, что за просрочку платежей по алиментам отец, который временно лишился работы, заболел или попал в списки «преступников» в результате ошибки начисления алиментных платежей, может лишиться средств к существованию или получить реальный срок тюремного заключения («За пару просроченных месяцев в пару тысяч (человек работу потерял или ошибка приставов) мужчине присудят до 18-тилетия 37,5% от зп, если один, 50%, если два и 75%, если трое. Неплохо. Почему бы сразу не отрубить ему руку за такое „преступление“?»).

«Теории заговора против мужчин» (29,1%) — общее мнение разведенных отцов, неудовлетворенных своим положением, проявляющееся в установках против дискриминации мужчин, создания невыносимых условий для жизни, «бесправия мужчин». Значительная часть комментариев представляет собой полные возмущения и обиды высказывания о несправедливом отношении государства к традиционной роли российских мужчин как кормильцев и добытчиков, которые сегодня не могут достаточно зарабатывать и «выживают», а государство не защищает их права, «отнимает детей в пользу женщины» после развода. В основе других сообщений — признание «матриархата», власти женщин в семье, которые стремятся «выбить из мужчины ресурсы», в том числе после развода. Комментарии мужчин полны страха за потерю своего имущества, привлечения к юридиче-

ской ответственности, стремления избежать уголовного преследования и тюремного заключения в связи с невыплатой алиментов («Алиментами — это ежемесячный многолетний штраф, назначаемый мужчине за попытку размножения, направленный на сокращение популяции на определенной территории и предотвращение повторных рецидивов на протяжении восемнадцати лет»).

«Отсутствие совместного воспитания детей» (10,6%) — нежелание платить объясняется несовершенством законодательства в реализации права отца воспитывать ребенка после развода совместно с матерью. Совместное воспитание детей после развода фактически отменяет проблему алиментов, поскольку каждый из родителей обеспечивает своего ребенка в равных долях с другим («Когда же мы покончим с алиментным рабством? Почему в других странах ввели совместное воспитание обоими родителями, а у нас обязательно надо отобрать детей у родного отца и посадить его на алименты?»).

«Репрессивные меры» (10,2%) — фиксируются мнения мужчин о неэффективности репрессивного механизма взыскания алиментов, поскольку меры, которые принимает государство к должникам в целях обеспечения детей алиментами, не стимулируют к их исправной выплате («Репрессии не помогут демографии в стране. Вы просто добываете тех, кого и так уже под плинтус загнали. С Чубайса почему-то 150 млрд никто не просит, а вот с человека, который и так за чертой отчаянья, придут приставы и добьют»).

Обвинения других: виноваты обстоятельства

«Нет возможности платить алименты» (4,3%) — мнения отцов, которые не могут платить алименты в связи с невозможностью самостоятельно справиться с трудной жизненной ситуацией (потеря работы, долги по кредитам, банкротство, наличие судимости, низкий уровень образования и квалификации, проблемы со здоровьем или инвалидность, создание новой семьи и детей, запреты супруги в повторном браке) («Накрутили долг за просрочку 800 тысяч, вычитают 70% из зп. Вручили запрет на выезд за границу и вождение тс. Заставили отработать бесплатно 40 часов по суду. Могут посадить, если не буду работать официально, даже если буду платить, долг опять будет копиться. Ребята, кто не имеет пока детей, вас ждет то же самое! Если будете заводить семью и детей и верить бабам. Вам оно надо?»).

«Плохое финансовое положение» (3,8%) — комплекс мнений о невозможности платить алименты в условиях потери работы, низкого уровня заработной платы фокусирует внимание на проблеме трудоустройства разведенных мужчин. Анализ комментариев отцов, которые, по их словам, соблюдали алиментную дисциплину, показывает, что в условиях санкций значительная часть работников переходит в теневой сектор экономики, не обеспеченный гарантиями занятости и социальной защитой, что усугубляет финансовое состояние трудоспособных мужчин и их семей. Мужчины лишаются работы в результате банкротства или ликвидации предприятий, появились риски скрытой безработицы, задержки зарплаты, что приводит к уменьшению алиментных выплат и их нерегулярности («Если у тебя нет работы, то алименты привязываются к работе! Где хочешь там и бери деньги каждый месяц, хоть вору!»).

Обвинения других: виновато общество с негативными установками по отношению к мужчинам и отцам

«Отец-преступник» (4,7 %) — представления мужчин о распространенных в общественном мнении стереотипах об отцах как потенциальных «преступниках», «злостных неплательщиках алиментов», «уголовниках», которые нарушают моральные нормы и которым свойственны пьянство, лень, безответственность, безнравственность («Ну да, конечно, все отцы в этом мире — коварные криминальщики, нарушающие законы и моральные нормы! И не важно, сколько детей они за свою жизнь вырастили, сколько семейных проблем решили, сколько памперсов поменяли — все равно, они тут же попадают под подозрение и должны доказывать свою невиновность каждый день. При этом абсолютно все мы будем делать за деньги, отобранные у отца»).

«Отсутствие отцовских прав» (4,6 %) — мнение мужчин о дискриминации отцов после развода, доминировании в нормативных актах и общественном мнении дискурса об ответственности отцов при дефиците внимания к их правам, фокусировании внимания на экономических функциях отцовства в ущерб воспитательным и потребности самих отцов заботиться о своих детях. Часть отцов уверены в том, что дети не знают об их участии в материальном содержании, поэтому не согласны платить алименты анонимно, те же, кто платит алименты регулярно, тем не менее не могут видеться с ребенком («Нет у отцов прав! Только обязанности! Многих отцов выкидывают из жизни детей, выставляют на алименты и долги по алиментам, детей настраивают против отцов, не исполняют судебные решения и таким „матерям“ за это ничего не делают! Детей они не видят! Поэтому многие мужчины не хотят больше заводить семьи! Говоря, о том, что не будут жить в порочном правовом поле, где у отцов только обязанности и где идет массовая дискриминация ПРАВ отцов! Т. е. „давай, плати и не отсвечивай“!»).

Отцовство — обязательства, от которых лучше отказаться

«Риски создания семьи и отцовства» (38,2 %) — мнения разведенных отцов о том, что создавать семью в условиях действующего законодательства об алиментах категорически нельзя («Настоящий мужчина не пойдет в ЗАГС, потому что ему такие риски не нужны. Развод, отъем имущества, алименты жене, которая и так разрушила его жизнь. Ему проще будет суррогатную мать купить и нанять няню»).

«Не хочу платить» (18,1 %) — среди причин невыплаты алиментов встречаются те, кто сознательно скрывает свои доходы. Одни должники не желают платить алименты и готовы минимизировать официально выплачиваемую заработную плату, другие получают часть доходов в виде «серой» зарплаты по договоренности с работодателем, третьи работают, не оформляя трудовые контракты, или просто перестают платить. Комментарии содержат объяснения таких действий, в основе которых нежелание быть ответственным — обязанным действовать по принуждению, выполнять финансовые обязательства по обеспечению своих детей, а также проявления негативных чувств к бывшей жене и представителям служб по взысканию алиментов («Ни один нормальный человек не будет платить алименты по принуждению, он будет только копить злость и отдаляться от своих детей, т. к. будет чувствовать несправедливость. В том году меня уголовно судили по али-

ментной статье *„частичная неуплата долга по алиментам“, теперь съезжаю в деревню жить подальше от крупного города»).*

«Детей пусть содержит новый муж» (17,5%) — мнения мужчин, которые пытаются оправдать свои действия утверждением о том, что бывшая жена и ее новый муж сами виноваты и заслуживают презрения. Ключевым посылом обсуждений выступает установка о невозможности создания семьи с прагматичными женщинами, которые изменяют, используют мужчин, заранее готовятся к разводу как выгодному проекту, в результате чего мужчина остается без детей, жилья, собственности, с множеством кредитов, которые со временем превратятся в уголовную ответственность. Они обвиняют как отцов, которые платят алименты и заботятся о своих детях после развода, так и отчимов, которые заботятся об их собственных детях (*«Только истинные алены, исправно ПЛАТЯТ алименты»*; *«Предложение — алименты отец платит до момента, когда бж выйдет снова замуж. В этом случае с бм снимаются алименты. Пусть детей и бж содержит алень»*).

«Стал отцом — готовься к тюрьме» (15,8%) — мнения отцов о неотвратимости наказания за неуплату алиментов. В комментариях звучит осознание неизбежности выплаты задолженности по алиментам, которая копится, при этом перечисление денег на счет ребенка или покупка ему вещей и подарков не уменьшает долги (*«Родил ребенка, алименты, в тюрьму. Романтика!»*).

«Непризнание отцовства» (10,4%) — комментарии основаны на нежелании материально поддерживать оставшегося жить с матерью «чужого» ребенка. Большая часть сообщений фокусирует внимание на несогласии мужчин с существующим порядком установления отцовства, в том числе в ситуации рождения в семье ребенка от другого биологического отца. Звучат предложения ввести нормы обязательного ДНК-теста при рождении ребенка (*«Сделал ДНК-тест, не мой киндер. И всем судам плевать, муж все равно платит. Она сказала, что муж в курсе был, что беременная и принял отцовство. Даже если и получится убрать алименты, то пока набегаешься, стопчешь 5 пар ботинок и состаришься уже»*).

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют, что страны с социал-демократическими и консервативными моделями семейной политики, последовательно выступающие в защиту прав детей на материальное обеспечение после развода, эффективнее справляются с вызовами неблагополучия и бедности неполных семей. Их опыт укрепления правовых механизмов участия государства в бракоразводном процессе показывает, что одновременно открываются новые возможности по урегулированию не только экономических вопросов, но и ценностных конфликтов, порождаемых комплексом психологических, социокультурных и социальных рисков в постразводных семьях (родительского гейткипинга, недоверия к бывшим супругам/партнерам, влияния экономической ситуации на материальное положение разведенных родителей с детьми, дефицита договоренностей и механизмов урегулирования супружеских конфликтов).

Неразрешенная до сих пор проблема невыплаты алиментов в России по сути является наследием неолиберальной семейной политики, реализуемой в последние десятилетия. Российское государство выступает всего лишь посредником при

решении проблем обеспечения детей после развода, не предоставляя неполным семьям гарантии поддержки, перекладывая солидарную ответственность обоих родителей, государства и общества за содержание и заботу о детях на одного из родителей: остающегося с ребенком (чаще мать) или вышедшего из семьи (чаще отца). Такая политика — следствие поверхностного представления о сложных реалиях современных семейных процессов, приоритета других, более острых и важных с точки зрения государства, социальных проблем, недостаточного учета комплекса проблем постразводного родительства и общей, носящей характер эпидемии, ситуации с разводами, запаздывания с проведением важных реформ в семейном законодательстве.

Результаты дискурс-анализа свидетельствуют, что разведенные отцы занимают оборонительную позицию, обвиняя не только бывших жен, но и государство, и принимаемые им законы, общество с его негативными установками по отношению к отцам, сложившиеся обстоятельства, проявляют враждебное и агрессивное отношение к другим, снимая индивидуальную ответственность за алиментные выплаты с себя и требуя от государства и бывших жен нести ответственность за обеспечение детей наравне с ними. Вместе с тем значительная часть отцов, выполняя свой долг, добросовестно выплачивая алименты, оставаясь преданными и любящими своих детей, все же недовольны семейным законодательством в части алиментных обязательств, сложившейся правоприменительной практикой и требует справедливости. Разведенные отцы в контексте алиментных отношений представляют собой неоднородную группу, в зависимости от сочетания способности и готовности платить алименты выделяются разные подгруппы отцов: от *аморальных* и *циничных* до *на всех обиженных* — способных, но не готовых платить и сознательно уклоняющихся от алиментных выплат, *неблагополучных* — неспособных и неготовых, не желающих осуществлять алиментные платежи и одновременно не имеющих для этого средств, до *беспомощных* — желающих, но не имеющих возможности осуществлять выплаты и *добросовестных* — готовых и способных, ответственных и надежных плательщиков алиментов, стремящихся оставаться в жизни своих детей наравне с матерью и борющихся за изменения правовых механизмов назначения алиментов.

Нами выделены ключевые дискурсы о причинах невыплаты алиментов, концептуальное ядро которых объединяют как позитивные смыслы в решении проблемы, так и ограничения, препятствия и риски, представленные в мнениях разведенных отцов. Для *неготовых* и *неспособных* платить алименты чаще характерен *обвинительный дискурс* — о дискриминации отцов в общественном мнении, об обвинении государства, общества, бывших жен за перенос ответственности за обеспечение детей только на отцов, дискурсы о признании дефицита своих возможностей в заботе о детях и трудных жизненных обстоятельствах, о наказании за неуплату алиментов, о рисках создания семьи и отцовства, об осознании отцовства как тяжелой ноши, от которой лучше отказаться, о нежелании нести ответственность за обеспечение детей после развода, об осуждении бывших жен и новых партнеров. *Способных* и *готовых* платить алименты в значительной степени отличает *критический дискурс* восприятия современной практики начисления алиментов, проявляющийся в идеях о несправедливости и репрессивности семейного зако-

нодательства, неравенстве прав отцов и матерей, необходимости поиска целесообразных, правомерных и разумных механизмов начисления и взыскания алиментов, о переходе к новым и справедливым решениям.

Сравнительный анализ практик обеспечения детей в разведенных семьях и дискурсов по проблеме невыплаты алиментов показал, что значимым фактором выступает отсутствие в российском семейном законодательстве четкой правовой регламентации взыскания и получения средств на содержание детей. Требуется законодательного закрепления вопроса о допустимом размере алиментов, в том числе установлении верхнего предела алиментных выплат, дифференциации размера алиментов, алиментных выплат на специальный счет ребенка обоими родителями. Нуждается в совершенствовании механизм контроля за использованием алиментов. Важно отказаться от неформальных соглашений о выплате алиментов в пользу юридически/официально оформленных гарантированных выплат средств на материальное содержание детей.

Несмотря на принимаемые государством меры, имеют место пока еще нерешенные вопросы «серых зарплат», сокрытия доходов и имущества, уменьшения доходов путем оформления самозанятости. Отсутствуют долгосрочные программы по решению вопросов с трудовой занятостью должников по алиментам, в том числе принудительной.

Разрешению алиментного кризиса могло бы способствовать и создание структуры, аккумулирующей средства для выплат нуждающимся детям, чьи родители оказались в трудной жизненной ситуации (потеря работы, проблемы со здоровьем, инвалидность, временная невозможность выплачивать средства) или ведущих асоциальный образ жизни, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, не работающих, находящихся в местах лишения свободы. Несмотря на полярные позиции в экспертном и общественном мнении по поводу организации Государственного алиментного фонда для помощи детям из неполных семей, такая структура сможет обеспечить не только гарантии прав всех детей на материальное содержание, но и справедливые и солидарные действия государства и общества по отношению к детям вне зависимости от типа семьи, в которой они проживают.

Необходимо принять закон о совместном воспитании детей после развода, что будет способствовать учету интересов детей и отцов, матерей и близких родственников, лишенных возможности воспитывать детей и заботиться о них после развода. Вопросы урегулирования не только имущественных отношений, но и договоренностей об определении места жительства ребенка, совместном воспитании детей, порядке выплаты средств на содержание ребенка могли бы быть урегулированы с помощью процедуры брачных контрактов. Актуально более активное информирование общества о содержании и требованиях при заключении данного договора. В настоящее время практика брачных контрактов не является распространенной, вместе с тем в условиях усиления прагматизации современной жизни и более рационального отношения молодежи к браку такой договор вполне совместим с представлением о счастливой, основанной на любви семье. Необходимо принять закон об обязательной медиации на всех этапах разводного и постразводного процесса, способствующей как примирительным процедурам, так и оформлению досудебных договоренностей о воспитании, общении и содер-

жании детей после развода. В настоящее время отсутствует целенаправленная работа с мужчинами по формированию ответственного и вовлеченного отцовства, наблюдается дефицит профилактической работы с будущими родителями, начиная от профилактики отказов в установлении отцовства до повышения осознания мужчинами необходимости поддерживать своих детей на всех этапах родительства, в том числе после развода.

Список литературы (References)

1. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020а. № 3. С. 463—498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>.
Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2020) Maternal Gatekeeping in Russia: Young Fathers about Mothers and the Barriers to Access Children after Divorce. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 463—498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>. (In Russ.)
2. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // Социологические исследования. 2020б. № 12. С. 116—127. <https://doi.org/10.31857/S013216250013020-5>.
Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2020) “She is no Mother at All”: Images of Ex-wives in the Discourse of Young Fathers. *Sociological Studies*. No. 8. P. 116—127. <https://doi.org/10.31857/S013216250013020-5>. (In Russ.)
3. Гурко Т. А. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 110—120.
Gurko T. A. (2008) Alimonies: A Factor for Qualitative and Quantitative Population Reproduction. *Sociological Studies*. No. 9. P. 110—120. (In Russ.)
4. Зубченко Л. А. Семейная политика Франции // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 2. С. 72—92.
Zubchenko L. A. (2009) Family Policy of France. *Actual Problems of Europe*. No. 2. P. 72—92. (In Russ.)
5. Зыков С. В. Синдром родительского отчуждения (PAS) как вызов российскому семейному праву // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20. № 1. С. 52—63. <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2024-20-1-52-63>.
Zykov S. V. (2024) Parental Alienation Syndrome (PAS) as a Challenge to Russian Family Law. *Juridical Science and Practice*. Vol. 20. No. 1. P. 52—63. <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2024-20-1-52-63>. (In Russ.)
6. Иванова Е. А. Алименты как множественные деньги: контрибуция, обязательство или забота? Исследование практик содержания ребенка отцами после развода // Экономическая социология. 2018. № 4. С. 101—133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133>.
Ivanova E. (2018) Child Support as Multiple Monies: Contribution, Duty, or Care? Research on Fathers’ Practices of Child Maintenance after Divorce. *Journal of Eco-*

- nomie Sociology*. Vol. 19. No. 4. P. 101—133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133>. (In Russ.)
7. Иванова Н. А. Анализ морально-правовых аспектов алиментных обязательств // Столыпинский вестник. 2023. Т. 5. № 8.
Ivanova N. A. (2023) Analysis of Moral and Legal Aspects Alimony Obligations. *Stolypin Annals*. Vol. 5. No. 8. (In Russ.)
 8. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
Jorgensen M., Phillips L. (2008) *Discourse Analysis: as Theory and Method*. Kharkiv: Gumanitarniy tsentr. (In Russ.)
 9. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Отцовские сообщества в современной России: дискурсы и практики // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9. № 1. С. 44—57. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2023-1-44-57>.
Kozlova N. N., Rassadin S. V. (2023) Paternal Communities in Modern Russia: Discourses and Practices. *Social and Humanitarian Knowledge*. Vol. 9. No. 1. P. 44—57. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2023-1-44-57>. (In Russ.)
 10. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
Kon I. S. (2009) *Man in the Changing World*. Moscow: Vremya. (In Russ.)
 11. Пяткова Е. С., Савинская О. Б. Нормативные представления о мизандрии у женщин двух поколений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 252—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679>.
Pyatkova E. S., Savinskaya O. B. (2020) Normative Ideas about Misandry in Women of Two Generations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 252—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679>. (In Russ.)
 12. Ржаницына Л. С. Совершенствование системы получения алиментов — путь снижения бедности // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 130—135. <https://doi.org/10.31857/S013216250013850-8>.
Rzhanitsyna L. S. (2021) Improving the Situation of Children in Divorced Families — a Way to Reduce Poverty. *Sociological Studies*. No. 4. P. 130—135. <https://doi.org/10.31857/S013216250013850-8>. (In Russ.)
 13. Снетков Д. А., Курышова И. В. Алиментные обязательства: современный «портрет» должника по алиментам (на примере Иркутской области) // Молодежный вестник ИРГТУ. Т. 11. 2021. № 3. С. 224—230.
Snetkov D. A., Kuryshova I. V. (2021) Maintenance Obligations: A Modern “Portrait” of the Alimony Debtor (In the Case of Irkutsk Region). *ISTU Bulletin of Youth*. T. 11. No. 3. 224—230. (In Russ.)
 14. Чекулаев С. С., Гордеев К. В., Леонов М. Р. К вопросу об алиментных фондах как способе обеспечения детей: зарубежный опыт // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 1. С. 184—189.

- Chekulayev S. S., Gordeyev K. V., Leonov M. R. (2020) The Issue of Alimony Funds as a Way of Providing for Children: Foreign Experience. *Vestnik of Kostroma State University*. Vol. 26. No. 1. P. 184—189. (In Russ.)
15. Шевченко И. О. Эволюция научных исследований отцовства // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 175—196. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12>.
Shevchenko I. O. (2023) Evolution of Scientific Research on Fatherhood. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 14. No. 3. P. 175—196. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12>. (In Russ.)
16. Шелюто М. Л. О необходимости изменить правила и практику определения размера алиментов на несовершеннолетних детей // Закон. 2018. № 6. С. 31—43.
Shelyutto M. L. (2018) On the Necessity of Changing the Rules and Practice of Calculating Child Support Payments. *Law*. No. 6. P. 31—43. (In Russ.)
17. Cancian M., Meyer D. R. (2004) Fathers of Children Receiving Welfare: Can “They Provide More Child Support? *Social Service Review*. Vol. 78. No. 2. P. 179—206. <https://doi.org/10.1086/382766>.
18. Cabrera N. J., Tamis-LeMonda C.S., Bradley R. H., Hofferth S., Lamb M. (2002) Fatherhood in the Twenty-First Century. *Child Development*. Vol. 71. No. 1. P. 127—136. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00126>.
19. Carlson M., Magnuson K. A. (2011) “Low-Income Fathers’ Influence on Children. *ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 635. No. 1. P. 95—116.
20. Drapeau S., Larouche K., Ivers H., Dussault S., Baude A. (2024) Longitudinal Association Between the Quality of the Separated Parents’ Relationship and the Frequency of Father — Child Contact: The Mothers’ Perspective. *Journal of Family Issues*. Vol. 45. No.1 1. P. 2916—2938. <https://doi.org/10.1177/0192513X231226149>.
21. Edin K., Nelson T. J. (2013) *Doing the Best I Can: Fatherhood in the Inner City*. Los Angeles, CA: University of California Press.
22. Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
23. Hodges L., Meyer D. R., Cancian M. (2020) What Happens When the Amount of Child Support Due Is a Burden? Revisiting the Relationship between Child Support Orders and Child Support Payments Article. *Social Service Review*. Vol. 94. No.2. P. 238—284. <https://doi.org/10.1086/709279>.
24. Huang Ch.-Ch. (2009) Mothers’ Reports of Nonresident Fathers’ Involvement with Their Children: Revisiting the Relationship Between Child Support Payment and Visitation. *Family Relations*. Vol. 58. No. 1. P. 54—64. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2008.00534.x>.

25. Goldberg J. S. (2015) Coparenting and Nonresident Fathers' Monetary Contributions to Their Children. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 77. No. 3. P. 612—27. <https://doi.org/10.1111/jomf.12191>.
26. Guarin A., Meyer D. R. (2018) Are Low Earnings of Nonresidential Fathers a Barrier to Their Involvement with Children? *Children and Youth Services Review*. Vol. 91. P. 304—318. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2018.06.023>.
27. LaRossa R. (1997) *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
28. Meyer D. R., Cancian M. (2012) "I'm Not Supporting His Kids': Nonresident Fathers' Contributions Given Mothers' New Fertility. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 74. No. 1. P. 132—151. <https://doi.org/10.2307/41329664>.
29. O'Gara J.L. (2023) The Effect of Paternal Economic Hardship on Nonresident Father Involvement and Co-parenting Among Racially / Ethnically Diverse Fathers. *Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services*. Vol. 105. No. 2. P. 282—294. <https://doi.org/10.1177/10443894231177747>.
30. Petren R. E., Ferraro A. J., Pinto E. (2023) Pre-Separation Family Relationships and Post-Separation Involvement Among Nonresident Fathers in the United States. *Journal of Family Studies*. Vol. 30. No. 3. P. 531—551. <https://doi.org/10.1080/13229400.2023.2271439>.
31. Pleck J. (1976) The Male Sex Role: Definitions, Problems, and Sources of Change. *Journal of Social Issues*. Vol. 32. P. 155—164. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1976.tb02604.x>.
32. Sariscsany L., Nepomnyaschy L., Garfinkel I. (2019) Describing and Understanding Child Support Trajectories. *Social Service Review*. Vol. 93. No. 2. P. 143—182. <https://doi.org/10.1086/703191>.
33. Trinder L. (2008) Maternal Gate Closing and Gate Opening in Post-Divorce Families. *Journal of Family Issues*. Vol. 29. No. 10. P. 1298—1324. <https://doi.org/10.1177/0192513X08315362>.
34. Vogel L. K. (2020) Help Me Help You: Identifying and Addressing Barriers to Child Support Compliance. *Children and Youth Services Review*. Vol. 110. P. 104763. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.104763>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2559](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2559)

Н. А. Любинарская

КАК РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ ВЛИЯЕТ НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ С МОЛОДЫМИ СУПРУГАМИ

Правильная ссылка на статью:

Любинарская Н. А. Как режим самоизоляции влияет на семейные отношения: анализ интервью с молодыми супругами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 262—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2559>.

For citation:

Liubinarskaia N. A. (2025) How Self-Isolation Affects Family Relationships: Analysis of Interviews with Young Spouses. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 262–283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2559>. (In Russ.)

Получено: 24.01.2024. Принято к публикации: 18.10.2024.

КАК РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ ВЛИЯЕТ НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ С МОЛОДЫМИ СУПРУГАМИ

ЛЮБИНАРСКАЯ *Нина Александровна* — лаборант научно-исследовательской группы лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; преподаватель, Архитектурная школа МАРШ, Москва, Россия
E-MAIL: nina.lyubinarskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4373-2394>

Аннотация. Цель работы — показать, как менялись семейные отношения во время пандемии коронавируса. Автор предполагает, что пребывание в замкнутом пространстве способно не только трансформировать «Я» индивида и изменить его представление о себе, но и отразиться на отношениях и дальнейшей совместной жизни супругов. Исследование основано на качественной методологии. Всего проведено 14 глубинных интервью с супругами в апреле — марте 2020 г., в нарративах информантов дается субъективная оценка текущей ситуации и характеризуется, как пары осмыслиют свою жизнь в условиях пандемии.

Для демонстрации изменений в жизни семьи используются понятия Э. Гоффмана и Е. Иллюз. Нарушение личных границ и контроль действий другого наблюдаются, когда дело касается гигиены, невозможности исполнения привычных рутинных практик. Пространственные ограничения разрушают границы между личной и профессиональной сферами. А трансформация «Я» индивида в условиях изоляции проявляется в невозможности повторять повседневные ритуалы и необходимостью прибегать

HOW SELF-ISOLATION AFFECTS FAMILY RELATIONSHIPS: ANALYSIS OF INTERVIEWS WITH YOUNG SPOUSES

Nina A. LIUBINARSKAIA^{1,2,3} — Assistant at the Sociology of Religion Research Laboratory; Lecturer; Lecturer
E-MAIL: nina.lyubinarskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4373-2394>

¹ St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

³ Moscow Architectural School (MARSH), Moscow, Russia

Abstract. The study aims at revealing how family relationships have changed during the COVID-19 pandemic. The author assumes that staying in a confined space can not only transform an individual's Self and change their self-image but also affects the relationship and future life of the spouses. The study is based on a qualitative methodology and regards 14 in-depth interviews with spouses conducted in April–March 2020. The informants' narratives provide a subjective assessment of the current situation and characterize how couples understand their lives during the pandemic. To demonstrate changes in family life, the author uses the concepts of Erving Goffman and Eva Illouz. Violation of personal boundaries and control over the actions of others manifest themselves when it comes to hygiene or the inability to perform familiar routine practices. Spatial restrictions destroy the boundaries between the personal and professional spheres. And the transformation of the individual's Self in isolation is manifested in the inability to repeat everyday rituals and the need to resort to different practices to preserve one's Self. The author concludes that isolation had an impact both on the individual's self-image and on the relationship

к разным практикам, чтобы сохранить свое «Я». Полученные результаты позволяют сделать вывод, что изоляция оказала влияние как на представление индивида о себе, так и на отношения между супругами и их выбор стратегии адаптации.

Ключевые слова: социология семьи, молодые семьи, COVID-19, удаленная работа, трансформация «Я»

Благодарность. Исследование осуществлено в 2021—2023 гг. в рамках проекта «Осознание жизни в браке молодыми супругами. Разработка категорий общения, взаимности, совместности» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция».

Введение

По мнению Е. Иллуз, романтические отношения партнеров в браке изменяются в течение семейной жизни¹. Во-первых, это обусловлено историческими и социальными предпосылками, а также характерными для общества модерна идеями утилитарной индивидуализации [Illouz, 2008; Иллуз, 2020; Beck, Beck-Gernsheim, 1995, 2002; Гидденс, 2011; Cherlin, 2004]. Во-вторых, автор связывает изменения отношений в семье с возникновением «терапевтического дискурса»² [Illouz, 2008, 2012] и феномена *happycrasy*³ [Иллуз, 2020; Кондрашов, 2023], которые делают личность более уязвимой и восприимчивой к любым изменениям, а брак — «хрупким» [Coontz, 2005]. В-третьих, в семье негласно контролируются эмоции индиви-

between spouses and their choice of adaptation strategy.

Keywords: family studies, young couples, COVID-19, remote work, transforming Self

Acknowledgments. The article is part of the “Awareness of Family Life by Young Couples. Conceptualization and Operationalization of Categories Related to Communion in Marriage” project supported by Saint Tikhon’s Orthodox University and the Active Tradition Foundation in 2021–2023.

¹ Как пишет Е. Иллуз, «...семья стала эмоциональной социальной ячейкой общества, потому что роли мужчины и женщины в этой сфере стали более демократизированными. Психология сыграла важную роль для того, чтобы предотвратить нарастающий конфликтный характер современного брака. Между крупномасштабными институтами, принявшими психологию в качестве основного легитимирующего дискурса, и исполнением индивидом „терапевтического self“ медиаиндустрия сыграла значимую роль в кодификации, легитимации и распространении мировоззрения психологии и в обеспечении площадки для реализации „терапевтического self“» [Illouz 2008: 242].

² Эксперты в области позитивной психологии отмечают заинтересованность населения в обращении за психологической помощью: «Сегодня мы наблюдаем тенденцию в отношении семейных отношений — люди стараются больше позитивного общения отдавать родственникам и близким, а негативные стороны выносить за этот периметр, обращаясь к специалистам» (Анализируй это: почему россияне стали чаще обращаться к психологам? // ВЦИОМ. 2022. 20 декабря. URL: <https://wciom.ru/expertise/analizirui-eh-to-pochemu-rossijane-stali-chashche-obrashchatsja-k-psikhologam> (дата обращения: 02.09.2024)). Однако при этом бытует мнение, что обращение к психотерапевтам приводит к разводам и делает брак неустойчивым к любым изменениям. Есть представление, что осознанная работа над отношениями «разрушит семью», «испортит отношения» (Почему пары распадаются после психотерапии? // Psychologies. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/pochemu-paryi-raspadayutsya-posle-psihoterapii/> (дата обращения: 02.09.2024)).

³ Под *happycrasy* мы будем иметь в виду стремление людей быть счастливыми. Подробнее с этим феноменом можно ознакомиться в работе [Иллуз, Кабанас, 2023].

да, что обусловлено социальными и институциональными нормами [Иллуз 2020: 24], что также может оказывать влияние на отношения супругов.

Эти трансформации современного общества создают условия, когда индивид чувствует себя обязанным следовать рекомендациям, которые конструируются масс-медиа, позитивными психологами и коучами по личностному росту [Лернер, 2011; Illouz, 2008; Иллуз, Кабанас, 2023]. В ответ у человека возникает запрос на «защиту» и «сохранение» своего «Я», своей «индивидуальности», и он находит выход в попытках контролировать свои эмоции [Гоффман, 2019; Hochschild, 1983; Симонова, 2016].

Что касается терапевтического дискурса, то современные российские исследователи демонстрируют его влияние в своих работах. Так, в период пандемии COVID-19 психологи изучали влияние терапии на жизнь супругов в изоляции [Бонкало и др., 2020]. Постпандемийные работы также говорят о запросе на психологическую помощь в российском обществе. По данным ФОМ, 30% населения обращаются к кому-нибудь за советом или психологической поддержкой, если у них возникают трудности в отношениях с другими людьми⁴. Результаты других исследований показывают, что одна из причин обращения за помощью к психологу — семейные разногласия, среди которых кризисы в семье, разводы, сложные отношения с родственниками и т. д.⁵

Трансформация «Я» семейного человека в период пандемии

Изменения, коснувшиеся семьи в период пандемии COVID-19, служат примером такой трансформации личности⁶ в браке. Психологи отмечали прямую зависимость между психологическим благополучием индивида и его взаимоотношениями в семье. Благополучие осмыслялось исследователями через эмоциональную близость, доверительное общение, получение и оказание помощи и поддержки друг другу [Бонкало и др., 2020: 46]. На основании полученных данных авторы сделали вывод, что в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 взаимоотношения супругов подвергались серьезным испытаниям. Семьи были вынуждены адаптироваться к меняющимся условиям жизни и справляться со стрессовыми ситуациями, пытаясь сохранять продуктивное взаимодействие в паре. В связи с чем супруги прибегали к следующим стратегиям: не принимать поспешных решений, идти на уступки друг к другу. Исследователи делают вывод о связи между субъективным восприятием супругами отношений в семье и выбираемыми ими копинг-стратегиями совладающего поведения в таких ситуациях, как вынужденная изоляция [Бонкало и др., 2020: 46].

Есть и альтернативный сценарий, когда опыт самоизоляции не имел негативных последствий для семьи. По данным опросов ВЦИОМ, проведенных в апреле

⁴ Востребованность помощи психолога // ФОМ. 2022. 23 августа. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14769> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵ Помимо семейных проблем среди причин обращения за помощью к психологу называют стрессы на работе, разногласия с коллегами, детьми, родителями, выгорание, депрессию и т. д. См. Россияне начали 2023 год с более частых обращений к психологам // Ведомости. 2023. 13 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/03/13/rossiyane-nachali-2023-god-s-bolee-chastih-obraschenii-k-psiologam (дата обращения: 02.09.2024).

⁶ В 2020 г. тема изменения семейных отношений во время пандемии также поднималась в работах зарубежных исследователей [Sathyanarayana, Andrade, 2020]. Результаты показали, что изоляция и пространственные ограничения, вынужденная близость, беспокойство по поводу работы и финансов могут спровоцировать новые стрессовые ситуации для супругов, работающие не в пользу отношений [Sathyanarayana, Andrade, 2020].

2020 г., субъективное восприятие качества семейных отношений не изменилось у 72 % населения, лишь 10 % опрошенных отметили ухудшение внутрисемейного климата [Чернова, Шпаковская, 2020: 32]. По данным ФОМ, в 2020 г. чуть больше половины респондентов (53 %) считали, что им удастся избежать конфликтов и разногласий в семье во время самоизоляции⁷. Онлайн-опрос, проведенный лабораторией «Социология религии» при ПСТГУ совместно с исследовательской компанией *Tiburon Research*⁸ в период с 23 по 29 апреля 2020 г., не показал негативной динамики в семейных отношениях в период локдауна. На вопрос «Изменились ли Ваши отношения с супругом/партнером в период самоизоляции?» 78 % респондентов ответили, что отношения не изменились, 13 % — что улучшились, а 8 % — что ухудшились [Голева и др., 2022: 91—92].

По данным опросов общественного мнения можно сделать вывод, что самоизоляция в некоторой степени повлияла на отношения супругов. Для одних респондентов последствия самоизоляции привели к существенным изменениям и необходимости адаптации к новой реальности. У других участников опросов практики жизни в режиме самоизоляции не вызывали споров и разногласий с супругом/супругой.

Что касается данного исследования, то помимо количественных данных мы предлагаем рассмотреть вышеуказанную проблематику с учетом качественной методологии. С помощью эмпирических данных (14 глубинных интервью с молодыми семьями в период изоляции) мы хотим объяснить, как происходит трансформация «Я» семейного человека в период изоляции. Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы предложим теоретическую рамку и концептуализацию понятий, благодаря чему представим явления, имеющие отношение к формированию «защитной» реакции семьи на изменения, постигшие ее в период пандемии COVID-19, и выявим те аспекты, которые оказали влияние на отношения супругов.

Теоретическая рамка исследования: социологические концепты

Э. Гоффмана и Е. Иллуз

Логично предположить, что в период пандемии во время изоляции семья демонстрировала признаки «тотального института...»⁹ — это пространственные ограничения, закрытая, формально регулируемая жизнь, ограниченные контакты с внешним миром, нарушение личных границ и изменения представления о себе [Гоффман, 2019].

Используя теоретический язык Э. Гоффмана, можно предположить, что в семье во время изоляции систематически, с помощью формальных и неформальных ограничений изменяется «Я» индивида¹⁰. Существование в подобных условиях, по нашему мнению, способно не только трансформировать «Я» индивида

⁷ Разговор о семье, судьбе и браке в пандемических тонах / к-ФОМ. 2020. 29 июня. URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-o-seme-sudbe-i-brake-v-pandemicheskikh-tonah> (дата обращения: 02.09.2024).

⁸ Всего было опрошено 2502 респондента. Подробнее см. [Голева и др., 2022].

⁹ Стоит оговориться, что использование метафоры «семья как тотальный институт» не означает в буквальном смысле, что семья — это физический объект, как монастырь или психиатрическая лечебница. В рамках нашего исследования мы заимствуем лишь категориальный аппарат социолога для иллюстрации условий изоляции.

¹⁰ Если говорить языком Э. Гоффмана, то «Я» можно понимать как существующее в условиях, которые социальная система создает для своих членов. В этом смысле «Я» не является собственностью человека, которому оно приписывается, а скорее встраивается в механизм социального контроля, осуществляемого над человеком им самим и его окружением. Этот особый вид институциональных условий не только поддерживает «Я», но и создает его [Гоффман, 2019: 201].

и изменить его представление о себе, но и отразиться на отношениях и дальнейшей совместной жизни супругов.

Можно предположить, что семья — это институт, где в закрытом пространстве и в отсутствие контактов с внешним миром ведется формально регулируемая жизнь, над людьми осуществляются практики, изменяющие их представление о себе. В условиях закрытости и замкнутости процессы, происходящие с «Я» в некоторых семьях, могут быть похожи на «тотальный институт», а возникающие новые условия могут заставлять человека отказываться от своей роли, которая ему была доступна в *прошлой жизни*. Э. Гоффман описывает такие процессы на примере больницы: «Новый госпитализированный пациент обнаруживает, что его полностью лишили многих привычных способов самоутверждения, самоудовлетворения и самозащиты и совершают с ним множество действий, умерщвляющих его Я: ограничивают свободу передвижений, заставляют жить в коллективе, принуждают слушаться целого эшелона людей и т. д. Он начинает понимать, насколько сложно сохранять представления о себе, когда привычные условия для этого внезапно исчезают» [Гоффман, 2019: 179].

Э. Гоффман предлагает рассматривать *трансформацию «Я»* через призму внутреннего и внешнего социального опыта. К *внутренним факторам моральной карьеры* Э. Гоффман относит «образ собственного „Я“ и ощущаемую идентичность», к *внешним* — «официальное положение, правовые отношения и стиль жизни, которые являются частью публично доступного институционального комплекса». Как пишет Э. Гоффман, в таком случае «понятие карьеры позволяет свободно курсировать между личным и публичным, между „Я“ и его значимым обществом, не имея при этом необходимости слишком уж полагаться в поиске данных на то, что человек сам говорит по поводу того, как он думает, как он себя представляет» [там же: 29].

«Я» может трансформироваться как в положительную сторону, через *восстановление и конструирование*, так и в отрицательную — через *разрушение и деградацию*.

Для того чтобы объяснить разрушающее или деградирующее «Я» в семье в период самоизоляции, мы будем использовать категорию Э. Гоффмана «умерщвляющие практики», чтобы показать, как с помощью *нарушения личных границ и контроля действий другого* происходит трансформация «Я» человека.

Изначально наша гипотеза заключалась в том, что в семье во время изоляции проявляется больше «умерщвляющих практик», которые способствуют разрушению «Я», но в то же время нам удалось увидеть и альтернативный сценарий, появление осознанного «Я» (в нашем случае это *конструирование и восстановление*), которое имеет терапевтический эффект.

Чтобы объяснить положительную трансформацию, а именно *восстановление и конструирование «Я»* по Э. Гоффману, мы обратимся к понятию Е. Иллюз «терапевтический self», который автор вводит для того, чтобы объяснить влияние терапевтического дискурса на жизнь индивида. Под «терапевтическим self» мы будем понимать состояние, в котором человек с помощью инструментов массовой культуры способен подавлять и контролировать любые эмоции, а также рационализировать свою частную жизнь [Лернер, 2011: 78].

Например, по мнению специалистов по социологии эмоций, для достижения устойчивых отношений необходимо уметь *управлять своими эмоциями*. Так, в книге А. Хокшилд «Управляемое сердце» в главе «Правила для чувств» автор приводит в пример правила поведения невесты на свадьбе. А. Хокшилд пишет, что она должна быть жизнерадостной и улыбчивой, радовать родственников мужа и гостей, ей ни в коем случае нельзя впасть в панику или показывать свое сомнение или чувство потерянности. Если же такое возникает, то ей необходимо приложить все усилия, чтобы вернуться к общественно одобряемому поведению [Хокшилд, 2019: 110]. Так происходит управление эмоциями. Социолог выделяет два принципа работы эмоциональных правил: психологический — *стремление избежать боли*, и социологический, по Э. Гоффману, — *поиск выгоды на общественной сцене* [Хокшилд, 2019: 113]. Однако если *правила для чувств меняются, то меняются и чувства, испытываемые во время события* [там же: 114].

Так и в случае с пандемией: у супругов есть набор эмоциональных правил, как вести себя в обычной ситуации в семье, но когда возникает неизвестная ранее ситуация, правила для чувств могут меняться согласно психологическому и социологическому принципам, *способ действия выбирает сам действующий* [там же: 114].

Концептуализация понятий

Мы исходим из предположения, что на протяжении семейной жизни «Я» индивида трансформируется, а в ситуации вынужденной изоляции, вызванной COVID-19, такая трансформация будет неизбежной для супругов.

Таким образом, мы будем сравнивать ситуации семьи в период изоляции с тотальными институтами Гоффмана, так как *изменение представления о себе* является ключевой категорией для субъектов, которых он описывает. Если предположить, что «разрушение и деградация Я» (*destruction / degradation self*) возникают из-за «умерщвляющих практик» (*mortifying practices*), которые состоят из *нарушения личных границ (breaking personal boundaries)* и *контроля действий другого (control practices)*, то «восстановление и конструирование Я» (*reconstruction / recovery self*) возникают из-за желаний адаптировать «Я» к новым условиям и достигаются за счет ориентации на «*терапевтический self*» и *управление эмоциями*. Далее мы дадим определение каждой категории по Э. Гоффману и представим их краткие характеристики.

«Умерщвляющие практики»

«Умерщвляющие практики» — это действия, которые в условиях изоляции направлены на изменение «Я» человека и ведут к его *разрушению и деградации*: «...тотальные институты не дают осуществлять или порочат именно те действия, которые в гражданском обществе подтверждают для актора и его непосредственного окружения, что он располагает некоторой властью над своим миром, что он „взрослый“, то есть самостоятельная, автономная и свободная в своих действиях личность» [Гоффман, 2019: 71]. Этот концепт по Э. Гоффману распадается на *нарушение личных границ и контроль действий другого*.

Нарушение личных границ — выстраивание барьеров с прошлым миром, которые не позволяют человеку исполнять роли, свойственные ему до попадания

в тотальный институт, в условиях изоляции они становятся для него недостижимы: «В гражданской жизни распорядок последовательной смены ролей индивида — как на протяжении всей жизни, так и в круге каждодневных занятий, — гарантирует, что ни одна из его ролей не будет мешать действиям или связям в рамках другой роли. Членство в тотальных институтах, наоборот, автоматически разрушает распорядок смены ролей, так как постоялец отрезан от окружающего мира круглые сутки, и это может продолжаться годами, что приводит к утрате права исполнять роли. Постояльцев многих тотальных институтов вначале полностью лишают возможности принимать посетителей или покидать учреждение, что обеспечивает глубокий изначальный разрыв с прошлыми ролями и готовность к отказу от права на исполнение ролей» [там же: 43].

Границы могут быть как *внутренними*, так и *внешними*. В нашем случае внутренне проявляются в самой семье, а внешние — территориальные границы на уровне региона (например, запрет выходить на улицу без QR-кода, чтобы не заразиться коронавирусом и не получить штраф).

Контроль действий другого — это отношения «пациент — персонал», которые описывает Гоффман, подразумевая взаимодействие, обусловленное иерархией ролей: «пациент» подчиняется действиям «персонала». В случае с семьями эти роли могут меняться между супругами в зависимости от ситуации и реакции на нее.

Пространственные ограничения

Ограничение свободы передвижений, все действия происходят в одном месте¹¹. Пространственные ограничения — это одна из ключевых особенностей тотального института, позволяющая нам сравнить условия изоляции в семье с тотальностью и закрытостью института.

Трансформация «Я»

Трансформацию «Я» мы рассматриваем через призму внутреннего и внешнего социального опыта. К внутренним факторам Э. Гоффман относит «образ собственного „Я“ и ощущаемую идентичность», к внешним — «официальное положение, правовые отношения и стиль жизни являются частью публично доступного институционального комплекса»: «Одно из преимуществ понятия карьеры заключается в его двусторонности. Одна его сторона связана с внутренними вещами, дорогими и близкими, вроде образа себя и чувства идентичности; другая его сторона касается официального положения, юридических отношений и образа жизни и является частью публично доступного институционального комплекса. Таким образом, понятие карьеры позволяет двигаться туда и обратно между личным и публичным, между Я и значимым для него обществом, не полагаясь излишне на данные о том, кем человек, с его слов, воображает себя» [Гоффман, 2019: 157].

¹¹ Урбанистический взгляд на пространственные ограничения в период самоизоляции был представлен Центром городской антропологии КБ «Стрелка». На примере трех городов — Москвы, Краснодара и Новосибирска — исследователи показали, как в кризисных ситуациях меняются ценности и запросы горожан в ограниченных жилищных условиях. Один из выводов: нынешнее жилье не подходит для жизни в самоизоляции, хотя и соответствует стандартам комплексного развития территорий. См. Как самоизоляция изменила жилье россиян. URL: <https://project194606.tilda.ws/lifeinpandemia> (дата обращения: 2.09.2024).

В нашем исследовании трансформация «Я» у супругов предполагает два состояния. Изменение представления о себе мы будем рассматривать через «разрушение и деградацию „Я“»: «Новый постоялец поступает в учреждение с представлением о себе, которое возможно благодаря стабильным социальным условиям его домашнего мира. При попадании внутрь он тут же лишается поддержки, оказываемой этими условиями. Говоря точным языком некоторых из наших старейших тотальных институтов, он вступает на путь унижения, деградации, оскорбления и осквернения его Я. Его Я систематически, хотя зачастую непреднамеренно, умерщвляется. В его моральной карьере — карьере, заключающейся в поступательных изменениях его взглядов на самого себя и значимых других, — начинают происходить радикальные перемены» [Гоффман, 2019: 42—43].

Адаптацию «Я» к новым условиям предполагает «конструирование и восстановление „Я“»: «Постоялец обычно приходит к выводу, что деградациям и реконструкциям Я не стоит придавать слишком большого значения, одновременно замечая, что персонал и постояльцы относятся к инфляции и дефляции Я с определенным безразличием. Он понимает, что наиболее удобный для защиты образ Я — это представление о Я как о чем-то, что существует за пределами индивида, что можно конструировать, утрачивать и восстанавливать, причем очень быстро и хладнокровно. Он осознает, что вполне может занять позицию — а значит, и выстроить соответствующее Я, — отличающуюся от той, которую больница может ему предоставить и которой она может его лишить» [Гоффман, 2019: 197].

Методология и поле исследования

В рамках лонгитюдного исследования «Осознание жизни в браке молодыми супругами: Разработка категорий общения, взаимности, совместности»¹² в период первых месяцев пандемии были собраны интервью с молодыми семьями. Всего проведено 14 глубинных интервью с супругами в апреле — марте 2020 г. В нарративах информантов дается субъективная оценка текущей ситуации и описывается, как пары осмысляют свою жизнь на фоне пандемии. Супругам по отдельности задавались вопросы касательно их личной жизни, повседневных практик в изоляции, обсуждалось, как они воспринимают свои отношения с супругом во время карантина; проявляются ли старые привычки и появляются ли новые; как они ощущают себя. Для анализа использовались глубинные интервью с молодыми семьями, которые находились в изоляции от двух недель до одного месяца. Сбор интервью в данные сроки обусловлен тем, что в этот период супруги строго соблюдали режим изоляции и старались не покидать свои места проживания из-за страха заболеть коронавирусом или штрафов за нарушение режима самоизоляции. Также столь короткий период сбора данных обусловлен уникальным опытом: поскольку супруги находились в такой ситуации впервые, их впечатления от совместного проживания взаперти были настолько искренними, что это позволило обогатить картину изоляции реальными примерами.

¹² Осознание жизни в браке молодыми супругами. Разработка категорий общения, взаимности, совместности (при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция») // Социология религии. Исследовательский семинар. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/family> (дата обращения: 04.09.2024).

В выборку вошли интервью с супругами, состоящими в браке от одного года до пяти лет, работающие удаленно или безработные, в возрасте от 25 до 33 лет, лишь одна пара была с детьми, остальные без детей. Поскольку нас интересовали именно изменения отношений между супругами, а не то, как жизнь с детьми в изоляции изменила отношения в паре, мы больше концентрировались на первом аспекте. Тем не менее одну пару с ребенком мы не стали исключать, чтобы показать еще один немаловажный аспект изоляции, но намеренно не стали погружаться в него. По нашему мнению, тема родительства и перехода к нему настолько многогранна, что заслуживает отдельного внимания [Голева, 2023; Забаев и др., 2012]. Ключевая цель данной работы — показать трансформацию отношений между супругами, а не изменение «Я» при переходе к родительству.

Для поиска информантов использовался метод «снежного кома». К участию в исследовании приглашались знакомые знакомых, также рекрут проводился с помощью социальных сетей в интернете. Таким образом удалось привлечь к участию в исследовании информантов из малых и больших городов, где на момент проведения интервью действовал режим изоляции.

Принципиальным для исследования было участие обоих супругов. Интервью проводились с каждым из них по отдельности. Все интервью были взяты онлайн с использованием платформ для видеоконференций. Для создания обстановки, приближенной к ситуации очной встречи, участников исследования просили во время проведения интервью по возможности находиться в комнате без других людей, использовать наушники и включать камеру на своем устройстве. Ввиду сенситивности темы описанные условия проведения интервью следует рассматривать в качестве ограничения исследования.

Качественные данные анализировались в логике обоснованной теории с помощью открытого и осевого кодирования [Страусс, Корбин, 2001; Забаев, 2011]. Процесс открытого кодирования был проведен через центральные категории из теории Э. Гоффмана и Е. Иллуз, заранее операционализированные через вопросы в интервью и наделенные определенными характеристиками. Затем с помощью осевого кодирования мы попытались показать связь между этими категориями и тем, как их осмысляют информанты в своих нарративах. Центральные категории в данной работе — *«умерщвляющие практики»*, *пространственные ограничения*, *трансформация «Я»*, каждая из них имеет свои подкатегории. Категория *«умерщвляющие практики»* имеет подкатегории *«нарушение личных границ»* и *«контроль действий другого»*. *Пространственные ограничения* не позволяют поддерживать контакты с внешним миром офлайн. *Трансформация «Я»* делится на подкатегории: *«разрушение и деградация „Я“* и *«конструирование и восстановление „Я“*». К примеру, для того чтобы объяснить, как пространственные ограничения повлияли на трансформацию «Я» индивида, супругам задавались вопросы в логике от общего к частному: *«Как Ваша семья реагирует на происходящее?»*, *«Изменилось ли что-то после того, как Вы стали вместе сидеть на карантине? Если да, то расскажите, что именно. Как было раньше и как стало сейчас?»*. Чтобы объяснить подкатегорию *«контроль действий другого»*, участникам исследования задавался вопрос: *«Наблюдаете ли Вы за действиями супруга(и)?»*, *«Изменилось ли что-то?»*. Затем из цитат информантов выделялись коды как действия или свойства, кото-

рые можно было отнести к одной из вышеописанных категорий. Для иллюстрации приведем цитату из подкатегории «контроль действий другого».

Таблица 1. **Пример кодирования интервью**

Цитата	Код	Подкатегория	Категория
«Да есть смешные вещи, когда кто-то выходит выкидывать мусор или что-то такое, я в режиме контролера, там — надень перчатки! Доходит до того, что он выходит выкидывать мусор, а я уже жду его в ванной со включенной водой, контролирую его, чтобы он помыл руки. Ну, какие-то такие забавные вещи».	Режим контролера, надень перчатки, контролирую чтобы помыл руки	Контроль действий другого	Умерщвляющие практики

Примечание. Пара 2, Ж, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции.

Контроль действий другого проявлялся во всех парах и был связан с гигиеной и использованием средств индивидуальной защиты. Как правило, жены чаще контролировали гигиенические процедуры мужей. Также пары отмечали, что каждый по отдельности начал больше внимания уделять своим родителям — в плане не только общения (стали чаще звонить), но и контроля за их повседневными практиками.

Моя коммуникация по отношению к ним [к родителям], она изменилась. Когда я узнаю в разговоре с мамой, что папа, например, не моет руки, то я просто позвонила папе и начала с ним разговаривать так, как я в жизни бы не позволила себе так с ним говорить... Когда внезапно оказалось, что я должна проявлять серьезную заботу по отношению к своим родственникам. (Пара 4, Ж, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции)

В данном контексте можно говорить о связанности категорий, где контроль действий другого возникает из-за появления пространственных ограничений, которые трансформируют «Я» индивида. Во всех интервью, где супруги перешли на удаленный формат работы, адаптация к новым условиям далась нелегко, информанты говорили о ситуациях, которые помогали им восстановиться («чтобы отвлечься, надеваю наушники и ухожу в этот шум или закрываюсь в ванной»¹³) и т. д. А для кого-то, наоборот, нахождение в изоляции позитивно сказалось на работе («перестал ездить в офис, перестал видиться с коллегами, потому что там разговоры, обсуждения, все это непродуктивно и отнимает много времени от работы»¹⁴).

В итоге процесс кодирования строился на основе вопросов гайда, далее в цитатах выделялись коды, а затем кодам присваивались заранее предложенные подкатегории и категории. Характеристики информантов и пример кодирования интервью представлены в Приложениях 1 и 2.

¹³ Пара 6, Ж, 26 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции.

¹⁴ Пара 4, М, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции.

Интерпретация и анализ данных

Для того чтобы объяснить, как трансформируется «Я» в семье в период изоляции, мы проследим, каким образом отобранные для анализа категории артикулируются информантами в их нарративах, и попытаемся объяснить, как они проявляются в отношениях супругов.

«Умерщвляющие практики»

1. Нарушение личных границ.

Рассмотрим ситуацию, когда пары объясняют нарушение личных границ через внешний контроль. К внешнему контролю можно отнести ограничения, представленные в виде запретов покидать свой дом, квартиру, прекращение допуска к объектам городской инфраструктуры (детским площадкам, стадионам, паркам и т. д.), введение пропусков для перемещения по городу, штрафы за нарушение самоизоляции и т. д.

Когда запретили выходить из дома... или когда все думали, когда же запретят,— вот тогда. Тогда действительно было такое ощущение, что наступит какая-то несвобода, какое-то заточение дома. И я специально выходила, как говорится, «перед смертью не надыхишься». Выходила столько, сколько можно. Гуляла, пока это было возможно. Видела сама, как обклеивают эти площадки, все при мне происходило. Буквально вчера я еще гуляла на этих площадках... На следующий день их уже обклеили, и я все это видела со стороны... То же самое с пропусками, пока не ввели пропуска, пыталась куда-то вырваться. Сейчас как-то все более становится... как-то ощущение, что нельзя и это опасно, могут оштрафовать и еще что-то. (Пара 1, Ж, 28 лет, в декрете, месяц на изоляции).

Сейчас режим самоизоляции, он запрещает выходить на улицу, поэтому мы, конечно, сидим дома. К сожалению, мы не успели уехать на дачу... ну, не то чтобы не успели, просто у нас дача не зимняя, а летняя, поэтому мы сидим в [название города], из-за этого мы никуда не можем выйти и сидим дома. Конечно, тяжело без воздуха... (Пара 1, М, 33 года, работает удаленно, месяц на изоляции)

Супруги из первой пары отмечают, что во время самоизоляции они ощутили на себе внешний контроль, и осмысляют его как нарушение личных границ, который не дает им пользоваться общественным пространством, как раньше.

Что касается внутренних запретов, которые возникают в семье, то к ним можно отнести наличие барьеров, касающихся пространственных ограничений самого жилья и влияющих на поведение супругов.

Мы в очень маленькой квартире живем, и самоизолироваться в этой маленькой квартире, просто на полчаса уйти в себя как-то в первое время не получалось. Мы по разным углам рассаживаемся, я начинаю с кем-то разговаривать, он, естественно, слышит, это его немного раздражает. Он тут ходит разговаривает, я тоже думаю, куда деться. (Пара 6, Ж, 26 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

В период самоизоляции существенно изменила повседневный ритм дистанционная работа¹⁵, так как она переопределила дом под офисное пространство, в котором стираются границы между личной и публичной сферами, что воздействует на эмоциональное состояние супругов.

Ну вот он как-то больше погрузился в работу, что ли, мне так кажется. И из-за этого, как раз что он не отдыхает, то, что у него нет никаких физических нагрузок, он не гуляет, целыми днями сидит просто на стуле своем, поэтому меня как-то это беспокоит. Серьезный разговор позавчера устроили, теперь вчера даже зарядку сделали. Договорились, что будем зарядку делать, хоть чтоб какие-то физические нагрузки были. (Пара 3, Ж, 25 лет, безработная, 3 недели на изоляции)

2. Контроль действий другого.

В «Тотальном институте...» Э. Гоффман рассматривает отношения людей через опозицию «персонал — пациент», где первый имеет влияние над вторым. Это касается личной гигиены, соблюдения распорядка дня, оказания медицинской помощи — персонал использует различные методы *по ограничению «Я» пациента*. Как правило, персонал вправе распоряжаться личными вещами пациента, внушать ему, что он нездоров, определять шизофрению и лечить ее различными методами. В семье, находящейся на изоляции, могут возникать схожие ситуации, а индивидуальность каждого из супругов — подвергаться коррекции. Однако роли «персонал» и «пациент» зафиксированы менее жестко: в каждой из них могут выступать оба супруга попеременно, в зависимости от ситуации. Например, когда один принимает решение за другого, пытается ограничить какие-либо его действия, игнорируя его потребности.

Контроль действий может быть направлен не только на свою, но и на родительскую семью. Почти все респонденты находятся вдали от своих родственников и рассказывают, что стали чаще созваниваться с ними. Они объясняют это действие, плавно перерастающее в каждодневный ритуал, заботой, их собственными переживаниями.

Немного больше начинаешь переживать за своих родных и близких, начинаешь больше, там, как-то узнавать, чем они занимаются, даже касаемо меня. Я вот, мужчина, я хочу контролировать, и у меня получается контролировать жену, я вижу, чем она занимается. Но я же не могу на 100% контролировать родителей (так как они живут в другом городе. — Прим. авт.), но тем не менее я пытаюсь это делать. Я пытаюсь, каждый день так или иначе напомнить, что все не очень хорошо и, если я слышу, что мама говорит, что: «Я поеду сегодня туда!», то я лишний раз напомню, чтобы она взяла маску, перчатки. (Пара 7, М, 26 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

Если говорить о своей семье, то изменение повседневных практик приводит к контролю действий другого, который воспринимается как данность. Например,

¹⁵ Подобные исследования были проведены в Италии в период пандемии COVID-19. Проанализировав 60 полуструктурированных интервью, исследователи пришли к выводу, что людям пришлось столкнуться с переорганизацией своей повседневной жизни из-за нехватки личного пространства в доме и увеличением стрессовых ситуаций на работе, из-за чего были разрушены границы между профессиональной и частной сферами [Risi, Pronzato, Fraia 2020].

в цитате ниже жена выступает в качестве «персонала», а муж — в роли «пациента», за которым осуществляется контроль.

Она следит, что, когда я возвращаюсь с улицы, чтобы два раза мыл руки с мылом, дезинфицировал ключи, телефон, банковские карты, чтобы все было чисто. Так изменилось ее поведение из-за коронавируса... Сначала это раздражало, а потом понял, что это правильно, лучше перестраховаться, и ничего плохого нет, если я лишний раз мою руки. (Пара 2, М, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции).

Я чуть больше озабочена этой проблемой... ну, я по жизни и по работе специалист-менеджер, и я стараюсь, чтобы он, приходя из магазина, руки мыл, ничего не трогал, ну, все такое. Я как бы без истерик, спокойно настаиваю на своем. (Пара 2, Ж, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции).

В паре 2 в период изоляции появились практики, которые требуют от супругов большей вовлеченности в жизни друг друга, чтобы обезопасить пространство, где они проживают.

Можно сделать вывод, что *нарушение личных границ и контроль действий другого* действительно можно наблюдать в семьях в период самоизоляции. В ходе интервью в нарративах информантов *нарушение личных границ* ассоциируется с внешними ограничениями, отсутствием личного пространства для рабочей деятельности. В то время как *контроль действий другого* может быть как прямым и проявляться через принуждение к выполнению дополнительных гигиенических процедур, так и косвенным, когда супруг(а) может фиксировать общее состояние другого (переработки на работе, усталость, перепады настроения) и пытаться повлиять на него.

3. Пространственные ограничения.

До пандемии почти все информанты работали в офисе, поэтому при переходе на удаленную работу были вынуждены организовывать рабочие места в квартире. Информанты подчеркнули, что пространство существенно влияет на их отношения с супругом(ой), а также на самовосприятие:

Все-таки однокомнатная квартира — это сложно. Потому что кто-то отдыхает, а другой работает, ты по-любому должен выйти из комнаты, чтобы не мешать. И жене, к сожалению, приходится выйти из комнаты и работать на кухне. Вот с этого рабочего места, где сейчас я сижу. А у меня ноутбук, два компьютера — один рабочий, другой домашний... не хватает еще одной комнаты... но пока не бесит, компромиссы находим. Первый месяц прошел, посмотрим, что будет еще через пару месяцев. (Пара 4, М, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции)

Единственное, разве что не то чтобы друг от друга устаем, а просто квартира маленькая, однокомнатная, первый этаж, балкона нет — никуда не уйдешь. Как бы друг друга вы ни любили, все равно иногда хочется какой-то свой тихий уголок. Я не скажу, что это прямо большая проблема, но мы вот сейчас понимаем, что уже пора менять квартиру. (Пара 6, М, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

Также в условиях самоизоляции, по мнению респондентов, происходит реорганизация пространства на различные зоны: рабочая, для приема пищи, для отдыха, что мешает исполнению прошлых ролей.

Вот этот офисный стол [мужа], который пришел в мой дом, он меня отрезал от части доступа к моим пространствам. Я, например, большую часть времени провожу возле зеркала, могу музыку включить, могу перемещаться более спокойно, а здесь я понимаю, что капец. (Пара 5, Ж, 30 лет, работает удаленно, 2 недели на изоляции)

Да, так получается, что я сейчас на кухне себе рабочее место оборудовала (для хобби. — Прим. авт.), а [имя мужа] — в зале. И из-за того, что у него идет сдача проекта через неделю, он там сутками сидит с 8 утра там до 11 вечера работает. То есть я как бы не могу его отвлекать, потому что человек вроде занят. И получается так, что если бы он ходил в офис, то он бы приходил домой и как бы больше не работал, а сейчас получается так, что ему никуда уходить-приходить не надо, и он все время работает. (Пара 3, Ж, 25 лет, безработная, 3 недели на изоляции)

Ну, пространство такое... не очень удобное. Мы сидим так вплотную друг к другу, хотелось бы, наверное, больше... Разложиться на столе, раскидать свои бумаги. Нормально, в принципе, но места побольше не помешало бы. (Пара 2, Ж, 25 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

По мнению информантов, пространственные ограничения в период изоляции в большей степени связаны с переопределением личного пространства в рабочее. Спальня и кухня становятся рабочими местами, супруги вынуждены договариваться, кто какое место занимает для своей работы, зоны квартиры делятся на свободные и несвободные. С «переносом» работы в домашние условия у рабочих задач появилось свойство текучести: теперь они не завершаются по определенному графику, а растягиваются во времени и нарушают привычный повседневный ритм жизни семьи.

Однако в одной паре, где есть ребенок, отсутствие личного пространства может восприниматься наиболее остро, поскольку нужно учитывать не только потребности супруга(и), но и желания ребенка.

У нас какое-то все пространство общественное. У нас ребенок все время перемещается за родителем. Он ненадолго отходит, но в целом у него есть такая привычка следования за значимым другим взрослым. Вот мы перемещаемся. И у него еще есть привычка собирать двух взрослых в одном месте. Если два взрослых в разных местах, а у нас всего три комнаты: кухня, одна комната и вторая, и если взрослые находятся на отдалении друг от друга, то он бегаёт туда-сюда между ними, пока они не соберутся. (Пара 1, Ж, 28 лет, в декрете, месяц на изоляции)

Трансформация «Я»

1. Изменение представления о себе: разрушение и деградация «Я».

Э. Гоффман пишет об изменении представления о себе в контексте физических увечий или лишения инструментов идентичности [Гоффман, 2019: 50—52],

что нельзя сказать о семейной изоляции, потому что никаких рассказов об «обезображиваниях», «приказах», «подчинениях» и других «формах унижения» в интервью с информантами не было. Однако то, как изменяются представления о себе, может отражаться в нарративах участников исследования.

Ну, мне надоело готовить, например. То есть, если обычно я там с радостью что-то готовлю, вожусь, так интересно, а сейчас из-за того, что мы оба дома сидим, то есть как-то я... Ну, у нас небольшие кастрюли и сковородки, то есть я всегда готовлю там на два-три раза покушать, но обычно два-три раза — этого по вечерам хватает на два дня. А сейчас получается так, что ужин, обед, полдник, завтрак — и везде надо убирать потом, [надо] посуду мыть, и пыли больше стало. Ну, то есть вот эти вот домашние дела меня начали раздражать на второй неделе, получается. На первой я еще как-то держалась. (Пара 3, Ж, 25 лет, безработная, 3 недели на изоляции)

В изоляции изменение своего поведения напрямую зависит от действий другого. Отсутствие привычных ритуалов и личного пространства переопределяет восприятие супругами друг друга, и восстановить свое «Я» становится гораздо сложнее.

Просто если раньше я мог уйти в кафе, раньше я так и делал, пару-тройку часиков я мог там поработать, а сейчас я никуда не могу деться, и это меня утомляет. (Пара 1, М, 33 года, работает удаленно, месяц на изоляции)

Разрушение и деградация «Я» происходят не в прямом смысле, как у Э. Гоффмана, через увечья, а через привычные повседневные ритуалы, которые становятся рутинными в момент изоляции и не позволяют получать от них удовольствие, как раньше. Они начинают раздражать и негативно сказываться на состоянии обоих супругов.

2. Адаптация «Я» к новым условиям: конструирование и восстановление «Я».

Когда сложившиеся условия изолированного режима оказывают влияние на субъективность индивида, он начинает защищать свое «Я» любыми способами. Э. Гоффман называет такое состояние восстановлением и конструированием «Я». Иногда «постоялец» закрытого учреждения осознает вмешательства извне и способен конструировать свой образ так, чтобы он меньше подвергался институциональным изменениям. Для этого человеку достаточно осознавать, что он вправе менять позицию своего «Я», чтобы сохранить свою субъективность¹⁶.

¹⁶ «Постоялец обычно приходит к выводу, что деградациям и реконструкциям Я не стоит придавать слишком большого значения, одновременно замечая, что персонал и постояльцы относятся к инфляции и дефляции Я с определенным безразличием. Он понимает, что наиболее удобный для защиты образ Я — это представление о Я как о чем-то, что существует за пределами индивида, что можно конструировать, утрачивать и восстанавливать, причем очень быстро и гладко. Он осознает, что вполне может занять позицию — а значит, и выстроить соответствующее Я, — отличающуюся от той, которую больница может ему предоставить и которой она может его лишиться. В этом несерьезном, но при этом удивительно обостренном моральном контексте выстраивание или разрушение Я превращается в бесстыдную игру, а способность рассматривать этот процесс как игру приводит к определенной деморализации, поскольку игра носит фундаментальный характер. Поэтому в больнице постоялец может усвоить, что Я — это не крепость, а скорее маленький открытый город; ему может надоесть необходимость выказывать удовлетворение, когда этот город занят своими войсками, и недовольство, когда его занимают войска противника. Как только он узнает, что происходит, когда общество определяет тебя в качестве индивида без устойчивого Я, это угрожающее определение — угрожающее, поскольку оно помогает приковывать людей к тем Я, которые общество им предписывает, — теряет силу» [Гоффман, 2019: 197].

Состояние жены из следующей цитаты идеально иллюстрирует ситуацию конструирования «Я», когда в текущих условиях «Я» максимально уязвимо и требует поддержки. Поэтому создаются любые условия, которые до изоляции имели восстанавливающую функцию. Здесь мы можем говорить о «терапевтическом self», который проявляется в период изоляции.

У меня сейчас период, когда я в себя ушла немножко (смеется). Такие периоды: книги, период очищения, спокойное состояние, напоминает медитацию перед бурей либо просто затишье. Мне комфортно в этом состоянии. Я не тревожу никого... Это новая стадия пересмотра всего, себя, мне стало лучше, [я стала] еще эффективнее, потому что до этого я в какой-то прострации находилась. Сейчас хочется хотя бы внутри себя оптимизировать что-то, сделать что-то. (Пара 5, Ж, 30 лет, работает удаленно, 2 недели на изоляции)

Не все семейные пары воспринимают вынужденные пространственные ограничения как трудности. Некоторые, наоборот, расценивают их как возможность взять паузу и отдохнуть, что также говорит о восстановлении «Я».

Я по сути своей интроверт, наверное, все же, и у меня был плотный график работы, тренировки и еще чего-то, картингом увлекаюсь. Постоянно много движухи, постоянно надо куда-то бежать, что-то делать, куда-то ехать и тому подобное, и я устал. Вот. А сейчас это хороший способ отвлечься от всего и отдохнуть. Я не трачу время на дорогу на работу [и] с работы, на всякие посещения магазинов, я даже рад, у меня никаких затруднений не вызывает [это]. (Пара 4, М, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции)

Поскольку работа еще такая в целом напряженная, что у меня, что у него, и когда замаячила перспектива карантина — это было воспринято: Боже, мы отдохнем! Сидеть дома месяц! (Пара 4, Ж, 30 лет, работает удаленно, месяц на изоляции)

Адаптация к удаленной работе свидетельствует о некоторых изменениях, которые переживает «Я» от «разрушения» и до «восстановления». Например, в следующей семье удаленная работа по-разному отразилась на каждом партнере. Для жены изоляция дома с мужем и адаптация к удаленной работе дала возможность конструирования «Я». Поэтому она находила разные способы его актуализации.

Раньше, например, когда работали еще по нормальному, в офисе, я помню, что я не так сильно любила музыку в наушниках слушать. Потому что большой был информационный фон, а сейчас, наоборот, чтобы отвлечься вот от того, что у меня дома происходит, от того, что мы в маленькой замкнутой системе, я, наоборот, чаще надеваю наушники и ухожу в этот шум. Я не слышу то, что где-то [там] вокруг, а что где-то «там» у меня в голове. (Пара 6, Ж, 26 лет, работает удаленно, 3 недели на изоляции)

Можно предположить, что супруги, находящиеся в семейной изоляции, могут сохранить свое «Я» лишь с помощью адаптации к новым условиям и возможности

конструирования своего «Я». Для одних такая пересборка себя сродни с «терапией» и «медитацией», для других — «возможность замедлиться» и «набраться сил».

Выводы

В период изоляции во время пандемии COVID-19 мы зафиксировали в семьях *нарушение личных границ и контроль действий другого*, которые способны трансформировать «Я» индивида. Нарушение личных границ проявляется в виде внешнего контроля со стороны государства, это запрет покидать свой дом/квартиру, прекращение допуска к объектам городской инфраструктуры, недопуск к отдельному пространству для рабочей деятельности. Контроль действий другого может быть как прямым, например, в вопросах личной гигиены, которые начинают контролироваться супругами, так и косвенным, когда супруг(а) может наблюдать за общим состоянием другого (переработки на работе, усталость, перепады настроения) и пытаться повлиять на него.

Пространственные ограничения также оказывают влияние на состояние «Я» в семье и то, как супруги адаптируются к новым условиям. Происходит реорганизация личного пространства в рабочее, супруги договариваются о том, кто каким пространством пользуется, какая территория является общедоступной, а какая нет. В случае, когда в семье есть ребенок, отсутствие личного пространства ощущается наиболее остро, поскольку учитываются потребности не двоих, а троих.

Трансформации «Я» в период самоизоляции происходят за счет разрушения и деградации «Я». Привычные повседневные ритуалы перестают приносить удовольствие и, наоборот, начинают раздражать. Это негативно сказывается на состоянии обоих супругов. Однако пространственные ограничения не всеми семейными парами воспринимаются как трудности. Например, они позволяют взять паузу от повседневной суеты. Таким образом, чтобы адаптироваться к новым условиям, «Я» переживает путь от разрушения до восстановления.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что трансформация «Я» не всегда имеет выраженный эффект на взаимоотношения супругов. Иногда этой связи не возникает, и каждый в паре выбирает те стратегии поведения, которые помогают обоим справиться с изоляцией. Во время изоляции ритм повседневной жизни семьи задавали удаленная работа, пространственные ограничения и отсутствие контактов с внешним миром. Данные обстоятельства сначала меняли представление индивида о себе, а затем актуализировались в сценарии по совместной адаптации супругов к новым условиям.

Список литературы (References)

1. Бонкало Т. И., Маринова Т. Ю., Феоктистова С. В., Шмелева С. В. Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 35—50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>.
Bonkalo T. I., Marinova T. Y., Feoktistova S. V., Shmeleva S. V. (2020) Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the

- Family: An Empirical Study in a Pandemic. *Social Psychology and Society*. Vol. 11. No. 3. P. 35—50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>. (In Russ.)
2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
 3. Голева М. А., Мелкумян Е. Б., Павлюткин И. В., Пруцкова Е. В. Семья, работа и религия в период самоизоляции: по данным онлайн-опроса 2020 г. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022.
Goleva M. A., Melkumyan E. B., Pavlyutkin I. V., Prutskova E. V. (2022) *Family, Work and Religion in the Period of Self-isolation: According to the 2020 Online Survey*. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University.
 4. Голева М. А. Переход к родительству в перспективе супружеских отношений: на примере интервью с молодыми родителями // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 82—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>.
Goleva M. A. (2023) *The Transition to Parenthood in the Perspective of Spousal Relations: The Case of Interviews with Young Parents*. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 82—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>. (In Russ.)
 5. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019.
Erving Goffman (1961) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates* Moscow: Elementary Forms. (In Russ.)
 6. Забаев И. В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): Версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 32. С. 124—142. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.52.5>.
Zabaev I. V. (2011) *Grounded Theory Logics of Data Analysis: B. Glaeser's Version*. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. Vol. 32. P. 124—142. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.52.5>. (In Russ.)
 7. Забаев И. В., Емельянов Н. Н., Павленко Е. С., Павлюткин И. В. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания. М.: Православный СвятоТихоновский гуманитарный университет, 2012.
Zabaev I. V., Emeliyanov N. N., Pavlenko E. S., Pavlyutkin I. V. (2012) *Family and Childbearing in Russia: Categories of Parental Mind*. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University. (In Russ.)
 8. Иллуз И. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. М.; Берлин: Директ-Медиа Пабблишинг, 2020.
Illouz E. (2020) *Why Love Hurts? Sociological Explanation*. Moscow; Berlin: Direct Media Publishing House. (In Russ.)
 9. Иллуз И., Кабанас Э. 2023. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. М.: АСТ.

- Cabanas E., Illouz E. 2018. Happycratie. Comment l'industrie du bonheur a pris le contrôle de nos vies? Moscow: AST. (In Russ.)
10. Кондрашов П. Н. Основные идеи экономико-социологической концепции эмоций Евы Иллуз. еплика на рецензию Нины Любинарской // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 151—161. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-151-161>.
Kondrashov P. (2023) The Main Ideas of the Economic and Sociological Concept of Emotions by Eva Illouz. Reply to Nina Lyubinarskaya's Review. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 4. No. 1. P. 151—161. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-151-161>. (In Russ.)
11. Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране // *Laboratorium*. 2011. № 1. С. 72—95.
Lerner J. (2011) TV therapy without Psychology: Adapting the Self in Post-Soviet Media. *Laboratorium*. No. 1. P. 72—95.
12. Симонова О. А. «Эмоциональный поворот» в социологии: развитие теории и отдельных исследовательских областей. 2016 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2016. Т. 3. № 3. С. 105—130.
Simonova O. A. (2016) Emotional Turn in Sociology: Development Theories and Selected Research Regions (Analytical Review). *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign literature*. Vol. 3. No. 3. P. 105—130. (In Russ.)
13. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
Strausse A., Korbin J. (2001) Basics of Qualitative Research Grounded Theory Procedures and Technique. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
14. Хокшильд А. Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
Hochschild A. R. (2012) The Management Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley, CA: University of California Press.
15. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Семья и родительство // СоциоДиггер. 2020. Сентябрь. Т. 1. Вып. 2. С. 31—33. URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/semja-i-roditelstvo> (дата обращения: 18.02.2025).
Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Family and Parenthood. *SosioDigger*. No. 1. P. 31—33. URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/semja-i-roditelstvo> (accessed: 18.02.2025).
16. Beck U., Beck-Gernsheim E. (1995) The Normal Chaos of Love. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
17. Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: SAGE.
18. Cherlin A. J. (2004) The Deinstitutionalization of American Marriage. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 4. P. 848—861.

19. Coontz S. (2005) *Marriage, a History: From Obedience to Intimacy or How Love Conquered Marriage*. New York, NY: Viking.
20. Daniel A. Cox and Samuel J. Abrams. (2020) *The Parents Are Not All Right: The Experiences of Parenting During a Pandemic*. American Enterprise Institute. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep25361> (accessed: 18.02.2025).
21. Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley, CA: University of California Press.
22. Illouz E. (2012). *Why Love Hurts: Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.
23. Risi E., Pronzato R., Fraia G. (2020) Everything Is Inside the Home: The Boundaries of Home Confinement During the Italian Lockdown. *European Societies*. Vol. 23. No. 1. P. 464—477. <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1828977>.
24. Sathyanarayana R., Andrade C. (2020) Sexual Behavior in the Days of COVID-19. *Journal of Psychosexual Health*. Vol. 2. No. 2. P. 111—112. <http://dx.doi.org/10.1177/2631831820934987>.

Приложение 1. Список информантов

№ пары	Пол (М/Ж)	Возраст	Занятость	Тип занятости	Срок самоизоляции
Пара 1	М	33 года	Работает удаленно	Преподаватель	1 месяц
	Ж	28 лет	Временно безработная	Психолог	1 месяц
Пара 2	М	25 лет	Работает удаленно	Финансист	3 недели
	Ж	25 лет	Работает удаленно	Менеджер	3 недели
Пара 3	М	26 лет	Работает удаленно	Программист	3 недели
	Ж	25 лет	Временно безработная	Экскурсовод	3 недели
Пара 4	М	30 лет	Работает удаленно	Программист	1 месяц
	Ж	30 лет	Работает удаленно	Аналитик	1 месяц
Пара 5	М	30 лет	Работает удаленно	Маркетолог	3 недели
	Ж	30 лет	Работает удаленно	Журналист	3 недели
Пара 6	М	26 лет	Работает удаленно	Аналитик	3 недели
	Ж	26 лет	Работает удаленно	Менеджер	3 недели
Пара 7	М	26 лет	Работает удаленно	Исследователь	3 недели
	Ж	26 лет	Временно безработная	Исследователь	3 недели

Приложение 2. Пример кодирования интервью

Цитата	Код	Подкатегория	Категория
<p>«Ну мне надоело готовить, например. То есть если обычно я там с радостью что-то готовлю, вожусь, так интересно, а сейчас из-за того, что мы оба дома сидим, то есть как-то я. Ну у нас небольшие кастрюли и сковородки, то есть я всегда готовлю там на 2—3 раза покушать, но обычно 2—3 раза — это по вечерам, хватает на 2 дня. А сейчас получается так, что ужин, обед, полдник, завтрак и везде надо убирать потом, посуду мыть, и пыли больше стало. Ну то есть вот эти вот домашние дела меня начали раздражать на второй неделе получается. На первой я еще как-то держалась» (пара 3, Ж, 25 лет, временно безработная, 3 недели на изоляции)</p>	<p>Люблю готовить, но из-за того, что дома оба, стало больше готовки. Усталость, домашние дела начали раздражать.</p>	<p>Разрушение Я</p>	<p>Трансформация Я</p>

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2581](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2581)

П. П. Лисицын, Р. Р. Гибазов

КИБЕРМИГРАЦИЯ В ОБЪЕКТИВЕ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Лисицын П. П., Гибазов Р. Р. Кибермиграция в объективе миграционных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 284—301. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2581>.

For citation:

Lisitsyn P. P., Gibazov R. R. (2025) Cyber Migration in the Lens of Migration Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 284–301. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2581>. (In Russ.)

Получено: 07.03.2024. Принято к публикации: 21.10.2024.

КИБЕРМИГРАЦИЯ В ОБЪЕКТИВЕ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЛИСИЦЫН Павел Петрович — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: fox_sociology@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

ГИБАЗОВ Роман Русланович — инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: gjbzaza@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-9947-7653>

Аннотация. В статье исследуется трансформация миграционных процессов в эпоху четвертой промышленной революции. Стремительное развитие интернет-технологий способствовало возникновению новых феноменов — «кибермиграции» и «кибермигрантов», которые становятся неотъемлемой частью современной миграционной динамики. Авторы анализируют существующие теоретические концепции, связанные с изучением «кибермиграции», подчеркивая их преемственность с классическими теориями миграции, и оценивают актуальность применения этих теорий к современным реалиям.

Проведенный анализ показал, что киберпространство как пространство, созданное человеком, на нынешнем этапе развития выступает прямым продолжением физического пространства. В современных исследованиях миграции эти два измерения рассматриваются как единое «киберфизическое» пространство, в котором развивается транснациональная миграция. На примере применения классических миграционных теорий к новым феноменам (кибермиграции и кибермигрантам) авторы приходят

CYBER MIGRATION IN THE LENS OF MIGRATION STUDIES

Pavel P. LISITSYN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor
E-MAIL: fox_sociology@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

Roman R. GIBAZOV¹ — Researcher
E-MAIL: gjbzaza@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-9947-7653>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the transformation of migration processes in the era of the Fourth Industrial Revolution. The rapid development of internet technologies has facilitated the emergence of new phenomena, cyber migration and cyber migrants, which have become an integral part of contemporary migration dynamics. The authors analyze existing theoretical concepts related to the study of cyber migration, emphasizing their continuity with classical migration theories, and assess the relevance of applying these theories to modern realities.

The analysis reveals that cyberspace, created by humans, serves as a direct extension of physical space. In contemporary migration studies, these two dimensions are considered as a unified “cyber-physical” space in which transnational migration evolves. By applying classical migration theories to new phenomena (cyber migration and cyber migrants), the authors conclude that traditional approaches are only partially suitable for analyzing processes driven by the Fourth Industrial Revolution. Adapting the theoretical foundations of migration will require accounting for the specifics of the digital age, leading to the in-

к выводу, что традиционные подходы лишь частично пригодны для анализа процессов, вызванных четвертой промышленной революцией. Адаптация теоретических основ миграции потребует учета специфики цифровой эпохи, что приведет к включению новых элементов в аналитические процедуры. Таким образом, статья акцентирует необходимость пересмотра традиционных подходов к анализу миграционных процессов в контексте современных технологических реалий.

Ключевые слова: миграционные исследования, теории миграции, киберпространство, кибермиграция, четвертая промышленная революция, киберфизическое пространство

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00467 (<https://rscf.ru/project/24-28-00467/>).

Постановка проблемы

Развитие феномена человеческой миграции всегда шло параллельно с общим развитием технологий, исторические периоды которого принято разделять на четыре этапа, соответствующие четырем индустриальным революциям. Каждая из них приводила к масштабным производственным, логистическим, потребительским изменениям.

Начиная с появления парового двигателя и механизации (середина XVIII века), поэтапно проходя периоды развития электричества и конвейерного производства (конец XIX века), распространения компьютеров, автоматизации и всемирной сети (конец XX века), изменения достигли текущего (четвертого) периода, характеризующегося внедрением киберфизических систем в повседневную жизнь человека. Последние нововведения подразумевают использование больших данных, технологий искусственного интеллекта, а также дополненной и виртуальной реальности. Специфика четвертой промышленной революции заключается в значительном ускорении процессов проникновения технологических инноваций в повседневную жизнь [Шваб, Дэвис, 2018: 36]. Например, появившийся относительно недавно интернет уже сегодня рассматривается не просто как удобный протокол для обмена данными, но как целая экосистема технологичных продуктов, способных формировать новые ценности и очерчивать новые границы общественных отношений [там же: 35].

corporation of new elements into analytical frameworks. Thus, the article highlights the necessity of revising traditional approaches in light of modern technological realities.

Keywords: migration studies, cyberphysical space, migration theories, cyberspace, cyber migration, the fourth industrial revolution

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00467 (<https://rscf.ru/project/24-28-00467/>).

Вместе с тем согласие с утверждением, что современное человечество находится в процессе формирования глобального онлайн-сообщества, не отменяет того, что 37 % людей в мире (2,9 млрд человек) не обеспечены доступом к web¹.

Таким образом, интересующие авторов настоящей статьи изменения миграционных процессов в аспекте текущей реальности четвертой промышленной революции:

а) для одних участников характеризуются рутинной и повседневностью искусственной социальности [Трегубова, 2020], одновременно способствуя как трансформации привычных социальных институтов физического мира, так и рождению собственных правил и норм онлайн-сообществ [Шваб, Дэвис, 2018];

б) для других, напротив, характеризуются исключением из этой системы новых общественных отношений при возможном одновременном стремлении обретения доступа к ним, в том числе за счет участия в миграционном процессе.

Вопросы, связанные с влиянием инноваций четвертой промышленной революции на изменение мировых миграционных процессов, в научной литературе были поставлены относительно недавно. В связи с этим авторы статьи считают важным познакомить читателя с основными направлениями и ключевыми вопросами, возникающими в рамках migration studies в контексте появления новых условий, а также предложить критический анализ ряда из них. В частности, особое внимание уделяется расширению восприятия миграции как факта перемещения не только в физическом [Ravenstein, 1885; Zelinsky, 1971; Stark, Bloom, 1985 и пр.], но и в киберфизическом пространстве [De la Riva, 2019].

Объектом анализа в данной работе выступают изменения в миграционных процессах и объясняющих их теориях, вызванные влиянием четвертой промышленной революции и распространением свойственных ей технологий. В частности, особое внимание уделяется включению в миграционный дискурс нового типа пространства — киберпространства, которое начинает рассматриваться не только как новое место прибытия мигрантов, но и как влиятельная промежуточная точка при перемещении между физическими пространствами.

Далее предлагается подробный обзор современных направлений осмысления миграционных процессов в условиях реальности онлайн-сообществ и искусственной социальности. Анализ этих направлений позволяет сделать вывод, что, во-первых, уже сегодня набирает силу новый миграционный дискурс, связанный с развитием киберпространства; во-вторых, этот дискурс, хотя и вызван значительными изменениями в средствах и условиях миграционных процессов, в своем основании все еще опирается на классические миграционные теории, объясняющие события реальности, предшествующей четвертой промышленной революции.

Киберпространство как предмет дискуссии

В основе анализа кибермиграции находится фундаментальное для всех миграционных исследований понятие «пространство» [Ravenstein, 1885; Lee, 1966; Stark, Bloom, 1985; Castles, De Haas, Miller, 2014 и пр.].

¹ ITU: 2.9 billion people still offline // United Nations. 2021. 7 December. URL: <https://www.un.org/en/delegate/itu-29-billion-people-still-offline#:~:text=An%20estimated%2037%20per%20cent,never%2C%20ever%20used%20the%20Internet> (дата обращения: 16.01.2024).

В миграционных теориях исследователи, рассуждая о пространстве, чаще всего описывают его через предельно абстрактные философские категории, представляющие конечную либо бесконечную совокупность мест. При этом само место рассматривается как «непрерывная и ограничиваемая сторонами непосредственность направлений, путей, расстояний» [Пивоваров, 2016: 152]. Когда же речь заходит о пространстве, в рамках его анализа неизбежно появляются рассуждения о границах. Например, Аристотель определял границу вещи как то, «вне чего нельзя найти ни одной ее части и внутри чего находятся все ее части» [Аристотель, 2015: 159]. Современные российские исследователи рассматривают границу как начало и конец всякого определенного бытия, отделяющего нечто от иного, а также место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов [Пивоваров, 2016: 161].

Можно утверждать, что общим местом рассуждений о категории пространства является обращение к его физическим характеристикам. «Пространство есть бытие протяженное в противовес бытию непротяженному (идеальное, духовная телесность)», — определяет его Д. В. Пивоваров [там же: 152]. Понимание пространства А. Ф. Филиппова, в свою очередь, строится на концептуальном каркасе, основное место в котором занимают три узла: место A_1 — «место наблюдателя»; место мест B_{II} — «практическая схема пространства участников взаимодействия»; объемлющее пространство C_{III} — «геометрия, физика, философия, космология, теоретическая география и геополитика» [Филиппов, 2009: 6].

В противовес общим способам определения пространства, в рамках которых упор делается на физические характеристики (протяженность, границы), в современном размышлении о киберпространстве фокус внимания смещается на иной набор атрибутов. Например, определение киберпространства Д. Е. Добринской характеризует его как «пространство функционирования продуктов информационно-коммуникационных технологий, позволяющих создавать чрезвычайно сложные системы взаимодействий агентов с целью получения информации, обмена и управления ею, а также осуществления коммуникаций в условиях множества различных сетей» [Добринская, 2018: 59]. В этом определении упомянут лишь один «физический компонент» — пространство как место. Остальные атрибуты так или иначе связаны с различными классами возможных действий, а также с возможностью объединения информационно-коммуникационных сред в единую экосистему.

В рамках современных теорий, рассматривающих киберпространство в контексте миграционных процессов, особый интерес представляют разработки Н. Д. Трегубовой. В своих исследованиях она задается вопросом о транзитивности категории киберпространства (подразумевая под ним web-среду) предполагая, что социальные взаимодействия в интернете как минимум могут играть роль стартового импульса физической миграции, а как максимум дают возможность вообразить процесс путешествия и социальные условия в пункте назначения. В основе этого утверждения лежат три аргумента. Во-первых, киберпространство не имеет физических границ, однако имеет тематические границы, посредством которых выделяются кластеры коммуникации. Во-вторых, в интернете люди могут занимать позиции участника и наблюдателя социальных отношений. Соответственно, сетевая коммуникация может быть проинтерпретирована как совокупность точек

наблюдения (один из важнейших атрибутов физического пространства). В-третьих, активность человека в интернете представляет собой постоянные перемещения между тематическими пространствами коммуникации. Иными словами, в киберпространстве существует возможность выбора сетевых маршрутов [Трегубова, 2020: 412—414].

Таким образом, киберпространство аналогично физическому пространству по критериям движения и наблюдения. При этом в качестве важнейшей различительной черты выделяется атрибут «погруженности» субъекта. Например, рассуждения в рамках четвертой промышленной революции о развитии киберпространства логично приводят к выводу о том, что в конце концов за счет виртуальной реальности человек сможет полностью погружаться в киберпространство.

Подобные размышления уже вышли за пределы абстрактных предположений², а академические исследователи в ответ на технологические инновации разрабатывают «индексы погруженности» [Регуш и др., 2021]. Одна из наиболее восторженных и утопичных работ по киберпространству — «Декларация независимости киберпространства»³, где провозглашаются свобода и независимость киберпространства. В противовес этому со временем появились тексты, более взвешенные тексты, например, утверждающие, что «киберпространство укоренено в реальности, рекурсивно связано с ней и наполнено ею» [Nayar, 2010: 159]. В частности, П. К. Наяар пишет: «разговоры о свободе киберпространства, включая смену личности, серфинг и безграничность, напоминают стереотипы колониального периода, когда мобильность всегда ассоциировалась с белым человеком» [ibid.: 161]. Для киберпространства, по мнению автора, характерны те же проблемы, что и для физического пространства, например, сохраняется неравенство возможностей, характеризующее доступом к современным технологиям, и пр.

Сближение физического и киберпространства

Самоочевидность физического пространства сделала его ключевой категорией миграционных исследований и миграционных теорий. Для большинства людей это пространство ограничивается планетой Земля, где происходят перемещения населения между другими пространствами — странами и городами и т. д. В исследованиях миграции это привело к формированию классических исследовательских направлений: внутристрановой и международной миграции, миграции между городом и деревней и пр.

Одним из важнейших объектов анализа для миграционных исследований (особенно в их современном виде) является городское пространство. Будучи центральным узлом любого современного государства, город часто рассматривается в единстве социального и физического. В основе этого утверждения лежит понимание, что физическое пространство не существует само по себе, оно суть отражение социального пространства и невозможно без него [Бурдье, 2007]. Примером этого может послужить городская инфраструктура, которая адаптируется

² Мы имеем в виду выход на широкий потребительский рынок гарнитур виртуальной реальности от Apple, Sony и Oculus.

³ Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // Electronic Frontier Foundation. 1996. February 8. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 09.10.2023).

к социальному положению жителей, или внешний вид города, являющийся следствием борьбы идеологий относительно того, каким он должен быть.

Таким образом, можно с равной степенью вероятности утверждать, что физическое воплощение города есть результат социального конструирования его восприятия и что символическое зонирование городского пространства может быть результатом инфраструктурных особенностей среды. Данный тезис имеет непосредственное отношение к таким важным темам миграционных исследований, как расселение мигрантов, привлекательность определенных географических зон и условия формирования транслокальных сообществ.

В контексте дискурса о влиянии распространившихся технологий четвертой промышленной революции современные теории миграции рассматривают город не только с принятой точки зрения единства двух пространств (социального и физического), но и расширяют его за счет включения в это единство нового типа пространства — киберпространства. Те же самые правила коммуникации и социальная структура переносятся из привычного физического пространства в искусственно созданное киберпространство. Во-первых, город расширяется через сайты администрации города, через сообщества людей по интересам, сайты мероприятий и многое другое. Во-вторых, само киберпространство воспроизводит городскую среду, предлагая закрытые клубы с платным входом⁴, а также места, соответствующие криминальным подворотням, где торгуют наркотическими веществами и оружием, — Даркнет. Можно заметить, что часть созданного киберпространства плотно прилегает к физическому пространству, киберместа во многом продолжают эти же места в физическом пространстве.

Такое сочетание физического и киберпространства — важный фактор для формирования как международных, так и внутристрановых миграционных потоков. Современные теории миграции утверждают, что условия четвертой промышленной революции позволяют мигранту знакомиться с возможным местом назначения с помощью киберпространственного перемещения. Изучая информацию в интернете, человек оказывается в промежуточном пространстве поисковика (на его стартовой странице) по аналогии с тем, как это было бы раньше с нейтральными водами в рамках физического пространства. Именно отсюда человек начинает свое перемещение на сайты, привязанные к стране или городу потенциального места назначения. Таким образом он посещает киберпространство другой территории, где получает информацию, способную помочь ему принять решение о миграции. Он ищет сообщества по интересам, группы мигрантов, где можно задать вопрос или обратиться за помощью, находит информацию о работе, на которую он сможет устроиться. Более того, в отдельных случаях есть вероятность устроиться на работу онлайн, вступать в сообщества и заводить социальные связи, которые в дальнейшем могут пригодиться при переезде в физическом пространстве.

Можно заметить, что социальное пространство становится формирующим фактором не только физического, но и киберпространства, которые часто начинают объединяться. Подобная постановка вопроса уже встречается как в русскоязычных работах по миграции, например в контексте анализа транснациональных

⁴ «Эффект клуба» [Бурдые, 2007: 61].

практик [Трегубова, 2020], так и в англоязычных работах, в рамках обсуждения коммуникационного гибрида [Кастельс, 2004: 158].

Новый миграционный дискурс: миграция и кибермиграция в киберфизическом пространстве

По оценкам исследователей [Шваб, Дэвис, 2018; Трегубова, Пшегорницкая, 2022], развитие киберпространства (как и в целом распространение искусственной социальности) еще далеко от своего пика⁵. Между тем даже на текущем этапе оно существенно влияет на происходящие изменения как в самих процессах миграции, так и в аспектах их изучения и анализа. Постепенное двустороннее сближение физического и киберпространства⁶ приводит современных исследователей к мысли о том, что в контексте миграции эти пространства невозможно рассматривать друг без друга.

Постепенно в эмпирических исследованиях начинает фигурировать понятие «кибермиграция», введенное в научный оборот в 2009 г. и изначально характеризовавшее перемещение пользователей онлайн-пространств с одного сайта / социальной сети / приложения на другие [Zengyan, Yinping, Lim, 2009]. Ключевой вопрос для исследований-пионеров [Zhang et al., 2008], анализирующих это явление, звучал следующим образом: «Как пользователи Web принимают решения о смене одной веб-платформы на другую?» [O'Reilly, 2007].

Эти размышления о миграции в киберпространстве привели к тому, что в 2018 г. понятие «кибермиграция» (как и участники этого процесса — «кибермигранты») существенно расширило свое значение [De la Riva, 2019]. Новое значение уже не ограничивалось первоначальным смыслом: выходя за рамки анализа серфинга с платформы на платформу внутри Web, «кибермиграция» как исследовательская единица пополнилась участниками, использующими киберпространство в том числе для получения быстрого удаленного доступа к процессу производства и потребления товаров и услуг, физически находящихся на значительном удалении [ibid.: 152].

Магистральным исследовательским направлением в рамках изучения кибермиграции (с точки зрения количественной распространенности) стала трудовая кибермиграция. В фокус этих исследований попали вопросы, связанные с работниками специфической формы занятости, предоставляющими услуги в реальном времени, но находящимися в регионе, отличном от места найма [Purkayastha, 2017: 13]. В этом контексте — одновременно с актуализацией (уже для нового типа пространства) классических миграционных вопросов, связанных с трудовыми гарантиями и защищенностью работников-мигрантов, с конкурентоспособностью местного населения и пр. [Jorens, 2022: 132], — ученые обращают внимание и на новые аспекты последствий миграции, связанные с особенностями приращения богатства не в регионе/стране производства, но на территории пре-

⁵ Важную роль в ускорении процессов цифровизации сыграла пандемия COVID-19. Например, было доказано, что пандемия выявила проблемы в передаче информации онлайн на местном уровне, то есть обнаружилось уязвимое место местной системы связи, соответственно, государственным учреждениям пришлось исправлять эти ошибки с целью повышения осведомленности местного сообщества [Buoncompagni, 2022: 51].

⁶ С одной стороны, искусственно созданное киберпространство становится частью повседневности, с другой — многие объекты физического пространства получают свое продолжение в киберпространстве.

доставления услуг [De la Riva, 2019: 152]. К проблемному полю трудовой кибермиграции также относится проблематика эффективности виртуальной гиперсвязи между работодателем и работником при отсутствии их физического контакта. Особое внимание в этом аспекте уделяется вопросам менеджмента и контроля над работником со стороны работодателя. Так, исследования:

а) демонстрируют, что кибермигранты подвергаются более строгому контролю со стороны работодателя, чем обычные мигранты [Healy, Nicholson, Pekarek, 2017; De la Riva, 2019];

б) фиксируют распространенность передачи контроля над работой кибермигрантов от менеджера к электронным платформам (в вопросах продолжительности рабочего дня, организации рабочего процесса и контроля качества проделанной работы) [Jorens, 2022: 136];

в) выявляют увеличение нагрузки на работника-мигранта за счет часто фиксируемого ненормированного взаимодействия между ним и работодателем по причине отсутствия временных или пространственных барьеров [Moraga et al., 2023: 14—15];

г) поднимают вопросы влияния гиперсвязи на состояние здоровья работников [Hellemans, Vayre, 2022: 14—18].

В научной литературе можно выделить три парадигмы восприятия киберпространства в контексте кибермиграции [Leurs, Smets, 2018: 9; Candidatu, Leurs, Ponzanesi, 2019: 36—40].

1. Медиациентричный подход к исследованию киберкультуры. Киберпространство рассматривается как самостоятельное пространство, а кибермигранты — как люди, существующие в этом пространстве, объединенные в группы киберсообществ и представляющие различные киберкультуры и «цифровые диаспоры» (*digital diasporas*) [Everett, 2009 и пр.].

2. Этнографический подход предполагает, что киберпространство является лишь частью единого пространства повседневной жизни, то есть повседневная жизнь любого мигранта опосредована цифровыми технологиями. Таким образом сегодня формируется «транснациональный габитус» (*transnational habitus*) [Nedelcu, 2012 и пр.], существенно изменяющий условия миграции по сравнению с теми, в которых находились люди, мигрировавшие до эпохи четвертой промышленной революции.

3. Цифровой подход, рассматривающий киберпространство как продолжение физического пространства, а кибермигрант — как «подключенный мигрант» (*connected migrant*) [Diminescu, 2008], то есть мигрант, находящийся в физическом пространстве и имеющий связь с киберпространством. Фиксация перемещения таких мигрантов внутри киберпространства возможна за счет анализа их цифровых следов [Diminescu, 2008 и пр.].

Каждая парадигма по-своему раскрывает идею киберпространства. Первая подходит для анализа удаленной работы (за пределами страны проживания), для которой мигрант ежедневно совершает электронную маятниковую кибермиграцию. Второй и третий подходы обращаются к описанию миграции в физическом пространстве, по-разному дополняя его элементами цифровой реальности.

Вместе с тем современные работы в области миграции все чаще касаются темы неразрывности физического и киберпространства, что превращает их в единое

киберфизическое пространство. Например, в 2021 г. Д. Буонкомпани представил результаты масштабного исследования, описывающего зависимость физической миграции и поведения мигрантов от их же перемещений в киберпространстве [Buoncompagni, 2021b]. А значительно раньше, в 2005 г., Д. Диминеску [Diminescu, 2005] предположила неизбежность появления «электронной социологии миграции», утверждая, что анализ миграционного поведения не может обойтись без анализа личных цифровых следов мигрантов, а также без учета содержания и характера информации, представленной о них сторонними участниками миграционного процесса, находящимися в киберпространстве (например, онлайн-СМИ и прочими web-платформами) [Diminescu, 2005: 7]. Таким образом, в обоих исследованиях мигранты рассматриваются как лица, перемещающиеся не просто одновременно в физическом и киберпространстве, но в едином киберфизическом пространстве [Buoncompagni, 2021a].

Авторы, описывающие миграционные процессы в контексте четвертой промышленной революции, зачастую выделяют преимущества технологического прогресса для всех участников миграционных процессов (включая и исследователей, изучающих их). К таким преимуществам чаще всего относят: упрощение возможности поддержки самоидентичности, возможности поддержания частоты и плотности экономических и социальных взаимодействий с местом исхода, снижение рисков от травмирующих факторов переезда [Buoncompagni, 2021b: 103]. Часто утверждается, что инновации, пришедшие с эпохой четвертой промышленной революции, способствуют расширению транснациональных миграционных сетей, позволяющих мигрантам быстрее и легче получать и передавать необходимую информацию. Возможности анализа цифровых данных способствуют повышению точности прогнозов относительно миграционных потоков [Ojala, 2021] и эффективности миграционного контроля [Nedelcu, Soysüren, 2020]. К положительным сторонам также зачастую относят тот факт, что современные условия позволяют мигранту выходить из ограничений, навязанных физическими и временными пространствами, в том числе за счет избавления от необходимости совершать утомительные перемещения на дальние расстояния [De la Riva, 2019].

Вместе с тем необходимо обратить внимание и на негативные стороны распространения искусственной социальности и цифровых технологий, описанные в специальной литературе посвященной миграции. Например, к таким последствиям относят скорость распространения ложной информации. Так, в 2015 г. во время интенсификации потока беженцев в Европу отмечалось активное распространение ложной информации и слухов о беженцах для привлечения внимания местных жителей к антииммигрантской повестке [Ojala, 2021: 337—338]. Также среди негативных последствий называют усугубляющуюся проблему торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации, принудительного труда или рабства, изъятия и продажи органов [Buoncompagni, 2021b: 106; Campana, 2022: 7—9]. Исследователи подчеркивают, влияние искусственной социальности на распространение услуг цифровых контрабандистов [Antonopoulos et al., 2020; Sanchez et al., 2021; Buoncompagni, 2021b], занимающихся поддержкой нелегальной миграции, например, за счет предоставления в Даркнете услуг в виде «туристических пакетов», включающих в себя подделку документов [Buoncompagni, 2021b: 106]. Авторы

выделяют проблемы распространения радикальных идеологий в связи с развитием новых технологий [Трегубова, Иванова, 2020]. В миграционных исследованиях выделяют также и общие проблемы кибербезопасности, которые напрямую влияют на мигрантов, погруженных в киберпространство [Дремлюга, Крипакова, 2019; Phillips et al., 2022].

Адаптация классических теорий к изучению кибермиграции

Новый дискурс, предполагающий обращение к анализу киберпространства и кибермиграции, в своем основании опирается на классические теории, объясняющие перемещения населения в реальности, предшествовавшей четвертой промышленной революции. Относительно недавнее появление настоящего дискурса в научной литературе вынуждает исследователей при обсуждении этих вопросов обращаться к уже известным теориям, описывающим прошлые этапы развития миграционных процессов. Примером такого использования может послужить адаптация самой популярной миграционной теории Э. Ли (push and pull) [Lee, 1966].

Первое исследование миграции в киберпространстве было проведено в 2009 г. [Zengyan, Yinping, Lim, 2009], теоретическим основанием для него послужила модель «выталкивание — притягивание — швартовка» (push-pull-mooring, далее — модель ВПШ), разработанная в 2005 г. для анализа поведения потребителей (в физическом пространстве) маркетологами Г. Бансалом, С. Тейлор и У. Джеймс [Bansal, Taylor, James, 2005]. Г. Бансал и его коллеги использовали результаты исследования 1995 г., предположившего, что «точно так же, как люди покупают потребительские товары, потенциальные мигранты сравнивают характеристики альтернативных мест и выражают свои предпочтения, переезжая в то место, которое их лучше всего удовлетворяет» [Clark, Knapp, White, 1996: 3].

Вдохновившись тезисом из исследования 1995 г., Г. Бансал и его коллеги проанализировали релевантные для собственной маркетинговой проблематики миграционные теории и выделили заинтересовавшие их принципы моделирования поведения мигрантов. Они состоят из объяснения переработанных и дополненных в 1986 г. Д. А. Джексоном [Jackson, 1986] идей Э. Ли [Lee, 1966] с переработанной и дополненной в 1995 г. Б. Муном [Moon, 1995] теорией «швартовки» Ч. Ф. Лонгино [Longino, 1992]. Все перечисленные теории послужили основой для первого исследования миграции в киберпространстве, хотя изначально были нацелены на анализ миграции в физическом пространстве.

Попробуем проследить развитие и адаптацию миграционных теорий, легших в основу модели ВПШ: Ли — Джексона и Лонгино — Муна.

Исследование Э. Ли, проведенное в 1966 г. [Lee, 1966], представляет собой авторскую интерпретацию популярного до второй половины XX века принципа «push and pull» как основы анализа миграционных процессов. Это попытка фиксации факторов, влияющих на принятие человеком решения о миграции. Эти факторы связаны, во-первых, со страной исхода (push), а во-вторых — с принимающей страной (pull). Кроме того, к числу факторов относятся также вмешивающиеся препятствия (intervening obstacles) и личные обстоятельства [Лисицын, Орлова, Степанов, 2023].

В 1986 г. Д. А. Джексон [Jackson, 1986] внес ряд изменений в теорию Э. Ли. Не подвергая сомнению факторы притяжения и выталкивания, он вместо «вмешивающихся препятствий» использовал фактор «вмешивающихся переменных»⁷ (intervening variables), обосновывая это тем, что для изучения миграции будет полезнее рассматривать не только препятствующие миграции факторы, но и способствующие ей [Jackson, 1986: 15].

Вторая теоретическая часть модели ВПШ состоит из теорий Ч. Ф. Лонгино и Б. Муна. Категорию швартовки, предложенную Ч. Ф. Лонгино [Longino, 1992] в 1992 г., можно представить, по словам самого автора, уподобив людей кораблям: «Как лодки к причалу, люди привязаны к окружающей среде инвестициями в свою собственность, множеством общественных контекстов, в которых они находят смысл, друзьями и членами семьи, близость которых они ценят, опытом прошлого и образом жизни, которые сплетают эти нити вместе в узор, приносящий удовлетворение» [Longino, 1992: 23—24]. Для анализа потенциала миграции автор предлагал разделять людей на тех, у кого наименьшее количество «привязок» (moorings) к месту исхода, и на тех, у кого их больше, предполагая, что первые более склонны к миграции.

В 1995 г. Б. Мун [Moon, 1995] предложил ряд изменений в миграционную теорию Ч. Ф. Лонгино, рассматривая ее как полную альтернативу теории Э. Ли. Критикуя Э. Ли за «чрезвычайную ригидность его теории» [Moon, 1995: 514], Мун заменил категории «push» и «pull» всеобъемлющей (по его мнению) категорией «moorings» (швартовка / причалы / привязки) [Moon, 1995]. В его трактовке фактор «швартовки» обретает большую осязаемость, чем у Ч. Ф. Лонгино. Заложив в основу идеи габитуса П. Бурдьё [Бурдьё, 2007] и размышления об онтологической безопасности Э. Гидденса [Гидденс, 2005], автор определяет «швартовку» как привязанность человека к какому-либо месту за счет определения степени ценности своих карьерных возможности, социальных связей, привязанности к классовой структуре и климату. Если эмоциональная связь с причалами на месте исхода слабее, чем с потенциальными причалами на месте назначения, то человек примет решение о миграции [Moon, 1995: 514].

Таким образом, первоначальная теория Э. Ли [Lee, 1966], предполагающая четырехфакторную модель, состоящую из выталкивания, притяжения, вмешивающихся препятствий и личностных факторов, существенно видоизменяется. С одной стороны, в трактовке Д. А. Джексона [Jackson, 1986] она получила вмешивающиеся переменные вместо этих же обстоятельств, с другой стороны, появилась идея «швартовок» Ч. Ф. Лонгино [Longino, 1992], которая впоследствии была развита Б. Муном. [Moon, 1995]. В итоге получилась модель, созданная из концептуально несовместимых частей, например, идея «швартовки» Б. Муна не может находиться в одной модели с факторами притяжения и выталкивания Э. Ли. Интересно, что неоднозначное толкование маркетологами миграционных теорий (вследствие чего и появилась объединенная теория ВПШ) распространилось и среди исследователей миграции, обретая как своих сторонников [Zengyan, Yinping, Lim, 2009, Xu, Wang, Zhao, Chang, 2021], так и противников [Xiao, Caporusso, 2018].

⁷ Следует дополнительно отметить, что понятие «вмешивающиеся переменные» вбирает в себя все предыдущие идеи, касающиеся миграции: вмешивающиеся препятствия Э. Ли [Lee, 1966], промежуточные возможности С. Стауффера [Stouffer, 1940] и идею Г. Зипфа о наименьшем сопротивлении [Zipf, 1949].

Заключение

Современный человек, окруженный достижениями третьей и четвертой промышленных революций, все сильнее погружается в созданное им киберпространство. Хотя само это понятие остается дискуссионным (например, подвергается сомнению его пространственность и пр.), нужно признать, что оно уже не воспринимается как идея из области научной фантастики. Миграционные исследования пытаются объединить привычное для человека физическое и новое киберпространство, формируя при этом единое киберфизическое пространство как аналитическую категорию, что приводит к попыткам изучения проблем, происходящих в нем и им вызванных. В свою очередь, миграция как категория, во многом зависящая от восприятия пространства, под влиянием этого нового дискурса также наделяется новыми чертами.

Представленный в настоящем тексте обзор современных направлений миграционных исследований, касающихся кибермиграции, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, новый миграционный дискурс, связанный с развитием киберпространства, уже вошел в дискуссионное поле научных публикаций и исследовательских практик. Во-вторых, миграционный дискурс не един, а представлен тремя ключевыми направлениями: медиacentричным, этнографическим и цифровым. В-третьих, несмотря на специфику пространства и перемещений внутри него, кибермиграция не лишена ряда проблем, с которыми мигранты сталкивались и в рамках исключительно физических перемещений. В-четвертых, хотя новый дискурс вызван значительными изменениями в средствах и условиях миграционных процессов, изучающие его исследования все еще опираются на классические миграционные теории, объясняющие события реальности, существовавшей до четвертой промышленной революции.

Список литературы (References)

1. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2015.
Aristotle. (2015) *Metaphysics*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
2. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.
Bourdieu P. (2007) *Sociology of Social Space*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
3. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005.
Giddens A. (2005) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
4. Добринская Д. Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 52—70. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70>.
Dobrinskaya D. E. (2018) *Cyberspace: Territory of Contemporary Life*. *Moscow State University Bulletin*. V. 24. No. 1. P. 52—70. (In Russ.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70>.
5. Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 161—169. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.161-169>.

- Dremlyuga R. I., Kripakova A. V. (2019) Crimes in Virtual Reality: Myth or Reality? *Actual Problems of Russian Law*. No. 3. P. 161—169. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.161-169>.
6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
Castells M. (2004) *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society*. Ekaterinburg: U-Factory. (In Russ.)
7. Лисицын П. П., Орлова Н. А., Степанов А. М. Выполненные и невыполненные обещания Эверетта Ли: к критике миграционных теорий // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 41—51. <https://doi.org/10.31857/S013216250028303-6>.
Lisitsyn P. P., Orlova N. A., Stepanov A. M. (2023) Fulfilled and Unfulfilled Promises of Everett Lee: Toward a Critique of Migration Theories. *Sociological Studies*. No. 10. P. 41—51. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250028303-6>.
8. Пивоваров Д. В. Пространство и граница: лекция // Известия Уральского федерального университета. 2016. Т. 11. № 1. С. 152—164. URL: <https://elar.ufr.ru/handle/10995/38094> (дата обращения: 14.11.2023).
Pivovarov D. V. (2016) Space and Border. *Proceedings of Ural Federal University*. Vol. 11. No. 1. P. 152—164. (In Russ.) URL: <https://elar.ufr.ru/handle/10995/38094> (accessed: 14.11.2023).
9. Регуш Л. А., Орлова А. В., Алексеева Е. В., Веретина О. Р., Пежемская Ю. С., Лактионова Е. Б. Феномен погруженности в интернет-среду: определение и диагностика // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 107—125. <https://doi.org/10.17223/17267081/81/5>.
Regush L. A., Orlova A. V., Alekseeva E. V., Veretina O. R., Pezhemskaya Y. S., Laktionova E. B. (2021) Phenomenon of the Internet Immersion: Definition and Measurement. *Siberian Psychological Journal*. No. 81. P. 107—125. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267081/81/5>.
10. Трегубова Н. Д., Иванова А. А. Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал онлайн-ресурсов: сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5. № 3. С. 145—167. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11541> (дата обращения: 13.11.2023).
Tregubova N. D., Ivanova A. A. (2020) Extremism Online: Comparative Analysis of the NIS Migrants' Social Networks. *Communications. Media. Design*. Vol. 5. No. 3. P. 145—167. (In Russ.) URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11541> (accessed: 13.11.2023).
11. Трегубова Н. Д., Пшегорницкая К. Ф. Проблема очеловечивания технологий искусственного интеллекта в условиях искусственной социальности: случай приложения Replika // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 3. С. 60—66. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-3-60-66>.

- Tregubova N. D., Pshegornitskaya K. F. (2022) Antropomorphizing Artificial Intelligence Technologies in the Age of Artificial Sociality: The Case of Replika. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 3. P. 60—66. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-3-60-66>.
12. Трегубова Н. Д. Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма в режиме онлайн // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>.
Tregubova N. D. (2020) Transnational Migrants in the Internet: Theoretical Foundations for Studying Transnationalism Online. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>.
13. Филиппов А. Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 3—15.
Filippov A. F. (2009) The Applied Sociology of Space. *The Russian Sociological Review*. Vol. 8. No. 3. P. 3—15. (In Russ.)
14. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018.
Schwab K., Davis N. (2018) *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
15. Antonopoulos G. A., Baratto G., Di Nicola A., Diba P., Martini E., Papanicolaou G., Terenghi F. (2020) Technology in Human Smuggling and Trafficking Book Subtitle. Case Studies from Italy and the United Kingdom. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-42768-9>.
16. Bansal H. S., Taylor S. F., James Y. S. (2005) “Migrating” to New Service Providers: Toward a Unifying Framework of Consumers’ Switching Behaviors. *Journal of the Academy of Marketing Science*. Vol. 33. No. 1. P. 96—115. <https://doi.org/10.1177/0092070304267928>.
17. Buoncompagni G. (2021a) Cybermigration: Connections, Human Mobility and Media Culture. An Italian Case Study. *Advances in Applied Sociology*. Vol. 11. No. 2. P. 65—83. <https://doi.org/10.4236/aasoci.2021.112006>.
18. Buoncompagni G. (2021b) Onlife Migrants and Digital Inclusion. Reflections for a Sociology of Digital Migrations. *Sociology Study*. Vol. 11. No. 3. P. 102—111. <https://doi.org/10.17265/2159-5526/2021.03.003>.
19. Buoncompagni G. (2022) The “Inhospitable Pandemic”. Local Effects of Covid-19 on Migration and Intercultural Public Communication. *European Review of Applied Sociology*. Vol. 15. No. 25. P. 48—56. <https://doi.org/10.2478/eras-2022-0010>.
20. Campana P. (2022) Online and Technology-Facilitated Trafficking in Human Beings: Summary and Recommendations. Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/online-and-technology-facilitated-trafficking-in-human-beings-summary-/1680a5e10c> (accessed: 01.10.2023).

21. Candidatu L., Leurs K., Ponzanesi S. (2019) Digital Diasporas: Beyond the Buzzword. Toward a Relational Understanding of Mobility and Connectivity. In: Retis J., Tsagarousianou R. (eds.) *The Handbook of Diasporas, Media, and Culture*. Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781119236771.ch3>.
22. Clark D. E., Knapp T. A., White N. E. (1996) Personal and Location-Specific Characteristics Upon Elderly Interstate Migration. *Growth and Change*. Vol. 27. No. 3. P. 327—351. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2257.1996.tb00909.x>.
23. De la Riva A. (2019) “Cybermigrants, a legal concept 4.0”. *Revue de droit comparé du travail et de la sécurité sociale*. No 4. P. 148—155. <https://doi.org/10.4000/rdctss.1401>.
24. Diminescu D. (2005) Le migrant connecté. Pour un manifeste épistémologique. *Migrations/Société*. Vol. 17. No. 102. P. 275—292. URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/sites/default/files/2009-07/docl_9047_973024464.pdf (accessed: 20.11.2023).
25. Diminescu, D. (2008) The Connected Migrant: An Epistemological Manifesto. *Social Science Information*. V. 47. No. 4. P. 565—579. <https://doi.org/10.1177/0539018408096447>.
26. Everett A. (2009) *Digital diaspora: A Race for Cyberspace*. Albany, NY: State University of New York Press.
27. Healy J., Nicholson D., Pekarek A. (2017) Should We Take the Gig Economy Seriously? *Labour and Industry*. V. 27. No. 3. P. 232—248. <https://doi.org/10.1080/10301763.2017.1377048>.
28. Hellemans C., Vayre É. (2022) “Spillover” Work via Technology: Organizational Antecedents and Health Impacts. In: Vayre É. (ed.) *Digitalization of Work: New Spaces and New Working Times*. Wiley-ISTE.
29. Jackson J. A. (1986) *Migration*. Longman Publishing Group.
30. Jorens Y. (2022) *Cross-border EU Employment and its Enforcement: An Analysis of the Labour and Social Security Law Aspects and a Quest for Solutions*. Cham: Springer.
31. Korkmaz E. E. (2021) Ahead of the Policy Curve: Migrants Harnessing Tech to Survive. In: McAuliffe M. (ed.) *Research Handbook on International Migration and Digital Technology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 393—405. <https://doi.org/10.4337/9781839100611>.
32. Lee E. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3. No. 1. P. 47—57. <https://doi.org/10.2307/2060063>.
33. Leurs K., Smets K. (2018) Five Questions for Digital Migration Studies: Learning from Digital Connectivity and Forced Migration in(to) Europe. *Social Media + Society*. V. 4. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.1177/2056305118764425>.

34. Longino C. F. Jr. (1992) The Forest and the Trees: Micro-level Considerations in the Study of Geographic Mobility in Old Age. In: Rogers A. (ed.) *Elderly Migration and Population Redistribution: A Comparative Study*. London: Belhaven Press. P. 23—34.
35. Moon B. (1995). Paradigms in Migration Research: Exploring “Moorings” as a Schema. *Progress in Human Geography*. Vol. 19. No. 4. P. 504—524. <https://doi.org/10.1177/030913259501900404>.
36. Moraga M., Avante J., Marie P., Ibay M., Eric J., Kung B., Gonzalo P., Salud T. (2023) The Emergence of the Fourth Industrial Revolution: Mediating Effect of Hyper-connectivity on the Relationship of Digitalization with Competitive Advantage. *Philippine Academy of Management E-journal*. V. 5. No. 1. P. 10—39.
37. Nayar P. K. (2010) *Introduction to New Media and Cybercultures*. Oxford: Wiley-Blackwell.
38. Nedelcu M. (2012) Migrants’ New Transnational Habitus: Rethinking Migration Through a Cosmopolitan Lens in the Digital Age. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. No. 9. P. 1339—1356. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.698203>.
39. Nedelcu M., Soysüren I. (2020) Precarious Migrants, Migration Regimes and Digital Technologies: The Empowerment-control Nexus. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 48. No. 8. P. 1821—1837. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1796263>.
40. Ojala M. (2021) The Role of Networked Publics in Immigration Debates. In: McAuliffe M. (ed.) *Research Handbook on International Migration and Digital Technology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 330—343. <https://doi.org/10.4337/9781839100611>.
41. O’Reilly T. (2007) What is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. *Communications & Strategies*. No. 65. P. 17—37.
42. Phillips K., Davidson J. C., Farr R. R., Burkhardt C., Caneppele S., Aiken M. P. (2022) Conceptualizing Cybercrime: Definitions, Typologies and Taxonomies. *Forensic Sciences*. Vol. 2. No. 2. P. 379—398. <https://doi.org/10.3390/forensicsci2020028>.
43. Purkayastha B. (2017) Migration, Migrants, and Human Security. *Current Sociology*. Vol. 66. No. 2. P. 167—191. <https://doi.org/10.1177/0011392117736302>.
44. Ravenstein E. G. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. Vol. 48. No. 2. P. 167—235. <https://doi.org/10.2307/2979181>.
45. Sanchez G., Arouche K., Capasso M., Dimitriadi A., Fakhry A. (2021) Beyond Networks, Militias and Tribes: Rethinking EU Counter-Smuggling Policy and Responses. Euromesco Policy Study. No. 19. URL: <https://south.euneighbours.eu/wp-content/uploads/2022/07/RETHINKING-EU-COUNTER-SMUGGLING-POLICY-AND-RESPONSE-1.pdf> (accessed: 14.11.2023).

46. Sassen S. (1988) *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*. New York, NY: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511598296>.
47. Stouffer S. A. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*. Vol. 5. No. 6. P. 845—867. <https://doi.org/10.2307/2084520>.
48. Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*. Vol. 61. No. 2. P. 219—249. <https://doi.org/10.2307/213996>.
49. Zengyan C., Yinping Y., Lim J. (2009) Cyber Migration: An Empirical Investigation on Factors that Affect Users' Switch Intentions in Social Networking Sites. *Proceedings of the 42nd Hawaii International Conference on System Sciences*. P. 1—11. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2009.140>.
50. Zhang K. Z. K., Cheung C. M. K., Lee M. K. O., Chen H. (2008) Understanding the Blog Service Switching in Hong Kong: An Empirical Investigation. *Proceedings of the 41st Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. P. 1—9. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2008.478>.
51. Zipf G. K. (1949) *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. Cambridge: Addison-Wesley Press.

